

**Первая мировая война и проблемы российского общества
Посвящается 100-летию юбилею**

Материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г.

Санкт-Петербург
2014

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛЯРНАЯ АКАДЕМИЯ

Первая мировая война и проблемы российского общества

Материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г.

Санкт-Петербург
2014

УДК 9С+117.23

ББК 63.3 (2)+87+63.3 (2)

Редакционная коллегия:

ст. преп. Веселова М. Н.
проф. Желобов А.П.
доц. Михайлов А. А.
проф. Скаридов А. С. (ответственный редактор)
доц. Спиридонова В.А.
проф. Судариков А.М.
доц. Чевтаев А. А.

Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г. – СПб: Изд-во ГПА, 2014.

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «Первая мировая война и проблемы российского общества», посвященной 100-летию Первой мировой войны. В конференции приняли участие ученые, преподаватели вузов, специалисты-практики, представители общественных организаций и учреждений культуры науки и образования Санкт-Петербурга, Москвы и других регионов Российской Федерации, а также зарубежных государств.

Многоаспектность представленных докладов и статей адресована широкому кругу: преподавателям высших и средних учебных заведений, научным работникам, а также аспирантам и студентам.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Конференция проводится при финансовой поддержке банка «Адмиралтейский», филиал в г. Санкт-Петербурге. Управляющий филиалом: В. И. Алешкевич

На обложке: фрагмент картины Николай II фото на память – Павел Викторович Рыженко. 2007

© Государственная полярная академия, 2014.

Содержание

Доклады

Фортуатов В. В.

Дискуссионные проблемы истории Первой мировой войны

Кефели И. Ф.

Геополитический статус России начала XX века и современность

Михайлов А. А.

Деятельность Псковского отделения Российского Красного креста по оказанию помощи раненым в годы Первой мировой войны

Глотов М. Б.

Институционализация русской социологии в годы Первой Мировой войны

Минина М. В., Митько А. В., Митько В. Б.

Развитие Военно-морского флота России в Первой мировой войне

Судариков А. М.

Развитие производства тротила на заводах Санкт-Петербурга накануне и в годы Первой мировой войны

Социально-философские аспекты Первой мировой войны

Андреева А. В.

Эпоха Первой мировой войны в научно-исследовательской деятельности студентов медицинского вуза

Гусева А. Ю.

О социально-философских идеях романов А. А. Богданова

Дианова Е. В.

Культурно-просветительная работа кооперации в годы Первой мировой войны

Желобов А. П.

Издержки «почвенничества»: германский и русский этос в войне 1914 года глазами неославянинов

Корнилов С. В.

Первая мировая война и обоснование патриотизма в русской философии

Кузнецова О. Н.

Общественные инициативы в условиях Первой мировой войны и дороговизны

Москвитина О. А.

Русские психологи во время Первой мировой войны

Резвицкий И. И.

Мировая война и поиски идеи свободы в философии Н. Бердяева

Романов К. В.

Этико-социологическая школа в истории общественной мысли России начала XX века

Семёнова Л. Н.

Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей

Терентьева А. Н.

Война и школа в 1914 году (по материалам педагогической периодики)

Актуальные вопросы исторического развития России в начале XX века

Бочков Е. А.

Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Виноградов П. В.

Развитие порта Владивосток в годы Первой мировой войны

Волошинова И. В., Гончар-Быш Н. Н., Фролов П. М.

Программа колонизации Севера Европейской России в годы Первой мировой войны

Голубев А. А.

Развитие транспортной инфраструктуры Северо-Западного региона в период Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.)

Давыдов Р. А.

Захват немецких судов на Русском Севере в 1914 г., их затопление, подъем и дальнейшая эксплуатация

Златина М. А.

Еврейские беженцы в Тамбовской губернии: проблемы выстраивания взаимоотношений с местной администрацией, общественными организациями и местным населением (лето 1915 года)

Ковылин Д. А.

Оружейное производство и помощь фронту казачьих кооперативов Урала и Сибири в годы Первой мировой войны

Кондорский Б. М.

Революционный период в России и предпосылки Первой мировой войны

Кононенко С. В.

Исторические аспекты развития парашютизма в России (1910-1940гг.)

Куренышев А. А.

Московское общество сельского хозяйства о проблемах развития аграрного сектора России в годы Великой войны. (1914-1917 гг.)

Левин В.И.

Законодательная и исполнительная власти в годы Первой мировой войны

Ледовских Е. А.

К вопросу о служении Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны

Лейберов А. И.

Первая мировая война и студенты Петрограда

Литвиненко С. В., Судариков А. М.

Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук

Морозова В. В.

Полифонические иллюзии российского прогресса: Великая война

Портнягина Н. А.

Политический террор на окраинах империи в оценке местной власти в период революция 1905 – 1907 гг. (на материалах Лифляндской губернии)

Рашитова О. А.

Благотворительная деятельность Русской Православной церкви в начале Первой мировой войны (По страницам периодического издания «Известия по Петроградской епархии»)

Рудник С. Н.

«Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль – август 1914 г.)

Ружников А. В.

Вопросы организации работы Архангельского порта в годы 1 мировой войны

Садовска Б.

Первая мировая война в дневнике великого князя Константина Константиновича (1858-1915гг.)

Смирнова Н. В.

Нижний Новгород в Первой мировой войне

Степанова К. А., Лу Юе

Успехи и провалы российской разведки накануне и в годы Первой мировой войны

Федоренко Н. В.

Политические убийства и убийственная политика

Хайруллин К.Ш., Махоткина Е.Л.

Создание военного метеорологического управления в ГФО в первую мировую войну

Хлезов А. А.

Точка «невозврата» или дипломатический курьёз? Бьёркский договор в современной историографии

Чирцова М. Г.

100 лет с начала организации добычи йода на Европейском Севере России

Чурин Г. Ю.

Экологическая проблематика в сфере природопользования Российской империи в конце XIX – начале XX веков

Шайдунов В. Н., Колясов О. А., Федорова К. А.

Еврейские общины южнорусских городов в начальный период Первой мировой войны (по материалам периодической печати)

Проблемы военной истории России

Алексеев Т. В.

Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны

Алексеева С. И.

Военные заказы Ремесленного училища цесаревича Николая

Борисевич С. П.

Дипломатическое обеспечение галлиполийской десантной операции союзников (1915 г.)

Булиан С.

Русский экспедиционный корпус во Франции в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.)

Захарова Т. В.

Мобилизация на Первую мировую войну в Якутской области: итоги 1914-го года

Захарова М. А.

Помощь раненым воинам в лазарете РУЦН в годы Первой мировой войны

Кирсанов С. А., Коцюба И. А.

Николай II в роли Верховного главнокомандующего русской армии

Красникова О. А.

Полярная комиссия Академии наук и определение границ и номенклатуры северных морей

Кузинец И. М.

Общественные инициативы в условиях Первой мировой войны и дороговизны

Лосик А. В., Щерба А. Н.

Военно-технический прогресс России в годы Первой мировой войны

Мальшев Л. А.

Морская лейб-гвардия в Первой мировой войне

Никифоров А. Л.

Первая Мировая война в судьбе русской императорской гвардии

Радушинская А. И., Радушинский Д. А.

Исторические параллели борьбы России за Украину в ходе Первой мировой войны и сегодня

Федулов С. В.

Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Италии в области морских вооружений накануне Первой мировой войны

Федулов С. В., Лосик А. В.

Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Великобритании в годы Первой мировой войны

Шугалей И. В., Илюшин М. А., Судариков А. М.

Развитие химического оружия от создания к применению время Первой мировой войны

Эпоха Первой мировой войны в литературе и публицистике

Антонова К. Н., Дэвидсон Т.

Поколение, потерянное для общества, но не для человечества

Бисько И. А.

Отражение событий Первой мировой войны в литературных произведениях современников

Лебедев С. В.

Буденовка и Палехская миниатюра – маленькие культурные последствия Великой войны

Спиридонова В. А.

Образы войны: Первая мировая война в поэзии Серебряного века

Чевтаев А. А.

Героика в военной поэзии Н. Гумилева 1914 года

Шевченко Н. В.

История происхождения марша «Прощание славянки» и его значение в Первой мировой войне

Дискуссионные проблемы истории Первой мировой войны

В связи со столетием с момента начала Первой мировой войны имеет смысл акцентировать внимание на тех вопросах, которые на протяжении прошедших ста лет обсуждались как в России, так и за её пределами с разных позиций.

Характер войны. Идеологические элиты стран, вступивших в войну, убеждали солдат и гражданских лиц в том, что война возникла в силу случайных обстоятельств, в результате коварных происков страны-противника и носит оборонительный характер, ведется в порядке ответа на неспровоцированную агрессию. Эта агитационно-пропагандистская работа была достаточно успешной с учетом особенностей политической культуры населения и умелого использования национальных предрассудков относительно «лягушатников» (французов), «макаронников» (итальянцев), «проклятых бошей» (немцев), «варваров» (русских) и т.д.

На самом деле Первая мировая война явилась классическим примером продолжения прежней политики иными средствами, стала закономерным результатом ожесточенного политического, дипломатического и военного противоборства ведущих мировых держав за влияние в Европе и мире, за колонии, за источники сырья и рынки сбыта продукции, приложения капиталов. Мировой характер эта война приобрела в силу мирового масштаба противоречий между странами. Глобальная война явилась способом решения глобальных проблем [7].

Исторически наиболее точную характеристику начавшейся войны как империалистической, захватнической, несправедливой с обеих сторон в работе «Война и российская социал-демократия» дал с марксистских позиций лидер российских революционеров В.И. Ленин [6].

Вряд ли нужно доказывать, что понятие «империализм», впервые введенное в общественный лексикон английским фабианцем Джоном Аткинсоном Гобсоном (1858-1940), и через сто с лишним лет заслуживает достойного места в понятийном инструментарии обществоведов.

Наряду с историко-политической оценкой характера Первой мировой войны заслуживают внимания её особенности как войны нового типа. Эта война стала позиционной, окопной, инновационной (применение новых видов оружия), затяжной, войной ресурсов, войной на истощение, то есть самоубийственной, трагической, фатальной для многих народов.

Главный виновник. *Vae victis!* Главным ответственным за прошедшую войну («Горе побежденным!») был назначен германский император (кайзер) Вильгельм II. Свою долю вины за гибель миллионов подданных этот персонаж вполне осознал, скрываясь в Голландии от международного трибунала. Германское правительство было бесспорным лидером в гонке вооружений и приложило все

усилия к тому, чтобы война началась в тот момент, когда Германия казалась подготовленной к ней наилучшим образом. Уверенность в себе и в успехе начавшейся военной кампании кайзера выразилась в его знаменитой фразе: «Обед у нас будет в Париже, а ужинать будем в Петербурге». Руководителям немецкого народа казалось, что в «плане Шлиффена» всё продумано, спланировано и предусмотрено. Оставалось осуществить новый блицкриг, дополнить список побед над Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1871).

Поскольку новые вожди немецкого народа выступили в качестве застрельщиков и Второй мировой войны, то при вполне понятном желании «поставить точку» назначением Германии в качестве крайнего можно было бы и ограничиться. Если бы не было другой латинской поговорки: *Is fecit cui prodest* - «сделал тот, кому выгодно».

Кто же оказался главным радующимся в двух мировых войнах? В результате Первой мировой войны США из мирового должника превратились в мирового кредитора, а в результате Второй мировой войны стали доминировать на большей части территории земного шара. Но, может быть, в том, что касается Первой мировой войны, американцам просто повезло?

При анализе причин Первой мировой войны и вопроса об ответственности за её развязывание не обойтись без цивилизационного подхода, без рассмотрения обеих мировых войн как столкновения цивилизаций. Вопреки расхожим представлениям о существовании западного и восточного цивилизационных типов стоит обратить внимание на то, что пресловутая «западная цивилизация» или «Запад» к началу XX века не представляли собой единого монолитного целого. Англичане многими чертами отличались не только от русских, но и от немцев, французов и т.д. Англичанам было что терять. Им очень хотелось сравнить Россию и Францию, с одной стороны, с Германией и Австро-Венгрией, с другой стороны. «У Англии нет постоянных друзей и постоянных врагов. У Англии есть только постоянные интересы», - именно этим принципом руководствовалась и руководствуется английская политическая элита, действующая достаточно дружно и последовательно.

Англосаксам и американцам было выгодно сравнить на европейском континенте народы, относившиеся к романской, германской, славянской цивилизациям. Большая игра английской дипломатии в последней трети XIX – начале XX веков закончилась блестящим результатом. Миллионы немцев, австрийцев, венгров, чехов, французов, итальянцев, русских, украинцев, белорусов, поляков и т.д. сцепились в смертельной схватке. А 250 тыс. английских солдат за Ламаншем надеялись на то, что им вообще воевать не придется. До США шум европейской войны не доходил вообще.

Немаловажную роль сыграл «человеческий фактор». Во главе европейских континентальных держав, особенно во главе Германской, Австро-Венгерской и Российской империи стояли люди не самого высокого интеллектуального уровня. Столкнуть их лбами английским виртуозам дипломатии не составило большого труда [3].

Цели России. У каждой страны – участницы мировой бойни были свои корыстные интересы, прежде всего территориальные, которые предполагалось решить за счет ближних соседей и дальних конкурентов. Сербский национал-империализм был ничем не лучше австрийского или французского. Изображать Россию в роли «белой овечки», на которую напал страшный «серый волк», и пытаться «германскую/империалистическую» войну переокрасить в «отечественную» представляется делом бесперспективным.

Если возвращение Галиции, которая в X-XIII веках несколько раз оказывалась в составе Древней Руси, можно было как-то исторически оправдывать, то претензии на Восточную Пруссию и Константинополь с проливами носили откровенно империалистический характер. О бессмысленности и бесперспективности для России борьбы за указанные территории говорил ещё П.Н. Дурново в своей знаменитой «Записке». Захват Константинополя и установление контроля над судоходством по проливам Босфор и Дарданеллы из «хрустальной мечты» части российских политиков в годы Первой мировой войны превратились в опасную *idea fix*. Попытки некоторых современных авторов и политиков представить дело таким образом, что Константинополь к концу 1916 года был «у нас в кармане», обещан нам союзниками, выглядят смешно, если посмотреть правде в глаза [2]

На «большую воду», на океанские просторы можно было выйти ещё в последней трети XIX века, когда Олонецкое земство безуспешно стучалось во все петербургские двери с предложением построить железную дорогу к незамерзающим портам на Баренцевом море. Мурманскую железную дорогу (Великий Северный путь) всё равно пришлось срочно строить в условиях начавшейся большой войны.

Министр иностранных дел России в 1910-1916 годах С.Д. Сазонов представлял дело следующим образом. Российское руководство, по его мнению, никаких экспансионистских планов в отношении Константинополя не имело. Но, поскольку война уже началась, нельзя было не воспользоваться ситуацией, не добиться у союзников признания прав России на этот важный кусок «шкуры неубитого медведя». Неглупый вроде человек подробно рассказал, как Россия сама угодила в «константинопольский капкан». [9]

Впоследствии СССР в декабре 1979 года угодил в «афганский капкан», умело расставленный американскими политиками.

Война 1812 года и война 1941-1945 годов Отечественными названы не случайно: они велись за освобождение коренных русских земель. Наполеон даже побывал в Москве. Сражения Первой мировой войны для России развертывались в западных губерниях и на чужой территории. Относительно целей войны у правящих кругов и истекавшего кровью народа были разные представления.

«Русский коток». Только очень большие идеалисты могут доказывать, что главной целью Англии и Франции при вовлечении России в Антанту было подарить ей Восточную Пруссию, Галицию и Константинополь. В действительности союзников интересовало только русское «пушечное мясо» или «русский коток». России пришлось жизнями миллионов солдат расплачиваться за

взятые кредиты, брать новые кредиты, чтобы снаряжать и посылать на смерть новые сотни тысяч солдат.

Возникает вопрос: разве Россия одна была должна Франции и другим странам? Так, США к концу 1913 года были должны зарубежным кредиторам 5 миллиардов долларов, но «американский каток» в Европе появился только в апреле 1917 года. К этому времени американцы значительную часть своих долгов у Франции и Англии выкупили. Может быть, следовало уклониться от союза? [4]. Но для этого во главе страны должны были стоять люди другого интеллектуального уровня.

Российское политическое руководство уже после провальной русско-японской войны 1904-1905 годов и Первой русской революции 1905-1907 годов помогло английскому политическому руководству довершить конструирование Антанты как антигерманского блока (1907). К 19 июля (1 августа) 1914 года в России не была завершена военная реформа, не было представления о характере предстоящей войны. Предполагалось, что к большому столкновению Россия сможет подготовиться лишь к 1917 году.

Тем не менее, во второй половине 1914 года и на протяжении 1915 года главная тяжесть войны легла на Россию. В 1916 году «русский каток» в ходе «брусиловского прорыва» по существу раздавил австро-венгерскую армию. Но, как минимум, бездарность верховного командования во главе с царем не позволила добиться общего перелома и закончить войну победой [1].

Но Константинополь мало интересовал русских мужиков, одетых в солдатские шинели. Их интересовала земля, которую они ушли делить, бросив опостылевшие окопы. «Русский паровой каток» сломался.

Герои и антигерои Первой мировой. Быстрое проведение мобилизации русской армии в самом начале войны сорвало осуществление «плана Шлиффена». Труд российских железнодорожников на протяжении 1914-1916 годов, начиная с проведения мобилизации, представлял собой настоящий коллективный патриотический подвиг мощного профессионального сообщества. Сеть железных дорог постоянно увеличивалась.

Многое было сделано работниками оборонных предприятий, учеными, инженерами, конструкторами [8]. В создании ружейных гранат участвовали полковник М.М. Зеленский, штабс-капитан Мгебров, изобретатели Карнаухов, Сегаль и Павловский [5].

Русская армия при худшем снабжении превосходила австро-венгерскую и стойко противостояла германской армии, которая в военно-техническом оснащении была самой сильной. Главный результат участия России в войне заключается в том, что именно наши армии в 1914 – начале 1917 гг. сковывали основные силы турок, австрийцев, а также значительные массы германцев и болгар: всего более 40% всех вражеских сил. За годы войны Россия взяла в плен около 2,2 млн. вражеских солдат (до 60% от общего числа пленных, взятыми странами Антанты).

Россияне в своем большинстве, особенно женщины-солдатки в деревнях, стойко и терпеливо переносили тяготы военного времени.

Общественности (Всероссийский союз земств и городов) удалось компенсировать многие просчеты и недоработки военного ведомства, особенно в деле снабжения и санитарного обслуживания действующей армии.

В то же время в российском обществе оказалось немало тех, кто старался нажиться на войне, воспользоваться ситуацией. Чиновники, снабженцы, работники тыловых учреждений, перекупщики, торгаши чувствовали себя «как рыба в воде». Про таких в народе говорили: для кого война, а для кого мать родна! Даже в подцензурной печати того времени можно найти немало материалов о паразитах, наживавшихся на народном горе. Падение авторитета царской власти во многом было связано с «распутинщиной».

Особая война. Имелась ли в России в годы Первой мировой войны «пятая колонна», как стали называть агентуру противника на своей территории во времена Гражданской войны в Испании (1936-1939)?

Во-первых, ни в Восточной Пруссии, ни в Галиции местное население не встречало русские войска с цветами как освободителей. Напротив, в лице местных жителей военное командование Германии и Австро-Венгрии имело разветвленную сеть осведомителей, с которой русская контрразведка не справлялась.

Во-вторых, заметная часть командного состава русской армии состояла из немцев по происхождению или из германофилов. В начале Великой Отечественной И.В. Сталин ликвидировал Республику Немцев Поволжья и очистил армию от лиц с немецкими фамилиями.

В-третьих, германская и австрийская разведки успешно работали в непосредственном окружении военного министра В.А. Сухомлинова, имели доступ ко многим информированным особам.

В-четвертых, большинство современных авторов предлагает в качестве аксиомы принять тезис о непричастности императрицы Александры Фёдоровны к шпионским делам. Однако, можно ли считать нормальным явлением переписку с *немецкими* родственниками, которую *русская* царица не прекращала в период войны между немцами и русскими? При этом родной брат Александры Фёдоровны был одним из видных руководителей немецкой военной разведки.

Причины Февральской революции. Не первый год в виновниках Февральской революции ходят российские либералы, ангажированные заинтересованными западными силами. После московского «болотного дела» (2012) и украинского «майдана» (2014) «шпионское дело Ленина» (1917) оказалось в тени общественного внимания.

В этом контексте стоит ещё раз повторить, что не П.Н. Миллюков или В.И. Ленин подписывали секретные соглашения с Францией и Англией, объявляли войну Германии и бездарно руководили армией и страной. Переформатирование внешней политики России на антигерманский лад осуществил Александр III, сын которого Николай II считал своим долгом продолжать политику отца. На реформы последний русский царь пошёл только в 1905 году вынужденно, под давлением обстановки Всероссийской октябрьской политической стачки. Отличительными чертами императора были клиническое упрямство в сочетании с

отсутствием политической интуиции, дальновидности и способности к анализу, которые ему заменяли мистицизм и позиция жены.

Не стоит сбрасывать со счетов и суровую зиму 1916-1917 гг., которая, несмотря на огромные усилия железнодорожников, сделала ситуацию со снабжением хлебом столицы критической.

Итоги Первой мировой. Для России участие в войне, как и предсказывали П.Н. Дурново, С.Ю. Витте, П.И. Столыпин и другие, закончилась революцией, пресечением династии Романовых, тяжелыми людскими, материальными и территориальными потерями. При этом не все считают должным вспомнить о том, что Брестский мир (март 1918 г.) был большевиками аннулирован уже в ноябре 1918 года, а 30 декабря 1922 года на мировой политической арене появился Союз Советских Социалистических Республик. Многие считают СССР наименованием возродившейся российской империи, красной монархии.

Версальско-Вашингтонская система (1919-1922) была разрушена с приходом к власти А. Гитлера (1933). Вторая мировая война стала очередной попыткой устранить глобальные противоречия между ведущими странами и уничтожить социалистический эксперимент в СССР. США при поддержке Англии (англосаксонская цивилизация) удалось утвердить свою мировую гегемонию. Два главных соперника – Германия и Япония – были превращены в управляемые государства, успехи которых обусловлены трудолюбием народов и отсутствием больших военных расходов, так как оккупированным территориям собственные армии не нужны. СССР и советский блок потерпели поражение в третьей мировой войне, которую принято называть «холодной».

Через сто лет после начала Первой мировой войны есть все признаки начавшейся четвертой мировой войны, в которой объединенная Соединенными Штатами западная цивилизация (НАТО, ЕС, ВТО и др.) ставит своей задачей недопущение развития цивилизаций конкурентов – российской, китайской, индийской и других. А Первая мировая перестанет считаться забытой, мало изученной, особенно после выхода современного фундаментального издания: Россия в Первой мировой войне. 1914-1918: Энциклопедия: В 3 тт. / отв. Редактор А.К. Сорокин.- М.: Политическая энциклопедия, 2014. Впрочем, дискуссии вряд ли когда-нибудь прекратятся, так каждое новое поколение претендует на собственное, самое правильное видение исторических событий.

Литература

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания.- М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.- С.184-190
2. Бубнов А.Д. В царской ставке / А.Д. Бубнов.- М.: Вече, 2008.- С.171-172.
3. Данилов О.Ю. Пролог «великой войны» 1904-1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт.- М.: Панорама, 2010
4. Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907-1914: Тенденции. Люди. События.- М.: Наука, 2000
5. Куминов И.Я. Характерные особенности применения оружия и боевой техники в ходе Первой мировой войны//Последняя война Российской империи.- М.: Наука, 2006.- С.268-270

6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26.- С. 13-23. Текст обнародован как Манифест ЦК РСДРП 1 ноября 1914 г. в газете «Социал-демократ»
7. Первая мировая война. Пролог XX века. Отв. ред. В.Л.Мальков. М.: Наука, 1998
8. Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века.- М.: «Индрик», 2008
9. Сазонов С.Д. Воспоминания /С.Д. Сазонов.- Мн.: Харвест, 2002

Кефели И. Ф.

Геополитический статус России начала XX века и современность

В феврале 1913 г. известный русский публицист, организатор и идеолог «Всероссийского национального союза» М. О. Меньшиков писал в связи с празднованием 300-летия дома Романовых следующее: «За истекшие триста лет Россия многого достигла, но далеко не *всего*. Общее впечатление такое, что и теперь, как триста лет назад, мы находимся на переломе истории, на пороге громадных, еще не осуществленных возможностей, которые могут или низвести Россию в пучину бедствий, или, наоборот, придать ей новое, несравнимое с прошлым величие... Со стороны и внешнего, и внутреннего благополучия нынешняя Россия (правда, в более огромном масштабе) напоминает Московскую Русь, вышедшую из великой Смуты. Внешний враг отражен, крамола подавлена, но все еще чувствуется напряженное давление и внутреннего революционного духа, и внешней жадности... Мы присутствуем при новых титанических вооружениях ближайших соседей, не скрывающих, что эти вооружения направлены чуть ли не главным образом против нас... Я не думаю, чтобы нам, при всем миролюбии народа русского, удалось избежать войны с Австрией и с Китаем. Как первым царям Романовым нужно было от Польши возвратить «отторженную» Белую и Малую Россию, так и нашему потомству предстоит вернуть от Австрии до сих пор плененную вотчину святого Владимира – Червонную Русь (в исторических документах 15-18 веков так называлось Русское воеводство, впоследствии Галиция. – *авт.*). Можно не спешить с великими историческими задачами, но забывать их вовсе не следует. Нынешним ли летом грянет война с Австрией, или в 1915 году, или в 1925-м, мы должны готовиться к великому поединку с вполне определенной задачей – остаться победителями» [1].

Предчувствие неизбежной войны между великими державами стало повсеместным – будь то в России, Англии, Франции или Германии. Примечательно по этому поводу высказывание германского императора Вильгельма II по этому поводу. Его привел в своих воспоминаниях председатель Совета министров В. Н. Коковцов, который в ответ на его заверения, что России сейчас нужен мир как никакой другой великой державе, услышал следующее: «Я должен только сказать вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма, и не могу не предвратить вас об этом <...> Если война неизбежна, то я считаю безразличным, кто начнет ее» [2]. Эту неизбежность всеми силами пытались предотвратить в России. В связи с этим следует рассмотреть и сопоставить два варианта геополитического анализа

предвоенной ситуации и состояния армии и флота, представленных в канун войны, в корне различающихся относительно возможных союзников России в предстоящей войне (таковые союзы в виде военных альянсов существовали, но геополитические закономерности не подчиняются каким-либо союзным договоренностям, а реализуют глубинные интересы государств на мировой арене). Речь далее пойдет о «Памятной записке по поводу закона о флоте и судостроительной программы» А. А. Ливена и «Записке» П. Н. Дурново.

1. Классика геополитического анализа предвоенной ситуации. А. Ливен и П. Н. Дурново

3 февраля 1912 г. Министру иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонову поступила «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы» от начальника Морского Генерального штаба контр-адмирала светлейшего князя А. А. Ливена (вскоре, 25 марта 1912 г., он был произведен в чин вице-адмирала и утвержден в должности начальника Морского Генерального штаба).

Этот документ, который сравнительно недавно стал доступен широкому читателю, представляет собой один из ярких примеров военно-политических прогнозов рассматриваемого периода истории России, составленных, как отмечает О. В. Павленко, в духе популярных тогда «маринистских концепций» согласно которым общеевропейская война может успешно вестись только при наличии сильного флота [3].

Ливен исходит из признания того, что мировую политику того времени определяют только четыре государства – Германия, Англия, Франция и Россия, но англо-германские взаимоотношения занимают в ней ведущее положение. Именно конкуренция между Германией и Великобританией приближает мир к большому конфликту «Тройственного союза против Тройственного Соглашения». В этом случае Россия не сможет избежать военного столкновения с Германией [4]. Какие же аргументы приводит автор записки?

Во-первых, считает, А. А. Ливен, Германия является основным противником России. От нее исходит самая большая угроза российским жизненным интересам. В случае «немецкого господства над Балтийским морем, граница Германии начнется у Кронштадта и пройдет по всей нашей береговой черте. Двигаясь на Петербург, неприятельская армия проследует вдоль собственной базы и, кроме того, будет иметь возможность высадиться в непосредственной близости к столице, укрепиться и уже оттуда начать операцию против войск, прикрывающих таковую. И тут-то повторится обстановка японской войны» [5]. Более того, как только Германия «политически достигнет гегемонии в Европе и окружит нас сплошным кольцом своего могущества от Норд-Капа до Малой Азии, Россия потеряет политическую самостоятельность <...> Уже теперь Швеция, Австрия и отчасти Турция находятся под немецким влиянием, Дания беспомощна перед своим великим соседом. Легко предвидеть, как Германская империя, оттеснив Францию и Англию к западу и сделавшись хозяином Немецкого моря и Английского канала, станет бесспорным вершителем судеб всех вышеупомянутых второстепенных государств. Тогда России, отделенной от

остального мира сплошной полосой Германской империи, останется лишь смотреть на весь белый свет сквозь немецкие очки, и от доброй воли Германского императора будет зависеть решение, оставит ли он нам существовать в нынешнем виде или оттеснит нас от берегов Балтийского и Черного морей в глубину нашей равнины, где для нас наступит новый многовековой период одичания» [6]. В этих словах четко просматривается геополитический подход военного моряка, воспитанного на традиции всегда добиваться выхода к открытому морю.

Во-вторых, России следует укреплять стратегический союз с Англией. Это сближение «следует всячески поддерживать», чтобы «не потерять Прибалтийский край с Петербургом». В доказательство Ливен приводит сценарий будущей войны. Начиная войну против Англии, Германия сначала займет Голландию и Бельгию. Англия и Франция будут вынуждены ответить. Тогда последует прямое столкновение англичан и немцев в Ла-Манше. Далее война распространится на все морское пространство. Предстоящее кровопролитие будет длительным и изматывающим. Победит тот, кто будет иметь глубокий тыл и значительные внутренние ресурсы. Будущая война будет вестись на два фронта. Россия, связанная союзным договором с Францией, будет обязана выступить на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. Но необходимо учитывать, что на западном фронте Англия и Франция будут воевать вместе, а на восточном фронте Россия останется один на один с Германией и Австро-Венгрией. В стратегическом же отношении военный союз с Англией имел для русских неизмеримо большее значение, нежели с Францией. Ливен делал вывод, что России следует «поддерживать Англию в этой борьбе, но, не имея флота, мы ничего предпринять не можем, а только рискуем потерять Прибалтийский край с Петербургом, так как защищать побережье сухопутными силами физически невозможно» [7].

В-третьих, России следует всеми способами избегать возможных военно-политических осложнений, потому что к будущей войне страна не готова. По расчетам адмирала, России потребовались бы 10-20 лет на реализацию полноценной программы строительства современного флота.

В-четвертых, в «Памятной записке» подчеркивалась особая значимость черноморских проливов для российских геополитических интересов, которые были связаны с ситуацией на Балканах, стратегическими интересами в Средиземноморье, и экономическими выгодами от черноморской внешней торговли. Ливен считал, что для России важно «присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при неременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота». Но такое решение вопроса «вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России» [8]. При современном состоянии русского флота бесполезно даже пытаться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и малоазиатском берегах.

Год спустя, в феврале 1914 г., бывший министр внутренних дел, член Государственного совета и Статс-секретарь П. Н. Дурново представил Николаю II

записку (первая ее публикация была осуществлена в журнале «Красная новь» в 1922 г. под названием «Записка Дурново»). В ней он высказал опасность втягивания России в большую европейскую войну, отстаивая тезис о взаимосвязи внешней политики с историческими традициями и указывая на то, что на протяжении XIX в. все внешнеполитические успехи России были связаны с балансированием между основными европейскими центрами силы. Русско-английские противоречия в Азии делали Россию негласным союзником Германии, соперничавшей с Англией, а династические отношения Берлина и Петербурга сдерживали интересы Австро-Венгрии на Балканах. Дурново не видел каких-либо реальных выгод от сближения с Англией, в т. ч. решение в пользу России ее вековых притязаний на контроль над черноморскими проливами.

Особое место в записке Дурново было уделено русско-германским отношениям. Он отмечал, в частности, что интересы России и Англии неоднократно сталкивались на «Крыше мира» (Памир), в Кашгарии, Джунгарии, Монголии, на Дальнем Востоке. В то же время между Россией и Германией нет принципиальных территориальных споров. Наиболее пророческими оказались предсказания Дурново в отношении судьбы Российской империи в случае военных неудач, от которых никто не застрахован. Он нарисовал сценарий возможного развития событий. Неудачи в войне будут приписаны правительству. В Государственной думе и Государственном совете начнется яростная кампания против министров. Это вызовет в обществе революционные выступления, а «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое», поскольку только социалистические лозунги «могут поднять и сгруппировать широкие слои населения». Последние потребуют черного передела и «общего раздела всех ценностей и имущества». Армия, лишившаяся в годы войны своего кадрового состава и охваченная общим крестьянским стремлением к земле, окажется деморализованной и не сможет стать оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать ими же поднятые народные массы. «Россия, – делает вывод Дурново, – будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [9]. Какие же аргументы в пользу сохранения всестороннего сотрудничества России и Германии, с одной стороны, и отказа от сближения с Англией приводит Дурново? Рассмотрим их подробнее.

Записка, которую Петр Николаевич Дурново подготовил и направил Николаю II, включает 11 разделов, в каждом из которых анализировались геополитические интересы и положение России на евразийском континенте (от черноморских проливов до Дальнего Востока), участие России в различных союзах и соглашениях европейских государств, силы, втягивающие Россию в европейскую войну. По сути дела, этот документ, как и документ, составленный А. А. Ливеном, следует признать образцом всестороннего геополитического анализа сложившейся ситуации и прогноза событий с учетом национальных интересов акторов европейской политики тех лет и задач контроля региональных пространств. Разумеется, автор записки не употреблял в тексте сам термин

«геополитика», однако сама по себе методология геополитического анализа была представлена в ней в латентном виде в полной мере. Кстати, и сам основатель британской геополитики Х. Макиндер в трех своих классических работах 1904-1943 годов спокойно обходился без данного термина.

«Записка» начинается со слов «центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии» ввиду несовместимости интересов этих двух государств, и одновременного великодержавного их существования, что «неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны». Объяснение тому простое: «с одной стороны, островное государство, мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленных колониях. С другой стороны – мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения». Более того, вооруженное столкновение не сведется к единоборству Англии и Германии и «будущая англо-германская война превратится в вооруженное между двумя группами держав столкновение, придерживающимися одна германской, другая английской ориентации». И далее Петр Николаевич подробно анализирует ситуацию, сложившуюся на мировой арене после окончания русско-японской войны 1905-1906 гг., дающей основание автору утверждать об отсутствии каких-либо выгод для России в результате ее сближения с Англией.

Во-первых, наметившееся после заключения Портсмутского договора русско-английское сближение вряд ли было вызвано улучшением отношений России с Японией. «Все задачи России на Дальнем Востоке, правильно поняты, – как отмечал Дурново, – вполне совместимы с интересами Японии», поскольку уровень освоения Россией Дальнего Востока в промышленном и транспортном отношении был крайне низок. Россия не готова была еще экспортировать там какую-либо свою продукцию морским путем. Нет там и рынков для экспорта «наших произведений», отмечал автор. Более того, Япония не претендует на наши дальневосточные владения, суровые условия которых ее не прельщают. Она стремится направить свои интересы, скорее, в сторону Филиппинских островов, Индокитая, Явы, Суматры и Борнео и к возможному приобретению, в силу чисто коммерческих соображений, некоторых участков Маньчжурской железной дороги. Следовательно, сближение с Англией, в смысле взаимоотношений с Японией и упрочения нашего положения в Маньчжурии, Монголии и Урянхайском крае, по мнению автора, никакой реальной выгоды нам не принесет.

Во-вторых, влияние России в Иране, преобладавшее в период наибольшей обостренности наших отношений с Англией, значительно ослабло после навязывания персидскому населению совершенно ненужной ему конституции и свержению преданного России монарха Наср-Эдина. В результате, по словам автора «Записки», «мы не только ничего не выиграли, но напротив того, потеряли по всей линии, погубив и наш престиж, и многие миллионы рублей, и даже

драгоценную кровь русских солдат, предательски умерщвленных и, в угоду Англии, даже не отомщенных».

В-третьих, это «Балканский вопрос». Решение его в интересах русско-английского сближения означало образование Балканского союза под покровительством России и отказ Англии от традиционной ее политики закрытия для России Дарданелл, что явилось бы прямой угрозой дальнейшему существованию Турции (под покровительством Германии) как европейского государства.

Итак, англо-русское сближение в предвоенный период ничего полезного для России не принесло, за исключением возможного вооруженного столкновения с Германией. Более того, по мнению Дурново, на европейском театре определились основные группировки надвигающейся войны, независимо от того, что может послужить ближайшим поводом к ней: «Россия, Франция и Англия, с одной стороны, Германия, Австрия и Турция – с другой». Участие государств в этих группировках Дурново определяет достаточно четко: «Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция... вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам». И если тыл со стороны Дальнего Востока достаточно обеспечен, то «несомненен взрыв вражды против нас в Персии, вероятные волнения среди мусульман на Кавказе и в Туркестане, не исключена возможность выступления против нас, в связи с последними, Афганистана, наконец, следует предвидеть весьма неприятные осложнения в Польше и в Финляндии». Автор «Записки» не ограничивается лишь вопросами коалиционного взаимодействия государств на перспективном театре военных действий, но вполне обоснованно обращает внимание Николая II на неудовлетворительное состояние военной промышленности и чрезмерную ее зависимость от иностранной помощи, на нехватку тяжелой артиллерии и неразвитость сети стратегических железных дорог. «В предстоящей войне, – подчеркивает он, – будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений».

Особое внимание Дурново уделяет экономическим интересам противоборствующих сторон и делает замечательный вывод, который следует рассматривать как один из устоев геоэкономики: «ни одной стране невыгодно экономическое ослабление союзника, а напротив выгодно разорение политического противника». По сути дела он предвосхищает полный развал всего нашего народного хозяйства в случае военного поражения. России придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств. да и победа над Германией сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки, а с кредиторами придется рассчитываться нам. Но и это не самое главное. «Как бы печально, однако, ни складывались экономические перспективы,

открывающиеся нам как результат союза с Англией, следовательно и войны с Германией, – они все же, – заявляет автор, – отступают на второй план перед политическими последствиями этого по существу своему противоестественного союза».

И заключает свою «Записку» Дурново вполне ожидаемым геополитическим выводом: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последнею Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии. Такая лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам, политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями».

Не предвосхищают ли эти рассуждения декларированный К. Хаусхофером в 1940 г. план создания большого континентального блока *Берлин – Москва – Токио* с целью вовлечения в сферу влияния Германии государств Центральной и Северной Европы, направленный против Британской империи и США? Эта идея континентального блока («Ostorientierung», ориентация Германии на Восток) определяла Россию как основного союзника Германии и как связующее звено между Европой и Тихоокеанским побережьем. В таком случае Германия получила бы выход к открытому океану и стала бы обладать мощью как континентальной, так и океанической державы. Хаусхофер, ссылаясь на известный пакт Молотова-Риббентропа (который порой интерпретируется далеко неоднозначно), заявил следующее: «Мы... пропагандируем во всем мире идею того, что только прочная связь государств по оси *Германия-Россия-Япония* позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англосаксонского мира. Когда через 4 месяца после начала войны (Второй мировой. – *И. К.*) знаменитый английский журналист выдвинул мне такую претензию, я ответил ему, что, если вас атакуют в согласии с тактикой анаконды, примененной в глобальном масштабе..., то вы имеете полное право всячески противиться этой политике противника, стремящегося отхватить все новые и новые куски влияния. Только идея Евразии, воплощаясь политически в пространстве, даст нам возможность для долговременного расширения нашего жизненного пространства [10].

2. Геополитический статус России накануне Второй Отечественной войны

В Первой мировой войне (Второй Отечественной, как ее называли в те годы) активное участие приняли все пять великих держав – Англия, Франция, Германия, США и Россия, а также такие сильные региональные лидеры как Австро-Венгрия и Япония. Как известно, инициатором войны выступила Германия, главной целью которой было стремление добиться гегемонии в Европе

и захват колоний своих европейских соперников. Главные участники войны преследовали в качестве геополитической цели захват стратегических территорий и формирование обширных зон геополитического влияния в Европе. Россия, вынужденно вступившая в войну в качестве члена Антанты, стремилась укрепить свои позиции на Балканах, а также путём захвата Константинополя и черноморских проливов осуществить свою давнюю мечту – получить выход в Средиземное море. Обращаясь к характеристике геополитического статуса России начала XX века, следует обратиться к характеристике сложившихся на рубеже веков противоречий в международных отношениях, о которых писал в свое время акад. В. М. Хвостов, – между союзами великих держав и, с другой стороны, – внутри них. В то время как союзы держав еще не сложились окончательно, имело место противостояние трех теоретически мыслимых дипломатических комбинаций – англо-франко-русского соглашения, англо-германского блока и франко-русско-германской континентальной лиги [11]. Попытки утверждения жизненности той или иной комбинации и обоснование участия в них России послужили составлению множества аналитических документов представителями дипломатического, военного и военно-морского ведомств, отечественной науки (один из них был рассмотрен выше). Всех их объединяло общее представление о России как великой мировой державе, выполняющей историческую миссию связующего звена между Европой и Азией. Поиски наиболее приемлемой для России геополитической стратегии определились в рассматриваемый период в следующих регионах [12]:

Балканы, здесь столкнулись геополитические интересы России и Австро-Венгрии;

Проливы (Босфор и Дарданеллы), на контроль над которыми претендовали Россия, Англия, Германия и Турция;

Средний Восток (Персия и Афганистан) – претендентами на геополитическое влияние выступали Россия, Англия и Германия;

Дальний Восток (Маньчжурия) – здесь, помимо России, свои геополитические интересы стали проявлять опять же Англия, Германия, Франция, США и Япония.

Африка – этот континент на рубеже веков не представлял непосредственный интерес для России, поэтому ее присутствие на континенте было «завязано», преимущественно, на наблюдении за военными действиями западных держав. В начале 1898 г. в Эфиопию прибыла чрезвычайная дипломатическая миссия во главе с П. М. Власовым, который в «Краткой записке о современной Эфиопии» предлагал укрепить дружеские связи с этим африканским государством, играя на противоречиях европейских держав в дележе колоний на континенте [13]. Правда, интересно в связи с этим привести один весьма показательный документ – письмо Николая II своей сестре: «Мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке (речь шла об англо-бурской войне. – *И. К.*). Средство это это очень простое – отдать приказ по телеграфу всем туркестанским мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут

помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте. Но время для этого еще не пришло: мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией» [14].

Так в начале XX в. сложились геополитические пространства, в которых Россия представляла в той или иной форме свои интересы. Такая многовекторная внешняя политика имела свои плюсы и минусы. Необходимость выбора геополитических союзников и соперников на евразийском континенте сопровождалась поиском зачастую альтернативных геополитических сценариев, выбором приоритетов в принимаемых стратегических решениях, которые, в конечном счете, определялись геополитическим статусом России как великой державы. Период накануне Первой мировой войны характеризовался наличием трех основных групп стран, определивших геополитическую иерархию (см. рис. 1): 1) Британская империя; 2) «претенденты» на мировое лидерство (США, Германия, Россия и Франция, имевшие примерно одинаковые близкие статусы); 3) региональные державы (Австро-Венгрия, Италия, Япония).

Для сравнения на рис. 3 и 4 представлены динамика изменения статуса государств начала и второй половины XX в., которая дают основание утверждать следующее. Геополитические по своей сути подходы А. А. Ливена и П. Н. Дурново получили в свое время признание, несмотря на то, что их позиции различались, поскольку опирались на приоритет военно-морских либо сухопутных сил. Времени же для практической реализации этих позиций не оставалось, что дает основание признать, что сам по себе геополитический подход применим исключительно в исследовательских целях. Принятие решений государственного масштаба должно, очевидно, осуществляться на основе выверенной геополитической доктрины, учитывающей множество факторов не только сугубо политического, но и социально-экономического, демографического, научно-технологического и цивилизационного порядка. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы, относящиеся к рассматриваемому периоду отечественной военной истории.

Во-первых, за период с 1910 по 1913 гг. в высших военных и дипломатических кругах России серьезно усилилось сознание «западной угрозы», исходящей от Германии и Австро-Венгрии. Если еще в 1912 г. Россия готова была к урегулированию международных конфликтов дипломатическими мерами, то уже к началу 1914 г. в высших эшелонах власти стала проявляться политическая воля и готовность к большой европейской войне.

Во-вторых, Россия позже других великих держав приступила к модернизации армии и флота. Военные эксперты отчетливо осознавали всю ее неподготовленность к войне и серьезную опасность для нее быть втянутой в затяжную европейскую войну.

В-третьих, вопрос о проливах имел не только важнейшее экономическое и геополитическое значение. Подобно «Балтийскому вопросу», «проливы» были для всей российской системы своеобразными кодами великодержавности, каналами глобальных коммуникаций между Востоком и Западом.

После окончания Второй мировой войны образовались три основные группы стран: 1) США и СССР – лидеры биполярной системы (СССР впервые в своей истории вышла на второе место в мире, которое было утеряно только с его распадом в 1991 г.); 2) Англия, Франция, Германия и Япония, статусы которых практически сравнялись; 3) Китай стал третьим «центром силы» послевоенного мира. Предпринятые в последнее время исследования в относительно новом направлении геополитических исследований – математической геополитике – позволяют прогнозировать мировую динамику и, в частности, геополитический статус акторов мировой политики в полицентричном мире [15]. На основании этих исследований следует принимать стратегические решения, в рамках обсуждаемой темы, по крайней мере, по двум направлениям: 1) выбор вектора развития России, соответствующего тренду глобальной динамики; 2) участие России в международных коалициях, деятельность которых ориентирована на созидание устойчивого полицентричного мира.

Литература

1. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М. Изд-во журн. «Москва», 1999. С. 367-368
2. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911-1919 / Сост. С. С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 20, 134-166
3. Павленко О. В. Геополитическое проектирование «большой европейской войны» в 1910-1914 гг.: российский ракурс // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Международные отношения. Регионоведение. 2012. № 7 (87)
4. Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Ед. хр. 303/306. Л. 19
5. Там же. Л. 20 об.
6. Там же. Л. 18-18 об.
7. Там же. Л. 21 об.
8. Константинополь и проливы // Красный архив. М. 1924. Т. 6. С. 59
9. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6 (<http://on-island.net/History/Durnovo.htm>)
10. Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин – Москва – Токио (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Haus/kontbl.php. Пер. А. Карагодина)
11. Хвостов В. М. Дипломатия в новое время. 1871-1914 // История дипломатии. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1963
12. См. подр.: Рыбаченок И. С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – XX века // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2007. – 359 с. С. 266-307
13. Россия и Африка: Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. М., 1999. С. 114-116 (Док. №№ 55-58, 63)
14. Красный архив. 1934. Т. 2. С. 125
15. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 226-234; Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Математические начала глобальной геополитики. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 167-169

Деятельность Псковского отделения Российского Красного креста по оказанию помощи раненым в годы Первой мировой войны

Важнейшей задачей государственной власти в каждой из стран участниц Первой мировой войны являлось оказание помощи раненым солдатам и офицерам. Невиданные ранее по масштабам военные действия, применение новейших видов оружия (отравляющие газы, авиация, танки, огнеметы и др.), возросшие мощь и длительность обстрелов, все это приводило к тому, что численность раненных, тяжесть увечий были велики, как никогда ранее, как ни в одну из предшествовавших войн.

Значительную роль в решении возникших в данной области проблем в России сыграло Российское Общество Красного Креста (РОКК), имевшее широкую сеть лечебных заведений и отделения во многих городах огромной Империи. К числу, где активность сотрудников РОКК была особенно высока, безусловно, относился Псков, довольно скоро оказавшийся в прифронтовой зоне.

Начало истории РОКК может быть отнесено к 1867 г., когда император Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах[8]. Согласно этому документу, обществу надлежало «содействовать во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставлять им, по мере средств своих, как врачебное, так и всякого рода воспомоществование»[8].

Руководство обществом осуществляли Главное управление в Санкт-Петербурге и местные управления – «в столичных и всех губернских городах»[8]. В помощь местным управлениям и ради «успешного достижения цели Общества» устав предписывал создавать дамские комитеты[8]. Псковское местное управление общества было учреждено 20 декабря 1870 г., председателем его стал губернатор М.С. Каханов.

В июле 1879 г. Александр II утвердил положение Комитета министров, согласно которому Общество попечения о раненых и больных воинах было переименовано в Российское общество Красного Креста[8]. Местные управления были реорганизованы в комитеты, о которых в документе говорилось следующее: «Местные комитеты направляют свою деятельность к увеличению средств Общества и, сверх того, прилагают свои заботы к развитию еще в мирное время той практической деятельности, которая наиболее способствует цели учреждения Общества, организацией подвижных и временных лазаретов, образованием сестер милосердия и санитарной прислуги, как при собственных лазаретах, так и при госпиталях и больницах разных ведомств; устройством складов и запасов таких предметов, в которых встречается надобность при оказании помощи больным и раненым или потерпевшим вследствие общественных бедствий и проч.»[8].

Расцвет деятельности РОКК в Пскове связан, прежде всего, с его Общиной сестер милосердия, которая была основана в 1893 г. при активной поддержке губернатора К.И. Пашенко. В ноябре 1897 г. при общине была открыта амбулатория («лечебница»). Как с гордостью отмечали авторы справки по истории общины, составленной около 1912 года, «лечебница с первых же дней своего существования приобрела прочные симпатии общества, что доказывало быстрое поднятие числа посещений ее больными»[3].

В январе 1907 г. Псковской общине сестер милосердия РОКК было разрешено именоваться «Алексеевской» - в честь наследника престола, цесаревича Алексея Николаевича[8].

Накануне Первой мировой войны попечительницей общины состояла супруга псковского губернатора Н.Н. Медема, Татьяна Ивановна Медем (урожденная Горемыкина), которую отличали административные таланты, недюжинная энергия и искренняя приверженность благотворительной деятельности. Будучи дочерью видного сановника Ивана Логгиновича Горемыкина (председатель Совета министров в 1906 и 1914-1916 гг.), она обладала обширными связями в «высших кругах» российского общества и активно использовала их в своей филантропической деятельности.

Практически с первых дней войны Алексеевская община РОКК развернула активную работу по подготовке сестер милосердия для действующей армии и их отправке, в составе подвижных лазаретов на фронт. На имя Т.И. Медем в это время поступало множество прошений от женщин, охваченных патриотическим чувством и стремившихся отправиться на фронт или ухаживать за ранеными в Пскове. Среди них были представительницы разных сословий, обеспеченные и обладавшие скромным достатком, образованные и едва грамотные[4]. Часто сестрами милосердия становились родственницы военных, желавшие сопровождать своих мужей, отцов, братьев на фронт[4].

20 августа 1914 г. в Алексеевскую общину поступила из Петрограда телеграмма с предписанием приступить к «формированию подвижного лазарета второй очереди»[5]. Для приобретения всего необходимого Государственный банк выплачивал весьма солидную сумму в 11 тысяч 300 рублей.

По решению попечительного совета, в состав лазарета назначались 6 сестер милосердия: Ольга Ефимовна Матвеева, Ксения Федоровна Буланова, Варвара Ивановна Яковлева, Мария Николаевна Рещикова, Софья Яковлевна и Лидия Яковлевна Юзефович. Интересно отметить, некоторые из этих отважных женщин, отправившихся на фронт, занимали в псковском обществе очень заметное место. Мария Рещикова, например, была дочерью генерал-лейтенанта Н.П. Рещикова, начальника 24-й пехотной дивизии, три полка, из состава которой квартировали накануне войны в Пскове.

Кроме сестер милосердия, в состав лазареты были включены 16 санитаров, отобранных Управлением псковского уездного воинского начальника. Должность старшего врача лазарета занял опытный медик Густав-Людвиг Иванович Рейман, имевший опыт работы на фронте (во время Русско-японской войны).

2 августа 1914 г. в псковском Троицком кафедральном соборе было отслужено «напутственное молебствие» для персонала подвижного лазарета и сестер милосердия, «отъезжающих на театр войны». Местом назначения лазарету был избран Юго-Западный фронт. В начале октября главный уполномоченный РОКК при армиях этого фронта, Э.П. Беннигсен сообщал Главному управлению РОКК, что Псковский и Нижегородский подвижные лазареты во время боев «работали под огнем до последней возможности»[5].

Наряду с формированием подвижного лазарета, Т.И. Медем развернула активную работу по созданию в Пскове стационарного лазарета для раненых и больных фронтовиков. Стоит отметить, что с подобной идеей выступали сестринские общины РОКК и в других городах, причем нередко высказывались предложения использовать для этой цели «запасные средства» общества. Однако Главное управление подобный план действий отклонило, отметив в своем циркуляре от 14 августа 1914 г., что оно «могло бы допустить учреждение отдельных эвакуационных лазаретов лишь при условии изыскания потребных средств полностью на месте путем сбора пожертвований»[1].

Т.И. Медем обеспечить в Псковской губернии «сбор пожертвований» вполне удалось. Со страниц «Псковских губернских ведомостей» она обратилась к псковичам с прочувствованным воззванием, в котором говорилось: «В недалеком будущем во Псков, как и в другие города, будут доставлены первые жертвы войны и раненые воины, наши защитники, охранители чести и достоинства России на поле брани. Необходимо облегчить страдания героев, ускорить их полное выздоровление...». Для решения этой задачи Т.И. Медем предлагала открыть при Алексеевской общине РОКК лазарет. Честно признавая, что расходы будут велики, она выражала уверенность, что жители губернии с ними справятся ибо «что не сделает русское отзывчивое сердце!»[10].

Пожертвования, действительно, стали поступать практически сразу. Крупные взносы сделало псковское земство, значительные суммы присылали губернские учреждения, общественные организации, частные лица. Немалую роль тут, конечно, сыграл авторитет супруги губернатора.

29 августа 1914 г. императрица Мария Федоровна, под чьим покровительством находилось РОКК, поздравила Алексеевскую общину с открытием большого лазарета в помещении ее лечебницы.

Всего, в августе-ноябре 1914 г. в Пскове было открыто 9 лазаретов на 379 кроватей. Лазарет №1 (114 кроватей) в лечебнице общины. Лазарет №2 (45 кроватей) занял дом в центре Пскова (на Сергиевской улице), принадлежавший матери губернатора Софье Ивановне Медем (урожденной Капгер). Остальные лазареты разместились следующим образом: №3 (32 кровати) – в местной мужской гимназии; №4 (20 кроватей) – в частном доме инженера-технолога и фабриканта Г.Ю. Мейера; лазарет №5 (52 кровати) – во вновь выстроенном здании глазной лечебницы Псковского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых; лазарет №6 (36 кроватей) – в помещении бывшего винного склада, лазарет №7 (40 кроватей) – в частном доме А.С. Сафоновой; лазарет №7а (20 кроватей) – при Вознесенском женском монастыре;

лазарет №7б (20 кроватей) – при Иоанно-Предтеченском женском монастыре (оба монастыря – в черте города).

Псковское управление РОКК предложило местным организациям, учреждениям, частным лицам взять на себя оборудование и (или) содержание посильного числа кроватей (сегодня сказали бы: «койко-мест») в лазаретах.

В середине ноября 1914 г. Т.И. Медем опубликовала в местной прессе подробный отчет об учрежденных и взятых на содержание кроватях (иногда создание «кровати» оплачивал один учредитель, а содержал – другой). Как видно из него, очень активно в устройстве лазаретов участвовали земские организации. Лазарет №5 вообще полностью был оборудован и содержался Псковским губернским земством, им же финансировалась большая часть (33 из 36) кроватей в лазарете №6. Учреждали и брали на себя содержание кроватей крестьяне отдельных волостей, служащие учреждений (например, Псковский окружной суд - 5 кроватей в лазарете №1), учебные заведения, национальные диаспоры («евреи города Пскова» оплачивали содержание 3 кроватей в лазарете №3 и 4 кроватей – в лазарете №4), частные лица и проч.

Лазареты Алексеевской общины сестер милосердия РОКК были довольно хорошо оборудованы. При лазарете №1 действовал, даже, рентгеновский кабинет.

Силами РОКК в Пскове была также организована интенсивная подготовка медицинского персонала. 31 июля 1914 г. городские газеты оповестили читающую публику об открытии в Пскове 4-месячных курсов для сестер милосердия при Алексеевской общине РОКК. Заявления разрешалось подавать до 2 августа[13]. 4 августа в помещении реального училища состоялось торжественное открытие курсов[14]. В тот же день санитарный городской врач А.Ф. Маркир прочел слушательницам первую лекцию, на следующий день перед ними выступили известный в Пскове медик Л.М. Касперский и провизор, владелец аптеки И.И. Гитц.

Соответственно установленной продолжительности, курсы проработали до начала ноября, после чего состоялся экзамен, в ходе которого слушательницы продемонстрировали знания по анатомии и физиологии, гигиене, фармакологии, хирургии, частной патологии, терапии и др. Успешно выдержавшим экзамен выдали аттестаты.

24 октября 1914 г. баронесса Т.И. Медем со страниц местных газет объявила, что с 1 ноября открываются пригготовительные курсы запасных сестер милосердия. Желавшие обучаться на них должны были не позже 28 октября подать заявления на имя начальницы частной женской гимназии М.И. Агаповой[11]. Подготовка медицинского персонала, таким образом, велась практически бесперебойно.

Алексеевская община сестер милосердия была не единственной структурой РОКК, развернувшей в Пскове свои лечебные заведения. В сентябре 1914 г. Главное управление приняло решение разместить в городе госпиталь общины сестер милосердия св. Евгении, под который отвели часть помещений женского епархиального училища. В штате госпиталя числилась великая княгиня Мария Павловна. В своих мемуарах она позже вспоминала: «Моему новому госпиталю

было дано предписание отправиться в Псков. <...> Мы должны были расположиться в церковной школе для девочек, заняв только нижний этаж, тогда как школа, потеснившись, продолжала свою работу, стараясь оставаться автономной»[20].

Штат госпиталя общины св. Евгении был укомплектован еще до его выезда в Псков. Здесь работали 4 врача, ординатор, 23 сестры милосердия[6]. Великая княгиня Мария Павловна в своих мемуарах отмечала: «Все наши врачи, за исключением одного, приехали из одной и той же московской больницы. Все эти люди имели основательную подготовку, знали свое дело и работали спаяно»[20]. Упомянутая «московская больница» - это знаменитая Бахрушинская больница, в которой действительно раньше работали главный врач госпиталя С.Ф. Чиж, младшие врачи В.В. Рисположенский, С.В. Несмеянов.

Сергей Францевич Чиж считался отличным хирургом и защитил диссертацию на степень доктора медицины по теме «О радикальной операции бедренной грыжи» (ее текст был напечатан в виде брошюры и сохранился в Российской национальной библиотеке, в Санкт-Петербурге). Отзыв великой княгини о главном враче, однако, носит двойственный характер. «Хотя в своей области, - говорится в мемуарах, - он был чрезвычайно сведущ, но не умел поддерживать дисциплину, его подчиненные вскоре стали нерадивыми, особенно санитары»[20]. Не исключено, что данное суждение не лишено оснований, так как в сентябре 1915 г. С.Ф. Чиж был снят с должности именно за дисциплинарные нарушения среди персонала[19].

Помимо лечебных заведений РОКК, в Пскове разместились значительное число госпиталей (преимущественно – полевых запасных) военного ведомства. Они финансировались из казны и по своей материально-технической базе заметно уступали лазаретам и госпиталям Красного Креста. Данное обстоятельство порождало некоторую недоброжелательность между ведомствами и заведениями. В Пскове ситуация усугублялась действиями великой княгини Марии Павловны, которая считала себя вправе негласно проверять и контролировать военные госпитали. В мемуарах она признавалась: «Получая сообщения о позорной запущенности и плохом управлении делами в этих военных госпиталях, я решила вскоре после своего приезда в Псков предпринять расследование. Я могла провести его только поверхностно, так как у меня не было официальных полномочий. Но я начала без предупреждения посещать военные госпитали, всегда стараясь приехать неожиданно. Во время своих этих неожиданных визитов по страху чиновников и служащих госпиталей я видела, что у многих совесть неспокойна»[20].

Обеспечение самого госпиталя общины св. Евгении, благодаря авторитету великой княгини, было очень хорошим. Косвенным свидетельством тому, является книга «Из писем прапорщика артиллериста» видного русского философа Ф. Степуна, который, получив ранение, в конце 1915 г., был доставлен на излечение в Псков, в «Евгеньевский госпиталь». Он признается, что с тревогой ожидал, каким окажется назначенное ему место лечения: «...Совсем еще

неизвестно, к каким попадешь врачам, в какой лазарет. А врачи и лазареты, говорят, на Руси разные есть»[21].

Описание самого госпиталя носит у Степуна несколько ироничный характер, но оно далеко от проникнутых ужасом картин фронтовой жизни, которыми очень богата его книга. Да и по дороге в Псков, в санитарном поезде с его «скотовагонносителью» и фельдшерами-«мясниками», автору «Писем» пришлось гораздо хуже, чем в комнате с «канареечно-желтыми занавесками» на окнах и картой боевых действий на стене[21].

Руководство псковского отделения РОКК во главе с Т.И. Медем для пополнения бюджета общины и лазаретов часто прибегало к акциям, в том числе организовывало благотворительные концерты. Уже 30 августа 1914 г., через месяц после начала активных боевых действий, в Пскове, в манеже 93-го пехотного Иркутского полка состоялся «Патриотический вечер» (концерт), имевший целью сбор средств в пользу лазарета[2].

Устраивались концерты и в дальнейшем, проходили также сборы для раненых белья, табака, газет и проч. Постоянные пожертвования в пользу Алексеевской общины вносила православная церковь[9].

В конце 1915 г. Псковский губернатор Н.Н. Медем был назначен на должность Петроградского губернатора. Из Пскова отбыл 2 февраля 1916 г., но его супруга задержалась здесь почти на четыре месяца, видимо, именно в силу обязанностей, связанных с отделением и общиной сестер милосердия РОКК. Ее торжественные проводы в столицу состоялись 22 июня 1916 г., сестры поднесли попечительнице на прощание адрес и икону св. Татианы[18]. Отъезд из Пскова энергичной и обладавшей связями в государственной элите Т.И. Медем, конечно, значительно затруднил дальнейшую деятельность местных структур РОКК. Тем не менее, таковая продолжалась: лазареты функционировали, действовали и курсы сестер милосердия.

Поступление раненых в псковские госпитали и лазареты началось в начале сентября 1914 г. и не прекращалось до окончания боевых действий. Однако его интенсивность в разные периоды существенно менялась. Временем сурового испытания для всех лечебных заведений города стал 1915 г., когда русская армия вела упорные оборонительные бои в Польше, подвергаясь мощным ударам противника. 15 февраля 1915 г. в Псков прибыли сразу три санитарных поезда с 1600 воинами, ранеными, как писала местная газета, «в последних боях»[15].

Всего через три дня, 18 февраля, пришли еще два поезда, они доставили 980 раненых[12]. 13 марта в Псков прибыла тысяча раненых российских солдат и офицеров. Один из поездов по пути, на территории Польши, у г. Остроленка, подвергся бомбардировке с воздуха и пришел поврежденным[16]. 18 марта санитарный поезд привез в город еще 492 нижних чинов и 60 офицеров[17]. Апрель прошел несколько спокойнее, но затем доставка раненых вновь приняла очень крупные масштабы.

Великая княгиня Мария Павловна вспоминала 1915 год, как один из самых тяжелых периодов в ее госпитальной службе. «Когда в 1915 году фронт приблизился к нам..., - писала она в мемуарах, - то иногда принимали очень

большие партии раненых и тогда работали без отдыха днем и ночью. Раненые поступали с фронта в таком состоянии, что требовалось две или три ванны, чтобы отмыть всю глубоко въевшуюся грязь, скопившуюся за долгие месяцы их пребывания в окопах. Волосы приходилось сбривать, одежду – сжигать. Фронт находился всего лишь в ста пятидесяти милях от Пскова, но раненые, которых мы принимали, обычно проводили несколько дней в пути, преодолевая это расстояние в товарных вагонах без всякого ухода. Их повязки были жесткие, как будто деревянные, пропитанные запекшейся кровью, испачканные гноем и полные паразитов. Снимать такие повязки для медсестры было почти так же больно, как и самому пациенту»[20].

В 1916 г. ситуация была спокойнее. В лазаретах Алексеевской общины РОКК пациентов постоянно находилось меньше, чем было мест (кроватей). Например, на 1 января 1916 г. во всех лазаретах числилась 281 «штатная кровать», что значительно менее, чем при открытии лазаретов (379 кроватей). Вероятно, некоторые мест были ликвидированы, как неостребованные, или от их содержания отказались благотворители. Находились в лазаретах в это время всего 2 офицера и 71 нижний чин[7]. К 1 апреля численность пациентов-нижних чинов заметно выросла, составив 204 чел. Офицер в это время лечился всего один, причем он не был ранен или контужен на фронте, а страдал от заболевания почек[7]. По состоянию на 1 ноября 1916 г. в 9 лазаретах имелось 213 штатных кроватей. Лечение проходили 2 офицера и 32 нижних чина[7].

Разумеется, при такой разнице в числе мест и пациентов, медикам было легче обеспечить раненым и больным достойный уход. При этом, из тех же документов видно, что, кроме ранений, персонал лазаретов имел дело с довольно обширным спектром заболеваний: болезни дыхательных путей, желудочные и сердечные заболевания, ревматизм, туберкулез. Поступали в лазареты также солдаты с обморожениями.

В целом лазареты псковской общины сестер милосердия работали интенсивно и профессионально, что подтверждается небольшой смертностью пациентов. Стоит, также, иметь в виду, что сестры общины служили далеко не только в лечебных заведениях Пскова, но и далеко за его пределами, в других городах, во фронтовых лазаретах и госпиталях, на санитарных поездах и др.

Литература

1. Вестник Красного Креста. №8. 1914г.
2. ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.3094
3. ГАПО. Ф.49. Оп.1. Д.11
4. ГАПО. Ф.49. Оп.1. Д.16
5. ГАПО. Ф.49. Оп.1. Д.20
6. ГАПО. Ф.49. Оп.1. Д.22
7. ГАПО. Ф.49. Оп.1. Д.47
8. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр.2. Т. XLII. Отд.1. СПб., 1871
9. Попова О.В. Православная церковь Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Псков. №21. 2004
10. Псковские губернские ведомости. №34. 10 августа 1914 г.

11. Псковский голос. №194. 24 октября 1914 г.
12. Псковская жизнь. №898. 19 февраля 1915 г.
13. Псковская жизнь. №909. 31 июля 1914 г.
14. Псковская жизнь №911. 5 августа 1914 г.
15. Псковская жизнь. №987. 17 февраля 1915 г.
16. Псковская жизнь. №988. 14 марта 1915 г.
17. Псковская жизнь. №1042. 4 июля 1915 г.
18. Псковская жизнь. №1184. 24 июня 1916 г.
19. РГВИА. Ф.2031. Оп.2. Д.549
20. Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890-1918. М., 2006
21. Степун Ф. Из писем прапорщика артиллериста. Прага, 1926

Глотов М. Б.

Институционализация русской социологии в годы Первой мировой войны

Институционализация социологии – это исторический процесс становления ее как автономной отрасли научного знания и официального признания общественной значимости. Институционализация социологии предполагает:

- введение термина «социология» в научный лексикон,
- публикация работ и периодических изданий, посвященных социологическим проблемам,
- проведение научных социологических форумов,
- организация социологических ассоциаций,
- создание научных социологических центров,
- введение социологического образования,

В России, в отличие от стран Западной Европы и США, процесс институционализация социологии происходил в два этапа. Первый раз социология приобретала в России статус самостоятельной науки с 60-х годов XIX века до начала 30-х годов XX века. Повторно процесс институционализации социологии возобновился в СССР во второй половине 1950-х годов и завершился в 1990-е годы.

Среди особенностей первого этапа институционализации социологии в России следует отметить, во-первых, влияние проходивших процессов становления социологии как науки в странах Западной Европы и в США. Во-вторых, в силу того, что среди первых русских социологов большинство составляли оппозиционно и революционно настроенные мыслители, официальные власти, используя запретительные меры, всячески затрудняли процессы институционализации социологии в России. Как отмечала Е. И. Кукушкина, «при монархическом режиме само слово «социология» было на нелегальном положении» [1, с. 26]. И.А. Голосенко, характеризуя первые годы институционализации социологии в России, утверждал, что она «находилась в придушенном состоянии» [2, с. 23]. Как вспоминал В. М. Бехтерев, во время его беседы с министром народного просвещения А. Н. Шварцем относительно

преподавания социологии последний с раздражением высказался о социологии следующим образом: «Какая может быть там социология? Нет такой науки, а если что и есть, то одна болтовня» [3, с. 60].

В-третьих, в России процесс институционализации социологии развивался при наличии широкого плюрализма направлений и школ. П.А. Сорокин отмечал, что к началу XX века в России сложились следующие основные социологические школы: марксистская, субъективная, психологическая, бихевиористская, формальная, механическая, юридическая и историческая. Современные историки социологии к этому перечню направлений и школ добавляют: географическое направление, генетическую социологию, натуралистическое направление, неокантианскую и неопозитивистскую социологию.

В четвертых, несмотря на то, что первое двадцатилетие XX века в России было отмечено крупными политическими событиями: революциями 1905 года, февраля и октября 1917 года, участием России в Первой мировой войне и сменой государственного строя, именно в этих исторических условиях процесс институционализации русской социологии происходил достаточно активно. Особенно это касалось публикации работ и периодических изданий, посвященных социологическим проблемам, введения социологического образования, организации социологических ассоциаций, создание научных социологических центров. И если в годы Первой мировой войны ощущались затруднения, вызванные экономическими и геополитическими проблемами, то февральская революция, провозгласившая относительные свободы и первые два года Советской власти оказали положительное влияние на процесс институционализации русской социологии.

На протяжении всего периода войны русским социологам удавалось публиковать свои статьи, монографии и учебные пособия по социологии. Так, например, за годы войны были опубликованы следующие работы представителя генетической социологии К. М. Тахтарева: «Основные идеи социологов: Кант и Маркс» (Современный мир. 1914. № 9); «Социология как наука» (Пг., 1915); «Социология как наука о закономерностях общественной жизни: введение в общий курс социологии, читаемый слушателям и слушательницам Психоневрологического института и Высших курсов П.Ф. Лесгафта» (Пг., 1916); «Социология, ее краткая история, научное значение основные задачи, система и метод» (Пг., 1918). В 1915 году была опубликована монография первого историка отечественной социологии Н. И. Кареева «Историология. Теория исторического процесса». Первая русская женщина социолог, представительница русского неопозитивизма А.С. Звоницкая в 17 лет опубликовала первый том задуманной ею четырехтомной работы «Опыт теоретической социологии. Социальная связь» (Киев, 1914). П. А. Сорокин о ее работе писал: «Обширная эрудиция, систематичность мышления, целостность построения, обнаруженная в данной работе, делают из нее ценный вклад в библиотеку русской социологии» [3]. Представитель неокантианской социологии В.М. Хвостов за период с 1914 по 1918 опубликовал следующие работы: «Теория исторического процесса» (М., 1914); «Участие женщины в умственной культуре человечества» (М.,

1914); «Женщина и человеческое достоинство» (М., 1914); «Женщина в обновленной культуре» (М., 1917); «Классификация наук и место социологии в системе научного знания» (Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139-140); «Социология. Введение. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе» (М., 1917); «Социальная связь» (Вопросы философии и психологии. 1918. Кн. 141-142). Другой представитель неокантианской социологии П.И. Новгородцев опубликовал следующие работы: «Социальные науки и право» (М., 1916), «Об общественном идеале» (М., 1917), «О путях и задачах русской интеллигенции» (М., 1918). Из работ представителей марксистской социологии следует отметить написанные В. И. Лениным в годы Первой мировой войны: «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), «Статистика и социология» (1917), «Государство и революция» (1917).

Особенно активное участие в годы Первой мировой войны принимали классики отечественной социологии М. М. Ковалевский и П. А. Сорокин. Так, в этот период М. М. Ковалевский, ставший в 1914 году действительным членом Российской академии наук, осуществил выпуск третьего и четвертого сборника «Новые идеи в социологии». По мнению П.А. Сорокина, «Новые идеи в социологии» «заменяли собой социологический журнал». В 1914 году М. М. Ковалевским были опубликованы: «Очерк развития социологии в конце XIX – начале XX века» (История нашего времени. Пг., 1914. Вып. 27-28) и «Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии» (Пг., 1914).

Еще при жизни М.М. Ковалевский вместе с Е.В. де Роберти, Н.И. Кареевым и К.М. Тахтаревым предпринимали попытку создать русское научное социологическое общество. Однако только после смерти М. М. Ковалевского создание русского социологического общества было осуществлено его соратниками и учениками. На другой день после смерти М. М. Ковалевского – 26 марта 1916 года состоялось учредительное собрание Русского социологического общества, которому было присвоено его имя. На учредительном собрании Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского председателем общества был избран А.С. Лаппо-Данилевский, а секретарем – П.А. Сорокин. Первоначально членами общества стали 62 известных ученых и общественных деятелей Петрограда.

В 1914 году П. А. Сорокин после окончания юридического факультета Петербургского университета активно включился в научную, преподавательскую и политическую деятельность. Как вспоминал П. А. Сорокин, после окончания университета «в первый год подготовки к профессорству стал сам читать лекции по социологии в Психоневрологическом институте и институте Лесгафта» [5, С. 56]. После смерти М. М. Ковалевского в 1916 году П. А. Сорокин и К. М. Тахтарев были официально избраны преподавателями института для преподавания социологии: П. А. Сорокин вел семинарские занятия, а К. М. Тахтарев – читал «Введение в общий курс социологии». Следует отметить, что в 1914-1916 годах контингент студентов Психоневрологического института значительно увеличился. Это было вызвано, прежде всего, тем, что с началом Первой мировой войны стало невозможно обучение русских в

заграничных университетах. Если в 1914 году в институте обучалось 3000 студентов, то уже в 1915 году их было более семи тысяч. Увеличение численности студентов Психоневрологического института позволяло все большему числу слушателей знакомиться с основами социологии.

К началу 1917 года Психоневрологический институт был единственным вузом, где существовала специальная кафедра, штатные сотрудники которой преподавали социологию. Лекции и семинары по социологии, которые проводились в годы Первой мировой войны, например, на курсах Лесгафта, Бестужевских курсах, в Кооперативном институте и Народном университете им. А. И. Лагутина Санкт-Петербурга – Петрограда, в Московском городском университете имени Шанявского вели приглашенные преподаватели.

За годы Первой мировой войны П. А. Сорокиным были написаны и опубликованы следующие работы по социологии: «Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914), «Проблема социального равенства» (1917), «Автономия национальностей и единство государства» (1917), «Теория факторов М.М. Ковалевского» (1917), «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство» (1917).

Как вспоминал П.А. Сорокин, до февральской революции 1917 года в Петроградском университете не было ни факультета социологии, ни каких либо подобных курсов. В период между Февральской и Октябрьской революциями П. А. Сорокин, пользуясь своим положением секретаря А.Ф. Керенского по вопросам науки, способствовал тому, чтобы социология была введена как предмет изучения в высших учебных заведениях. Именно в это время была организована кафедра социологии в Петроградском университете, которую возглавил действительный член Петербургской академии наук А.С. Лаппо-Данилевский.

В первые годы становления советской власти отношение нового правительства к социологии было в целом положительным. Новая власть реабилитировала социологию и пыталась использовать ее как союзника в своей классовой борьбе. Характерной чертой этого времени было признание государственного статуса социологического образования и введение преподавания социологии в качестве учебной дисциплины в некоторых высших и средних учебных заведениях. Как отмечал П. А. Сорокин: «С начала революции социология была одним из покровительствуемых предметов и введена была не только во всех высших, но и средних школах» [6, с. 418]. Такое отношение к социологии объяснялось стремлением подчеркнуть «единство марксистского социализма и социологии».

По решению советского правительства в 1918 году при Петроградском университете были образованы Общедоступные университетские курсы и разработан план чтения лекций для населения в период с мая по июль известными университетскими преподавателями (цена билета для посещения лекции составляла один рубль). В работе этих курсов приняли активное участие социологи университета П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.А. Гредескул. В 1918 году Психоневрологический институт был реорганизован в исследовательское

учреждение, а кафедра социологии института вошла в состав **Первого Петроградского университета**, куда перешел профессор К. М. Тахтарев для чтения лекций по генетической социологии. За месяц до окончания Первой мировой войны в Петрограде был учрежден Социобиблиологический институт – первое в России научно-просветительское учреждение Наркомата просвещения. 11 февраля 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о создании институтов Красной профессуры, которые должны были готовить специалистов, стоящих на позициях коммунистической идеологии. В 1918 году была основана Социалистическая Академии общественных наук как центр теоретических марксистских исследований.

Литература

1. Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начала XX века. – М., 1993.
2. Голосенко И.А. Предисловие к книге Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб., 1996.
3. Бехтерев В. М. Автобиография. – М., 1928.
4. Сорокин П.А. Рецензия на книгу: Звоницкая А. С. Опыт теоретической социологии. Т. 1. Социальная связь // Заветы. 1914. № 3.
5. Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. – Сыктывкар, 1991.
6. Сорокин П. А. Состояние русской социологии за 1918-1922 гг. // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет.– М., 1994.

Минина М. В., Митько А. В., Митько В. Б.

Действия военно-морского флота России в Первой мировой войне и зарождение морских информационных технологий

После революции 1905 года, последовавшей в результате поражения России в русско-японской войне, начался бурный процесс восстановления России, как промышленно-экономической державы, так и ее военной мощи, что представляло особую сложность для возрождения флота. Россия в результате войны лишилась боевого флота; главные силы Балтийского флота погибли на Дальнем Востоке. Черноморский флот не мог пройти Турецкие проливы и оставался в бездействии, а это для флота губительнее поражения. Это все происходило на фоне быстрого роста флота Германии, в которой ее гений, гросс-адмирал Тирпиц сочетал военно-промышленный потенциал страны, с ее большим опытом торгового мореплавания и с прусским милитаризмом. За недолгий срок ее военно-морской флот превратился в грозную боевую силу. В это же время в Англии произошла техническая революция: в рекордно короткий срок был построен линейный корабль «Дредноут», вооруженный только тяжелой артиллерией и с тяжелой броней. С его появлением все существовавшие линейные корабли всех флотов мира оказались устаревшими. Это было детищем гения адмирала флота лорда Фишера, который одновременно приступил к жестким мерам, очищая флот от

«синдрома мирного времени». В России таким гением должен был бы быть адмирал Макаров, но он погиб...

В 1914 г. в разных стадиях постройки в России было уже 12 dreadnoughtов. Первые 6 (2 на Черном море и 4 на Балтике) должны были быть готовы в 1915 г., а остальные в 1917 г. Война, однако началась в 1914 г. Причин было несколько: Германское правительство, декламируя о необходимости дружбы с Россией, вело анти-русскую политику. В 1914 г. превосходство германской армии над другими достигло предела. Не в интересах Германии было ждать, пока русская сухопутная сила восстановится. Одновременно, не в интересах Великобритании было ждать дальнейшего усиления морской мощи Германии. Что бы Россия не делала, ни предотвратить, ни отсрочить войну было невозможно.

Первая мировая война явилась проверкой состояния средств *военной связи* и стимулом к рождению новых информационных технологий от *радиоразведки и радиоэлектронной борьбы* до *радиолокации и гидроакустики*, ставшей впоследствии самым эффективным средством информационного обеспечения в подводной войне. Возникновение и история техники военной радиосвязи – важнейшего средства управления войсками – неразрывно связаны с именем замечательного русского ученого, изобретателя радио Александра Степановича Попова. А.С. Попов – основоположник применения радиосвязи в военно-морском флоте и в сухопутных войсках. Он лично конструировал военно-морские и армейские радиостанции, руководил их установкой на боевых кораблях, испытывал их в действии[3]. К началу Первой мировой войны Россия располагала широкой сетью радиостанций народнохозяйственного (23 радиостанции) и оборонного (около 100 полевых, свыше 30 легких кавалерийских и 20 базисных и крепостных радиостанций в армии, а также 49 береговых и 183 корабельных радиостанций на флоте) назначения [5]. Для связи с союзными странами в 1911 году была построена радиостанция Военного ведомства в Бобруйске и модернизирована радиостанция Морского ведомства в Севастополе. Радиоподразделения русской армии (искровые роты) придавались штабам армий, фронтов и Ставке верховного главнокомандующего. Недооценка радиосвязи и боязнь пользоваться ею приводила к потере управления. Отсутствие в России радиопромышленности вынудило царское правительство обратиться за помощью к своим союзникам. С середины 1915 г. из Англии стали поступать в русскую армию приемно-передающие радиостанции системы Маркони: автомобильные мощностью 5 кВт для обеспечения штабов фронтов и некоторых армий и вьючные мощностью 0,5 кВт для штабов кавалерийских частей и соединений. Из Франции поступали главным образом приемники, усилители к ним и ламповые гетеродины. Организация службы связи в военно-морском флоте вполне отвечала требованиям, предъявляемым к военной связи. Особенно высокой организацией отличалась радиотелеграфная связь на Балтийском море. Хорошо была поставлена служба береговых радиостанций, которая действовала во время войны безотказно. В годы войны в армиях воюющих стран радио применялось и как средство разведки. Радиоразведки как самостоятельного вида разведки ни в одной армии к началу первой мировой войны не существовало. Подслушивание

и перехват радиопередач противника возлагались на те же радиостанции, которые предназначались для обеспечения связи. Подслушивание давало обеим воюющим сторонам обильный разведывательный материал. Полевые станции зачастую передавали радиogramмы совершенно секретного характера либо открытым текстом, либо с применением столь простых шифров, что перехватывающие радиogramмы противник легко расшифровывал. Так, французы своевременно поставили в известность русское командование об особенностях построения позывных немецких радиостанций и о закреплении определенных букв алфавита за каждым кавалерийским корпусом. Русские моряки, захватив секретные коды немецкого крейсера «Магдебург», свободно разбирали радиogramмы противника и, перехватив приказ о выходе немецкого флота в море, сообщили об этом англичанам. Немцы, собиравшиеся нанести внезапный удар по английскому флоту, сами понесли тяжелые потери в Ютландском бою, после которого они уже и не пытались предпринимать крупные морские операции. Однако радиосвязь в русской армии во время войны все же не получила должного развития. Россия не имела своей развитой радиопромышленности, потому не смогла, когда это потребовалось быстро наладить производство необходимых радиосредств, и обеспечить ими свои вооруженные силы [6].

Таким образом, русское командование, используя радиосвязь и данные радиоразведки, впервые осуществило наведение сил в море на корабли противника, в результате чего произошел бой кораблей русского и германского флотов у о. Готланд. К сожалению, по причине нерешительности контр-адмирала Бахирева и ошибочных действий командиров русских кораблей бой у берегов Готланда не принес значительных результатов: при прорыве в территориальные воды Швеции немецкий минный заградитель «Альбатрос», потерявший 28 человек убитыми и более 50 ранеными, сел на камни под Эстергарном; успеха добилась британская подводная лодка «Е-9»: в результате торпедной атаки немецкой эскадры под командованием адмирала Хопмана, вышедшей в море на помощь Карпфу, серьезное повреждение получил броненосный крейсер «Принц Адальберт», ремонт которого длился два месяца. Командир английской лодки М. Хортой за этот успех был награжден русским командованием орденом Св. Анны.

Использование командованием Балтийского флота данных радиоразведки, добытых 31 июля 1915 г., считается одним из наиболее впечатляющих результатов разведывательного обеспечения боевых действий на море данными радиоразведки ВМФ в первой мировой войне [6]. Из полученных данных стало известно о подготовке прорыва немецкого флота в Рижский залив одновременно с попыткой немецких сухопутных войск захватить Ригу. В сочетании с данными воздушной разведки и наблюдения береговых постов эти сведения помогли определить предполагаемую дату и время наступления, а также порядок развертывания сил противника. В результате, Балтийский флот оказался на позициях вовремя и смог отбить немецкую атаку 8 августа 1915 года. Русское командование, предполагая, что немцы будут преодолевать Ирбенский пролив вдоль недавно захваченного курляндского побережья, осуществило постановку 487 мин в южной части пролива. Как

следствие — первая попытка прорыва немецкого флота в Рижский залив оказалась неудачной: начав операцию с рассветом 8 августа, только к полудню немцам удалось протралить первую и вторую линии минного заграждения, на минах которых подорвался и затонул тральщик Т-52 (бывший миноносец), получили тяжелые повреждения крейсер «Тетис» и эсминец S-144.

Неудачное начало операции в Рижском заливе не отбило желание у немцев ее продолжить. Но планы немецкого командования вновь стали заблаговременно известны русскому командованию. 10 августа 1915 г. береговая радиоразведка перехватила немецкую радиограмму, которая подтверждала предположение штаба Балтийского флота о том, что противник в ближайшее время повторит операцию по прорыву в Рижский залив, о чем было доложено командованию за 6 дней до ее начала. Учитывая эту информацию, русское командование приняло меры для усиления минного заграждения в Ирбенском проливе.

Огромный поток информации, добываемой станциями, занимавшимися радиоразведкой, и дешифруемой на станции в Шпитгамне, стекался в штаб Службы связи в Ревеле. В результате уже к лету 1916 г. при начальнике Службы связи существовало временное оперативное отделение из 8 штаб-офицеров и одного флаг-офицера из офицеров по адмиралтейству. Не менее значимы были результаты работы радиоразведки БФ и в 1917 году. Уже с начала августа от радиоразведки стали поступать сведения о подготовке германским командованием операции по захвату Моонзундских островов во второй половине сентября 1917 г., благодаря которым удалось достаточно точно определить оперативный замысел и сроки проведения операции.

На Черноморском флоте при организации Службы связи по сравнению с Балтикой имела место некоторая увлеченность вопросами собственно радиосвязи в ущерб функции наблюдения. Командованием флота не были также учтены возможности Службы связи по ведению радиоразведки: какое-либо руководство в этом вопросе вообще отсутствовало. Результатом этого, в частности, явился неожиданный и совершенно безнаказанный артиллерийский обстрел г. Поти крейсером «Бреслау» утром 25 октября 1914 г., хотя накануне вечером, согласно докладу начальника Службы связи капитана 1 ранга В.Н. Кедрина, радиотелеграфистами находившихся в районе Батума (Батуми) минного заградителя «Дыхтау» и вооруженного транспорта «Березань» был установлен факт нахождения неприятельского судна вблизи Кавказского побережья. Однако, донесения об этом командованию не последовало, так как ранее было предписано сообщать только о появлении линейного крейсера «Гебен».

Отсутствие систематической оперативной разведки на Черноморском театре, для ведения которой у флота не было необходимых сил, сказывалось на эффективности действий эскадры Черноморского флота. Морской Генеральный штаб (МГШ), в свою очередь, также не смог обеспечить командование флотом необходимой упреждающей агентурной информацией. Так, телеграммами от 14 и 21 ноября 1914 г., адресованными в Особое делопроизводство МГШ, командующий Черноморским флотом адмирал А. Эбергард сообщал «о полной

неосведомленности относительно турецкого флота» и просил «о принятии самых энергичных мер для получения о нем сведений».

Первый на Черном море радиопеленгатор был установлен под Севастополем на Мекензиевых горах. В первой половине 1915 г. вошли в строй радиопеленгаторы в Керчи и Овидиополе. Первое упоминание об успешном боевом применении радиоразведки на Черноморском флоте приходится на апрель 1915 года. Германо-турецкое командование узнав, что в Одессе сосредотачиваются силы и средства для десантной операции на Босфор, решило путем набега сорвать замыслы русского командования. 1 апреля к Одессе были направлены крейсера «Меджелис» и «Гамидие» в сопровождении четырех эскадренных миноносцев. Для прикрытия их действий к Севастополю, где находились главные силы русского флота, вышли «Гебен» и «Бреслау». На этот раз данные радиоразведки не остались без внимания, и русская эскадра своевременно вышла из Севастополя навстречу немецким крейсерам. В результате, после кратковременной перестрелки вражеские корабли отступили.

Таким образом, в первую мировую войну произошло становление радиоразведки на Балтийском и Черноморском флотах. Кроме того, первый боевой опыт применения первых береговых частей радиоразведки ВМФ — радиостанций особого назначения — позволил выявить недостатки и определить направленность дальнейшего развития структуры и совершенствования применения радиоразведки.

В годы первой мировой войны зарождалась также *морская радиолокация*. Пример возможной эффективности применения радиолокации: английское командование в 1914 г. приняло решение организовать блокаду немецкого флота в его главной базе Вильгельмсгафен. Задача — наблюдение за районом базирования и недопущение прорыва сил немецкого флота в Северное море [3].

При протяженности линии блокадного дозора (Эбердин — Кристиантинн) около 240 миль и средней дальности видимости 6—8 миль для надежного наблюдения даже в дневное время необходимо было иметь 20—25 кораблей. Англичане же имели всего 8—10 броненосных крейсеров. Естественно, что такой дозор не мог быть надежным. Ночью действенность английского дозора была еще меньшей. В первый же день блокады в Атлантический океан прошел незамеченным немецкий вспомогательный крейсер «Кайзер Вильгельм дер Гроссе». Англичане увеличили число кораблей дозора, но это не помешало немецким кораблям прорвать блокаду. *Для решения подобной задачи с помощью радиолокации было бы достаточно одного самолета или четырех-пяти кораблей.*

Наблюдению за морем в русском флоте всегда уделяли пристальное внимание. Первым увидеть противника означало раньше подготовиться к бою, занять выгодную позицию, выполнить нужный маневр, первым атаковать. Упреждение в обнаружении давало командиру больше времени для оценки обстановки и принятия решения. Положение резко изменилось с появлением и развитием авиации. Самолет, значительно меньший по

размеру и стоимости, чем корабль, мог незаметно и быстро подлететь к нему и нанести бомбовый или торпедный удар. Поиск технических средств обнаружения самолетов привел к созданию в дополнение к оптическим приборам, применявшимся во время первой мировой войны, звукоулавливателей, а для освещения их в ночное время — прожекторов. На какое-то время это уменьшило остроту проблемы обнаружения самолетов. Но с увеличением потолка, скорости и радиуса действия авиации возможности оптических и акустических приборов и зенитных прожекторов стали недостаточными. На флоте же по-прежнему для обнаружения самолетов использовались только оптические приборы. Размещать звукоулавливатели на кораблях было бессмысленно из-за больших собственных шумов, а прожекторы могли использоваться весьма ограниченно только при стоянке кораблей в базе на тихой воде. В море прожектор демаскировал корабль, к тому же качка сводила на нет все попытки его применения для поиска самолетов в ночном небе. Необходимо было изыскивать принципиально новые технические средства обнаружения самолетов для службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) армии, а также для кораблей флота. А. С. Попов не принадлежал к числу кабинетных ученых. Хорошо зная нужды флота, он понимал, что в открытом море беспроводная связь особенно необходима. Поэтому, несмотря на материальные трудности и бюрократические препоны, которые приходилось преодолевать ученому, он проводил многочисленные эксперименты по установлению радиосвязи между кораблями, увенчавшиеся большим успехом. В процессе этих испытаний он обнаружил явление рассеивания радиоволн корпусами и надстройками кораблей. Это очень важное открытие впоследствии легло в основу *радиолокации и радионавигации*. Однако в то время указанное открытие отражения радиоволн не могло найти практического применения из-за недостаточного развития радиотехники. Объясняется это в некоторой степени тем, что после первых опытов А. С. Попова с аппаратурой, работавшей на ультракоротких волнах (УКВ), началось освоение диапазона длинных волн и только спустя некоторое время радиосвязь вернулась к более коротким волнам. Мощность первых передатчиков была незначительной, а приемники имели небольшую чувствительность. В последующем было установлено, что одним из условий отражения радиоволн телами является соотношение их размера с длиной волны — для получения отраженного сигнала необходимо, чтобы длина тела была больше длины волны или по крайней мере сравнима с ней. Чтобы отраженный сигнал можно было обнаружить на фоне помех, необходима концентрация излучаемой и принимаемой энергии. Это можно было реализовать лишь на УКВ в метровом диапазоне или в сверхвысокочастотном диапазоне на дециметровых и сантиметровых волнах. А. С. Попов был одним из образованнейших людей своего времени. Он глубоко верил в прогрессивные силы народа, беззаветно работал на его благо, отдавал все

свои силы и знания, весь свой талант любимой России. Интересы родной страны всегда были для него превыше всего. В ответ на попытки иностранных предпринимателей купить изобретение А. С. Попова и переманить его к себе он говорил: «Нет, я русский человек, и все свои знания, весь свой труд, все свои достижения имею право отдать только моей родине. Я горд, что родился русским. И если не современники, то, может быть, потомки наши поймут, сколь велика моя преданность родине и как счастлив я, что не за рубежом, а в России открыто новое средство связи». Радиолокационные, инфракрасные, оптико-электронные, телевизионные и зрительные средства наблюдения необходимы для всех видов Вооруженных Сил. Поэтому их создание, как правило, шло впоследствии параллельно во многих организациях, что облегчало исследования и разработку, позволяло привлечь большие ресурсы и ускорило решение возникавших проблем. Из всех средств наблюдения только гидроакустические возникли исходя из интересов одного Военно-Морского Флота.

Гидроакустика зародилась в глубокой древности. Первые упоминания о распространении звука в воде мы находим у Леонардо Винчи [4]: «Если ты, будучи в море, опустишь в воду отверстие Трубы, а другой конец ее приложишь к уху, то услышишь идущие клали корабли». Прошло не одно столетие, прежде чем ученые вновь обратили внимание на то, что вода отлично проводит звук. Произошло это тогда, когда морские державы на рубеже XX века приступили к строительству подводных лодок. Особенно мощный импульс развитию гидроакустики дала первая мировая война, когда активные действия немецких подводных лодок привели к громадным потерям союзных флотов. Английские историки так описывали результаты действий немецких подводных лодок: «В апреле 1917 г. подводным лодкам удалось не только уничтожить намеченные 600 000 т, но и превысить эту цифру на 50%. За четыре недели было пущено на дно около 900 000 т брутто торговых судов всех национальностей. Вскоре ничего не должно было остаться для потопления... Вожди союзников стояли перед угрозой полного крушения». Над решением проблемы создания гидроакустических средств обнаружения и связи работали видные ученые ряда стран. Многие важные достижения в гидроакустике явились результатом труда выдающихся русских ученых.

Первоначально идеи использования явления распространения звука в воде нашли реализацию в области обеспечения безопасности плавания. В целях предупреждения об опасности посадки кораблей на мель или камни в плохую видимость создали подводный колокол, удары которого прослушивались через корпус корабля, а впоследствии с помощью угольного микрофона. Дальность слышимости колокола была невелика, и вскоре от этой идеи отказались.

По мере развития подводного судостроения все острее ощущалась необходимость связи с погруженными подводными лодками. В 90-х годах

прошлого столетия на Балтийском судостроительном заводе по инициативе капитана 2 ранга М. Н. Беклемешева были начаты работы по созданию приборов гидроакустической связи. Первые испытания гидроакустического излучателя для звукоподводной связи проводились в конце XIX века в опытовом бассейне в Галерной гавани в Петербурге. Излучаемые им колебания хорошо прослушивались за 7 верст на Невском плавучем маяке.

В материалах, оставленных адмиралом С. О. Макаровым, имеется предложение о создании гидрофона, способного определять местонахождение торпедных катеров на поверхности или подводных лодок под водой. К сожалению, гибель С. О. Макарова в 1904 г. не позволила довести эту идею до реализации. В 1905 г. на Балтийском заводе был создан первый прибор гидроакустической связи, в котором роль передающего устройства играла специальная подводная сирена, управляемая телеграфным ключом, а приемником сигналов служил угольный микрофон, закрепленный изнутри на корпусе корабля. Сигналы регистрировались аппаратом Морзе и на слух. Были изготовлены две станции, которые прошли успешные испытания на подводных лодках Черноморского флота. Позднее сирену заменили излучателем мембранного типа. Эффективность прибора, названного гидрофонической станцией, значительно повысилась. Морские испытания новой станции состоялись в марте 1908 г. также на Черном море. Уверенный прием сигналов осуществлялся на расстоянии более 10 км. Подобные работы за рубежом были развернуты лишь через три года.

Первые серийные станции звукоподводной связи конструкции Балтийского завода в 1909—1910 гг. были установлены на подводной лодке «Карп» и линкоре «Три святителя», а затем и на подводных лодках «Пескарь», «Стерлядь», «Макрель» и «Окунь». При установке станций на подводных лодках в целях уменьшения помех при приеме приемник располагался в специальном обтекателе, буксируемом за кормой на кабель-тросе. К подобному решению англичане пришли лишь во время первой мировой войны. Затем эту идею забыли и только в конце 50-х годов ее снова стали использовать в разных странах при создании помехоустойчивых гидролокационных корабельных станций.

В 1911 г. командир бригады подводных лодок Балтийского флота сообщал Балтийскому заводу о том, что гидрофонические станции «...действуют исправно и несомненно пригодны для нужд сигнализации и уже вышли из стадии первоначальных опытов». Однако в дальнейшем из-за косности флотских чиновников, и прежде всего штаба Балтийского флота, преклонявшихся перед Западом, многие корабли стали вооружать французскими и немецкими приборами, дальность действия которых не превышала 2 км, а надежность была значительно ниже российских. Почувствовав возможность получения солидных прибылей, на Западе оперативно создали фирмы, специализирующиеся на производстве гидроакустических приборов, с которыми трудно было соперничать

скромной гидрофонической мастерской Балтийского завода. К тому же царское правительство охотно шло на закупку иностранной аппаратуры, отказывая в то же время в мизерной поддержке отечественным ученым и предприятиям. Надводные корабли и часть подводных лодок стали оснащать менее эффективными станциями звукоподводной связи фирмы «Декрюте».

Флоты всех стран накануне первой мировой войны имели только приборы звукоподводной связи. Причем русская аппаратура превосходила западные образцы, в которых использовались электроакустические преобразователи конструкции американского инженера Фессенди. Применялись на некоторых кораблях английского и французского флотов звукоприемники (гидрофоны) угольного типа, опуская которые в воду, пытались обнаруживать шумы подводных лодок. Эти приборы были громоздкими, ненадежными в работе, с малыми дальностью и точностью действия. Продолжались работы и в гидрофонической мастерской Балтийского флота, где в 1915 г. изготовили специальные установки, которые явились прообразом шумопеленгаторных станций. Применяемые в этих установках гидрофоны размещались в специальных мечеобразных устройствах, располагавшихся под днищем корабля. Приборы Балтийского завода, равно как и иностранных фирм, могли работать только на стопе корабля и дистанцию до цели не измеряли.

В связи с развернутой немцами тотальной подводной войной в 1915 г. в Париже собрался конгресс военных специалистов и ученых — физиков Англии, России, США и Франции для отыскания эффективных способов борьбы с подводными лодками. Наряду с другими на конгрессе были заслушаны доклады русского изобретателя К. В. Шиловского и французского физика П. Ланжевена об устройстве обнаружения подводных лодок с помощью отраженных эхо-сигналов, позволявшем измерять пеленг и дистанцию. Это устройство работало на ультразвуковых волнах и явилось прототипом современных гидролокационных станций.

Заслуга Шиловского в создании гидролокатора заключена в двух основополагающих решениях:

- применении принципа эхо-локации, т. е. послышки коротких сигналов большой мощности в заданном направлении с последующим приемом слабых отраженных от подводной лодки сигналов и измерения дистанции по временному промежутку между измеренным и принятым сигналами;

- использовании ультразвукового диапазона, что позволило реализовать направленное излучение и прием, чего нельзя было сделать в звуковом диапазоне. Еще и сегодня проблема создания направленного излучения и приема на звуковых частотах в водной среде является сложнейшей научно-технической задачей.

К этому необходимо добавить и массу физических, технических, технологических проблем, которые необходимо было решить при создании гидролокатора. Успешные испытания, а также все нарастающая

эффективность действий немецких подводных лодок побудили Англию, США и Францию организовать в 1916 г. Международный комитет по борьбе с подводными лодками (Anti — submari-nedateksteninternationalcommittee, сокращенно «Asdic»), в котором были сосредоточены виднейшие ученые — физики этих стран. Работал в этом комитете и Шиловский, вплоть до второй мировой войны. Правительство Франции предоставило ему лабораторию и за заслуги в создании гидролокационной техники наградило орденом Почетного легиона — честь, которой удостоивались немногие иностранцы. Всю жизнь Шиловский имел так называемый нансеновский эмигрантский паспорт и не хотел получать французский, так как это привело бы к его денационализации как гражданина России. Его родственники и друзья — видные советские физики Н. Д. Папалекси и Л. И. Мандельштам, звали его на родину. Однако сталинскому режиму он был не нужен, что и заставило его до конца дней оставаться на Западе. В связи с оккупацией Франции гитлеровскими войсками Шиловский в 1940 г. Переезжает в США. После окончания войны правительство США официально сообщало о использовании во время войны изобретений «перемещенного лица» Шиловского и его приоритете в создании гидролокатора. Постепенно изобретатель теряет зрение, здоровье его ухудшается. Умер К. В. Шиловский в одиночестве и бедности в 1958 г. Его дочь не смогла выехать из СССР на похороны, и фирма, где последнее время работал изобретатель, вскоре продала все его технические материалы, расчеты и описания новых разработок. Попытки академика А. И. Берга вернуть творческое наследие К. В. Шиловского на родину не получили поддержки у руководства АН СССР [3].

Революция и последовавшая за ней гражданская война надолго прервали работы в области гидроакустики в нашей стране.

Выявляя взаимосвязь развития науки и реализации её достижений в характере деятельности Военно-Морского флота, можно утверждать, что попытки комплексного использования радиоэлектронных средств в Первой мировой войне начала XX века совершенно очевидно корреспондируют с развитием теории сетецентрических войн начала XI века.

Литература

1. Первая мировая война на море. М. 2001. С.180-181.
2. Золотарёв В.Л. Действия русского флота в первой мировой войне Военно-исторический журнал № 1, 2002
3. Попов Г.П., Старцев Г.В. Радиоэлектроника на флоте вчера и сегодня.-М.: Воениздат, 1993
4. Из истории отечественной гидроакустики. Сб. статей. Изд. ЦНИИ им. Акад. А.Н. Крылова.: 1998
5. Пересыпкин Н.Т. Военная радиосвязь Военное издательство Министерства обороны СССР. - М.: 1962, 116 с.
6. Радиосвязь оборонного назначения в первой мировой войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rkk-museum.ru/documents/archives/images/3-05-04.pdf

Развитие производства тротила на заводах Санкт-Петербурга накануне и в годы Первой мировой войны

Столетний юбилей начала Первой мировой войны вполне естественно вызвал интерес историков и общественности к военно-техническим и экономическим проблемам участия России в войне, получившей название Второй отечественной. Производство взрывчатых веществ в России всегда находилось (и находится) в сфере, не подлежащей широкому обсуждению. В огромном количестве литературы о Первой мировой войне создание и развитие отечественного производства тротила серьезно не рассматривалось и можно найти только отдельные разрозненные сведения о получении взрывчатых веществ (ВВ) [1, 6, 9, 10, 15]. Даже в недавних работах И.С. Дмитриева, И.В. Лазар, Е.В. Трофимовой рассматриваются почти исключительно проблемы создания отечественных технологий бензола, толуола и кислот, использовавшихся для производства ВВ [5, 8, 17]. Восполнить этот пробел призвана данная статья.

Производство новых по тому времени бризантных ВВ (пикриновой кислоты и позднее тротила) заложено в 1895-1896 гг. рядом и севернее капсюльного завода, расположенного по реке Охте вблизи Охтинского порохового завода. В 1896 г. данное производство вошло в состав вновь образованного предприятия «Охтинские заводы для выделки пороха и взрывчатых веществ», которое в 1901 г. переименовано в Охтинский завод взрывчатых веществ [11, с. 40]. С 1895 и по 1911 гг. Охтинский завод был единственным казенным заводом по производству взрывчатых веществ и снаряжения, и на нем лежало все снабжение фугасными снарядами артиллерии.

По опыту русско-японской войны предстояло заменить при снаряжении боеприпасов Российской армии и флота влажный пироксилин, требовавший больших забот при обращении и недостаточно надежный при стрельбе. Нужно было найти взрывчатое вещество, удобное в обращении, стойкое при стрельбе и обладающее возможно большей мощностью взрыва. Таким веществом оказался тринитротолуол, уже введенный для германских снарядов взамен пикриновой кислоты.

Тринитротолуол впервые был получен немецким химиком Вильбрандом в 1863 г., но в качестве взрывчатого вещества им начали интересоваться в Германии лишь с 1887 г. [7, с. 226]. Работы по его освоению связаны с именем немецкого инженера Г. Каста. Производство его было налажено в небольших размерах на частных заводах с 1900 г. Это вещество вначале предназначалось для введения в состав взрывчатых веществ для горных работ. В 1902 г. он был принят на вооружение армии в качестве замены пикриновой кислоты в разрывных зарядах под названием «Fr. 02» (Fullpulver 02). Продукция была засекречена и выпускалась под ничего не значащим названием «тротил» [12]. Из приведенных дат видно, что немцы уже давно испытывали тринитротолуол, первые установили

его валовую фабрикацию, но использовали и сведения разведки о французских работах.

После окончания русско-японской войны делопроизводитель Артиллерийского комитета (так тогда называлась должность производителя опытов) поручик В.И. Рдултовский отправился в положенную ему как отличному выпускнику артиллерийской академии командировку за рубеж - для усовершенствования знаний. Его особенно интересовали любые сведения о производившемся в Германии таинственном взрывчатом веществе под названием «тротил». Побывав в Австрии, Германии и Англии, Рдултовский не обнаружил никаких стоящих сведений по интересующей его тематике [2].

Надежда забрезжила лишь во время визита во Францию. Прибыв в Париж, Рдултовский выяснил, что в центре артиллерийского производства и исследований Ле Бурже намечено секретное совещание французских ученых и промышленников. Российский военный атташе граф Алексей Игнатьев сумел добыть ему пригласительный билет. Тщательно охраняемая тайна германских арсеналов совершенно неожиданно раскрылась русскому офицеру именно здесь. Накануне этой встречи одно из главных действующих лиц совещания, доктор химии полковник Келлер, получил из французского министерства обороны возмущившую его депешу [2].

Согласно рапорту Рдултовского, депеша содержала в себе добытые французской разведкой сведения о широко испытывавшемся в Германии новом взрывчатом веществе - тротиле. Возмущение Келлера было вызвано тем, что он не считал это вещество немецким изобретением. Выяснилось, что капитальные исследования тринитротолуола были начаты Келлером еще в 1895 г. В этой обстановке Рдултовскому удалось побудить разгоряченных хозяев к необходимым разъяснениям. Русского офицера ознакомили с расчетами и документами, подтверждающие правоту французской стороны [2].

Оказалось, что с 1895 г. Келлер неоднократно обращал внимание военного ведомства на ценные свойства тринитротолуола как вещества для снаряжения снарядов. В 1900- 1903 гг. им было приготовлено для широких опытов по снаряжению снарядов около 7500 кг этого вещества. Несмотря на блестящие результаты всех опытов и стрельб, тринитротолуол «ввиду экономических условий» и опасения, что толуол не удастся получать во Франции в достаточных количествах, не был принят [12]. В 1906 г. французским военным министерством были получены сведения об испытываемом в Германии в широких размерах взрывчатом веществе под названием тротил и небольшой образчик этого вещества. Изучение образчика показало, что он представляет собой очень чистый тринитротолуол с температурой плавления $81,2^{\circ}\text{C}$ [12].

В своей записке полковник Келлер напоминал о прежних своих работах и указывал, что в исторической части германского документа обращает на себя внимание чрезвычайное сходство сведений об этом веществе, периодически появляющихся в Германии, с теми исследованиями, которые он выполнял в своей лаборатории и о которых подал несколько записок. Эти же документы неопровержимо доказывали, что рапорты Келлера о ходе исследований

систематически вскрывались немцами и столь же регулярно возвращались в Париж по каналам французской разведки, но уже сведениями о «немецких разработках» [2].

27 марта 1906 г. государственная комиссия по применению взрывчатых веществ (КПВВ) впервые посвятила тротилу специальное заседание, где отметила, что опытные исследования с ним начаты более года назад, и решила, что тротил заслуживает большего внимания, а поэтому следует закупить его за границей в значительных количествах. Скоро в распоряжение комиссии было доставлено 10 кг тротила, с которым начал работу штабс-капитан А. А. Дзержкович. 8 мая 1906 г. КПВВ рассмотрела доклад Дзержковича и постановила купить 4 тыс. кг тротила для опыта снаряжения большого количества снарядов [18, с. 185]. В.И. Рдултовский был вызван в Санкт-Петербург и появился там 5 июля 1906 г. Заслушав его официальный доклад, КПВВ решила начать опыты с тротилом незамедлительно. Новые сведения о тротиле привез затем полковник А.В. Сапожников. В августе 4 т тротила купили у германской фирмы «Карбонит» [18, с. 185].

Опытное снаряжение тротилом КПВВ решила начать с 6-дюймовых снарядов для пушек, к которым уже давно проектировался мелинитовый снаряд, но принять его не решались, опасаясь преждевременных разрывов из-за большой начальной скорости стрельбы этой пушки.

В январе-феврале 1908 г. успешно прошли испытания 6-дюймовых бомб, снаряженных тротилом. 19 марта 1908 г. КПВВ приняла тротил для валового снаряжения снарядов взамен мелинита. Решение было утверждено генерал-инспектором артиллерии и без дополнительных разбирательств принято Артиллерийским комитетом. Весь тротил для опытных снарядов был заказан Военным ведомством в 1906–1908 гг. у германской фирмы «Карбонит» в количестве 19,5 т. Морское ведомство вело параллельные опыты по снаряжению бомб тротилом и закупило у «Карбонита» 76 т тротила [18, с.186].

20 апреля 1909 г. генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей и начальник ГАУ утвердили журнал КПВВ о введении тротила для 10-дюймовых фугасных бомб к береговым пушкам. Затем постепенно было разработано снаряжение боеприпасов других калибров. За 1910 г. (первый год валового снаряжения снарядов тротилом) на Охтинском заводе взрывчатых веществ было снаряжено около 58 тыс. тротильных бомб и гранат к десяти системам от 3-дюймовых до 11-дюймовых и около 54 тыс. мелинитовых снарядов [18, с.186].

Все лето, осень и зиму в лабораториях и на полигонах Артиллерийской академии изучались свойства нового взрывчатого вещества. В результате 26 января 1907 г. было принято окончательное решение о принятии тротила на вооружение российской армии и немедленной организации его производства на отечественных заводах. Все другие государства, за исключением Германии, дали его своим войскам позже, в 1911-1912 гг. [12].

В.И. Рдултовский считал преимуществом тротила в сравнении с мелинитом его большую химическую нейтральность к металлам, меньшую чувствительность к ударам и к инерционным перегрузкам при выстреле, большую механическую

прочность и достаточную восприимчивость к детонации. Эти положительные свойства перекрывали недостатки тринитротолуола: меньшую скорость детонации и меньший удельный вес, чем у пикриновой кислоты, что приводило к уменьшению мощности тротильных снарядов на 10-15% по сравнению с теми же снарядами, залитыми мелинитом. В связи с необходимостью создания взрывателей, безопасных при стрельбе, и всемерного уменьшения для этого объема детонаторов, В.И. Рдултовский предложил использовать тротил [12].

Для решения задачи создания собственного российского производства тротила, ГАУ в 1907 г. командировало за границу группу военных инженеров-технологов, воспитанников Михайловской артиллерийской академии. В их числе были В.С. Михайлов, А.В. Сапожников и А.А. Солонина. Из двух существовавших в то время в Европе тротильных заводов - в Шлебуже и Рейнсдорфе - В.С. Михайлову удалось попасть лишь на первый, принадлежавший обществу «Карбонит» [4, с. 232].

Трудности налаживания собственного производства тротила заключались не только в строительстве новых мастерских, обеспечении их необходимым оборудованием и выработке технологического процесса, но также и в том, что исходное сырье для его изготовления: толуол, серная и азотная кислоты в России не производилось. Все эти реагенты были импортными вплоть до 1912-1913 гг., особенно большие проблемы были с поставками толуола [3, с. 617]. Надо было также освоить малоизученные способы снаряжения боеприпасов этим веществом [11].

На основе данных, собранных инженером В.С. Михайловым, в начале 1908 г. началось переустройство Охтинского завода взрывчатых веществ. Необходимые для этого суммы (по приблизительному расчету 102 400 руб.) выделили за счет полного прекращения закупок фенола (сырья для производства мелинита) и уменьшения производства самого мелинита [6]. Опытная тротильная мастерская была оборудована в мелинитовом отделе Охтинского завода. Здесь после ряда опытов было организовано в небольшом масштабе заводское изготовление тротила. Первая опытная партия тротила по качеству не уступала немецкому. «Опытная тротильная мастерская Охтинского завода была несколько усилена оборудованием и стала работать как небольшая производственная единица. Выпускаемый ею тротил полностью шел на снаряжение.» [4, с. 233]. В феврале 1909 г. Охтинский завод ВВ начал валовое производство отечественного тротила по 7 пудов в день и за год изготовил 2414 пудов (39,5 т) [5, с. 21].

Первые промышленные установки производства тротила в России были весьма несовершенны. Получение тротила осуществлялось нитрованием толуола в три стадии с последующей очисткой тротила-сырца перекристаллизацией из этилового спирта. Периодический способ на всех технологических операциях, отсутствие кислотооборота на стадии нитрования, ручной межфазный транспорт приводили к повышенным трудовым и материальным затратам [16].

В.С. Михайлов так описывает становление и развитие тротильного отдела:

«Необходимо указать, что мелинитовый отдел Охтинского завода взрывчатых веществ был питомником, где выросло и развилось все дело

взрывчатых веществ как в его производственной части, так и в значительной мере в части опытно-исследовательской. Здесь было установлено производство мелинита и тротила... На заводе обучался и воспитывался на опасной работе технический и рабочий персонал, который впоследствии, по мере постройки новых заводов взрывчатых веществ (Самарского, Нижегородского, Богородского и др.), переходил на эти заводы, перенося туда знание, опыт и деловые традиции...

Что касается тротилово-снаряжательных работ, то после производства необходимых опытов в 1908 г. было установлено валовое снаряжение тротилом фугасных снарядов, причем тротил заготавливали в Германии на заводе «Карбонит». К этому же времени, постепенно сокращаясь, было ликвидировано снаряжение снарядов мелинитом.» [4, с. 232-233].

В целях экономии ВВ и упрощения его фабрикации с началом войны было отменено употребление кристаллизованного тротила, и снаряды снаряжались суррогатами из смеси некристаллизованного тротила: сначала с калиевой селитрой (около 30%), а затем с селитрой аммиачной (35-45%)». Компоненты смешивались в горячем состоянии: тротил расплавляли, затем добавляли при тщательном перемешивании 3-4 порциями подогретую до 80-90°C селитру. Образовывались плавкие смеси, пригодные для заливки боеприпасов. Помимо тротила использовали сплавы тротила с динитробензолом, динитронафталином, ксилолом [13].

В 1910 г. Охтинский завод для снаряжения стал дополнительно использовать тротил Шлиссельбургского завода (затем завода им. Морозова), который к этому времени оборудовал свой тротильный отдел. Данный завод фактически был частным и находился во владении немецкого капитала. По этому поводу принималось решение Совета министров об удалении иностранных подданных из числа акционеров, но реально ничего сделано не было [14]. Шлиссельбургский завод был построен по немецкой технологии, оборудование, установленное на предприятии, было исключительно иностранного производства. Тротильное производство ставилось в нем обществом «Карбонит», причем к ознакомлению с производством никто из русских инженеров не допускался [4, с. 233].

В.С. Михайлов, совместно со специалистами Охтинского завода взрывчатых веществ, помимо разработки технологии изготовления тротила осуществил ряд усовершенствований, которые в дальнейшем широко использовались в промышленности боеприпасов: агрегат для плавки тротила и его сплавов вошел в историю снаряжения под названием «котел Михайлова»; была разработана технология заливки снарядов пикриновой кислотой без предварительной переплавки ее; технология снаряжения тротилом; разработаны приборы для испытания мелинитовых взрывателей, гарантирующих безопасное проведение работ [11, с. 50]. Заливка была длительным, малопродуктивным и опасным процессом наполнения боеприпасов.

Как отметил В.С. Михайлов, «за все время существования завода до мировой войны он периодически расширялся путем постройки новых зданий и

постановки новых механизмов, причем постепенно увеличивалась теснота расположения и опасность в отношении пожаров и взрывов.

Нужно указать, что еще в 1905 г. поднят был вопрос относительно разгрузки Петербурга от военных заводов, в том числе и Охтинского... Но начавшаяся в 1914 г. война не позволила закрыть завод. Наоборот, с первых же месяцев после объявления войны начали воздвигать в тротиловом отделе новые и новые здания с целью усилить его пропускную способность. От этого теснота на заводе, имевшая место и ранее, в значительной мере возросла, усиливая опасность в пожарном отношении» [4, с. 234]. Несмотря на все усилия, фактически к началу войны имелось в запасе 8270 пудов тротила [13]. Имевшиеся мощности в 1915 г. не были в состоянии удовлетворить резко увеличивавшийся спрос на ВВ. 8 февраля 1915 г. при ГАУ под председательством генерал-майора профессора В.Н. Ипатьева была создана Комиссия по заготовке взрывчатых веществ, которая объединила усилия ученых и практиков, казенных и частных предприятий и фактически создала новую химическую отрасль отечественной промышленности [6].

16 апреля 1915 г. в 20 часов 20 минут на стыке между дневной и ночной сменами на Охтинском заводе взрывчатых веществ произошел грандиозный взрыв, в результате которого в несколько мгновений была снесена половина завода - весь тротилово-снаряжательный отдел [4, с. 278].

В результате взрыва было уничтожено помещение для заливки снарядов тротилом; упавшей заводской трубой разрушена средняя часть машинного здания. Силой взрыва были разрушены все здания тротиловой мастерской и сильно повреждены здания снаряжательной мастерской. Крыши складов с готовыми снарядами провалились, однако боеприпасы не разорвались. Всего было разрушено более ста производственных зданий, складов, сараев. Ущерб, принесенный взрывом, составил более 440 тысяч рублей. Погибли 110 человек и ранено 220 рабочих, солдат, служащих и детей [11, с. 50].

Утром 17 апреля 1915 г. на место происшествия прибыла Комиссия экспертов ГАУ, а также военный следователь Петроградского военного округа полковник В. Нечаев. Комиссия тщательно осмотрела место взрыва. Следственные органы в тот же день приступили к расследованию этого трагического случая на предприятии. Предварительное следствие длилось более полугода. Опросили около ста свидетелей, работали специальные экспертные комиссии, проводились различные опыты [11, с. 51].

Военный следователь 5-го участка Петроградского военного округа в своем постановлении от 23 октября 1915 г. констатировал, что взрыв 16 апреля произошел в тротиловом производстве вследствие нарушения технологии плавки тротила. Как доказало следствие, взрыв не был результатом злоумышленных действий. Все материалы предварительного следствия были направлены в Главную военную прокуратуру Петроградского военного округа. Виновниками взрыва были признаны начальник завода генерал-майор В. Н. Никольский, помощник начальника завода по технической части генерал-майор Ю.Н. Россевич и старший техник П.Н. Шамшев. Они были сняты со своих постов [11, с. 51].

После взрыва завод начали немедленно восстанавливать. Для восстановления разрушенного производства правительством и Главным артиллерийским управлением были приняты срочные меры. Военное ведомство на восстановительные работы выделило значительные средства. Было освоено 529409 руб. [11, с. 51]. На строительство новых зданий ежедневно привлекались до тысячи человек: военных, строительных и сезонных рабочих. К началу 1916 г. были построены основные производственные здания и технические сооружения: снаряжательные производства, электростанции, ремонтные мастерские и т. д. Также были возобновлены и работы по изготовлению взрывчатого вещества, но вместо тротила готовился тринитроксилол, за неимением толуола [11, с. 51]. После восстановления завода его мощности не превышали и половины прежних возможностей. Остро ощущался недостаток комплектующих, энергии, сырья, материалов, топлива и т. д.

С целью утилизации отработанных кислот на Охтинском заводе была построена первая в России мастерская для изготовления суперфосфата как удобрительного тука.

По плану ГАУ, заводу в 1916 г. необходимо снарядить 700 тыс. ручных гранат. За годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) завод изготовил 22,5 тыс. пудов тротила, снарядил снарядов среднего калибра от 76 до 152 мм и более - 3,46 млн. штук, ручных гранат - около 6 млн. штук, взрывателей различных марок - почти 8,5 млн. штук [11, с. 51].

Главное артиллерийское управление в середине 1917 г. принимает решение эвакуировать завод из Петрограда на вновь строящийся Нижегородский завод взрывчатых веществ. В сентябре этого года была создана специальная комиссия из состава заводского комитета и администрации, которая должна была заняться вопросами эвакуации. В Нижний Новгород была послана делегация от заводского рабочего комитета, которая подыскала квартиры для рабочих и членов их семей [11, с. 51].

В сентябре-октябре 1917 г. на Нижегородский завод было отправлено несколько десятков станков, на новое место выехали 200 рабочих. В мае 1918 г. Ф.Ф. Яковлев был назначен директором этого завода (ныне - завод им. Я.М. Свердлова), при этом он оставался начальником и Охтинского завода взрывчатых веществ. Под его руководством на Нижегородском заводе были смонтированы промышленные установки для производства тротила и в 1922 г. запущены в работу. Снаряжательное производство было начато сразу по прибытии на него петроградских рабочих.

Решение, принятое Комиссией по применению взрывчатых веществ и ГАУ в пользу тротила как основного ВВ для снаряжения боеприпасов, оказалось абсолютно верным. В создании российской технологии тротила выдающуюся роль сыграли отечественные военные инженеры Рдултовский, Михайлов, технологи и рабочие Охтинского и Шлиссельбургского заводов. Внедренный ими способ производства ТНТ оказался вполне пригоден для дальнейшего совершенствования. В 1930-е гг. советские инженеры-химики на основе метода «Карбамид» создали высокопроизводительную непрерывную технологию

производства тротила, которая обеспечила необходимые объемы валового производства ТНТ в годы Великой Отечественной войны [16]. Но советские организаторы производства ВВ совершили ту же ошибку, что и царские перед Первой мировой войной: имевшиеся мощности по производству тротила не были обеспечены толуолом в нужном количестве.

Литература

1. Бескровный, Л.Г. Производство вооружения и боеприпасов для армии в России в период империализма (1898-1917 гг.) // Исторические записки. Т. 99. - М.: Наука, 1977.
2. Бунчин, И. «Отец» русского тротила // Вперед. – 2003. - № 143. – 27 декабря.
3. Военная промышленность России в начале XX века (1900-1917). Сборник документов. – М.: Новый хронограф, 2004. (ВПр)
4. Генерал В.С. Михайлов (1875-1929): Документы к биографии. Очерки истории военной промышленности. - М.: РОССПЭН, 2007.
5. Дмитриев, И.С. Бензольное кольцо Российской империи: Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны. – СПб.: Нестор-История, 2005.
6. Ипатьев, В.Н. Работа химической промышленности на оборону во время войны. – Пг., 1920.
7. Каст, Г. Взрывчатые вещества и средства воспламенения. – М.-Л.: Государственное химико-технологическое издательство, 1932.
8. Лазар, И.В. Химико-технологические аспекты «снарядного голода» русской армии в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. - № 74-1. - С. 274-278.
9. Лельчук, В.С. Создание химической промышленности СССР. – М.: Наука, 1964.
10. Локтев, С.М. Академик Ипатьев – химик нового века. – М.: Наука 1991.
11. ОАО «НПП «Краснознаменец». Первое капсульное предприятие России. 170 лет: создание, становление и деятельность. / Под общ. Ред. В.И. Варенницы. – СПб.: «Компьютербург», 2013.
12. Рдултовский, В.И. Исторический очерк развития трубок и взрывателей от начала их применения до конца первой мировой войны 1914-1918 гг. – М.: Государственное издательство оборонной промышленности, 1940.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 506-518. Цит. по ВПр с. 433-434.
14. РГВИА Ф. 1276. Оп. 6. Д. 199. Л. 29-33. Цит. по ВПр с. 374
15. Сидоров, А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М.: Наука, 1973.
16. Скворцов, В.Н., Судариков, А.М. Успехи и просчеты в организации советского производства тротила накануне и в годы Великой Отечественной войны. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. - Серия «История». – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. –Т.5. - №4. – С. 53-64.
17. Трофимова, Е.В. Производство взрывчатых веществ годы Первой мировой войны // Отечественная история. – 2002. - № 2. – С. 147-152.
18. Широкопад, А.Б. Чудо оружие Российской империи. – М.: Вече, 2005.

Социально-философские аспекты Первой мировой войны

Андреева А. В.

Эпоха Первой мировой войны в научно-исследовательской деятельности студентов медицинского вуза

«Вспомним всех поименно!» – этот лозунг стал лейтмотивом многолетней деятельности архангельских краеведов, решивших увековечить героическую деятельность северян в годы Первой мировой войны, которую сегодня называют Великой забытой, а ранее – Великой Отечественной или Империалистической войной [4].

Все эти названия – наша история, с которой студенты Северного государственного медицинского университета (СГМУ) и университетского колледжа знакомятся в первый годы обучения. Особое внимание в этой работе обращено на региональные исторические особенности, в т.ч. на развитие истории медицины на территории Архангельской губернии (Северного края, Архангельской области), внесшей значимый вклад в российское развитие, в т.ч. в годы Первой Мировой войны [5].

Работа по сохранению истории и патриотическое воспитание молодежи в СГМУ (ранее АГМИ – Архангельский государственный медицинский институт) активно развивается с момента его создания в 1932 г. и до настоящего времени. В 2005 г. с целью централизации исследовательской исторической деятельности в СГМУ был создан Музейный комплекс (МК) при котором организовано Общество изучения истории медицины Европейского Севера (ОИИМЕС) [11].

Большое внимание в повседневной деятельности МК обращено на патриотическое воспитание студентов, что представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность ВУЗа по формированию у студентов чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга. Обучение будущих медиков предполагает формирование у студентов общественно значимых ориентаций, гармоничного сочетания личных и общественных интересов.

Одним из ведущих патриотических звеньев МК СГМУ является Музей истории медицины Европейского Севера, где особое внимание обращено на развитие медицины в военное время. Так, в связи с началом 1 Мировой войны Архангельск, как стратегический порт, оказался на особом положении, то произошли значительные изменения и в системе здравоохранении региона. Первоначально большие проблемы возникли с оказанием медицинской помощи раненым и больным на территории Архангельской губернии. Учитывая постоянный материально–кадровый дефицит, развертывание лазаретов не всегда шло на пользу местному здравоохранению. Самая сильная нагрузка на лазареты в Архангельске возникла в конце 1916 г. – начале 1917 г., особенно после взрывов в портовых зонах [14].

Архангельску неслучайно присвоено почетное звание «Город воинской славы» и установлена стела, на барельефах которой представлены героические страницы из истории города, в т. ч. архангельские сестры милосердия, которые не только отправлялись на фронт вместе с немногочисленными врачами севера, но и активно трудились в лазаретах, развернутых на территории Архангельской губернии.

Сегодня известны не только негативные, но и положительные последствия войны для региона. Исследователи доказали, что в ходе войны был реализован ряд проектов, которые сыграли важную роль в медицинском направлении. Некоторые из них, например, применение мха в качестве перевязочного материала, использование местного растительного сырья в качестве витаминных добавок и др., были актуальны и в годы следующей войны. С целью восстановления здоровья северян началось проектирование курортных зон [14].

Наиболее значимым стал проект по получению йода из беломорских водорослей, открытие в Архангельске йодного завода, действующего до настоящего времени. Большой вклад в изучение данной темы внесла сотрудник МК СГМУ М.Г. Чирцова [13;14].

Члены Общества изучения истории медицины Европейского Севера (ОИИМЕС) и студенческого научного кружка (СНК) по истории медицины проводят на базе МК СГМУ большую исследовательскую работу по Первой Мировой войне. Так, в 2013 г. студенты и сотрудники СГМУ участвовали в проведении круглого стола по теме «Герои Отечества. Сохранение исторической памяти» в городском центре патриотического воспитания вместе с известными архангельскими историками, краеведами, военными и ветеранами, где обсуждались проблемы, связанные с сохранением памяти о Героях Отечества всех войн XX века, в т.ч. 100-летия Первой мировой войны. Итогом круглого стола стало формирование Архангельского штаба Всероссийского проекта «Великая забытая война», целью которого является сохранение культурно-исторической памяти о событиях, героях, судьбах, сражениях тех лет. Члены СНК, став активными участниками штаба, предложили организовать на базе Музея истории медицины Европейского Севера «Архив памяти» Архангельской области и обратились к северянам с просьбой о предоставлении фотографий и других документальных свидетельств периода 1914 - 1918 гг. для оцифровки. Так же были обнаружены некоторые книги, документы и медицинские инструменты того времени. В рамках проекта «Великая война и Архангельский Север» работа в МК продолжается и, будем надеяться, общими усилиями к 2018 г. в Архангельской области будет подготовлена к изданию Книга Памяти земляков – участников Первой мировой войны [15].

В апреле 2014 г. в историко-архитектурном комплексе «Архангельские Гостиные дворы» состоялось торжественное открытие выставки «Первая мировая. Петергоф. Прелюдия трагедии». Перед собравшимися в музее известными краеведами выступили студенты и сотрудники СГМУ, дополнив известную информацию новыми фактами и обратившись к северянам через СМИ с целью расширения сбора информации.

Серьезный импульс работе над проектом придала состоявшаяся в Архангельске в июне 2014 г. международная научная конференция «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)». При активном участии архангельских краеведов студенты СГМУ расширили поиск информации по темам, которыми историки и архивисты занимаются много лет, но без освещения медицинских проблем [2; 6; 8].

В марте этот вопрос обсуждался под руководством профессора С.И. Шубина на совместном заседании Архангельского регионального отделения Российского общества историков-архивистов, Добровольного культурно-просветительного общества «Норд» и ОИИМЕС. В течение года студенты СГМУ посетили ряд лекций на тему «Великая война и Архангельский Север: северяне – в Первой мировой», организованных названными организациями.

«Европейский Север в планах воюющих сторон» – такая проблема была вынесена на обсуждение второго заседания лектория, прошедшего в МК СГМУ. Лекцию с большим интересом обсудили студенты с сотрудниками музея и историком – почетным гражданином города Архангельска Г.П. Поповым, являющегося автором многих книг, в т.ч. о деятельности архангельских губернаторов в дореволюционный период [7].

Краеоведами принято обращение к правительству Архангельской области о финансировании проекта по созданию «Книги памяти», в которой планируется собрать материалы о всех наших земляках, которые прошли Первую мировую войну (воевали, погибли, пропали без вести на фронтах).

Необходимо отметить, что в изучении данной темы студентам довелось пообщаться с теми краеведами, кто за много лет до знаменательного юбилея начал изучать данную тему (Л.И. Санников, Л.А. Варфоломеев, Н.А. Окладников, В.А. Сметанин, С.Ю. Ключев, Е.Ф. Колтовой, Р.А. Давыдов и др.) По теме медико-социальной деятельности большинство публикаций принадлежат перу Т.И. Трошиной, М.А. Смирновой, Н.М. Лапиной [6; 8; 13; 14].

4 сентября 2014 г. в СГМУ состоялось открытие выставки "Августейшие сестры милосердия", посвященной 400-летию Дома Романовых, 150-летию со дня рождения святой княгини Елизаветы Федоровны, причисленной Русской Православной Церковью к лику святых и 100-летию начала Первой мировой (Великой) войны. Выставка была организована в МК СГМУ Православным сестричеством во имя Святой княгини Елизаветы (Санкт-Петербург, Лахта) и архангельским епархиальным сестричеством имени Святой царственной мученицы Александры. Участие в организации выставки приняли архангельские коллекционеры и Ассоциация медицинских работников Архангельской области (АМРАО). На выставке были представлены картины с фото царской семьи и российских сестер милосердия, а в витринах – медицинские инструменты, книги и предметы начала XX в. из фонда МК СГМУ (дореволюционная коллекция Общества архангельских врачей) [1].

Аналогичную, но меньшую выставку по истории Первой Мировой войны студенты и сотрудники СГМУ представили совместно с коллегами в краеведческом отделе областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова в

Архангельске. Интерес историков к обеим выставкам большой, в связи с чем они функционируют продолжительное время и широко освещены в местных СМИ.

В рамках проекта «Великая забытая война» студенты СГМУ приняли участие в Международных чтениях «Защитники Отечества» в Архангельске, что было представлено в интернете и вызвало большой интерес у молодежи. В музее истории медицины Европейского Севера при поддержке архангельского телевидения состоялся ряд репортажей, посвященных известным представителям медицины и здравоохранения Архангельской области, в т.ч. о важных датах, которые подробно представлены в ряде изданий СГМУ [12; 13; 14].

В научно-публицистическом сборнике «Юбилейный и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области», который ежегодно выпускается на базе МК СГМУ, представлены не только общие сведения об историко-медицинских событиях, открытиях, изданиях трудов, создании специализированных медицинских служб, основании медицинских учреждений, о персональных юбилейных датах медиков Севера, но и достаточный объем сведений о военной медицине, в т.ч. по Первой Мировой.

В мае 2014 г. студенты и сотрудники СГМУ стали участниками конференции, которая состоялась в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, где торжественно была открыта экспозиция по истории ПМВ, «Русская армия и флот, их союзники и противники в Первой мировой войне 1914-1918 гг.» [3]. Кроме того, нам посчастливилось стать свидетелями реконструкции военных событий, которая развернулась у входа в ЦМВС и стала кульминацией праздника. Реконструкторская деятельность актуальна для студентов СГМУ в связи с тем, что на протяжении нескольких лет под руководством сотрудников МК молодежь в содружестве с военно-историческим клубом «Северная Двина» развивает направление. Участие сотрудников и студентов СГМУ в реконструкции военных событий стало успешной инновацией – от небольших постановок на открытии выставок и проведении памятных мероприятий, до развертывания госпиталя. В воссоздании военных событий используются экспонаты МК СГМУ – инструменты, оборудование и манекены для ампутации. Обмундирование и снаряжение военно-полевого госпиталя отчасти сохранилось с тех далеких времен благодаря коллекционерам, отчасти представляет реставрированные подлинные образцы, или с точностью копируют исторические аналоги, что является важнейшим условием для реконструкторов.

В конце августа в Калининградской области наши коллеги в составе РООС ВИК «Северная Двина» предстали в образе бойцов российской императорской армии и сестер милосердия. В сентябре члены СНК по истории медицины вместе с коллегами из военно-исторического клуба "Северная Двина" участвовали в открытии выставки "Архангельск в Первой мировой войне". На ней представлены оружие, одежда, предметы быта со столетней историей, всё это можно было потрогать и даже примерить.

Студенты и сотрудники СГМУ в медицинской форме ежегодно принимают участие в марше «Бессмертного полка», пронося по городу фотографии своих родных и военных медиков. В этих рядах портреты не только участников Великой

Отечественной войны и тружеников тыла, некоторые из которых прошли до этого Первую Мировую. В дальнейшем планируется изготовление портретов Георгиевских кавалеров и северян, чьи потомки с гордостью пронесут эту память.

Фоторепортажи и статьи о праздничных мероприятиях и беседах с ветеранами, выявлении медицинских династий, помощи по дому, проводимых совместно со школами, учреждениями и общественными организациями Архангельской области под девизом «Никто не забыт и ничто не забыто!», постоянно обновляются на странице СГМУ [9; 10].

Без сомнения, уникальный опыт деятельности Музейного комплекса СГМУ и общение со старшим поколением дает будущим врачам не только профессиональные знания, но и социальную направленность. В музейном комплексе СГМУ восстанавливается работа Штаба студенческого научного общества под названием «Дорогами отцов», действовавшего ранее в АГМИ на кафедре военно-морской медицины. В наши дни члены СНК и волонтеры охотно собирают информацию о прадедах.

12 ноября 2014 г. в рамках Итоговой научной сессии СГМУ состоится симпозиум «История медицины и науки Европейского Севера. Посвящается 100-летию Первой Мировой войны», в ходе которого пройдет ряд важных мероприятий. Традиционно пройдет возложение цветов к памятному знаку «Медикам военных лет», который установлен во дворе СГМУ в память о тех врачах, медицинских сестрах, фельдшерах, сестрах милосердия и других специалистах, кто внес свой вклад в разные периоды в военные годы. Необходимо отметить, что до 2014 г. у этого знака проходили памятные мероприятия в честь Дней воинской славы, Дня Победы и Дня памяти и скорби, посвященных событиям Великой Отечественной войны, а так же – Советско-финляндской войны и другим событиям Второй мировой войны.

Симпозиум состоится в СГМУ в аудитории имени профессора М.В. Пиккель, отец которой был военным врачом в годы Первой Мировой войны. Откроет научный форум видеоприветствие и доклад д.м.н., профессор кафедры экологической и экстремальной медицины МГУ им. М.В. Ломоносова В. А. Логинова "Вклад Московского университета в подготовку медицинских кадров для фронтов Первой мировой войны". Так же симпозиуме будут представлены доклады «Архангельск в годы Первой Мировой войны», «Организация и деятельность военных госпиталей в Архангельске во время Первой мировой войны», «Северные священники на Первой мировой войне», «Надежная опора Российской империи: Архангельск в годы Первой мировой войны», «Местная печать периода 1914–1918 гг.: электронная коллекция Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова», «Организация добычи йода в Архангельске в годы Первой Мировой войны», «Социально-медицинское служение в годы Первой Мировой войны», «Участие в благотворительности (помощь раненым) педагогов Архангельской губернии в годы Первой Мировой войны», «Психиатрическая помощь в России и Архангельской губернии 100 лет назад», «Арктические экспедиции в период Первой мировой войны», «Фронтальная Троя. Поисковые находки периода Первой мировой и интервенции», «Книга

памяти северян - участников Первой мировой войны», «Деятельность Архангельского Красного Креста в годы ПМВ», «Памятная книжка 1914 г.», «Организация лазаретов в Архангельске в годы Первой мировой войны» и др.

Проведение указанных мероприятий определяет формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе обучения в медицинском вузе и основывается на Государственной Программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации».

Литература

1. Андреева А. В. Общество Архангельских врачей. К 150-летию со дня рождения // Известия Русского Севера. 2013. № 1. С. 23-26.
2. Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны : (1914-1918) : книга для учителей / сост.: Т. И. Трошина. Архангельск: Кира, 2008. 169 с.: фот.
3. К 100-летию начала Первой мировой войны // Центральный музей Вооруженных сил РФ : информ.-метод. сб. 2014. № 1 (30). С. 2.
4. Ключев С. Ю. Вспомним всех поименно // Известия Русского Севера. 2014. № 4 (28). С. 1.
5. Памятные даты Архангельской области. 2014 год : календарь / Гос. Арханг. обл. ; сост.: Э. А. Ворожцова [и др.]. Архангельск, 2013. 188 с. : ил.
6. Первая мировая война и Европейский Север России : материалы междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)» / под ред. Т. И. Трошиной. Архангельск : ИД САФУ, 2014. 398 с.
7. Попов Г. П. Губернаторы Русского Севера. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 2001. 495 с.
8. Трошина Т. И. Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск : ИД САФУ, 2014. 347 с.
9. Чирцова М. Г. Патриотическое воспитание студентов медицинского вуза с помощью новых форм деятельности сотрудников музейного комплекса // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : сб. материалов IX Всерос. Конф. с междунар. участием. М., 2013.
10. Чирцова М. Г. Дни воинской славы в СГМУ // Известия Русского Севера. 2013. № 1. С. 3.
11. Щуров Г. С. Продолжая традиции. К 5-летию Общества изучения истории медицины Европейского Севера. Архангельск : Издат. Центр СГМУ, 2010.
12. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2013 год / [сост.: А. В. Андреева, М. Г. Чирцова]. Архангельск: Сев. гос. мед. ун-т, 2012. 280, [1] с.
13. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2014 год: в 2 т. Т. 1/ [сост.: А. В. Андреева, М. Г. Чирцова]. Архангельск: Сев. гос. мед. ун-т, 2014. / 305 с. : фото.
14. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2014 год: в 2 т. Т. 2/ [сост.: А. В. Андреева, М. Г. Чирцова]. Архангельск: Сев. гос. мед. ун-т, 2014. / 182 с. : фото.

Гусева А. Ю.

О социально-философских идеях романов А. А. Богданова

В конце XX в. в отечественную философию вернулись те концепции, которые не допускались в интеллектуальную жизнь во времена примата марксизма-ленинизма. Это была не только зарубежная русская философия, но и

те марксистские идеи, которые по каким-либо причинам (прежде всего из-за несовпадения с официальной идеологией) не упоминались, но скрыто влияли на общественную жизнь. К таким концепциям следует отнести взгляды А.А. Богданова (Малиновского). Его научные и философские исследования на фоне переоценки достижений прошлого века привлекают все больше внимания. С 1999 г. существует Международный институт Богданова [1], занимающийся изданием ранее неизвестных работ этого «человека ренессансного типа» [2]. (В связи с образом «русского Леонардо» чаще вспоминают П.А. Флоренского, однако разносторонность А.А. Богданова позволяет назвать его человеком эпохи Возрождения с неменьшими, если не с большими основаниями. Как показал М. Хагермейстер, П.А. Флоренский осознавал себя скорее как человека Средневековья [3]. Богданов же более напоминает ренессансную личность еще и потому, что его интересы находятся в естественнонаучной сфере, неслучайно М.С. Уваров, описывая массовые представления о Богданове, называет его «рыцарем русского позитивизма» [4].) Задача данной статьи – исследовать некоторые особенности литературно-художественных произведений Богданова. Роман «Красная звезда» (1908) [5] считается одной из последних утопий классического типа в отечественной литературе и социально-философской мысли. С ним сюжетно связан роман «Инженер Мэнни» (1912) [6]. Зачастую эти произведения прямо объединяют в дилогию, однако, возможно, замысел автора (им самим до конца не осознанный) был более сложен и предполагал цикл из нескольких произведений [7]. По мнению литературоведов [8], с романами содержательно связан также рассказ «Праздник бессмертия» [9].

Интерес к утопии, как правило, обостряется в пограничных для социума ситуациях; нельзя рассматривать утопию исключительно как литературное явление, т.к. она всегда существует в пограничье между философией, искусством, религией, наукой и социальным действием [10]. Корни утопических произведений находятся в социально-философских построениях той или иной эпохи. В начале XX в. в утопической литературе происходит перелом – потенциал классических утопий исчерпан, антиутопия становится все актуальнее. Наряду с литературными утопиями А.В. Чаянова, В.Я. Брюсова, С.Ф. Шарапова романы А.А. Богданова отчетливо маркируют этот перелом. «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» балансируют на грани утопии и антиутопии. В «Красной звезде» идеально устроенное общество будущего оказывается перед угрозой глобального ресурсного и экологического кризиса, по причине которого его граждане готовятся к экспансии на другую планету, где ресурсов достаточно, а аборигенное население по культурному уровню ниже, и потому планируется его уничтожение. Поскольку идеальное общество – марсиане, а планета для возможного захвата – Земля, сюжет получает особую остроту. К счастью для землян, более гуманные марсиане убедили менее гуманных в наличии необходимых ресурсов на Венере, где нет населения, и земное человечество избежало истребления. В «Инженере Мэнни» описан предшествующий событиям «Красной звезды» этап марсианской истории, когда преобразовательная деятельность марсианского человечества еще не исчерпала возможности биосферы планеты. Антиутопические моменты здесь

связаны как с описанием социальной реальности (классовая борьба), так и с личностными особенностями героев. Так, антиутопизм очевиден в поведении главного героя – инженера Мэнни. Он способен на убийство себе подобного, и собственную жизнь завершает самоубийством. Вообще говоря, эвтаназия – одна из ключевых проблем социально-философской антропологии. Решение уйти из жизни по той или иной причине в одних культурах оправдывается, в других признается неприемлемым, недостойным действием. Для ряда античных философских школ эвтаназия представлялась обязательным завершением жизни мудреца. В Новое время термин «эвтаназия» в значении «легкая смерть» впервые использовал Ф. Бэкон. Для персонажей А. Богданова добровольный уход из жизни означает высшую ступень личностного развития. Инженер Мэнни, осуществив ее, тем самым помогает решению множества общественных проблем; гениальный ученый Фриде, изобретатель технологии бессмертия из рассказа «Праздник бессмертия» (1914) совершает самосожжение из презрения к бессмертию, в котором нет ничего, кроме одиночества. «За тысячу лет существования я пришел к выводу, что вечная жизнь на Земле есть круг повторяемостей, особенно невыносимых для гения, самое существо которого ищет новизны. Это одна из антиномий природы. Разрешаю ее самоубийством» [9] - пишет он в завещании. Если бы современные радикальные трансгуманисты были знакомы с социально-философскими идеями столетней давности, возможно, они задумались бы об осмысленности имморталистской идеологии. Нечто подобное образу Фриде во второй половине XX в. создает С. Лем - в романе «Осмотр на месте» описаны «эктоки», получившие бессмертие существа, неспособные ни жить (из-за одиночества и скуки), ни умереть (это невозможно технологически, т.к. тело эктока регенерирует на основе бесконечного энергетического источника) [11]. Примечательно, что архетип феникса хотя и не назван в рассказе, но присутствует в чтении ассоциативно; вполне вероятно, что этот образ спровоцировал Э.В. Ильенкова говорить о гибели цивилизации в огненной катастрофе, чтобы в другой точке вселенной возникла новая цивилизация [12]. Взгляды Богданова были хорошо известны советскому философу [13]. «Красная звезда» завершается эпизодом, в котором главный герой, побывавший на Марсе человек, убегает из земной провинциальной лечебницы к революционным событиям [5, с. 203]. Возможно - навстречу смерти; такой романтический порыв можно истолковать как своеобразное «стремление к смерти». Так завершается, как известно, жизнь самого Богданова. Отказ от медицинской помощи после осложнений от очередного переливания крови был нужен ему как врачу - для последовательного описания симптомов.

Когда в 1922-23 гг. А.Н. Толстой писал «Аэлиту», он, видимо, был не просто знаком с богдановскими произведениями, но и спорил с ними. Популярность книги Толстого и сравнительно малая известность романов Богданова вполне понятна, - важны не только тиражи советского времени, но и эстетические особенности текстов. Утопии Богданова читать не так интересно, как роман А.Н. Толстого, - все же писательская одаренность революционера скромнее, чем талант «советского графа». О скромности художественного дара

Богданова можно судить по стихам в «Инженере Мэнни», напоминающим символизм не первого ряда.

Обычно, говоря об идеях Богданова, которые опередили время, прежде всего называют всеобщую организационную науку («Тектология», 1912) [14], которая предвосхитила кибернетику Винера и общую теорию систем Л. фон Берталанфи; также можно говорить, что в ней предвосхищены идеи истоки концепции устойчивого развития. По мнению Богданова, тектология - не философия. Как последовательный позитивист, он считает, что тектология опирается на математические, естественные и общественные науки, и является преодолением философии. Но, хотя ученый отрицает существование философских представлений, на основе которых создана всеобщая организационная наука, утверждая, что она вырастает из научного знания, тем не менее, в ее основе есть и некоторые философские установки. Эмпириомонизм Богданова не мог бесследно раствориться во время работы над тектологией. Как отмечают специалисты, «находясь под влиянием эмпириокритицизма, Богданов, однако, расходится с ним по ряду принципиальных моментов. По его мнению, Мах и Авенариус не объяснили, почему в едином по материалу опыте, состоящем из элементов-ощущений, присутствуют психический и физический ряды элементов, несводимые друг к другу. Эмпириомонизм, стремясь избавиться от этого дуализма, рассматривает связь элементов опыта, во-первых, генетически, анализируя происхождение «физического» и «психического», а во-вторых, с точки зрения их организованности. В отличие от Д. Юма и махистов Богданов считал причинную связь неотъемлемым элементом научного и, философского познания. Высшей ее формой он признает социально организованную «трудовую причинность» <...> Все основные философские категории получили в эмпириомонизме свою особую интерпретацию, являясь выражением и средством социальной организованности опыта и его форм» [14]. Таким образом, социально-философские смыслы не просто присутствуют в эмпириомонизме, они выступают как смыслы главенствующие, определяющие. Утопии Богданова появились вполне закономерно – как особое социально-философское и художественное явление, они создавались параллельно с «Тектологией», но художественные произведения выражают социально-философские установки автора с расчетом на «обычного» читателя, а не на ученого. Задача утопии, по мнению Л. Мамфорда, - направить человечество к «уготованному будущему» [15], поэтому «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» дидактичны.

Литература

1. Международный институт А. Богданова. Официальный сайт [электронный ресурс]. URL: <http://www.bogdinst.ru/tasks.htm> (дата обращения 06.11.2014).
2. Тахтаджян А. Л. Слово о тектологии [электронный ресурс]. URL: <http://www.bogdinst.ru/HTML/Bogdanov/Tektology/AboutTektology.htm> (дата обращения 06.11.2014).
3. Хагермейстер М. «Новое Средневековье» Павла Флоренского // Звезда, 2006, №6 [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/11/bo20.html> (дата обращения 06.11.2014).

4. Уваров М.С. Последняя философская публикация Александра Александровича Богданова. Этические аспекты одной забытой дискуссии // «Мысль», 1999, №3. С. 226-231.
5. Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 104-203.
6. Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 204-283.
7. Быстрова О.В. Своеобразие художественного мира А.А.Богданова // Вестник Международного института А.Богданова. М., 2001, №3 (7) [электронный ресурс]. URL: <http://www.bogdinst.ru/vestnik/v07.htm> (дата обращения 06.11.2014).
8. Шушпанов А.Н. Забытый рассказ А. Богданова // Вестник Международного института А.Богданова. М., 2001, №4 (8) [электронный ресурс]. URL: <http://www.bogdinst.ru/vestnik/v08.htm> (дата обращения 06.11.2014).
9. Богданов А.А. Праздник бессмертия // Летучие альманахи. Вып. XIV. СПб., 1914. С. 51-70.
10. Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: Сущность, социально-политические функции. Мн, 1989.
11. Лем С. Осмотр на месте. М., 2010.
12. Ильенков Э.В. Космология духа // Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991, с. 415-437.
13. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980. С. 89.
14. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука, М. 2003.
15. Садовский В.Н., Поляков А.Н. Эмпириомонизм // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3539.html> (дата обращения 07.11.2014).
16. Mumford L. Story of Utopias. N.Y., 1962.

Дианова Е. В.

Культурно-просветительная работа кооперации в годы Первой мировой войны

В первые десятилетия XX в. происходило интенсивное развитие кооперативной просветительной работы, что она стала занимать такое важное место, как и работа земства по внешкольному образованию. Культурно-просветительная работа и кооперативное просвещение наряду с торговлей, заготовками и сбытом являлись важной стороной деятельности российской кооперации. На кооперативном съезде в Киеве, состоявшемся в 1913 г., в постановлении «О культурно-просветительной деятельности кооперативов» говорилось о необходимости возможно большего участия кооперации в просвещении и просветительной деятельности, в развитии народного образования. Кооперация должна была сосредоточить свое внимание на кооперативном воспитании населения «в духе солидарности и выработки в нем привычек общественной жизни».

С началом Первой мировой войны кооперативы еще больше развернули культурно-просветительную работу, что было обусловлено рядом причин, в том числе увеличением средств, выделяемых на культуру и просвещение. В связи с продовольственными трудностями во время войны население вступало в потребительные общества, что увеличивало их численность и усиливало

экономическую мощь кооперативов, которые часть прибыли тратили на культурно-просветительные мероприятия. От культурно-просветительной работы немало выигрывала и сама кооперация, кооперативное просвещение преследовало цель превратить в настоящих кооператоров, в «истинных и верных сынов кооперации» так называемых «сахарных», «мучных» и им подобных членов, которые пришли в потребительные общества, чтобы преодолеть перебои в продовольственном снабжении. Для формирования кооперативного сознания и ведения всей просветительной работы нужно было еще активнее «приняться за организацию передвижных кооперативных библиотек, читален, открытия регулярных народных чтений с участием местных интеллигентных сил, открытие народных театров, издание хороших популярных книг для народа по вопросам кооперации, сельского хозяйства, экономики, по различным отраслям знания» [2; 53].

На развертывание культурно-просветительной деятельности кооперации повлияло введение в 1914 г. «сухого» закона. Последствия запрета продажи спиртных напитков обсуждались на съезде по организации разумных развлечений, который состоялся 7-12 июня 1915 г. в Харькове. Председатель Харьковского Общества грамотности С.А. Раевский, выступая перед делегатами съезда, сказал: «Нужно ли напоминать о том благотворном влиянии, какое оказало запрещение продажи крепких напитков на городское и особенно на сельское население? По официальным и газетным сведениям, идущим с разных мест нашего обширного отечества, удостоверяется, что с прекращением продажи спиртных напитков заметно быстрое уменьшение преступности во всей стране; уменьшилось число пожаров и число самоубийств, ослабело хулиганство, улучшилась семейная жизнь; в сберегательные кассы замечается поразительный приток взносов сравнительно с предшествующими годами» [7; 3-4]. В то же время, по мнению С.А. Раевского, «пьянство не есть плод одной народной темноты и недостатка культуры, а нередко является результатом мертвящей деревенской скуки и неумения, помимо выпивки, заполнить досуг во время отдыха, столь необходимого рабочему человеку» при запрещении продажи вина и водки [7; 4].

Собравшиеся на съезде общественные деятели, врачи, кооператоры, священники говорили о том, что нужно поднять общий уровень просвещения в стране. Требовалось срочно принять меры для «здорового заполнения досуга населения, чтобы избавить его от царящей в деревне «мертвящей скуки», от которой, по выражению одного крестьянина, «хоть бросайся головой в прорубь» [8; 4]. Как сказал на съезде известный педагог С.О. Серополко, война и отрезвление народа «с необыкновенной остротой дали почувствовать русскому обществу неудовлетворенные культурные нужды народа и неотложность их удовлетворения» [8; 148].

Кооперативные деятели одобряли запрет продажи спиртных напитков, отмечая, что «деревня отрезвела, и даже безнадежные пропойцы обратились в настоящих людей». С запрещением спиртных напитков на долю кооперации выпала «сложная ответственная и великая задача – помочь деревне перейти к

новой культурной, т.е. более просвещенной и более нравственной жизни». Однако «выбравшись, случайно из одной ямы, деревня лезет в другую: не стало водки – начинает появляться в широких размерах картежная игра». Поскольку «за отсутствием культурных условий» деревня не могла «дать крестьянину возможности разумно и с пользой проводить праздничный досуг», взамен пьяного разгула «с тоски и безделья крестьяне увлеклись пагубной игрой в карты». Работники сельских кооперативов видели, что «деревня отрезвилась, но не изменилась, и если ей не придти на помощь теперь же, не дать ей возможности удовлетворить духовные запросы и целесообразно использовать имеющийся досуг – ее снова ждет возврат к старому». Кооперация должна была помочь культурно-просветительной работе в деревне, предоставить возможность «деревенскому населению удовлетворить запросы ума и требования души» [3; 5].

В числе «просветительных мер, противопоставляемых кабакам», назывались передвижные санитарно-гигиенические выставки и народные чтения о вреде алкоголя; кооперативным организациям предлагалось устраивать безалкогольные трактиры, столовые, чайные и прочие заведения для полезного времяпрепровождения, взаимного общения, отдыха и развлечения рабочих и крестьян. Безалкогольные трактиры и кооперативные чайные как просветительные учреждения должны были привлекать посетителей общедоступными лекциями, газетами, журналами, небольшой библиотекой. В библиотеках нужно было подобрать книги по истории и о путешествиях, жизнеописания выдающихся людей, произведения мировой и отечественной литературы, по земледелию, сельскому хозяйству, ремеслам [8; 181].

Центром разумных развлечений должен был стать Народный дом как учреждение местной самодеятельности и культурно-просветительной работы. Народные дома создавались с участием земства и кооперации, а за неимением их нужно было обеспечить беспрепятственное пользование зданиями школ. Устройство разумных развлечений для народа рекомендовалось начать с организации систематических чтений с проектором «волшебный фонарь»; устройства библиотек-читален и киосков для продажи газет, книг, журналов. Кооператоры не забывали, что «без широкого народного просвещения кооперативная работа не может быть поставлена на правильную дорогу», поэтому «надо напрячь все силы, чтобы содействовать распространению среди народа полезных для него знаний и сведений. В особенности теперь, когда рассеялся туман «кабашного зелья» [4; 7]. В целях облегчения распространения сельскохозяйственных и кооперативных знаний кооперативные союзы Архангельской, Вологодской, Олонецкой и других губерний приобретали кинематографические аппараты с соответствующим набором лент. Кооперация придавала большое значение организации киносеансов «в силу стремления населения к разумным развлечениям и, особенно в последнее время, когда наступило отрезвление деревни» [5; 22].

Решения о строительстве Народных домов принимались на общих кооперативных собраниях и съездах. Так, на общем собрании пайщиков Коммерческого отдела Вологодского Общества сельского хозяйства (ВОСХ) 28-

29 марта 1915 г., на котором присутствовало свыше 70 представителей кооперативов. Участники собрания высказались за необходимость укрепления трезвости и развертывания широкой культурно-просветительной работы. Общее собрание пайщиков Коммерческого отдела ВОСХ обратилось к земствам Северного края с предложением присоединиться к Ярославскому, Тверскому, Вятскому, Пермскому, Уфимскому, Московскому, Киевскому, Полтавскому и другим земствам России в деле организации Народных домов, «являющихся в данный момент необходимым условием жизни населения страны» [6; 3, 23].

В журнале «Северный хозяин» (Вологда) приводились сведения о строительстве Народных домов в различных губерниях и уездах страны. К примеру, журнал сообщал, что «4 января 1915 г. в селе Орлово Вельского уезда состоялось открытие недавно отстроенного Народного дома. В постройке Народного дома приняли участие кредитное товарищество, потребительное и сельскохозяйственное общества. На торжество по случаю открытия Народного дома были приглашены представители земства, инспекции мелкого кредита и ВОСХ». Народные дома были открыты Семеновским кредитным товариществом и Больше-Ивановскими кооперативами Вологодского уезда. Во время рождественских праздников 1914 г. были организованы спектакли в Говоровском и Стрижневском Народных домах, в районе Больше-Ивановских кооперативов, в Мироносицких и Скрябинских кооперативах Грязовецкого уезда были организованы детские елки [3; 16]. В Ярославской губернии в губернскую земскую управу поступило 15 ходатайств от сельскохозяйственных обществ и кредитных товариществ о пособиях на устройство Народных домов в разных уездах губернии. Местные ассигнования на строительство Народных домов иногда достигали 15 тыс. руб. [6; 19].

В 1915 г. в Костромской губернии к постройке кооперативных Народных домов приступили Кузнецовское общество потребителей и Адищевское кредитное товарищество Костромского уезда, Порздневское общество потребителей Юрьевоцкого уезда, Вознесенское сельскохозяйственное общество Варнавинского уезда, Острецовское кредитное товарищество Нерехтинского уезда, Одоевское сельскохозяйственное общество Ветлужского уезда. На постройку Народных домов эти кооперативы получили ссуды из Костромского губернского земства в размере от 500 до 2000 руб. [5; 20-21].

Усиление культурно-просветительной работы кооперации вызвало неоднозначное мнение самих кооперативных работников. С одной стороны, слишком быстрый рост просветительной деятельности кооперации вызывал некоторую перегрузку кооператоров практической работой, не связанной с непосредственными задачами кооперации. Другие кооперативные работники задавались вопросом: «Вправе ли вообще кооперация по своей природе поглощать в себя некоторые функции общественного самоуправления? Не следует ли им согласовать деятельность кооперативов с деятельностью земства, размежеваться, установить границы, объемы и принципы деятельности кооперации в однородной с земствами сфере народного образования?» [1; 58].

Среди кооперативных работников были и такие, которые увлекшись «широким размахом и широкими перспективами просветительной работы, стали мечтать о всеобъемлющей и даже исключительной роли кооперации в области внешкольного образования» [1; 59].

Таким образом, в годы первой мировой войны наблюдалось развертывание культурно-просветительной работы кооперации, что было связано с притоком новых членов и необходимостью их кооперативного просвещения. С введением «сухого» закона возникла потребность предоставить населению разумные развлечения, что было использовано кооперативными организациями для проведения различных культурных мероприятий.

Литература

1. Иорданский Н.Н. Культурно-просветительная деятельность кооперативных союзов и объединений. М., 1919.
2. Настольный календарь кооператора-гражданина на 1918 год. Пг., 1917.
3. Северный хозяин. 1915. № 1.
4. Северный хозяин. 1915. № 2.
5. Северный хозяин. 1915. № 3.
6. Северный хозяин. 1915. № 8.
7. Труды созванного Харьковским Обществом грамотности съезда по вопросам организации разумных развлечений. В 2-х т. Харьков, 1915. - Т.1.
8. Труды созванного Харьковским Обществом грамотности съезда по вопросам организации разумных развлечений. В 2-х т. Харьков, 1915. - Т.2.

Желобов А. П.

Издержки «почвенничества»: германский и русский этос в войне 1914 года глазами неославянинов

Остановимся на некоторых идеях известных философских представителей культуры противоборствующих сторон, претендовавших на роль выразителей «духа нации» в период I мировой войны. Нас в данном случае интересует качества этоса, приписываемые идеологами «своему» народу и «вражескому».

В отношении к Германии укажем лишь на одно известное имя. В атмосфере подъема националистических настроений, вызванных началом Первой мировой войны немецкий философ Макс Шелер (1874-1928), уже при жизни признанный одним из самых значительных мыслителей своего времени, публикует знаменитую работу «Гений войны и немецкая война» (Лейпциг, 1915). Шелер очень активно откликнулся на эту войну и даже подавал прошение на зачисление его в действующую армию. В 1916 году им публикуется сочинение «Война и возрождение», в 1917 – «Причины ненависти к немцам». Разразившаяся мировая война придавала особую остроту и российским размышлениям об антагонизме Востока и Запада, о роли России и значении русской культуры. Прежние мысли приняли еще более антизападнический характер. Русский философ В.Ф. Эрн (1883-1917) - «мыслитель с темпераментом бойца» (Г.Флоровский) публикует вызвавшую широкий общественный резонанс статью «От Канта к Круппу». В ней

он утверждал разрушительное для человечества влияние немецкой философии, идущей от Канта. Эрн становится ярким и страстным представителем "неославянофильства". Откликами на военные события стали многочисленные статьи В. Ф. Эрна, собранные в сборнике "Меч и крест. Статьи о современных событиях" (1915). По своей идейной направленности все выступления Эрна совпадают с публикациями В. В. Розанова и других известных национал-патриотов религиозного толка (С.Н. Булгаков, С.Н. Дурылин, М.О. Меньшиков, Л.А. Тихомиров).

Тексты В.В. Розанова и В.Ф. Эрна в аспекте «русской идеи» были особенно яркими. Оба русских мыслителя указывают на жестокость немцев и находят причину этой «специфически немецкой» жестокости («звериной») в общем духовном кризисе в Германии, который, в свою очередь, обусловлен преобладанием рационализма. Первая мировая война, по Эрну, делает ужасающе очевидными последствия губительного для всего человечества и культуры вырождение разума в "рацио", движении последнего "От Канта к Круппу": «Под мягкой шкурой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти. И лик «народа философов» исказился звериной жестокостью» [7, с.101]. Согласно Эрну, философия «германизма» привела мир к чудовищной войне, питаясь от идей И. Канта в "Критике чистого разума". Из этой работы вытекает, что для Бога уже нет места в представлениях человека о полноте Сущего. Это подготовило почву для «германского духа», где нет абсолютных святынь, нет онтологической Справедливости. Позиция Эрна вызывала острую полемику и порой совершенное неприятие его философской позиции. Так, известный философ С.Л. Франк обвинил Эрна в «философском национализме». Хотя, «русский Кант», вообще говоря: «искуситель, враг, высвеченный в своей сущности отсветами адского огня. Так русские религиозно настроенные мыслители приняли в душу и философию Канта» [2, с.54]. Современные авторы часто пишут, что В.Ф. Эрн фактически сводит Первую мировую войну к столкновению «духа Германии» и «духа России». Однако, например, французенка Ю. Шеррер, называет его «глашатаем духа своей эпохи» [6].

Новое видение отношений России и Запада, появившееся в годы войны - идея особой миссии России: быть на арене мировой войны глашатаем и защитницей вверенного ей восточного наследия. Такое видение совпадает с пониманием «миссии России» (т.е. её самосознания) у немца М. Шелера, которую он, со своей стороны, считает «опасной и страшной». Россия оказывается, по Шелеру, самой агрессивной и фанатичной державой. Ее принцип Шелер формулирует такими словами: если ты не станешь моим братом, я проломлю тебе голову [4].

Откликаясь на события войны, в своих блестящих очерках знаменитый В.В. Розанов приводит, как он выражается, «вопиющие факты» жестокого обращения немцев к русскими. Существенное отличие борющихся народов он видит в том, что русские «с Богом», а немцы «без Бога». Можно выделить характеристики ментальности «русских» и «немцев», разбросанные в сборнике В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» (1914):

- русская душа - сердобольная, душа народа - грубая, темная, суеверная, но сердобольная

- испуганно вспоминает Бога

- Вот этого страха и тоски ни разу не выкрикнулось у немцев, столь образованных

- немцы суть общественно-воспитанные люди, публично-воспитанные люди

- но они не суть нравственно-воспитанные люди и религиозно-воспитанные люди

- у них нет категории святого, - а жизнь души начинается с нее

- русские же всегда, с тех пор как есть "Церковь" и в ней "святые", зрят и зрили постоянно высочайший образец человечности

- русский народ всегда был жалостлив и сердоболен,

- всегда был памятен о болящем, о калеке, о заключенном в темницу

- нравы» у русских «кротки и человеколюбивы»

- от крестьянина до барина, все русские, приходя в чужие страны, - отдавали чужим народам и землям удивление, любовь, уважение.

По Розанову, «прекрасна высоко патетическая, горящая огнем и правдой» [5] статья Ардова «Наше мнение», которую он цитирует: «Как-то весь холодеешь, сжимаешься, дрожишь от подступающего к сердцу и к вискам темного, одуряющего возмущения, когда читаешь о том, что делали и делают немцы» [1]. Что же вызывает у Ардова «одуряющее возмущение»? Он пишет: - немцы, которые, везя в вагоне русских дам с детьми, запрещали им в течение тридцати часов пользоваться уборной, а потом остановили поезд, выгнали всех в поле, заставили отправлять естественные надобности и смотрели, как это совершается

- они бросали русских дам на грязный пол свиного хлева и затем брали по три марки за связку соломы.

По Ардову, не только немецкие воины, но и «простой народ» безнравственен – т.е этот народ, как целое – «скот» и «зверь»:

- «милые, добродушные Михели, что на станции дразнили несчастную мать с ребенком, умиравшим у нее на руках, потому что у нее от волнения пропало молоко, - дразнили, показывая ей в окно вагона бутылку с молоком и отдергивая ее прочь

- армейский младший офицер, что на глазах старика-отца и брата-юноши насиловал четырнадцатилетнюю русскую девочку и, когда отец хотел ее отнять, велел расстрелять старика?

- сотни и тысячи людей разных званий и состояний, которые набрасывались на русских, как звери, ощупывали их, обыскивали, снимали с дам юбки, заставляя их стоять голыми среди мужчин; те, что улюлюкали, били, щипали русских, проходивших сквозь их толпу, осыпали их скверной бранью

- те, что выбрасывали из домов пожитки несчастных русских курсовых и заставляли их ночевать на улице [1].

Здесь мы видим характерное для неословянофилов сугубо эмоциональное восприятие и оценку как «звериной жестокости» действий немцев и отрицание самой возможности чего-либо подобного со стороны русского народа. Но – всё

гораздо сложнее - жестокость людей многообразна и множественна, и не только на войне. Но особенно на войне.

По поводу «вопиющих фактов жестокого обращения немцев» (В.В. Розанов) приведу лишь одну «незамысловатую» иллюстрацию действий «святого» и «богоносного» «русского воинства» на чужой земле. В дневниковой записи от 23 января 1918 года поэт Рюрик Ивнев (1891-1981) фиксирует: «Виктор Шкловский приехал из Персии. Рассказывал ужасы, которые не поддаются описанию. Между прочим, рассказывал [...] и про то, как солдаты и офицеры, завладев туземной деревушкой, насилуют женщин «в очередь». Женщины, чтобы избавиться от этого, мазали себе лицо, грудь и половые органы калом, но наши солдаты обтирали это тряпками и все-таки насильовали их ...» [3, с. 322-323]. Следует иметь в виду, что здесь речь идёт именно о воинах царской армии I мировой войны. Рассказчик В. Б. Шкловский (1893-1984), после Февральской революции - помощник комиссара Временного правительства, был направлен в Северный Иран, где следил за эвакуацией русских войск и оттуда вернулся в начале 1918 года. [3, с.760].

За прошедшие 100 лет со времени I мировой войны накопилось несметное число фактов «вопиющей жестокости обращения» коллективной и индивидуальной, приватной и освещённой «интересами государства», «нации», «народа» и т.п. Воистину, человек «универсальное животное, не имеющее своей природы»! - он всегда уникален в ещё не бывшей, новой, уникальной среде. И, вероятно, в рассмотрении феномена жестокости следует избегать надкультурных позиций и воздерживаться от универсальных ценностных суждений, приводящих к явным издержкам в интерпретации общего и особенного в национальном этосе.

Литература

1. Ардов Т. Наше мнение // «Утро России», 14-го августа 1914.
2. Ахутин А.В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. № 1. 1990. С. 51—69.
3. Ивнев Р. Дневник. 1906-1980 / Сост. И.И.Леонтьева. – М.: Эллис.Лак, 2012. – 880 с.
4. Марков В. Б. Макс Шелер и русская философия XX в., 2014 // http://maxscheler.philosophy.spbu.ru/index.php?Itemid=52&id=119&opton=com_content&task=view
5. Розанов В.В. Забытое и ныне оправданное // Война 1914 года и русское возрождение http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_voyna_1914.html#004
6. Шерер Ю. Неославянофильство и германофобия. Владимир Францевич Эрн // Вопросы философии. Вопросы философии №9.1989. С.84-96.
7. Эрн А.Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии №9.1989. С.101-107.

Корнилов С. В.

Первая мировая война и обоснование патриотизма в русской философии

Первая мировая война сыграла огромную роль в становлении русского национального самосознания. Существенный вклад в осмысление уроков войны внесли отечественные мыслители, среди них: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, И.А. Ильин, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др. Под влиянием событий войны качественно изменилась философская проблематика: на первый план выдвинулись тесно связанные между собой вопросы войны и мира, жизни и смерти, Родины – проблемы, сфокусированные в концепции патриотизма. В чем же состоит обоснование идеи патриотизма русскими мыслителями? Какое значение их разработки имеют для современной России?

Для ответа на поставленные вопросы целесообразно начать с рассмотрения изменений, произошедших в Отечестве с началом Первой мировой войны, а также проанализировать их оценку русскими мыслителями. В.В. Розанов отмечал, что в те дни Россия стала неузнаваема: все наносное, суетное, мелкое было смыто очистительной бурей войны. Вместо столь характерного для обывателей заискивания и преклонения перед чужим появилось осознание самодостаточности. «Как в лучшие времена истории, Россия стоит одна нераздельна, – потому что на границе встал враг, угрожающий нам всем «без разделений», угрожающий нам *всем*», – констатировал мыслитель [4].

Враг, вторгшийся в русские земли, появился не вдруг, он тщательно готовился к войне. Кто же возвращал милитаризм в Германии? Одним из значительных достижений русских мыслителей начала XX века стал анализ связи отвлеченных категорий западной философии с земными реалиями. В речи В.Ф. Эрна «Кант и Крупп», произнесенной на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 г., он предельно точно сформулировал суть вопроса: «Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные, кровожадные когти. И лик «народа философов» исказился звериной жестокостью. Малин и Лувен, Калиш и Реймс вызвали бурю негодования, и все разом, дружно решили, что немецкая культура – одно, а зверства – другое, что Кант и Фихте столько же повинны в милитаристических затеях прусского юнкерства, сколько Шекспир и Толстой, и потому: да здравствуют Кант и Гегель, и да погибнут тевтонские звери!

Моя речь – самый страстный протест против этого упрощенного понимания всемирной истории. Я сразу скажу свои тезисы и затем перейду к доказательствам. Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же германского духа в орудиях Круппа» [5]. Сегодня кое-кто стремится стыдливо замолчать эту связь. Раньше данной «транскрипции» не стеснялись: в 1914 г. философский факультет Боннского университета присудил и самому Круппу, и директору его заводов Аусенбергу звание почетного доктора.

Европейскому обществу начала XX века, возникшему в результате развития буржуазных общественных отношений, в целом была присуща глубокая духовная

и нравственная разьединность. Каждый в нем преследовал свой собственный интерес, отличный от интересов других людей. Личное благосостояние рассматривалось как главная цель жизни. Единственной реальной почвой всех оценок стал частный интерес. «Сочувствие» и «солидарность» понимались лишь как временные параллели в судьбах людей, преследующих свои собственные интересы. Что же произошло с этим обществом в 1914 году?

«...Война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя, – отмечал И.А. Ильин. – Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту. Война насильственно вдвинула в наши души один *общий* предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здесь» – некое великое «там» и потрясла нас этим «там» до корня» [2]. Что же это был за «общий предмет»? Рано или поздно человек открывает для себя существование важнейшего экзистенциального вопроса – о Родине. В поворотные моменты нашей жизни ощущается вся значимость места, где человек родился; оно только на первый взгляд может казаться случайным, но на самом деле делает нас сопричастным бытию.

Развивая свои идеи в последующих трудах, И.А. Ильин возражал тем, кто объявлял патриотическую идею несостоятельной в современных условиях. Ошибка оппонентов, отмечал философ, состоит в том, что в основе их представлений лежит подмена «родины» ее «суррогатом», который ошибочно принимают за родину, а именно: эмпирические условия жизни (природные или исторические) рассматриваются как нечто самостоятельное. Однако ни территория, ни климат, ни привычный быт и язык, ни хозяйственный уклад или гражданство не составляют родины, ибо «родина есть *нечто от духа и для духа*». Природные, исторические, кровные связи, только приобретая духовое значение, становятся предметом патриотической любви. При таком условии человек воспринимает их как материал для духа – не только своего собственного, но также духа предков и духа народа.

Анализируя природу патриотизма, И.А. Ильин характеризует его как определенную ступень духовного опыта и духовного развития. «Тот, кто говорит о родине, – утверждал мыслитель, – понимает (сознательно или бессознательно) *духовное единство своего народа*... Это единство вырабатывается исторически, в борьбе с *природой*, в создании единой *духовной культуры* и в *самообороне* от вторгающихся нарушителей. Это единство закрепляется *своеобразием национально-культурного акта* и системой навязывающихся исторически-культурных и государственно-хозяйственных задач. Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою природную и историческую «данность» и духовно проработать ее, одолеть ее, *одухотворить ее по-своему, пребывая в своем, своеобразном национально-творческом акте*» [3].

Вывод Ильина о том, что родина – духовная реальность, позволяет ему сформулировать еще одно принципиальное положение: ее обретение связано с личной духовностью человека, следовательно, тот, кто лишен духовного опыта, не будет способен и к патриотизму. Вместе с тем, если любовь к родине, как и

всякое настоящее чувство, коренится в глубинах человеческой души, то подлинное обретение родины каждым из людей переживается самостоятельно и самобытно. Это значит, что «казенный» патриотизм, т. е. навязываемый извне, принудительно, может на самом деле и не способствовать развитию чувства родины. Задача воспитания в этом плане заключается в том, чтобы пробудить у ребенка настоящий патриотизм, то есть исповедовать его и доказывать реальными делами.

Акт духовного самоопределения личности состоит в приобщении ее к нации и родине. А внутренняя и внешняя эмпирическая данность, проработанная духом, подчеркивает мыслитель, представляет собой национально-духовный уклад, связующий людей. У каждого народа он своеобразен и проявляется специфически в различных областях человеческой жизни – в искусстве, верованиях, нравственности, познании, хозяйственной деятельности.

Содержательное раскрытие особенностей русского патриотизма мы находим у Н.А. Бердяева. Отечественная мысль, русские искания, отмечал мыслитель, со всей очевидностью свидетельствуют о существовании русской идеи, наиболее полно выражающей характер и призвание русского народа. Национальный тип, народная индивидуальность с трудом поддаются строгим научным определениям. Можно согласиться с Бердяевым в том, что тайна всякой индивидуальности постигается лишь любовью и в ней остается нечто непостижимое до конца, невыразимое в системе рассудочных дефиниций.

При этом патриотизм вовсе не заключается в идеализации народной жизни. Природа русского человека, по мнению Бердяева, очень противоречива. Ему присущи и смирение, отречение, но также и протест против несправедливости жизни, бунт. Сострадательность, жалостливость соседствуют с возможной жестокостью, любовь к свободе – со склонностью к рабству. Отечественная история дает впечатляющие примеры как деспотизма и невиданной гипертрофии государства, так и анархии. Обостренное сознание личной индивидуальности сочетается с безличным коллективизмом, воинствующее безбожие – с исканиями Бога. «Противоречивость и сложность русской души, – заключает мыслитель, – может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [1].

Русские мыслители, осмысливая опыт Первой мировой войны, последующее историческое развитие, внесли ценный вклад в философское обоснование патриотизма. Сегодня сформулированные ими идеи актуализируются в условиях, когда Россия сталкивается с новыми вызовами.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44.
2. Ильин И.А. Война и культура. М. 1915. С. 7-8.
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 232.

4. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 33.
5. Эрн В.Ф. От Канта к рупу // Соч. М., 1999. С. 308-309.

Кузнецова О. Н.

Общественные инициативы в условиях Первой мировой войны и дороговизны

Первая мировая война, помимо непосредственно боевых задач, поставила перед русским государством и обществом новые экономические проблемы. Вопросы ведения хозяйства в период войны помимо неизвестных в мирное время проблем, таких как изменение производства, в связи с войной, трудностей с продовольствием, транспортом и проведением мобилизаций выявили отсутствие исследований и необходимость срочного принятия экономических решений. Это вызвало одновременный всплеск количества работ, посвященных изучению состояния хозяйства в ходе войны, а также общественной инициативы, направленной на скорейшее разрешение актуальных проблем, что дало богатый материал для исследований. Не случайно, П.В. Волобуев, рассматривая формы деятельности научных обществ, особо выделял такую, как организация конкретных научных исследований [1]. С одной стороны общественные организации с привлечением научных и общественных сил стали решать насущные проблемы, которые государство отдало в их ведение. Так, А.С. Туманова пишет о том, что в годы войны государство часть проблем вынуждено было передать в руки общественных организаций, таких как ВЭО и ИРТО, Земские союзы и др.[2]. С другой, это стимулировало работу самих организаций, создавало широкое поле деятельности и придавало общегосударственную значимость их работе. В одной из лучших работ, посвященных народному хозяйству, в связи с войной, проф. А.И. Гриневецкий, как и большинство авторов отмечал: «В нашем прошлом при всех неблагоприятных условиях русской интеллигенцией велась обширная работа, – которая дала России - литературу, науку, школу, земское хозяйство, кооперативное строительство и даже оборону государства в 1915-16гг.»[3].

Инициатива по решению вопросов, поставленных впервые мировой войной в России, наряду с общественностью[4], исходила и от государства, которое в 1915 году создало Военно-Промышленные Комитеты. Один из исследователей этой проблемы М.Ф. Юрий отмечал: «Это была общественная организация с тенденцией превращения ее в часть государственного аппарата. Поскольку она стремилась взять на себя такой сегмент, как заказы военного времени для нужд фронта»[5]. Так, Петроградский окружной военно-промышленный комитет прямо заявлял о том, что многие задачи государственной строй сможет успешно решить, лишь опираясь на общественную работу, в частности, на деятельность уже существующих организаций[6].

Менее известным является освещение роли научных и общественных организаций в решении возникших в связи с войной экономических проблем. Интерес к изучению причин происходивших изменений создал новые

направления в решении экономических вопросов. В частности, одной из ключевых проблем стал рост цен на товары первой необходимости - так называемая дороговизна. С началом войны общественные организации признали необходимым исследование влияния войны на русское народное хозяйство. Нужны были специальные структуры, которые помимо определения вектора необходимых исследований, позволили бы выработать конкретные меры для нормального функционирования экономики. Так, для борьбы с ростом цен и недоступностью многих товаров при обществе имени А.И. Чупрова [7] были объединены общественные научные, технические и промышленные организации, которые составили «Комиссию по изучению современной дороговизны». Комиссия была создана 19 марта 1915 года для «систематической фиксации явлений обуславливающих дороговизну», также деятельность комиссии включала в себя научное освещение этих явлений, экспертную деятельность и выработку мер по борьбе с дороговизной. Проявления дороговизны были разнообразны, поэтому одной из задач комиссии стало привлечение к сотрудничеству специалистов из различных отраслей. В состав комиссии входили известные специалисты – Н. И. Астров, А.А. Мануйлов, В. Г. Громан и др.[8]. Комиссия не случайно исследовала такие факторы как размеры производства важнейших продуктов, их потребление, запасы, транспорт торговля, банковские операции, урожаи и посевные площади, поскольку можно утверждать, что Первая мировая война изменила не только методологию ценообразования, но и экономическую теорию в целом.

Комиссия выпустила свои труды [9], охватывающие все возможные сферы экономики. Всего было издано четыре выпуска. В первом выпуске представлены исследования – Я.М. Букшпана «Мировая дороговизна»; П.П. Маслова «Движение товарных цен и влияние их на распределение национального дохода»; В.Г. Громана «Дороговизна хлебных и кормовых продуктов»; Ф.А. Липкина «Цены на хлеб и корма в первый год войны»; В.Г. Громана «Исследование ценообразующих факторов в год войны» и ряд других. Второй выпуск носил практический характер и был посвящен товарам первой необходимости. В нем были опубликованы: С.Н. Прокопович «Снабжение столичных рынков мясным скотом и мясом»; А.Е. Лосицкий «Цена на мясо в Москве»; А.А. Соколов «Сахар»; А.В. Чаянов «Лен»; А.А. Федотов «Вздорожание тканей»; Л.Б. Кафенгауз «Снабжение страны минеральным топливом во время войны» и др. Третий выпуск касался проблем, связанных с состоянием финансов в годы войны: З.С. Каценеленбаум «Война и русский рубль»; П.П. Гензель и А.А. Соколов «Налоги, введенные во время войны и дороговизна»; И.А. Поплавский «Военно-грузовой налог и его влияние на дороговизну»; А.М. Арцимович «Состояние железнодорожного транспорта во время войны»; С.Н. Прокопович «Запрещения вывоза»; П.П. Гензель «Роль банков и кредита в современной дороговизне» и др. Четвертый выпуск характеризовал положение на различных рынках. Доклады: С.В. Сперанского «Нижегородская ярмарка в 1915г»; А.В. Чаянова «Состояние льняного рынка с марта по ноябрь 1915»; В.П. Милютина «Сельскохозяйственные работы в 1915г»; С.А. Первушина «Прекращение

продажи питей, как один из факторов дороговизны»; А.В. Лосицкого «Организация скотопригонного и мясного рынка в Москве»; А.Н. Лаврухина «Потребительная кооперация и дороговизна жизни» и др. во многом впервые наметили новые направления исследований. Борьба с дороговизной, несомненно, беспокоила государство. Комиссия сотрудничала с Особым совещанием по продовольствию, созданным в 1915 году. Затем в 1916 г был создан Особый Комитет для борьбы с дороговизной при МВД [10]. Кроме того, рост цен был общемировой проблемой, война вызвала резкие изменения в мировой экономике [11] и русские общественные силы привлекала возможность экспертной деятельности на благо государства в годы Первой мировой войны в общегосударственном масштабе.

Одной из форм общественной активности в период первой мировой войны стали съезды и различные совещания по экономическим вопросам. Так в июле 1915г. московским Союзом городов было организовано совещание по вопросам дороговизны, где прозвучал ряд докладов [12]. Сотрудник министерства финансов А.Л. Рафалович в докладе на втором Чрезвычайном Всероссийском съезде [13] отмечал, что для разрешения вопроса о дороговизне необходимо устранить причины, которые нарушают функционирование механизма «спрос-предложение», по его мнению, одной из причин дороговизны являлись военные налоги и мобилизационные меры. Действительно ученые и общественные деятели проделали огромную работу, так профессор К. Г. Воблый писал: «В последнее время стал привлекать внимание вопрос о дороговизне. Когда разразилась война, многие ждали, что это приведет к удешевлению жизни, поскольку Россия вывозила много сырья, с войной экспорт приостановился, естественно было ожидать падения цен на внутреннем рынке. Но жизнь вздорожала и теперь приходится думать о защите интересов потребителя»[14]. В качестве средства для устранения негативных последствий К.Г. Воблый предлагал выяснить имеющиеся запасы продовольствия и точные размеры привоза товаров, что создаст полную статистическую картину для выработки определенного плана борьбы с удорожанием жизни. Министерство внутренних дел начало собирать сведения о предметах первой необходимости, заметим, что собранные материалы, как и сама идея были использованы в дальнейшем в период работы Временного правительства.

Теоретическое освещение вопроса о причинах удорожания жизни было дано в работах В.А. Мукосеева, А.Н. Анцыферова, С.Н. Прокоповича, а также ряде специальных изданий [15]. Так, С.Н. Прокопович, хорошо знакомый со времен работы в комиссии с проблемами экономики периода военного времени, опубликовал известную работу посвященную влиянию войны на экономику России [16]. Где он рассмотрел положение хозяйства до войны, военные расходы и их последствия для экономики, влияние войны на производство, народный доход, транспорт, кредит и торговлю. В.А. Мукосеев в своей работе исследовал предпосылки увеличения цен; проанализировал повышение цен на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары [17]. Выходившие в данный период работы стали способом привлечения внимания к решению

экономических задач и изменений в правовом пространстве с учетом реалий военного времени.

Таким образом, Первая мировая война не только поставила перед страной ряд новых задач, но и привлекла исследовательские силы к их решению. Роль общественности, в решении возникших в связи с войной экономических проблем и в частности дороговизны, проявилась в создании специальных организаций, широком отклике в ходе съездов и совещаний, а также фундаментальном анализе и разработке идей, ряд из которых были воплощены на практике. При выработке необходимых мер правительство порой вынужденно привлекало научные и общественные силы. Произошедшие изменения государственного механизма в связи с тяготами войны требовали анализа и поиска адекватных мер для стабилизации и улучшения состояния экономики именно поэтому самодержавие, которое в мирное время не приветствовало рост общественной инициативы, в условиях войны, а впоследствии и революции подчинилось необходимости и предоставило разрешение ряда вопросов экспертной деятельности общественных и научных организаций. Это был уникальный шанс расширения общественной инициативы и усиления влияния общественности на экономическую политику государства. Общественные и научные организации, а также отдельные исследователи получили возможность влиять на происходившие в экономической политике процессы, что способствовало росту их авторитета, а впоследствии обеспечило преемственность в деятельности власти в период Февральской революции, в работе Временного правительства, куда, как известно помимо политиков, предпринимателей вошли и русские научные и общественные деятели.

Литература

1. Волобуев П.В. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С.134
2. Туманова А.С. Научные общества России в годы Первой мировой войны: усилия по созданию «домашнего фронта»
3. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919
4. Научные общества и съезды в конце 19в. (фрагмент рукописи о развитии науки в дореволюционной России. Б/д); Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914 – 1917). М.,2003; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII - начале XX в.: [сборник статей / редкол.: Туманова А.С. и др.]. М., 2011
5. Юрий М.Ф. Центральный Военно-промышленный комитет: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. М., 1981
6. РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 45. Оп.1. Д. 93
7. Общество имени А.И. Чупрова возникло в 1911 году при Московском университете
8. Общество имени А.И. Чупрова. Комиссия по изучению современной дороговизны // Агрономический журнал. Харьков. 1915г. Кн.5.
9. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып.1-4. М.,1915
10. ГАРФ. Ф.6831. Д. 41. Л.67
11. Букшпан Я. М. Мировая дороговизна. Пг.1915
12. См. доклады: Н.А. Свамицкого «Таксировка продуктов первой необходимости», В.Г. Михайловского «Реквизиция продуктов»; В. Г. Громана «Учет производства, запасов, обмена и транспорта продуктов первой необходимости», а также доклады П.П. Юренева, А.Н. Фролова, А.М. Арцимовича; С.Н. Прокоповича и др. / Труды совещания по

- экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. М. 11-13 июля 1915г (изд. Главный комитет Всероссийского Союза городов)
13. Рафалович А.Л. О дороговизне. Материалы к вопросу №4 программы второго Чрезвычайного Всероссийского съезда 1916г
 14. Воблый К.Г. К вопросу о причинах современной дороговизны. Киев. 1915
 15. Новые идеи в экономике. Непериодическое издание, выходящее под ред. Проф. М.И. Туган-Барановского. СПб.,1914; Вопросы мировой войны. Сб.ст. Пг.,1915
 16. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М.,1918
 17. Мукосеев В.А. Повышение товарных цен. К изучению основных тенденций в развитии современного мирового хозяйства. СПб.,1914

Москвитина О. А.

Русские психологи во время Первой мировой войны

Известие о начале Первой мировой войны, не могло оставить равнодушной русскую интеллигенцию и её интеллектуальную элиту – учёных.

«Вторая Отечественная война» получила глубокий отзвук в исторической судьбе ученого сословия царской России, резко повысив его общественный статус. Из научно-просвещающего центра она превратилась в важную часть оборонного потенциала Российской Империи» [3].

По своим масштабам и последствиям Первая мировая война не имела себе равных во всей предшествующей истории человечества. Эта война поставила под угрозу существование государства и общества, объединила большинство граждан и заставила на время забыть распри и вражду. Для людей того времени она стала отечественной: «вторая Отечественная война», «Великая война» – так называли её до октябрьских событий 1917 года.

С социально-психологической точки зрения технологическая оснащенность войны произвела невероятный эффект на людей участников военных действий и гражданское население. Человек ощутил себя уязвимым перед армадой военной техники и на суше, и в воздухе, и на воде. Во время боевых действий применялась бомбардировка авиацией фугасными, осколочными, зажигательными бомбами, на суше люди гибли под гусеницами танков. Но одним из самых страшных изобретений, примененных во время Первой мировой войны стало использование отравляющих веществ массового поражения. До миллиона человек было отравлено и убито газом.

Русская интеллигенция встретила известие о войне с патриотическим подъемом; в своём большинстве приняла «Священное единство Государя с народом». Временно были забыты политические и идейные противоречия и разногласия. Угроза, исходящая от общего врага послужила укреплению духа и сплочению учёных, принявших решение «Война до победного конца», исключая т.н. «пораженцев», приветствовавших революцию и проигрыш в войне.

Масштабность и изощренность военной машины потрясала воображение просвещенной России. Академические круги однозначно признала виновной в начале войны Германию. Противостояние «Мы – Они» обрело массовый идеологический характер. Подавляющее большинство интеллектуалов, «людей

духа» было втянуто в так называемую «мобилизацию интеллекта». Значительная часть отечественной интеллигенции сыграла заметную роль в развернувшейся пропаганде. Своим научным авторитетом она старались мобилизовать нацию на борьбу [5]. Война рассматривалась как время утверждения еще ранее провозглашенных и потенциально всеохватывающих идеалов и ценностей обеспечения лояльности своему правительству или народу [6].

Помощь и поддержка со стороны профессуры и преподавателей велась по двум основным направлениям: во-первых, велись разработки военной направленности в сфере технического оснащения фронта, медицинских разработок, энергетического и транспортного обеспечения; во-вторых, идеологическая и пропагандистская работа. Так же ученые принимали активное участие в различных благотворительных общественных проектах.

Представители психологической науки не остались в стороне от всеобщего дела помощи Отечеству в победе над врагом в Великой войне.

К началу войны психология в России осуществляла своё становление и укрепление позиций среди других наук. «К началу XX в. русская психология превратилась в разветвлённую область научного знания, как прикладного, так и теоретического характера. Продолжая традиции русской мысли, она достигла в своём развитии уровня, соответствующего мировой науке. В то же время сосуществование в русской психологии различных теоретических подходов... было свидетельством раскола отечественно психологии, её кризиса» [8, 12].

Психологическая наука активно развивалась в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске, Киеве и представлена Московским психологическим обществом Московского университета, Санкт-Петербургским философским обществом, обществом врачей и обществом невропатологов и психиатров при Варшавском, Казанском, Московском, Санкт-Петербургском и др. университетах, собранием врачей Санкт-Петербургской клиники душевных и нервных болезней и Московской психиатрической клиники и др. [7].

В широком профессиональном сообществе возник значительный интерес к психологическим знаниям, психологической культуре. Представители разных специальностей: философы, историки, филологи, и врачи-психиатры, невропатологи, учёные-физиологи, педагоги, музыканты, военные, работники промышленной сферы, меценаты были заинтересованы наукой психологией.

Московское психологическое общество при Императорском Университете включало в свой состав представителей таких разных специальностей как В.С.Соловьёв, С.С.Корсаков, Г.И.Россолимо, Л.Н.Толстой, В.И.Немирович-Данченко, А.Н.Скрябин, В.И.Вернадский и многих других.

Первая мировая война отразилась, и на деятельности, и на жизни многих из них. К сожалению, найти достоверный ответ на вопрос о том, каким-образом известные психологи приняли участие в событиях, связанных с этой войной сейчас не представляется возможным. Но о судьбе некоторых из них можно говорить с определённой точностью.

Будущий всемирно признанный учёный-психолог, директор НИИ психологии АПН СССР Анатолий Александрович Смирнов сразу после

окончания университета в 1916 году был призван на военную службу, прослужил немногим больше года в кавалерии, был демобилизован в 1918 году в связи с прекращением существования Царской Армии. Другой выдающийся психолог, заведующий лабораторией НИИ психологии АПН СССР, Борис Михайлович Теплов в 1916 году был призван в армию. По окончании школы прапорщиков получил назначение в пехотный полк Западного фронта, участвовал в боевых действиях.

Академик Владимир Михайлович Бехтерев в период Первой мировой войны способствовал переоборудованию созданного им Психоневрологического института в Военный госпиталь, в котором функционировало первоклассное нейрохирургическое отделение. Выступал неоднократно по поводу происходящих событий. В своей речи «Моральные итоги Великой мировой войны» на торжественном актовом заседании «Психоневрологического института 2 февраля 1915 года (впоследствии дополненной для публичной лекции) посреди прочего сказал что «Но как революция в известных условиях наступает неизбежно, как бы роковым образом, так и война при определенных международных взаимоотношениях столь же неизбежна» [1].

Академик, лауреат Нобелевской премии в области медицины физиологии Иван Петрович Павлов, не смотря на то, что считал войну «Звериным способом решения жизненных трудностей», касательно Первой мировой войны говорил, что войну с Германией нужно продолжать «до победного конца». Военная кампания находилась под его пристальным вниманием, жёсткой критике подвергалось бездарное командование и её главнокомандующий – Николай II. Его жесткую позицию в отношении исхода войны характеризует факт того, что он отдалился от своих коллег членов кадетской партии (к которой он не принадлежал, но разделял основные партийные положения), узнав об их пораженческих настроениях.

Известный психолог Михаил Яковлевич Басов, будучи студентом, активно принимал участие в экспериментальных работах в рамках исследований под руководством В.М.Бехтерева и А.Ф.Лазурского результаты его изысканий были опубликованы в «Вестнике психологии»; выступает на II Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике (1914) вместо А.Ф.Лазурского. Но он прервал свои научные изыскания и на протяжении двух лет служил в регулярной армии рядовым пехоты.

Всемирно известный врач-невропатолог, дефектолог, организатор Института детской психологии и неврологии Россолимо Григорий Иванович в мае 1915 года откликнулся на заявление, сделанное в начале войны немецким генералом Пауль фон Гинденбургом о том, что в войне «победит тот, у кого нервы крепче» статьей в «Русских ведомостях». Он озаглавил её «О крепких нервах и о победе» и указывал на то, что время, прошедшее с начала войны не засвидетельствовали слабость нервов в войсках, напротив – в германских войсках он видел увеличение числа душевнобольных по сравнению с мирным временем.

Кони Анатолий Федорович, будучи широко известным юристом, специалистом, уделявшим существенное внимание вопросам психологии в судебных и следственных вопросах, в годы Первой мировой войны возглавил

несколько комитетов Государственного совета; принимал деятельное участие в работе различных комиссий: о денежных средствах, об организации помощи беженцам и т.д.; под его руководством заседал попечительный комитет судебного ведомства, созданного для защиты жертв войны, прилагал усилия для оказания помощи лицам которые стали инвалидами во время войны.

Иван Алексеевич Сикорский, доктор медицины, профессор Университета им. Св. Владимира. С его именем связано развитие отрасли естествознания – «антропологической психологии». И.А.Сикорский был человеком высоких гражданских принципов. В начале войны в Киеве он издал брошюру «Современная всесветная война 1914 года. Причины войны и устранение их». Книга имела подзаголовок на титульном листе: «Сбор от продажи в пользу семейств раненых». В работе он объяснял причины возникновения военных конфликтов извечными различиями в психической организации народов и рас.

Григорий Яковлевич Трошин – невропатолог, психиатр, психолог и педагог. Являлся последователем К.Д.Ушинского. Создал школу-лечебницу для аномальных детей в Петербурге, преподавал в Казанском университете. В годы войны служил в военном госпитале в Петрограде. По материалам текущей войны создал серию статей посвященных травматическому неврозу.

Пётр Петрович Тутышкин - психиатр, психолог и педагог. Автор статей по психиатрии, психоанализу, педологии, медицине, естествознанию. В 1914 году организовал курсы сестёр милосердия. В 1916 году написал брошюру «Духовная оборона личности и Родины», в которой с психоаналитических позиций уделил внимание духовности личности.

Владимир Федорович Чиж – врач-психиатр, физиолог, психолог. Во время войны до мая 1917 года находился на фронте в качестве врача.

Русские психологи по-разному проявляли себя во время Первой мировой войны. Установленные факты позволяют говорить, что часть из них приняла личное участие в военных действиях в качестве военнослужащих; другие – по основной специальности – врачебной. В тылу была развёрнута помощь по организации помощи жертвам войны. В качестве научного осмысления были затронуты причины, движущие силы войны, её и смыслы и предназначение.

Собственно военных разработок в прикладной психологии сделано не было. Психология в России находилась в процессе становления. Но опыт, полученный в этот период, был с успехом реализован во время Великой Отечественной войны.

Литература

1. Дмитриев А. Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война //Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001.
2. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) //Вопросы естествознания и техники. №2. 1999г. URL:<http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/history/sciwar.htm> (дата обращения 01.11.2014).
3. Кожевников А.Б. Первая мировая война, гражданская война и изобретение большой науки URL:<http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/87-111.pdf> (дата обращения 02.11.2014).

4. Кострикова Е.Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны: 1908 - 1914 гг.: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 /Кострикова Елена Гавриловна; [Место защиты: Ин-т рос. истории РАН].

5. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество / Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. URL:<http://august-1914.over.ru/dmitriev.pdf> (дата обращения 27.10.2014).

6. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А.В. Брушлинского. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. — 576 с.

7. Российская психология: Антология /Авт.-сост. А.Н.Ждан. – Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 1279 с. («Summa»).

8. Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. URL:<http://ruslitwwi.ru/files/attachment/2254.pdf> (дата обращения 30.10.2014).

Резвицкий И. И.

Мировая война и поиски идеи свободы в философии Н. Бердяева

Проблема свободы – центральная проблема философии Николая Бердяева, разработкой которой он занимался всю жизнь. Но на ее осуществление значительное влияние оказала мировая война. В работе “Судьба России” он писал, что война обнаружила кризис русского мышления, сосредоточенного на готовых схемах в осмыслении русской истории. Поэтому, по его мнению, “нужно начать мыслить не по готовым схемам, не применять традиционные категории, а мыслить творчески над раскрывающейся трагедией мировой истории” [1]. Но само творческое мышление, считал Н. Бердяев, - это свободное мышление. Поэтому проблема свободы выходит в его теории на первое место нового мышления.

Вообще проблема свободы у Н. Бердяева имеет более широкое значение, являясь первоосновой всего бытия. Это – некое изначальное состояние бытия, изначальное онтологическая реальность, обуславливающая все существующее. Даже бог действует в своем творчестве через свободу. Как объясняет сам Н. Бердяев, “свобода есть иррациональная тайна бытия” [2].

В поисках сути свободы Н. Бердяев прошел длительный и противоречивый путь, двигаясь первоначально от марксистского понимания свободы как “познанной необходимости” к ее религиозному пониманию. “Свобода, - утверждал он, - есть категория духовно-религиозная, а не натуралистически-метафизическая” [3]. Сама свобода – безосновна, есть первичная данность, рожденная в бездне бытия.

Идея свободы пронизывает все творчество Н. Бердяева. Она не покидает его творчество до конца его жизни. Сам он признавался: “В сущности, я всю жизнь ищу философию свободы, стараясь ее усовершенствовать и дополнить” [4].

В конечном счете, свобода предстала у него не как “свобода воли”, не как “возможность выбора”, а как внутренняя творческая сила, идущая изнутри. В связи с этим он пишет: “Свобода есть моя независимость и определяемость моей

личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла” [5].

Со свободой связана вся персоналистическая концепция человека у Н. Бердяева. Она построена на идеи движения человека от “объективации” через “свободу” к “творчеству”. Отсюда “объективация – свобода – творчество” составляют три этапа в состоянии человека в мире.

В своем предметном бытии, в мире объектов, человек захвачен необходимостью и поэтому отчужден от себя, теряет себя как дух и оказывается в силу этого в рабстве. Высшая степень объективации – власть “машины” над человеком.

Здесь Н. Бердяев разворачивает проблему “человек - техника”, которая органически вплетена в его персоналистическую концепцию человека.

Только через творчество человек может вырваться из отчуждения в объективации и обрести себя как дух. Но сам этот путь человека к себе лежит через свободу. Способность человека к творчеству, в конечном счете, задана человеку богом, но может быть реализована человеком в условиях свободы.

Сама свобода выступила у Н. Бердяева в итоге не как “застывшая” категория, заключенная в “выборе возможностей”, ставящего человека перед внешним миром, а как собственная сила, включающая его внутрь мира, действующая изнутри жизни, есть духовное движение человека.

Наконец, свобода у Н. Бердяева - это трагическая категория. Он пишет, что свобода трудна, есть “тяжелое бремя”, порождающее страдание. Но именно страдание дает духовную жизнь человеку. Он утверждает: “Я страдаю, значит, я существую” [6].

В общем, мировая война, открывшая кризис русского сознания, сосредоточенного на “монизме мышления”, побудила Н. Бердяева к поиску путей его реформирования на основе выработки нового понимания свободы мышления. Идя по этому пути, он скорректировал свою концепцию свободы, провозгласившей человека как творца бытия.

Многие моменты его концепции свободы сохраняют свое современное значение.

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М.: 1918, с. 47.
2. Бердяев Н. Диалектика божественного и человеческого. М.: 2003, с. 129.
3. Бердяев Н. Диалектика божественного и человеческого. М.: 2003, с. 127.
4. Бердяев Н. Самопознание. М.: 1991, с. 56.
5. Бердяев Н. Самопознание. М.: 1991, с. 61.
6. Бердяев Н. Диалектика божественного и человеческого. М.: 2003, с. 394.

Романов К. В.

**Этико-социологическая школа в истории общественной мысли России
начала XX века**

В развитии социально-философской мысли России в канун первой мировой войны, положившей начало новой геополитической эпохе, ключевую роль играло несколько течений общественно-политической, публицистической и научной мысли. В происхождении и утверждении отечественной социологии заметна роль этико-социологической школы.

Один из выдающихся представителей этой школы известный историк-медиевист и социолог Н.И. Кареев в 1914 г. предупреждал своих слушателей и читателей о том, за какую черту нельзя заходить ради национального согласия. Анализ условий прогресса приводит его к выводу о том, что «в каждом обществе способность к прогрессу прямо пропорциональна степени его совершенства и обратно пропорциональна степени существующих в нем несвободы, неравенства и эксплуатации» [7, с.405]. Этот вывод подкрепляется удивительно точными суждениями по вопросам мировой и европейской истории, а также его этико-социологическими воззрениями на «формулу прогресса».

Крупнейший знаток истории французской революции, трудами которого пользовался В.И. Ленин во время обороны Петрограда, [2, 17, 20] он, как и П.Л. Лавров, и Н.К. Михайловский, и Н.С. Южаков, понимал уязвимость внутреннего положения России. Огромные успехи в модернизации хозяйственной и финансовой сферы страны вели к нарастанию неравенства и эксплуатации в социальной сфере. Это создавало почву для бурной деятельности революционеров и террористов в условиях сплочения определенных групп рабочих во имя целей классовой борьбы. Война могла, как сплотить народ, так и расколоть общество. Требовалась смена «вех».

Этико-психологическая школа в России представляла собой не меньшую альтернативу стремительно развивающимся контр-культурным идеологическим движениям, чем публикации сторонников религиозно-философских сборников «Вехи» и «Из глубины». От «культурного меньшинства» требовался поиск идей согласия. Но общественное сознание страны было глубоко расколото. Набравшая силу в связи с военными действиями национально-патриотическая идея как возможный вариант согласия, с одной стороны, приобретала форму шовинизма, с другой стороны, эта идея оказалась не в состоянии противостоять духовно-нравственной деградации общества.

Для российской ментальности начала XX века характерна «внерелигиозность и вовлечение в круг философских интересов широкого спектра естественнонаучных проблем» [17, с.173]. Взгляд на мир, как объективную реальность, которую можно познать средствами одного естествознания, обрел характер эпидемии. В искусстве декаданса происходит осознание человеческой индивидуальности не только в плане приобщения личности к знаниям, но и в плане утраты традиционных социальных скреп.

«Война усилила все то, что обратно пропорционально этико-социальному идеалу совершенства. Парализованным оказалось и культурное меньшинство под влиянием культуры декаданса. Идеал совершенной личности не успел стать духовной скрепой для большинства, потерявшего связи с культурой меньшинства. Спустя 15 лет после начала первой мировой войны и жуткой

гражданской войны в стране начнется восстановление многих черт социально-политической конструкции эпохи Романовых, но уже на основе невиданного тоталитаризма» [18, с.264].

Для исторической науки сегодня представляет интерес раскрытие методологических основ интерпретации Н.И. Кареевым «особенностей толкования взаимосвязи революционных идей в обществе с процессом государственно-правовой модернизации в начале XX века» [19, с.38].

Представители и приверженцы этико-социологической школы в своих методологических поисках испытали сильное влияние позитивизма, неокантианства и марксизма [18]. Этико-социологическая школа обосновывала присущую всей русской социальной философии установку на солидарность и коллективизм. В ней видели антитезу классовой борьбы, которая есть реальность западного капитализма и составляющая часть материалистического понимания истории с принижением роли личности.

М.Г. Заборская справедливо пишет: «Этицизм русских позитивистов смягчал гносеологический релятивизм, свойственный западноевропейским философам, и выступал связующей основой человеческой деятельности». Это свидетельствует в пользу традиционного для русского общественного сознания «примата практического разума». «Но этот практический разум, - продолжает она, - был весьма далек от утилитаризма западного позитивизма и тем более от идей прагматизма [4, с.204] (тот же Зеньковский расценивал прагматизм У. Джемса как примитивный и наивный [5, с. 182])».

В условиях коренных, сопровождавшихся острыми конфликтами и драматическими столкновениями, сдвигов во всех слоях русского общества, идея приспособляемости к существующим условиям была неприемлема. Западный позитивизм ставил перед человеком задачу адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию. Как отмечает С.С. Гусев, русский позитивизм был ориентирован прямо противоположным образом: «не мысли должны были соответствовать действительности, а действительность мыслям. Любую конкретную ситуацию необходимо было преобразовывать, подгонять под некий идеальный эталон, который теоретик расценивал как настоящую реальность» [3, с. 152]. Именно поэтому сегодня достаточно остро встает вопрос о сущности «субъективного метода» как основы этико-социологической школы.

«Субъективный метод», изложенный в курсе «положительной политики» О. Конта, был в дальнейшем отвергнут Льюисом, Миллем, Литтре. В России этот метод нашел применение в трудах Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова и Н.И. Кареева. В 1869 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована статья Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?», посвященная русскому изданию Собрания сочинений в 7-ми томах Г. Спенсера [15,16].

В этой статье автор выдвинул формулу, согласно которой прогресс понимался как возможно «полное и многостороннее разделение труда между людьми» [16, с.38]. В 1870 г. журнал опубликовал в качестве ответа статью П.Л. Лаврова «Формула прогресса г. Михайловского». П.Л. Лавров выдвинул определение, согласно которому под прогрессом понимался процесс развития в

человечестве сознания и «воплощения истины и справедливости» [14, с.231]. Внимание сторонников «этико-социологической» школы к концепции прогресса обусловлено тем, что эта концепция служила основой программы практических действий народников [6, с.290].

Н.И. Кареев, развивая теорию факторов П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, закладывает основы принципа исторического плюрализма, который он последовательно проводит и в исторических исследованиях, и в размышлениях о теории прогресса.

Согласно принципу исторического плюрализма, все сферы общественной жизни равно значимы. В соответствии с числом этих сфер он выделяет пять основных видов прогресса: умственный, нравственный, политический, юридический, экономический. Социальный прогресс состоит из политического, юридического и экономического. Все виды прогресса важны. Но определяющую роль в совершенствовании общества играет культура. Опираясь на богатейший исторический материал, он приходит к выводу, что история есть «смена идеалов» [8, с. 398, 242].

На проблемы этико-социологической школы обращали внимание не только позитивисты, но и сторонники неокантианства, например, Н.Б. Струве и П.Н. Новгородцева. Последний ратовал за ограничение сферы научного объяснения общества. Материалистическому пониманию истории он противопоставлял «этический идеализм», заключающийся в защите идеалов либеральной буржуазии [1, с.29]. Но насколько эти идеалы укоренены в истории и насколько они могут способствовать социальному, умственному и нравственному прогрессу?

Н.И. Кареев прав, когда отмечает, что «на понимание взаимоотношения истории и социологии не малое влияние оказывала виндельбандо-риккертская классификация наук» [9, с.188]. По его собственным словам, «он приходит к идее о том, что в истории должны изучаться не единичные общества (идеографический подход) и не общества вообще (номологический подход), а известные исторические типы» [9, с.63]. Это открывало возможность для сравнения различных моделей исторического процесса и тем самым проверки на исторических фактах либерально-буржуазного видения прогресса.

После возвращения в Россию в 1905 г. М.М. Ковалевского, организатора Русской высшей школы Общественных Наук в Париже, он опубликовал целый ряд работ, в которых рассматривал проблемы прогресса [10,11,12]. В 1914 г. под его редакцией вышел сборник «Что такое прогресс?». Данный сборник был посвящен социологическим проблемам концепции прогресса. В нем приняли участие П.А. Сорокин, Е.В. де-Роберти, Я.А. Новиков. Так же как Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский исследовал вопрос о сущности исторического процесса и его направленности. Если «идея прогресса указывает на направление истории», то, полагал М.М. Ковалевский, «теория прогресса объясняет причину и логику прогрессивного развития». Сущность общественного прогресса он видел в тенденции роста человеческой солидарности [10, с108].

Этико-социологическая школа сложилась в период перехода от либерального народничества к либеральной буржуазии. Лавируя между народом и самодержавием, либералы буржуазного толка опасались революционной активности народных масс. Они искали спасение в различных «рецептах» спасения общества путем частичных реформ. Но Россию в переломные периоды ее истории никогда не устраивало ничего частичного. Ее ментальность определяется феноменом идеальной целостности. Вне человеческой солидарности идеальная целостность не мыслима. Насколько представители русской религиозной философии, либерального народничества и либеральной буржуазии были близки к определению идеи, которая объединит все социальные слои российского общества в человеческой солидарности? Каково отношение этой идеи не только к экономическому материализму, но и к сфере духовно-религиозной жизни? Вполне возможно, что изучение деталей эволюции этико-социологической школы в канун первой мировой войны и после ее начала даст ответ на эти вопросы.

Литература

1. Бочкарев Н.И. В.И. Ленин и буржуазная социология в России. – М., 1973, с.29.
2. Вебер Б.Г. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII века // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 642-663;
3. Гусев С.С. Особенности русского позитивизма // Философия XX века: школы, концепции. / Гл. ред. Ю.Н. Солонин. – СПб., 2000. – С. 152.
4. Заборская М.Г. Философия образования: типологический подход. СПб.: ГУПМ, 2003. – 382 с. – С. 204.
5. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. / Сост. А. В. Поляков. – Л., 1991. – Т. 2. Ч. 2. – с. 182.
6. История философии в СССР, т. 3. – М., 1958, с. 290.
7. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роли личности в истории. – СПб., 1914. - С. 405.
8. Кареев Н.И., Основные вопросы философии истории. СПб., 1897. - С. 398, 242.
9. Кареев Н.И. Очерки по истории социологии в России. – ЛО ААН СССР, ф. 980, оп. 1, д. 16, л. 188.
10. Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб., 1905; его же; его же:
11. Ковалевский М.М. Социология. Т. 1-2. СПб., 1910
12. Ковалевский М.М. Прогресс. // Вестник Европы, 1912, № 2.
13. Крылова Н.В. Антропологические традиции в отечественной философии образования : диссертация ... доктора философских наук : Санкт-Петербург, 2004. С. 173.
14. Лавров П.Л. Формула прогресса г. Михайловского. – Отечественные записки, 1870, № 2, с. 231.
15. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? – Отечественные записки, 1869, № 2, с. 1-39, № 9, с. 1-45,
16. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? – Отечественные записки, 1869, № 11, с. 38.
17. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. - С. 474-487.
18. Романов К.В. Кареев Н.И.: Этико-социальные идеи историка и философа в начале XX века // Эпоха Романовых и современные проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 24-25 октября 2013 г. – СПб.: ГПА, 2013. – 409 с. – (ISBN 978-5-98193-058-4) - С. 257-261. – С. 264.
19. Сидненко Т.И. Либеральное направление отечественной историографии в конце XIX - начале XX века: Монография. СПб., 2007. - С. 38.

20. Фролова И.И. Значение исследований Н.И. Кареева для разработки истории французского крестьянства в эпоху феодализма // Средние века. 195. № 7. С. 315-334.

Семёнова Л. Н.

Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей

1914 год российское учительство встречало с большим энтузиазмом и глубокой верой в свои организующие силы. В прошедших учительских съездах они находили для себя «источник живой воды и указания, какая работа стоит ... на очереди» [11, с.2]. В резолюциях съездов говорилось о необходимости воспитания свободной творческой личности, о том, что «воспитать свободного и способного разумно пользоваться свободой человека может только тот, кто сам свободен» [2, с.4]. На страницах педагогических журналов учителя обсуждали, что есть педагогика – наука или искусство. В этом обсуждении учитель представлялся как художник, деятельность которого сочетает в себе искусство и науку. Высказывались мысли о свободе школы, о роли местного населения в её развитии.

С началом Первой мировой войны встала задача оградить культурное достояние страны – школу и дело всеобщего начального обучения – от разрушительного и пагубного влияния войны. К этой работе как «священной обязанности» общественность призывала, в первую очередь, земства [10, с.3]. Народным учителям предстояло взвесить и учесть степень влияния войны на детские души. В журнале «Народный учитель» была опубликована анкета, состоящая из 12 вопросов, половина которых касалась морально-психологического состояния школьников в условиях военного времени и влиянии войны на их сознание:

III. Отразилась ли вообще война на умственных интересах и душевном настроении учащихся?

V. В чём выражалось и выражается повышенное душевное **настроение** детей разных отделений?

VI. Есть ли различие в отношении к войне со стороны мальчиков и со стороны девочек? В чём сказывается различие?

VIII. Заметно ли влияние войны на чтение книг библиотеки? и какие именно книги пользуются по связи с войной наибольшим спросом?

IX. Есть ли школьники совершенно равнодушные к войне? сколько приблизительно? [6, с.9].

Автор анкеты Е. Звягинцев признаёт очевидным влияние войны на детскую душу. Во вступительной статье к анкете он пишет: «Везде в большей или меньшей мере нарушен уклад повседневной жизни. Наши дети очутились обвеянными новыми настроениями, их воображение приковано к исключительным фактам, их мысль встревожена сложными вопросами... Для воспитателя – момент чрезвычайно серьёзный, диктующий ему сугубое бережное внимание к проявлениям детской воли, детского чувства и ума» [6, с.9].

Журнал «Народный учитель» не обошёл вниманием и проблему влияния войны на самих учителей. Анкета «Война и народный учитель» включала следующие вопросы:

- Как отразился уход учителей на фронт на школе?
- Какие изменения произошли в отношении населения к школе в связи с войной?
- Принимают ли учителя в каких-либо организациях на помощь раненым и семьям запасных?
- Что могут сказать учителя о переживаниях детей, вызванных войной? [13, с.10].

В условиях затягивающейся войны вновь и вновь поднимался вопрос о роли учительства и школы. Ответ был однозначным – усиление воспитательной функции школы и учителя: «Нужно, чтобы среди горя и отчаяния раздавалось разумное, бодрящее, организующее живое слово. Там, где учитель является чуть ли не единственным представителем интеллигенции, это слово должно принадлежать ему... Учительство... в целом есть нервная система народа и его мозг... Для учительства дело текущего момента – организовывать и усиливать тыл боевой армии, укреплять корни народного самочувствия» [6, с.2]. «Именно теперь педагоги не должны забывать.., что любовь к родине,.. вещь прекрасная, ... не должны забывать они и того, что взрыв истинного патриотизма преобразил нашу жизнь и вызвал самопожертвования и жажду взаимопомощи» [10, с.74]. Учителей призывали укреплять и зорко следить за воспитанием народного духа.

На протяжении всей войны в педагогических журналах «Народное образование», «Народный учитель», «Русская школа» учителя писали о том, как изменилась школьная жизнь в условиях войны, как война отразилась на учебном процессе, какое участие в помощи армии и фронту принимают дети и взрослые, какими чувствами проникнута повседневная жизнь населения. Практически всё, о чём писали учителя, было ответом на вопросы, поставленные журналом «Народный учитель» [4].

С целью исключения отрицательного воздействия войны на детей и организации воспитательного противодействия этому вредному влиянию в журнале «Русская школа» был опубликован обстоятельный опросный лист для учителей. Результаты анкетирования должны были выявить условия и для решения второй задачи – использование войны как положительного фактора воспитания и образования [1, с. 92-94]. На протяжении всей войны в рубрике «Дети и война» журнал публиковал материалы учителей о различных проявлениях войны в жизни и сознании детей. Наиболее ярко мироощущение войны отражалось в письмах детей на фронт. Они обращались к Богу с молитвой, чтобы «солдатика» не убили.

В 1916 году через 20 месяцев после начала войны на страницах этого же журнала учитель Т. Егоров опубликовал детские ответы на вопрос «Что я думаю теперь о войне». В своих ответах учащиеся 10-12 лет, как и такие же дети четырнадцатого и пятнадцатого года, писали о надежде на скорый мир, необходимости довести войну до победного конца, высказывали надежды на

лучшее. Прежнего воинственного духа уже нет. В основном жалость, сострадание к участникам войны, их семьям, беженцам, вообще к жертвам войны: «Нашим солдатам очень плохо на войне, но они победят врага». «Я очень рад был бы мирному времени, потому что уже надоели эти слёзы баб, у которых мужья на войне. Каждый день дожидаюсь, не придёт ли весточка о мире». «Трудно жить стало: всё дорого и некому работать. Но это ничего, только бы победить. Как бы я рад был, когда бы окончилась война. Пришёл бы отец, и заживём по-прежнему. Каждый день дожидаю миру с победой над врагом» [5, с.4-5].

В городах, где собирались отряды новобранцев и проводилось военное обучение солдат, дети стихийно организовывались в отряды, в которых каждый был и участником, и организатором. Они вооружались самодельным игрушечным оружием. Из тонких досок дети вырезали шашки, кинжалы, браунинги, казачьи длинные заострённые пики. С этим оружием дети устраивали сражения, которые порой заканчивались смертельным исходом. В городах и деревнях игра в войну превратилась в массовую. В «сражениях» участвовали и мальчики, и девочки, играя роли воинов противоборствующих сторон, командиров, разведчиков, санитаров и сестёр милосердия. Дети всех возрастов стремились попасть на войну. Старшие подростки бежали на фронт. Их возвращали, но они опять оказывались на фронте, проявляя чудеса героизма и отваги, граничащих с безрассудством, о чём писали солдаты и офицеры - участники боевых сражений [8].

В этих условиях необходимо было взвесить и учесть всё влияние войны на детей. На страницах педагогических журналов народные учителя и общественные деятели призывали, в первую очередь, ослабить пагубное влияние войны на психику детей, отвлечь их от военных событий. Некоторые предлагали запретить детям читать о войне. К этому призывали и резолюции Петроградского педагогического общества.

В повседневную школьную жизнь война вошла через жаркие обсуждения событий на фронте у географической карты, школьные сочинения «Что я думаю о войне», вечерние посиделки по изготовлению и шитью подарков для солдат с пением народных и патриотических песен.

Одним из средств воздействия на сознание детей и их родителей, была культурная жизнь, приспособленная к военному времени. Во внешкольной деятельности народные учителя широко использовали народные чтения, главной темой которых была «Война». Во вступительной статье «К Победе» Орест Смирнов, редактор журнала «Народный учитель» призывал к открытию культурно-просветительских организаций, народных чтений и библиотек, кружков молодёжи, обществ образования и попечения о детях, народных клубов и домов [12,с.2]. Именно внешкольное образование, по мнению О. Смирнова, должно быть уделено главное внимание учительства.

На протяжении всей войны в сознании взрослых и детей сохранялась уверенность, что необходимо довести войну до победного конца. Однако, говоря о возможности и желательности войны в будущем, большинство ответов учащихся сводилось к одному: «Какая бы ни была польза от войны, воевать не

нужно. Нужно помнить заповедь – «Не убий» и не забывать, что человек дороже всего на свете, что всем хочется жить» [3, с.5-6]. В народе воспитывалось сознание того, что военные неудачи лишь временное явление и что нельзя им поддаваться. С 1916 года на страницах педагогических журналов всё чаще звучали надежды на лучшее будущее для себя, семьи, страны. Перед учителями ставилась задача подготовить население к решению тех задач, которые встанут после войны. И для того, чтобы подрастающее поколение активно включилось в строительство нового общества, демократической общественностью был поставлен вопрос о необходимости создания ученических организаций: «Идущие с нами и за нами молодые поколения должны взять в свои юные смелые, крепкие руки наши знамёна, знамёна революционной России и под их сенью строить, укреплять новую жизнь на развалинах изжитого, на пепелище старого» [14, с.57].

Литература

1. Анкета по вопросу об отношении детей к войне и о влиянии войны на детей // Русская школа. 1914. Кн. № 12. С. 92-94.
2. Вахтеров, В. Свобода учительского творчества // Народный учитель. 1914. № 1. С.3-4.
3. Горный, Владимир. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14. С.5-6.
4. Егоров, Т.Г. Что думают дети о войне // Народный учитель. 1915. № 7. С.5-8; Чистяков, В. Война в переживаниях деревенских детей Народный учитель. 1915. № 8. С.4-7; Левитин, С. Дети и война // Русская школа. 1915. № 5-6. С. 82-101; Левитин, С. Крестьянские дети и война // Русская школа. 1915. № 9-10. С. 68-97; Учительница. Отражение войны в жизни школы // Русская школа. 1915. № 11. С.42-53; №12. С.1-16; Зенов, Ф. Война и дети // Народное образование. 1914. Кн. 12. С. 481-496.
5. Егоров, Т. Деревенские дети о войне (Из опыта одной анкеты) // Народный учитель. 1916. № 11. С.3-5.
6. Звягинцев, Е. Война и школьники. Анкета // Народный учитель. 1914. № 22-23. С.9.
7. Золотарёв, С. Очередные задачи учительства // Народный учитель. 1914. № 30. С.1-3.
8. Окунев, Я. Дети на войне (из боевых впечатлений) // Русская школа. 1917. № 5-8. С.1-6.
9. Педагогическая хроника // Русская школа. 1914. № 11. С.71-74.
10. Смирнов, О. Война народов // Народный учитель. 1914. № 21. С. 3-4.
11. Смирнов, О.Н. Истекший год в жизни народной школы // Народный учитель. 1914. № 1. С. 1-2.
12. Смирнов, О. К Победе // Народный учитель. 1915. № 17. С. 1-2.
13. Смирнов, Орест. Анкета «Война и народный учитель» // Народный учитель. 1914. № 24. С. 9-11.
14. Ученические организации // Русская школа. 1917. № 2-4. С.57-72.

Герентьева А. Н.

Война и школа в 1914 году (по материалам педагогической периодики)

События войны, начавшейся в 1914 году, затронули все стороны жизни российского общества, в том числе такой важнейший институт как образование. В данной работе мы рассмотрим лишь два аспекта этой проблемы – «дети и война» и «учительство и война» на примере начального звена российского образования данного исторического периода, в которое входили: начальные

училища Министерства просвещения, церковно-приходские и земские школы. Реконструировать события и выявить тенденции лучше всего помогут материалы журналов научно-педагогического, методического и научно-популярного характера, издававшиеся в России в 1914 году, в большом количестве.

Анализ публикаций в педагогических периодических изданиях первого года войны показывает, что российскую научно-педагогическую общественность интересовали следующие проблемы:

- дети и война;
- учительство и война;
- просвещение народа в области истории и геополитики;
- воспитание патриотизма и славянской идентичности;
- помощь семьям воинов и погибших во время войны;
- развитие педагогической науки в связи с переоценкой германской педагогики;
- участие учительства в общественной, просветительской и экономической жизни страны в условиях войны.

Специфика школы особенно начальной состоит в необходимости функционировать практически в любых условиях: во время войн, эпидемий, техногенных катастроф и политических переворотов. Школы даже в самых сложных исторических ситуациях продолжают учить, передавать опыт подрастающему поколению, берут на себя заботу о детях, занимаются просветительством народа, делая все это в трудной, иногда невыносимой экономической ситуации. Деятельность российского учительства в 1914 году, с нашей точки зрения, пример патриотической, гражданской, гуманистической позиции в это непростое время предчувствия политических перемен и революционных крайностей. Трудно сказать, был ли в должной мере использован опыт российского учительства, его педагогического подвига и гражданского служения в годы 1-ой мировой войны, во время Великой Отечественной войны, так как о буржуазных педагогах в советское время практически не писали. Наверное, на генетическом уровне, через рассказы старых учителей опыт все же был воспринят. Достаточно вспомнить учителей блокадного Ленинграда, Керченских и Одесских коткомб, школы в партизанских отрядах Украины и Белоруссии, педагогов, работавших по 3 смены с эвакуированными детьми в Сибири и Казахстане, Академию Педагогических наук СССР, основанную в 1943 году и многое другое.

Большое уважение вызывает то, что и после начала войны в России продолжалась активная научно-педагогическая жизнь. Проходили съезды педагогических работников, продолжалось обсуждение реформ образования, в том числе введения всеобщего начального образования, издавались педагогические сочинения. Именно во время первой мировой войны в Петрограде была издана знаменитая «История русской педагогики» П.Ф. Каптерева, собрание сочинений К.Д. Ушинского и много других интересных педагогических сочинений.

Осенью 1914 года в Петрограде состоялось собрание членов «Педагогического общества», представителей учителей средних и начальных школ, членов педагогических и просветительских организаций, которое обсудило задачи школы во время войны и приняло резолюцию «Война и дети». Это очень интересный документ, который свидетельствует о гуманистических взглядах и бережном отношении к ребенку российских учителей начала XX века, что не мешало им быть патриотами и занимать активную гражданскую позицию. В резолюции говорилось, что война врывается в сознание детей и юношества, поэтому семья, школа и общественность не могут это игнорировать, они обязаны воздействовать на детей бережно и обдуманно, использовать ситуацию не для озлобления, а для гуманизации молодежи. При этом влияние ужасов войны должно быть насколько возможно ослаблено. Журнал «Народный учитель» писал в октябре 1914 года: «Приветствуя честные и бодрые порывы детей, учителя должны направлять эти порывы на пути наиболее соответствующие детским физическим и нравственным силам. Нужно бороться против лубочных представлений о войне, против издевательства и унижения противника, ... зорко следить за отношением учащихся к товарищам не русского происхождения и не допускать грубого отношения к ним» [3. С.1.]. Педагоги начала века считали, что в обстановке повышенной нервозности учащихся, надо позаботиться об оздоровлении школьной атмосферы, устранении сухого формализма в общении с учениками и их родителями, «необходимо возможно более полное и свободное взаимодействие семьи и школы. А так же представление учащим наибольшего простора в непредусмотренных никакими официальными директивами проявлениях их педагогического такта, непосредственного человеческого чувства и гражданского долга» [3. С.1.].

Одной из обязанностей учителей, прежде всего сельских, было просвещение народа. Во время войны оживился интерес к вопросам истории, географии и этнографии. Педагоги организовывали чтения для учащихся и их родителей, для всех односельчан, вели кружки самообразования, расширяли работу библиотек. Интересно, что сразу после начала войны в педагогических журналах начинается публикация материалов о воюющих странах. Так, в журнале «Народное образование» за сентябрь 1914 года (Т.2. Кн.9.) публикуется статья в помощь учителю: «География Австро-Венгрии» и словарь географических названий на 3-х языках (немецком, славянском, мадьярском). В библиотеке журнала «Народный учитель» выходила серия общедоступных брошюр о воюющих государствах для школьных библиотек и раздачи населению под названием «Наши друзья и враги» (Франция, Англия, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Сербия и Черногория) по цене 5 копеек. В качестве приложения к журналу был даже издан сборник гимнов воюющих государств с нотами и полными текстами на 2-х языках. В журнале «Народный учитель», выходившем еженедельно, публиковались подробные статьи о ходе военных действий.

В октябре 1914 года в журнале «Народный учитель» был опубликован императорский указ о попечительствах, речь в нем шла о привлечении общественных деятелей, земств и городских управ к «... благому делу

обеспечения семейств запасных воинских чинов и ратных ополченцев». Учителя, особенно сельские, составляли большинство участвующих в волостных и земских попечительствах. На страницах журналов 1914 года можно найти трогательные рассказы об учительницах, которые создавали ясли, столовые, питательные пункты и приюты для детей из семей воинов и погибших на войне. Учителя работали в лазаретах и госпиталях, собирали теплые вещи для солдат-фронтовиков, помогали по хозяйству вдовам и сиротам. Педагог О. Николаев вел в журнале «Народный учитель» рубрику «Брызги жизни», где рассказывал об учительницах, самоотверженно работавших в деревне и помогавших армии вместе с учениками.

Многие учителя были мобилизованы в армию, из-за чего в сельских школах ощущалась нехватка кадров. В малокомплектных школах подчас работал по один учитель со всеми классами. В соответствии с Уставом о воинской повинности все учителя освобождались от действительной военной службы и зачислялись в запас с обязательством прослужить в должности учителя не менее 5 лет. В военное время освобождение от призыва из запаса и в государственное ополчение на должность народных учителей не распространялось.[5.С.16-17.] В журналах публиковались письма с просьбой о том, чтобы не забирать учителей в армию и не лишать школу кадров. Правительство не могло это поддержать, так как учителя составляли значительную часть мобилизованных и главное грамотных и квалифицированных запасных военнослужащих. Совет министров в тоже время принял решение о льготах для учителей начальных училищ и церковно-приходских школ: сохранять за учителями на время службы в армии занимаемую должность; сохранять учительское содержание; сохранять право на зачет времени, нахождения на военной службе, в сроки выслуги для пенсии и надбавок.

Первая мировая война заставила русских педагогов серьезно задуматься над системой воспитания вообще, и над немецкой системой, которая всегда в России считалась образцовой, в частности. В педагогических журналах сразу стали появляться статьи с красноречивыми названиями: «Переоценка ценностей», «Немецкая школа перед судом русской педагогической мысли» и даже «Критика жизни немецкого детского сада». А. Быстров писал осенью 1914 года: «Несомненно, однако, что многие факты войны заставили глубоко задуматься русских педагогов над системой воспитания вообще над немецкой, считавшейся у нас образцовой, в частности до войны полагали, что если не все, то, по крайней мере, многое в немецкой школе заслуживает не только самого пристального внимания, но и усердного подражания, что система немецкого воспитания должна быть чуть ли не перенесена на русскую почву...» [1. С. 7.]. Русские педагоги считали, что с идеалами Песталоцци (если быть точными, он не немецкий, а швейцарский педагог) в Пруссии произошла метаморфоза, основные черты современной прусской педагогики – это «...пристрастие к муштре, ведущее к верхам самодовольной глупости...»[1.С.10.]. С. Золоторев с патриотическим пафосом писал в журнале «Школа и жизнь»: «...германское учительство и германская интеллигенция увлеклись блуждающими огнями всесветного немецкого могущества...Германское учительство если не смертельно, то опасно

ранено. Его корабль, увлеченный германским военным флотом на борьбу с русским абсолютизмом, попал на собственные мины шовинистического самомнения...»[1. С.10].

Несомненно, что российская педагогика в 1914 году попала в сложную ситуацию. В отечественном просвещении опять повторилась картина Отечественной войны 1812 года, когда волна патриотизма в обществе и столкнулись с традициями французского воспитания русского дворянства и даже с привычкой говорить на «языке врага», по-французски.[7.С.170.] Через сто лет, накануне 1-ой мировой войны, в России идеалом образования была немецкая классическая гимназия, построенная по И.Ф. Гербарту. Если мы обратимся к учебным планам российских классических гимназии министерства просвещения начала XX века, то увидим, что самым популярным, из так называемых новых языков, был немецкий язык. Российским педагогам вновь пришлось решать проблемы соотношения патриотических устремлений общества и педагогических идеалов и практики. Судя по материалам педагогической периодики 1914 года, вопрос был решен в пользу патриотизма и русских педагогических традиций. Вероятно, именно уроки первой мировой войны, привели к тому, что отечественные педагоги в советский период очень осторожно относились к иностранному опыту, а если его использовали (например, американскую прагматическую педагогику, или ту же педагогику Гербарта), то официально, это старались не декларировать.

Изучение российской педагогической периодики за 1914 год еще раз доказывает, насколько школа тесно связана с государственной политикой и общественной жизнью страны, и как осторожно и обоснованно надо походить к проблеме заимствования педагогических теорий систем из-за рубежа.

Литература

1. Быстров А. Немецкая школа перед судом русской педагогической мысли//Народный учитель. 1914. № 30. С.6 -9.
2. Вахтеров В. Международная помощь учащим – жертвам войны// Народный учитель 1914 № 22-23. С.5-6.
3. Война и дети// Народный учитель. 1914 №24 С. 1.
4. Война и школьная жизнь//Народное образование.1914. Т.П. Кн.9. С.135-138.
5. Еремина Т.И.Законодательство Российской империи о льготах учителей при исполнении воинской повинности// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2006.Т.3. №20. С. 15-20.
6. Малиновский Война и учительский вопрос// Учитель и школа 1914 № 15-16.
7. Терентьева А.В. Развитие образования в России после победы в Отечественной войне 1812 года/Народы России и Отечественная война 1812 года в истории и культуре. – СПб.: ГПА. Изд-во Прана.2012. С.169-172.

Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Первая мировая война, начавшаяся 28 июля 1914 года, коренным образом изменила образ жизни всего российского общества. Борьба между мировыми державами разгорелась не только на фронте, но и в тылу воюющих государств. Сначала в Германии, а затем и в России были приняты законодательные акты, ограничивающие пребывание и деятельность подданных «враждебных государств». Война породила в странах, вовлечённых в войну, не только усиление патриотических чувств, но и всплеск национализма и шовинизма. Российская империя также не стала исключением. Значительная часть русского общества оказалась поражённой антинемецкими настроениями. Власть постаралась максимально использовать антинемецкую истерию для укрепления своих позиций и решения внутривнутриполитических задач. Кампания по борьбе с «немецким засильем» стала одним из важнейших направлений внутренней политики самодержавия в годы Первой мировой войны. Однако необходимо заметить, что правовые ограничения относились не только к немцам, но и ко всем подданным воюющих с Россией государств. Политические и юридические установки этой кампании были определены именным указом императора Николая II 28 июля 1914 года «О правилах, которыми Россия будет руководствоваться во время войны». В соответствии с данным указом прекращалось «...действие всяких льгот и преимуществ, предоставленных подданным неприятельских государств...» [1]. Властям предписывалось задерживать «...подданных неприятельских государств как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных» [2]. Губернаторы и органы военного управления получили право «...высылать подданных означенных государств, как из пределов России, так и из пределов отдельных её местностей, а равно подвергать их задержанию и выдворению в другие губернии и области» [3]. 22 сентября 1914 года высочайшим Указом Правительствующему Сенату были введены временные ограничения на право владения, пользования и приобретения недвижимого имущества для подданных государств, которые «состоят в положении войны с Россией». Цель принятия данного законодательного акта – ограничить возможность для граждан Австро-Венгрии, Германии и Турции заработать на продаже своего имущества и воспрепятствовать вывозу денежных средств из России в условиях войны. Положение, принятое Советом министров и утверждённое Николаем II 19 ноября 1914 года, предписывало исключить подданных воюющих с Россией государств из состава союзов, обществ, товариществ и других государственных, общественных и частных организаций [4]. 31 декабря 1914 года были утверждены особые правила о порядке надзора за

акционерными обществами, учреждённые подданными враждебных России государств. На предприятия и в учреждения были назначены правительственные инспекторы, в обязанности которых входил контроль за финансовой и экономической деятельностью обществ. По состоянию на 15 июля 1916 года количество предприятий, подчинённых правительственному надзору составляло 712, в том числе в Москве – 201 [5].

По мере активизации военных действий на фронтах расширялись и санкции в отношении проживающих в России граждан Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии. Лидер Конституционно-демократической партии П. Н. Милюков позднее был вынужден признать, что в России «шли также преследования против национальностей...» [6]. Особо широкий размах антинемецкая истерия приобрела в 1915 году после тяжёлых поражений русской армии на фронте и потери Россией значительной части своих западных территорий (Польши, части Прибалтики, Западной Белоруссии и др.). 2 февраля 1915 года Николай II именным указом утвердил три положения (закона), разработанные Советом министров, которые расширяли санкционные меры против граждан – подданных воюющих против России государств. Первый закон «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных» запрещал «означенным подданным» «...впредь приобретать в пределах всего Государства Российского какими бы то ни было способами... право собственности и иные вотчинные права на недвижимое имущество, а также право владения и пользования недвижимыми имуществами, отдельное от права собственности» [7]. Закон заменял временные ограничения (введенные 22 сентября 1914 года) постоянными. В соответствии с указанным выше законом иностранцам также воспрещалось «...заведовать в качестве поверенных или управляющих (распорядителей) недвижимыми имуществами» [8]. Положения второго раздела указанного выше закона фактически лишали иностранцев возможности состоять на службе в акционерных обществах и товариществах, обладающих правом приобретения недвижимого имущества, занимать должности председателей, членов правления или совета; эти лица не могли работать даже простыми служащими. «В товариществах на паях и акционерных обществах, учрежденных на основании действующих в Государстве Российском общих или местных законов и получивших право приобретения недвижимых имуществ, лица, принадлежащие к австрийскому, венгерскому, германскому или турецкому подданству, не допускаются к занятию должностей председателей и членов совета, правления, распорядительного и всех других комитетов, кандидатов в члены совета, правления и комитетов, директоров-распорядителей, уполномоченных, главных агентов, агентов, поверенных вообще и поверенных по делам горной промышленности в частности, заведывающих и управляющих недвижимыми имуществами общества или товарищества, где бы таковые ни были расположены, равно и отдельными предприятиями, где бы таковые ни находились, техников, приказчиков и вообще служащих обществ или товариществ» [9]. Второй закон «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских

или германских выходцев» распространял санкционные меры на российских граждан – бывших подданных Австро-Венгрии или Германии, а также на их прямых потомков по мужской линии. Он запрещал мирским обществам (волостным, сельским), образованным из таких лиц, «всякие правоприсвоения недвижимостей во всей [Российской] империи» в собственность, в залог, а также для владения и пользования [10]. Третий закон «О прекращении землевладения или землепользования австрийскими, венгерскими и германскими выходцами в приграничных местностях» распространялся на подданных Российской империи – выходцев из Австро-Венгрии и Германии. Он предписывал им «отчудить по добровольным соглашениям» недвижимость и земельные участки, находящиеся в приграничной полосе шириной 100–150 верст. Имущество граждан, не желающих расстаться с ним «добровольно», отчуждалось в принудительном порядке и выставлялось на публичные торги [11].

По мнению О. В. Ерохиной, «...под действие «ликвидационных» законов попадали в основном мелкие владельцы, как иностранные, так и (в подавляющем большинстве) российские подданные, для которых они не предусматривали никаких смягчающих обстоятельств» [12]. Мы не склонны разделять данную точку зрения. В соответствии с «Инструкцией о применении узаконений 2 февраля и 13 декабря 1915 года» (1916 г.) действие ограничительных правил не распространялось на недвижимое имущество, принадлежавшее лицам, удостоверявшим: а) свою принадлежность к православному исповеданию от рождения или переход в православие до 1 января 1914 года, б) свою принадлежность к славянской народности, в) свое участие или участие одного из своих восходящих или нисходящих по мужской линии [родственников] в боевых действиях русской армии или русского флота против неприятеля в звании офицера или в качестве добровольцев, или принадлежность свою или кого-либо из означенных лиц к числу получивших награды за боевые отличия в военных действиях армии или флота, или смерть одного из своих восходящих или нисходящих [родственников] на поле брани; а также вдовам перечисленных выше лиц. Данные льготы распространялись лишь на военные чины, входившие в боевой состав армии или флота, а не на «лиц не сражающихся, хотя бы и причисленных к составу вооруженных сил государства» (военно-полевых чиновников, врачей и т. п.). Освобождение от ограничительного законодательства не действовало также в отношении лиц, родственники которых пропали на войне без вести [13]. Приведённые выше примеры говорят о том, что определённые послабления для российских подданных – выходцев из Австро-Венгрии, Германии и Турции были предусмотрены действовавшим в тот период законодательством.

22 марта 1916 года высочайшим повелением императора Николая II был учреждён «Особый комитет по борьбе с немецким засильем», председателем комитета первоначально был назначен генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов [14]. На заседаниях Особого комитета, состоявшихся 7, 14 апреля и 21 апреля 1916 года был разработан проект «Положения об особом комитете по борьбе с немецким засильем». 6 мая 1916 года проект был рассмотрен Советом министров. По

иронии судьбы этот документ подписал Председатель Совета министров Б. В. Штюрмер, сам являвшийся по национальности немцем. 1 июня 1916 года Положение было утверждено императором Николаем II. Особый комитет создавался «для объединения, согласования и руководящего направления деятельности правительственных и общественных учреждений и должностных лиц по осуществлению как действующих, так и могущих последовать узаконений и распоряжений правительства, ограничивающих права неприятельских подданных и выходцев, а также для соображения и обсуждения предположений о мероприятиях по освобождению страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни Государства Российского...» [15]. Несмотря на то, что Особый комитет создавался исключительно для «борьбы с немецким засильем», но уже с первых дней своего существования он стал тем органом, где иностранные подданные и иностранные выходцы пытались найти защиту от несправедливых, по их мнению, действий местной администрации. Многие русские подданные – этнические болгары, венгры, евреи, немцы, турки – искали пути решения своих проблем «на путях монаршего милосердия». Всеподданнейшие прошения «иностраных выходцев» об «изъятии их от действия ограничительных правил» сопровождалось множеством нотариально заверенных справок и различных заключений. Просители доказывали свою принадлежность к русской нации, указывали на свои заслуги перед Российской империей и ходатайствовали об исключении их имущества из ликвидационных списков или сохранения права занимать определённые должности.

В какой степени ограничительное законодательство обеспечило экономическую безопасность Российской империи в условиях войны, сейчас сказать трудно. Данная проблема требует своего дополнительного исследования. На наш взгляд, эффект от принятых нормативно-правовых документов по ограничению финансовой и экономической деятельности граждан – подданных государств, находящихся в состоянии с Россией, был небольшой. А расширение ограничительных законов на российских подданных – выходцев из так называемых «враждебных государств», имел отрицательные последствия и для экономики страны и для авторитета политической власти. Наш вывод косвенно подтверждается и тем фактом, что 11 марта 1917 года Временное правительство приостановило действие пятнадцати ограничительных нормативно-правовых актов [16], а 14 июля 1917 года ликвидировало Особый комитет по борьбе с немецким засильем [17]. Тем самым власть признала неправомерность и неэффективность ранее принятых мер.

Литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
2. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
3. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
4. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 3 об.
5. Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 20 – 44 об.
6. См.: Милюков П. Н. Воспоминания. – М.: Вагриус, 2001. – С. 489.

7. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 3 февраля 1915 г. № 39. Отдел первый. Ст. 349.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства... 3 февраля 1915 г. № 39. Отдел первый. Ст. 349.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства... 3 февраля 1915 г. № 39. Отдел первый. Ст. 349.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства... 3 февраля 1915 г. № 39. Отдел первый. Ст. 350.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства... 3 февраля 1915 г. № 39. Отдел первый. Ст. 351.
12. См.: Ерохина О. В. Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе Юга России: Автореферат дис. ... док. ист. наук. Воронеж, 2011. С. 35.
13. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65596>
14. РГИА Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
15. РГИА Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917 г. Отд. 1. 1-е полуг. Ст. 212. № 39. С. 558–560.
17. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

Виноградов П. В.

Развитие порта Владивосток в годы Первой Мировой войны

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война обнажила глубокий кризис в снабжении русской армии предметами военного имущества. Армия, промышленность и правительство оказались не подготовленными к затяжной и крупномасштабной войне. Поэтому российскому правительству, уже с самого начала войны пришлось прибегать к систематическим закупкам материальных ресурсов у союзников по Антанте и США. Главными пунктами, куда доставлялись приобретенные за рубежом товары стали Архангельск и Владивосток.

Однако, несмотря на то, что Владивосток был единственным портом, на Дальнем Востоке приспособленным для международной торговли развитие его портовой инфраструктуры не отвечало современным требованиям. Начиная с 90-х годов XIX века, неоднократно разрабатывались проекты реконструкции и развития порта, которые, так и оставались лишь проектами. С потерей Россией порта Дальнего, значение Владивостока, как единственного значительного русского порта на Тихом океане, еще более возросло, и вопрос о приведении его в надлежащее состояние приобрел настоятельный характер. Но только в 1909 г., после поездки на Дальний Восток Министра Финансов В.Н. Коковцева, дело о реконструкции порта сдвинулось с мертвой точки. На докладе Министра финансов о его поездке на Дальний Восток Императором была положена резолюция следующего содержания: «Нужно все сделать, чтобы Владивосток стал обширным и благоустроенным портом» [3, Л.1].

Проект капитального расширения Владивостокского порта был составлен в 1912 г. инженером Е. Гезехусом и одобрен Техническим Советом Министерства Торговли и Промышленности в октябре того же года. План развития порта,

предполагал ряд мероприятий, которые к 1920 г. должны были увеличить его грузооборот до 2 млн. 260 тыс. тонн в год. Проектная смета расходов на модернизацию порта составляла сумму в 6.758.550 руб. [3, Л.4].

Согласно плану предполагалось осуществить следующие мероприятия.

Постройку так называемой «Министерской набережной» расположенной на севере бухты Золотой Рог. Даная причальная линия должна была состоять из каменной кладки оборудованной причальными трубами, стремянками и охранными рампами. Общая длина набережной должна была составить 646 погонных метров и глубиной 10 метров. Постройка городской набережной примыкающей к Коммерческой набережной общей протяженностью в 115 погонных метров. Постройка на южном берегу бухты Золотой Рог набережной и складов для угольных и лесных материалов, с рыбным молоком общей протяженностью причальных линий 1335 погонных метров и площадью 76 тыс. квадратных метров [3, Л.2]. Развитие самой инфраструктуры порта путем поставок нового портового оборудования – кранов, прокладка рельсовых путей, электрификация причалов.

В течении первой половины 1913 г. план реконструкции порта проходил обсуждение в Государственной Думе и Государственном Совете и 25 июля 1913 г. обрел законную силу. Однако реализовывать его уже пришлось в условиях войны, существенно корректирую заложенные в нем мероприятия. К 1914 г. были исполнены работы лишь по строительству Коммерческой набережной и небольшого участка каменной набережной на полуострове Шкота.

Необходимо отметить, в предвоенные годы, несмотря на слабое развитие портовой инфраструктуры, грузооборот порта неуклонно рос. Так если в 1908 г. грузооборот порта составлял 409512 тыс. тонн, то уже к 1912 составлял 1 млн. 260 тыс. тонн [3, Л.5]. При этом до начала войны, Владивостокский порт имел преимущественно экспортную направленность, ввоз товаров уступал вывозу. В 1913 г. общий грузооборот порта составил 1 млн. 469 тыс. тонн, из которых 513 тыс. тонн приходилось на импорт, и 956 тыс. тонн на экспорт [4, Л.64]. Основными экспортными товарами являлись соя, лес и пиломатериалы, рыба, икра, цинковая и серебрено-свинцовая руда. Такая номенклатура грузов не требовало оснащение порта специальными причальными набережными, портовым оборудованием и складскими помещениями необходимыми для размещения крупногабаритных и тяжелых грузов. Узким местом Владивостокского порта оставалась и вопрос перевозки грузов. Основная масса товаров ввозила и вывозилась из порта на судах под иностранным флагом. Корабли российского Добровольного флота, курсировавшие на линии Одесса-Владивосток и приходившие в Приморье всегда с полным грузом, уходили в обратный рейс почти пустыми. Согласно статистическим данным Владивостокского торгового порта в предвоенный год из 681 парохода зашедшего в порт только 264 парохода были под русским флагом, на которых было доставлено грузов общей массой в 271 тыс. тонн, а вывезено почти в два с половиной раза меньше 113 тыс. тонн [5, Л.4].

Однако с началом Первой мировой войны порту Владивостока пришлось кардинальным образом изменить свою деятельность, а местным и центральным властям принимать экстренные меры по форсированной модернизации порта.

С началом Первой мировой войны Владивосток приобрел особое значение для поставок в Россию американских, японских, а также китайских грузов. В 1914 г., сумма заказов только интендантского ведомства в Японии составляла 32,3 млн. руб., а в США - около 20 млн. руб. К 1916 г. сумма только военных заказов в США составляла 1215 млн. руб. [7, С.27]. За годы войны, экономическое сотрудничество с США, стало играть исключительно важную роль для Российской империи. Американские фирмы стали главными поставщиками хлопка, шерсти, стрелкового оружия, патронов, пороха взрывчатых веществ, автомобилей, паровозов, железнодорожного, а также производственного оборудования. Роль порта Владивостока была незаменима в зимнее время, когда Владивосток оставался единственным открытым для внешней торговли портом.

Начиная с конца 1914 г. администрация порта и местные власти принимают экстренные меры по улучшению деятельности уже существующих причальных линий военного порта и каботажной набережной, в связи с этим вносятся существенные коррективы в утвержденный план развития порта. В первую очередь необходимо было быстро, в короткий срок, построить новые причальные набережные. Поэтому вместо начала капитального строительства «Министерской набережной» начинают строить простые свайные причалы для принятия океанских пароходов. Кроме того было преступлено к постройке временных каменных причалов представляющих из себя каменные призмы засыпанные щебнем. Первоначальная площадь самой «Министерской набережной» была существенно расширена путем увеличения стенок набережной в сторону моря, что опять же было вызвано необходимостью принятия большого количества кораблей.

Всего во Владивостоке были обустроены две новые гавани, в Амурском заливе (Лихтерная гавань и гавань Семеновский ковш), десять причалов, проведена их полная электрификация и проложены железнодорожные ветки к ним. С проведение данных мероприятия пропускная способность порта была доведена до 98 тыс. тонн в месяц[1]. Протяженность причальной линии была увеличена в два раза и составляла 7680 погонных метра. Из них 1485 погонных метра представляли из себя каменные стенки, которые позволяли производить разгрузку крупногабаритных грузов с помощью кранов непосредственно на береговые складские площади. 1963 погонных метра принадлежали к типу плавучих и представляли из себя понтоны, соединённые с берегом деревянным мостиком, в результате чего борт парохода отстоял от бровки набережной на 16 метров[4, Л.68].

Для модернизации самого порта в Японии было закуплено немало портового оборудования. В числе прочего там было построено и доставлено в Россию 8 плавучих и 29 железнодорожных кранов. Там же были приобретены за 9,5 тыс. фунтов два больших портовых крана, произведенные фирмой «Мицубиси», которые могли поднимать груз общей массой до 40 тонн.

В итоге предпринятых мер удалось почти в два раза увеличить грузооборот Владивостокского порта по сравнению с довоенным периодом времени. Если в 1914 г., грузооборот составлял 1 млн. 323 тыс. тонн, то в 1916 г. уже - 2 млн. 620 тыс. тонн, т.е. цифры планируемой достичь только к 1920 г. после капитальной реконструкции порта[2, С.98]. Общая стоимость привезенных товаров во Владивосток исчислялось суммой в 211474 руб. в 1915 г. и 555364 руб. в 1916 г.[6, Л.15]. Во Владивосток, главным образом, поступало стратегическое сырье, (хлопок сырец, шерстяные изделия, каучук, цветные и черные металлы), станки и производственное оборудование, а также большинство заказов Министерства путей и сообщений.

Всего же за годы войны во Владивостокский порт было доставлено 4.236.545 тыс. тонн различных грузов, а вывезено 3.272.881 тыс. тонн, в итоге суммарный грузооборот порта составил цифру в 7.509.426 тыс. тонн[4, Л.64]. Интересно, что грузооборот другого порта, который служил нашими главными морскими воротами в Европейской части – Архангельска составил за годы войны 10.229.977 тыс. тонн. Из которых 4.463.290 тыс. тонн приходилось на вывоз и 5.826.687 тыс. тонн на ввоз[8, С.84]. Разницу в общем количестве грузооборота в пользу Архангельска можно объяснить тем, что данные по Архангельскому порту приводят совместно с другим портом Белого моря - Романова-на-Мурмане, а также тем что, через порт Архангельска вывозились товары во Францию и Великобританию и другие государства Европы, которые являлись нашими главными экспортными партнерами. Кроме того во Владивосток грузы из США стали доставлялись в конце 1915 г., а основная масса в 1916 -1917 гг. когда американские фирмы стали выполнять свои обязательства и предоставлять продукцию по контрактам заключенным в 1914-1915 гг.

Таким образом, несмотря на то, что в результате войны план реконструкции порта существенно скорректировался, Владивостокский порт был модернизирован кардинальным образом. Это позволило Владивостоку принимать значительные объемы грузов, переориентировав свою деятельность с экспорта грузов на их импорт. За годы войны во Владивостоке сложились предпосылки для его дальнейшего развития в последующие десятилетия, а центральные власти осознали важность Дальневосточного региона для экономического и социального развития страны в целом.

Литература

1. Государственный архив приморского края (ГАПК) научно-справочная библиотека (НСБ) газета «Далекая Окраина» от 11.02.1916 г.
2. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хаб.: изд-во Хаб. Ун-та: 1999.
3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф 702. Оп 2. Д. 529.
4. РГИА ДВ Ф 32. Оп 1. Д. 32.
5. РГИА ДВ Ф 30. Оп 1. Д. 111.
6. РГИА ДВ Ф 702. Оп 1. Д. 1857.
7. Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М.: Воениздат, 1957.

8. Трошина Т.И. Великая война и северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012.

Волошинова И. В., Гончар-Быш Н. Н., Фролов П. М.

Программа колонизации Севера Европейской России в годы Первой мировой войны

В связи с необходимостью государственного контроля за перемещением больших крестьянских масс из Центральной России за Урал в конце XIX века было создано Переселенческое Управление. В этом ведомстве сконцентрировалась практически вся деятельность, связанная с изучением и освоением восточной части Российской империи. Результаты экспедиционных экономико-статистических и почвенно-ботанических исследований территории Азиатской России легли в основу правительственных мероприятий для осуществления успешной колонизации заселяемых районов. Необходимо добавить, что другим регионам России почти не уделялось внимания, так как колонизационные возможности востока были огромны. Но с началом мировой войны на Переселенческое Управление были возложены новые задачи, не входившие в сферу его деятельности, сопряженные с выполнением ранее заявленными планами[1]. Плановое переселение в Сибирь избыточного населения малоземельных районов европейской части России закончилось. Военная обстановка сама поставила важные задачи и определила программу деятельности органам переселения: с одной стороны - это забота о беженцах и устройство военнопленных, что ранее не входило в круг профессиональной деятельности, с другой стороны общие планы изучения, освоения и заселения страны с точки зрения экономической целесообразности выявили направления колонизации первой необходимости. Кроме того, на переселенческих органах лежала текущая задача забота и поддержание уже переселившихся хозяйств, так как число «обратников» и до войны было значительным[2].

По закону от 30.08.1915 г. заботы по обеспечению материальных нужд беженцев во время войны были возложены на МВД, губернаторов, земские учреждения и др., однако, Переселенческому Управлению пришлось принять в его обслуживании самое деятельное участие. Это объяснялось тем, что в Управлении имелся опытный персонал, работавший в пределах Европейской и Азиатской России по передвижению переселенцев, а также остановочные и врачебно-питательные пункты на главнейших путях следования на восток. Также часто в местах прибытия отсутствовали земские учреждения и до образования особых губернских комитетов, переселенческие органы были наиболее приспособленными для помощи беженцам, занимаясь их устройством, распределением на работы военнопленных, поддерживали жизнеспособность заселенных местностей[3]. Уже с осени 1914 года, когда возникло большое по размерам движение военнопленных, в соответствии с приказом верховного начальника санитарной и эвакуационной части, переселенческие пункты стали, по мере возникновения нужды, превращаться в

изоляционно-пропускные пункты для санитарного обслуживания военнопленных. Положение в значительной мере ухудшалось тем, что в Сибирь направлялись и беженцы. Администрация Сибири, а также и общественные организации в виде местных комитетов Союза городов, обществ помощи жертвам войны и т.п., совершенно не готовились к приему значительного числа беженцев, к тому же все значительные города Сибири расположенные по линии железных дорог, были уже переполнены военнопленными.[4].

Утвержденные 16.09.1914 г. Советом Министров «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» говорили о том, что любое ведомство может «заказать» необходимое ему количество пленных для своих нужд[5]. В массе своей военнопленные использовались для строительства дорог (корчевка дорожного полотна, разрубка просеки, насыпи, окантовка, настил гатей, бревен и т.д.), заготовки леса (корчевка и рубка), гидротехнических работах (постройка колодцев)[6].

В военное время все тыловые ведомства и организации ощутили на себе сокращение расходов. А сокращение расходов на переселенческие нужды остановили проекты постройки железнодорожного строительства за Уралом, подготовку земель для новых переселенцев и под угрозой оказались планы освоения Европейского Севера России. В годы первой мировой войны в Переселенческом Управлении на повестку дня ставится вопрос освоения и заселения Европейского Севера. В журнале совещания под председательством Управляющего Министерством Земледелия П.А. Вихляева по обсуждению мероприятий ведомства в деле экономического оживления Севера Европейской России от 9 сентября 1917 г. говорилось, что Переселенческое Управление уже приступило к обследованию Севера в смысле определения его пригодности для заселения и выяснения тех путей, по которым должна быть направлена колонизационная политика. «Одним фактом открытия Мурманской железной дороги в народно-хозяйственную жизнь страны вовлекается огромная земельная площадь, таящая в себе много природных богатств, но доселе почти безлюдная и экономически непочатая»[7].

Экономическая мотивация была вполне понятна, поскольку имелись «исключительно благоприятные условия, которые в связи с переживаемыми событиями создались для развития лесного хозяйства на нашей северной окраине. С наступлением мирного времени, международный рынок предъявит огромные требования на строительные материалы. (Между тем война сильно истощила леса Западной Европы, равно как и наши Западные губернии). Главное препятствие для развития производительных сил Севера - это его безлюдье, почти полное отсутствие рабочих рук. Необходимо привлечь сюда живую силу, путем создания благоприятной для этого обстановки, необходимы широкие колонизационные мероприятия»[8]. Все эти планы не остановили октябрьские события 1917 года.

Сохранение переселенческих органов после Октябрьской революции было связано с возобновившимся переселенческим движением и его

социально-экономическим значением в системе хозяйственных мероприятий Советской власти. Начавшаяся ломка хозяйственного уклада в деревне, голод, массовая безработица в городах, военные действия и оккупация германской армией западных районов России вызвали массовое движение населения из одних районов в другие, а также за Урал. Внимание новой власти к переселенческому вопросу был в первую очередь связан с разрешением чрезвычайно сложных земельных отношений: он рассматривался в неразрывной связи с решениями проблем земельно-хозяйственного строительства. Как отмечал В.И. Ленин, переселенческий вопрос являлся подчиненным по отношению к аграрному вопросу в центре страны[9].

«Переселенческое управление было единственным учреждением в составе бывшего министерства земледелия, не прервавшим ни на один день своей работы в октябрьско-декабрьские дни 1917 г.» – отмечалось в отчете о деятельности Переселенческого управления за первый год Советской власти[10]. Усиление переселенческого движения за Урал с весны 1918 г. обуславливалось еще и тем, что переселенцы стремились прибыть на новое место жительства к началу весенних полевых работ. Переселенческое движение этого времени регулировалось декретами, разрешавшими или запрещающими переселение в те или иные районы[11]. Оценивая в целом те переселенческие мероприятия, которые проводились до начала планового переселения, заведующий Переселенческим Отделом Наркомзема РСФСР М.А. Большаков считал, что, «отбросив в сторону колонизационную политику дореволюционного периода, как негодную и несовместимую с принципами Советской власти, революция не создала взамен никакой новой». Период 1918-1922 гг. им охарактеризован как «колонизационное безвременье»[12].

В ходе осуществления аграрной программы Советской власти сразу началось вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемых земельных фондов. Благоприятные условия для освоения необжитых земель, в том числе и путем переселения, создали национализация и объединение земли в единый государственный фонд на основе декрета «О земле», в котором подчеркивалась целесообразность использования необрабатываемых земель, законодательно закреплялись новые основы переселенческой политики. Устанавливалась последовательность предоставления права на переселение, причем преимущество отдавалось деревенской бедноте, безземельным крестьянам при их добровольном согласии.

Несмотря на начавшуюся гражданскую войну, сотрудники Переселенческого Управления смогли настоять на необходимости организации экспедиций на Север Европейской России и доказать, что Север может приобрести экономическую независимость, стать монопольным собственником лесного рынка и обладать собственным источником существования, если повернет свое хозяйство в сторону земледелия. Г.Ф. Чиркин неоднократно указывал в своих работах на необходимость колонизации Севера Европейской России, сочетая ее с одновременным строительством густой сети подъездных путей, земельным устройством переселенцев, мелиорацией, проведением

телефонных и телеграфных линий[13]. Теме колонизации новых районов России посвящали свои работы и другие исследователи: Ярилов А.А., Книпович Б.Н., Успенский А., Лубны-Герцык Л.И. и др. [14]. Но в то время северные губернии оказались единственно достигаемым районом с заведомо избыточным земельным фондом, использование которого сопрягалось с эксплуатацией леса как предмета экспорта. Поэтому, одним из первых постановлений Советской власти в области переселений в марте 1918 года было издание циркулярного обращения к Советам с призывом к временному удержанию переселений за Урал, поскольку «земля отныне и навсегда стала вольной и всенародной», рекомендовалось обратить внимание на расселение внутри Европейской России, уделяя особенное внимание Северу Европейской России. 1 августа 1919 г. В.И. Лениным было подписано постановление СНК об отпуске 2209510 рублей Центральному отделу землеустройства на экспедиции для обследования районов возможного заселения Севера[15], а с осени 1919 г. начали работу по планам изыскания колонизационного фонда на Севере новые специальные органы НКЗ – колонизационные экспедиции [16].

Литература

1. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX - начале XX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук Республика Казахстан. Караганда, 2007.
2. Старков П. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914-1925 гг.) // Жизнь Сибири, 1926. № 7-8. С. 29-31.
3. Российский Государственный Исторический Архив. Ф.391.оп.6. д.334. л.3-4.
4. Старков П. указ.соч. С. 29-31.
5. РГИА. Ф.391.оп.6. д.310. л.19.
6. РГИА. Ф.391. оп.6. д.310. л.103. № 6
7. РГИА. Ф.391. оп.6. д.703. л.4. № 7
8. РГИА. Ф.391. оп.6. д.703. л. 25. 8
9. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 26 октября 1917 г. «О земле»: «...Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению. Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч. должно взять на себя государство» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1928 гг. М., 1967. Т.1. С.17; Декрет ВЦИК Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов. 27 января 1918 г. «О социализации земли». Раздел VI. Переселение / Там же. С. 40-41. № 9.
10. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 873. Л. 51.Об. Справка о деятельности Переселенческого Управления (Работа во время революции). № 10
11. Например, постановлением СНК от 24 апреля 1919 г. «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область» в целях облегчения тяжелого продовольственного положения крестьян и рабочих северных губерний было разрешено переселяться в южные районы Республики. Постановлением СНК от 24 июля 1919 г. «Об устройстве земельного быта калмыцкого народа», занимаемая ими территория закрывалась для переселения / Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов (1917-1965) / Под.ред. С.Г. Струмилина. 2-е изд. М., 1967. С. 40, 43. 11
12. Большаков М.А. Задачи и перспективы колонизации // Земельное дело: Сборник статей по вопросам земельной и сельскохозяйственной политики, экономики, техники и

- организации земельного дела, колонизации и переселения и земельного дела за границей / Под ред. А.А. Андреева, М.М. Шульгина. М., 1923. С. 125. 12
13. Чиркин Г.Ф. 1) О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18; 2) Объяснительные записки к сметам расходов Переселенческого Управления на 1915, 1916, 1917, 1918 гг. 3) Труды II Всероссийского Съезда Лиги аграрных реформ. М., 1917. Вып.3. Земельный фонд, нормы и контингент. 13
 14. Ярилов А.А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки дальнейшего развития России. М., 1921; Книпович Б.Н. Очерк деятельности НКЗ за три года 1917-1920 гг. М., 1920; Успенский А. Прошлое и будущее колонизации // «О земле»: Сборник статей об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1922. Вып. 3.; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР (за время войны и революции). М., 1926; Гиппиус Л. Север Европейской России. Пг., 1918. 14
 15. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. Отд.1. № 4. Ст. 44; Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 128, 247-249. 15
 16. Цабель Л.Н. Колонизация Севера, ее задачи и перспективы. Пг., 1919; Овчинников Н.Я. Работы Северных колонизационных экспедиций Наркомзема (1919-1921 гг.). Пг., 1922;
 17. Иорданский Ю.П. Материалы Северных колонизационных экспедиций. Колонизация Севера. Пг., 1920. 16

Голубев А. А.

Развитие транспортной инфраструктуры Северо-Западного региона в период Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.)

Бурный экономический рост Санкт-Петербурга в XIX в. обусловил развитие транспортных коммуникаций Северо-Западного региона в направлении столицы. Сырьевой ввоз и вывоз готовой продукции петербургских предприятий требовал значительного напряжения в работе существующих видов транспорта. С началом Первой мировой войны промышленность Санкт-Петербурга перешла на выполнение оборонного заказа, увеличив при этом производство в несколько раз. Однако сухопутные (железнодорожные, шоссейные) и водные коммуникации не справлялись с все возрастающими потребностями «Северной Пальмиры».

В начале XX в. Северо-Западный регион Европейской части Российской Империи отличала неравномерная, слабо развитая, транспортная инфраструктура. Традиционные естественные водные пути в XVIII – первой половине XIX вв. получили развитие благодаря строительству искусственных сооружений трех водных систем Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской. Водные системы связывали бассейн Балтийского моря с главной водной артерией России – Волгой. Однако транспортные возможности водного пути были ограничены и не позволяли увеличить грузооборот. К концу XIX в. они потеряли свое значение и использовались для местных нужд.

К 1913 г. в России насчитывалось 726 тыс. верст дорог, в том числе в европейских губерниях – 469 тыс. верст (из них 16 тыс. верст шоссейных и 4,6 тыс. прочих мощёных). Сухопутные пути региона отражали общее дорожное положение в стране. В северо-восточном направлении от Санкт-Петербурга шли тракты: Архангельский (проходивший через Лодейное Поле, Вытегру и

Каргополь, с ответвлениями на Пудож и Белозерск), Олонецкий (через Лодейное Поле и Олонец) и Петрозаводский (к Повенцу), а так же почтовая дорога Олонец – Сердоболь. Большое количество водных препятствий региона – рек, ручьев, озер и болот, а так же сложные погодные условия удорожали дорожное строительство и содержание коммуникаций. Неудовлетворительное состояние дорог приводило к тому, что Архангельская и Олонецкая губернии осенью, зимой и весной по несколько недель, оставались без транспортной связи с внутренними губерниями страны.

С середины XIX в. разворачивается железнодорожное строительство в России. При этом следует отметить, что северо-западные губернии оказались в стороне от этого процесса. Новый вид транспорта завоевывал регионы с развитой промышленностью и соединял их с сырьевыми базами. Экономические интересы государства и частных предпринимателей заслоняли выдвигаемые стратегические транспортные проекты. В итоге к 1914 г. Северо-Западный регион имел довольно развитую сеть железных дорог, замкнутую на Петербургский транспортный узел. По обширным территориям Архангельской и Олонецкой губерний проходила только одна, построенная в 1898 г., узкоколейная железная дорога Вологда – Архангельск.

Начало боевых действий на фронтах Первой мировой войны выявило ряд проблем в проведении мобилизации. По мобилизационным планам Генерального штаба российской армии, призванные с территории Северо-Западного региона военнослужащие запаса должны были затратить от 2 до 3 суток на то, чтобы добраться до ближайшей станции железной дороги, откуда они могли проследовать на сборные пункты. Однако из некоторых уездов Архангельской и Олонецкой губерний лица, мобилизованные в армию, могли прибыть на станции посадок лишь на 35-й – 40-й день мобилизации. Таким образом, сеть дорог региона была не в состоянии обеспечить своевременную доставку призванных из запаса военнослужащих в воинские части и соединения, что, в свою очередь, отрицательно влияло на сроки приведения их в боевую готовность.

Переход к позиционной войне, обозначившийся к началу 1915 г., выявил так же значительные проблемы в обеспечении русской армии. Передовые части испытывали снарядный и патронный «голод», не хватало артиллерии и пулеметов, запчастей к машинам и самолетам зарубежного производства. Тыловые службы армии не имели достаточных запасов продуктов питания и теплой одежды. Полевые и тыловые госпитали не были обеспечены достаточным количеством медикаментов и перевязочным материалом.

Глубокий кризис в снабжении русской армии потребовал от российского Правительства прибегнуть к финансовой и технической помощи союзников по Антанте. В сентябре 1915 г. Российское Правительство заключило соглашение, с «казначеем» Антанты – Великобританией, на предоставление военного кредита в сумме 300 млн. фунтов стерлингов. В итоге Англия, Франция, Соединенные Штаты и другие державы «блока» в несколько раз увеличили поставки военного имущества в Россию. К февралю 1915 г. сумма зарубежных заказов только интендантской службы армии составила 64 млн. руб. За навигацию 1916 г. в

порты России и далее к фронту необходимо было перевезти около 1 млн. тонн армейских грузов.[1]

С началом военных действий Россия оказалась в затруднительном положении, так как западные морские пути были блокированы, в том числе и военно-морские порты в Либаве и Кронштадте. После вступления в войну Турции и закрытия проливов Босфор и Дарданеллы оказались перекрытыми и черноморские порты. В результате у России оставалось только два стратегических порта: один на тихоокеанском побережье во Владивостоке, второй на Белом море в Архангельске. Доставка грузов от поставщиков, большинство из которых находились в Европе, через порты Дальнего Востока, была сложна и занимала много времени.

В результате сложных переговоров с союзниками был заключен договор, по которому основными базами для перегрузки грузов поступающих в Россию стали порты Белого и Баренцева морей. Только в порт Архангельск планировалось доставлять до 74 тыс. тонн грузов ежемесячно. Однако порты Белого и Баренцева морей не были приспособлены в техническом отношении для разгрузки большого количества кораблей. Причалы были малы, портовых кранов было недостаточно, складские площади не позволяли поместить необходимое количество грузов. До войны порт Архангельск принимая морские грузы, отправлял их вглубь страны преимущественно водным путем по Северной Двине, лишь часть грузов направлялась по узкоколейной железной дороге на Вологду. Порты Белого моря: Онега, Сорока, Кемь, Кандалакша и Баренцева моря: Кола, Владимир и др. вообще не имели всесезонной транспортной связи с центральными районами страны. Поэтому выполнить необходимый объем перевозок из северных портов было невозможно без строительства постоянно действующих, надежных, сухопутных транспортных путей, которыми в начале XX в. могли стать только железные дороги.

В 1914 г. в Архангельский порт было ввезено 34,5 млн. пудов грузов, в 1915 г. – 75,3 млн. пудов, в 1916 г. – 120,2 млн. пудов.[2] Для обеспечения стабильной работы в 1914 г. порту было выделено 1,5 млн. руб. на приобретение двух ледоколов для продления сроков навигации.[3] По запросу Управления портом был выделен государственный кредит на приобретение 12 кранов, 25 грузовых барж, в размере 752 тыс. руб.[4] В итоге проведенной реконструкции Архангельский порт увеличил ввоз грузов в 26 раз, а вывоз в 8 раз.[5] Для увеличения вывоза грузов во внутренние губернии России Министерство путей сообщения принимает все меры по усилению пропускной способности железной дороги от Вологды до Архангельска. Был осуществлен перевод ее на широкую колею и продолжение на север до того места, где был устроен аванпорт, увеличивший срок навигации Архангельского порта. Однако и этого было недостаточно для выполнения работ по перевозке грузов с севера.

В северных портах суда задерживались на несколько недель, а иногда и месяцев в ожидании разгрузки. Грузы, доставленные в порты, перевозить в центральные районы было еще сложнее из-за отсутствия транспортных магистралей. Сухопутный транспорт не справлялся с возросшими потребностями

военного времени. Это обусловило слабую пропускную способность портов, в них образовались огромные скопления грузов, составившие к началу 1916 г. до 150 тыс. вагонов.[6]

Ограниченные возможности действовавших портов России по приему и отправке грузов заставили Правительство искать новые возможности для увеличения морских перевозок. Уже в первые месяцы войны пристальное внимание государственных ведомств и зарубежных партнеров было обращено на удобные гавани Мурманского побережья Баренцева моря и Карельского побережья Белого моря. По продолжительности навигации Мурманские и Карельские бухты превосходили Архангельский порт. В некоторых гаванях уже несколько столетий существовали небольшие порты (Печенга, Кола, Ковда, Кандалакша, Кемь, Сорока и др.), построенные поморами для ведения торговли с европейскими соседями. Заливы глубоко врезались в берег и имели достаточную для прохождения крупных морских судов глубину, а так же широкую, без значительных перепадов, береговую линию, позволяющую размещать большое количество портовых и складских помещений. Существенным достоинством Мурманского берега является омывание его течением Гольфстрим, что делает его незамерзающим круглогодично. Поэтому с особой остротой стала ощущаться необходимость строительства океанского порта на Мурмане и соединение его сухопутным путем с центром России. Такой магистралью могла стать проектируемая уже более 40 лет железная дорога, которая должна была соединить Мурманское побережье Баренцева моря и Карельский берег Белого моря с Петроградом.

Развитие событий на фронтах в 1914 г. побудило правительство ускорить сооружение магистрали, которую современники называли «Великий Северный путь». Ведомство путей сообщения уже 16 октября 1914 г. рассмотрело вопрос о безотлагательном сооружении этого железнодорожного пути, избрав за его начальную точку город Петрозаводск. К которому с весны 1914 г. велось строительство железной дороги от станции Званка (Волховстрой). В Совет Министров было направлено представление об ассигновании 20,6 млн. руб. на проведение работ по строительству железнодорожной линии Петрозаводск – Сорокская бухта.[7] Так же были выделены средства под строительство на Мурмане незамерзающего океанского порта.

Открытие сквозного движения по Мурманской железнодорожной магистрали (1445 км.), построенной в условиях Первой мировой войны за 20 месяцев, состоялось 30 ноября 1916 г.[8] Начало эксплуатации Мурманской магистрали увеличивало грузооборот портов Мурманского побережья, Баренцева моря и западного побережья Белого моря, что значительно ускорило доставку грузов к местам назначения.

Созданная в период Первой мировой войны транспортная инфраструктура Северо-Западного региона соединила в единую сеть комплекс портов Баренцева и Белого морей и всесезонных железных дорог, став хребтом дальнейшего развития транспортных коммуникаций края.

Литература

1. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в Первой мировой войне. М.: Наука, 1975. С. 253, 290.
2. Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI – XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. С. 163.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 498.
4. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 632
5. Гудкова О. В. Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии северного региона (1858 – 1917 гг.). Вологда: Древности Севера, 2002. С. 137.
6. Краткая история рабочего движения в России. М.: Госполитиздат, 1962. С. 507.
7. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 528. Оп. 3. Д. 6. Л. 52 – 53.
8. НА РК. Ф. 320. Оп. 3: Д. 195. Л. 12; Д. 1114. Л. 62.

Давыдов Р. А.

Захват немецких судов на Русском Севере в 1914 г., их затопление, подъем и дальнейшая эксплуатация

В самом начале I мировой войны у морских побережий Архангельской губернии по распоряжению российских властей были захвачены немецкие торговые суда, некоторые из которых впоследствии вошли в состав получающего казенную субсидию Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства (ТАМСП). Этот факт лишь в общих чертах известен историкам занимающимся I мировой войной. В настоящей публикации обстоятельства захвата, подъема и последующей эксплуатации немецких судов рассмотрены преимущественно на основе документов Государственного архива Архангельской области.

15 (28) июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и начала боевые действия. 16 (29) -18 (31) июля начались мобилизационные мероприятия во Франции и России; 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России.

К 1914 году торговый флот Германии занимал второе место в мире после английского и составлял 10,9 % мирового тоннажа. Несмотря на явную угрозу крупномасштабных военных действий в Европе, власти и судовладельцы Германии проявили удивительную беспечность по отношению к своим торговым судам. Следствием этого стало задержание в первые дни войны более 90 только паровых судов под флагами Германии и Австро-Венгрии в российских территориальных водах и у российских берегов. Из них 11 пароходов были задержаны – в портах и у морских побережий Архангельской губернии [1].

Согласно сведениям, предоставленным лоц-командиром Общества архангельских лоцманов им. царя Федора Михайловича начальнику Архангельского губернского жандармского управления, в течение 19 и 20 июля (1-2 августа) из Архангельского порта в сопровождении местных лоцманов вышли 12 немецких судов. Все они перед этим «прописались на отход в Соломбальской корабельной конторе»; 11 из них вышли с полным грузом – в основном пиломатериалами, продукцией местных лесозаводов, и только один с балластом [2].

20 июля (2 августа) за подписью архангельского губернатора С.Д. Бибикова были отправлены телеграммы исправникам приморских уездов с требованием «немедленно задержать все германские торговые суда» [3]. Распоряжение губернатора было оперативно выполнено. Но уже на следующий день, вечером 21 июля (3 августа) С.Д. Бибиков получил телеграмму из г. Тромсё от российского консула в Норвегии, в которой сообщалось, что мимо Хаммерфеста в направлении Мурманского берега прошли четыре немецких миноносца [4]. Сообщение, оказавшееся ложным, вызвало панику в Архангельске. Дело в том, что с 1862 г. и до начала I мировой войны российские власти провели почти полную демилитаризацию Белого и Баренцева морей. В июле 1914 г. единственным (!) ограниченно боеспособным судном под Андреевским флагом здесь оказался транспорт «Бакан», ежегодно приходящий на Север с Балтики для охраны морских промыслов. По распоряжению С.Д. Бибикова, действовавшего по согласованию с другими чиновниками, экстренно собравшимися на совещание в ночь с 21 на 22 июля (3-4 августа), «призы» были затоплены «на мелких местах», во избежание возможного взятия их немецкими миноносцами [5].

В ожидании несуществующих миноносцев александровский уездный исправник захотел уничтожить запасы угля, хранящиеся на складе ТАМСП, чтобы они не достались немцам. Для этого он приказал облить уголь бензином и поджечь его, но емкости с бензином оказались заложены разными материалами и припасами. Это, по мнению многих, спасло город Александровск от пожара. Тем не менее, по распоряжению исправника была разломана пристань для морских судов и срыто в воду ок. 60 т. угля [6].

27 июля (9 августа) архангельский губернатор послал военному министру, морскому министру и министру внутренних дел телеграмму следующего содержания: «Счастлив донести Вашему Высокопревосходительству, что согласно моим указаниям и распоряжениям усилиями военного судна “Бакан”, административного парохода “Мурман”, чинов пограничной стражи, таможни и полиции захвачено десять немецких пароходов с грузом леса и каменного угля» [7]. Хотя, честно говоря, гордиться особенно было нечем. Не все немецкие суда, успевшие покинуть порты Русского Севера в начале войны, были перехвачены; большинство же захваченных судов тут же отправились на дно из-за излишне поспешного и оказавшегося необоснованным реальной обстановкой распоряжения того же губернатора; груз разбросало море.

9 (22) августа в Архангельске под председательством начальника Архангельского торгового порта А.А. Новинского прошло совещание по вопросу о поднятии затопленных немецких пароходов. Обсуждались как технические возможности подъема судов. Также была определена примерная их стоимость, «считая одну тонну Брутто в 75 рублей и несколько уменьшая этот коэффициент в зависимости от срока службы парохода». Ниже приводятся сведения о расчетной стоимости затопленных судов.

В Архангельском порте: «Росток» - 150 000 руб.; «Лабэ» - 120 000 руб.; «Гедвиг» - 120 000 руб., «Цигнус» - 40 000 руб., «Паола Блумберг» - 120 000 руб. В Онеге: «Карл» - 200 000 руб.; «Ларсен» («Karl Friedrich Larsen») - 120 000 руб.;

«Эрика Фишер» - 120 000 руб. В Ковде: «Утгард» - 150 000 руб. В Кеми: «Таурус» - 60 000 руб. В Александровске: «Ларсен» («Erik Larsen») - 120 тыс. руб. Общая стоимость судов была оценена в 1 320 000 рублей. Учитывая высокую стоимость судов в сравнении с предполагаемыми расходами на подъем и использование их впоследствии для перевозки военных грузов, Министерство финансов 23 августа (5 сентября) уведомило архангельского губернатора о выделении в его распоряжение кредита в 40 000 рублей для подъема восьми затопленных пароходов [8].

В рамках объема, отводимого под сообщение, мы здесь не рассматриваем обстоятельства подъема судов. Ниже приводятся краткие сведения о немецких «призах» - пароходах, входивших в годы I мировой войны в состав ТАМСП.

«Laboe» (бывший «Scheldestad») – построен в 1903 г. в Великобритании по заказу судоходной компании из Антверпена, сменил несколько судовладельцев. В 1914 г. задержан командой «Бакана». Затоплен, поднят, поставлен на ремонт в док, передан Управлению работ Архангельского порта. В 1917 г. вошел в состав ТАМСП как «Кильдин». В последующие десятилетия ходил под флагами России, РСФСР, Латвии (как «Imanta»), СССР (как «Иманта», «ВТ-555») Германии (вновь как «Laboe»), СССР (вновь как «Кильдин»). В 1947 г. разбит во время шторма вблизи Риги.

«Taurus» – построен в 1905 г. в Германии. В 1914 г. задержан в Кеми чинами пограничной стражи. Затоплен, поднят, после ремонта передан ТАМСП как «Ковда». Совершал плавания в порты Великобритании и Франции. В 1915 г. включен в состав ОВР Белого моря, в 1916 г. вооружен (1 – 75-мм и 2 47-мм орудия) и как посыльное судно включен в Дивизию траления СЛО. 7 (21) июля 1916 г. затонул в результате взрыва мины, выставленной немецкой подводной лодкой U-75 у м. Городецкий. При этом погибло три матроса.

«Erik Larsen» (бывший «Wotan», «Curt Retzlaff», «Mignon») – построен в 1902 г. в Германии. В 1914 г. вблизи о. Кильдин задержан командой административного парохода «Мурман». Затоплен, поднят, приведен в Архангельск, вошел в состав ТАМСП как «Печенга». В 1914-1915 гг. совершал рейсы в порты Великобритании. 14 (27) февраля 1916 г. затонул в течение в Северном море в результате взрыва мины.

«Paula Blumberg» – построен в Германии. Задержан у о. Мудьюг досмотровой партией с русского портового судна «Кузнечиха». Затоплен, поднят, отремонтирован, передан ТАМСП как «Сорока». Совершал рейсы в порты Великобритании. В 1920 г. при эвакуации белогвардейцев оставлен в Архангельске. Национализирован, передан Белмортрану. В 1922 г. в соответствии с Рапалльским договором передан Германии как «Wellgunde»; в 1925 г. продан в Великобританию как «Alcantara». 24 февраля 1928 г. из-за ошибочных действий протаранен советским барком «Товарищ»; затонул очень быстро, удалось спастись лишь одному члену команды.

«Rostok» (бывший «Indre») – построен во Франции, в 1912 г. продан в Германию как «Rostok». В 1914 г. задержан командой «Бакана», затоплен, поднят, после ремонта включен в состав ОВР Белого моря как «Росток», передан ТАМСП

как «Сума». Совершал рейсы в порты Великобритании и Франции. В 1916 г. в сопровождении ледокольного парохода «Вайгач» буксировал из Архангельска в Александровск подводную лодку «Дельфин». 17 (30) июля 1917 г., следовал из Архангельска в Лервик; потоплен артиллерийским огнем немецкой подводной лодки U 94 в Атлантике у Шетландских островов. Команде была предоставлена возможность спастись на шлюпках.

«Utgard» (бывший «Adelheid Menzell», «Irmgard») – построен в Германии. В 1914 г. задержан в Ковде чинами таможни. Затоплен, поднят, после ремонта включен в состав ОВР Белого моря как «Утгард», продан ТАМСП как «Умба». Совершал рейсы в порты Великобритании, в т.ч. под британским торговым флагом. 30 апреля 1918 г. торпедирован немецкой подводной лодкой UB 57. Из 25 человек команды спаслось лишь пять. [9, 10]

Литература

1. Жалнин Д.Е. Дело о задержании парохода «Утгард» по случаю объявления Германской войны (По материалам Государственного архива Мурманской области) // Ушаковские чтения: Материалы I научно-практической конференции памяти профессора И.Ф. Ушакова. Мурманск, 2004. С. 113-117.
2. ГААО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 160. Л. 4 об.-5.
3. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2659. Л. 1, 2, 3.
4. РГИА. Ф. 97. Оп. 1. Д. 198. Л. 1, 10 об.
5. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2659. Л. 13, 14.
6. РГИА. Ф. 97. Оп. 1. Д. 198. Л. 19.
7. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2659. Л. 21-22.
8. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2662. Л. 29-30 об., 46.
9. Трифонов Ю.Н. Суда товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства: краткий исторический справочник. Архангельск, 2010. 49 с.
10. Лапшин Р.В., Смолин А.А. Северные пароходства России (1861 – 1920 гг.). Архангельск: Лодия, 2011. 148 с.

Златина М. А.

Еврейские беженцы в Тамбовской губернии: проблемы выстраивания взаимоотношений с местной администрацией, общественными организациями и местным населением (лето 1915 года)

В июне 1915 года, в связи с массовым насильственным выселением евреев из прифронтовой зоны западных губерний Российской империи, территория черты еврейской оседлости оказалась переполнена, что могло повлечь за собой социальную катастрофу. В сложившейся ситуации правительство, примерно за полтора месяца до принятия циркуляра Н.Б. Щербатова (согласно которому евреям предоставлялось временное право на проживание вне черты оседлости) было вынуждено открыть для размещения еврейских беженцев и выселенцев несколько губерний вне черты оседлости. Секретный проект об открытии трех губерний был принят на заседании Совета министров 12 июня 1915 года [1], впоследствии были выбраны для размещения

евреев Тамбовская, Пензенская и Воронежская губернии. Таким образом, ещё до вступления в силу циркуляра о временном снятии черты оседлости, в Тамбовскую губернию хлынул поток еврейских вынужденных мигрантов.

Решение об их размещении в избранных губерниях было секретным, без каких-либо уточняющих инструкций со стороны правительства, и на первых порах местные органы власти не могли определиться со своим отношением к прибывающему еврейскому населению. Первых евреев – выселенцев, приехавших в Тамбовскую губернию, местная администрация восприняла как сосланных под надзор власти. В соответствии с таким взглядом, приезжим евреям было позволено селиться лишь в глухих уголках губернии, им запрещено было отлучаться за пределы поселения без разрешения начальника полиции и за пределы губернии без разрешения губернатора. Так прибывшие в первых числах июля еврей-выселенцы, несмотря на просьбы местной еврейской общины и городского головы оставить беженцев в Тамбове, были отправлены в Лебедянь – «глухой захолустный город губернии». [2]. «Ходатайство представителя Московского еврейского комитета, поддержанное тамбовским городским головой и председателем губернской земской управы о разрешении свободного расселения евреев по всей губернии было вначале отклонено». [3]. Губернатор объяснял причину отказа тем, что «он не знает еврейских беженцев, почему и затрудняется разрешить им жительство в таких городах, как Тамбов и Козлов». [4]. Власть в уездах заходила порой ещё дальше: в еврейской прессе описывались случаи, когда местные чины полиции запрещали приезжим «переходить на новую квартиру и даже выходить на улицу». [5] Этот наиболее сложный период во взаимодействии местных властей Тамбовской губернии и прибывших еврейских беженцев и выселенцев завершился к середине июля 1915 года. После того, как 15 июля 1915 года министр внутренних дел телеграфным сообщением известил Тамбовского, Пензенского и Воронежского губернаторов о том, что евреи в праве свободно передвигаться по всей губернии, а также могут выезжать в черту оседлости, отношение к евреям со стороны местной администрации улучшилось. И 25 июля 1915 года тамбовский губернатор официально разрешил евреям свободно селиться по всей губернии. Впрочем, были известны случаи изначально доброжелательного отношения и даже содействия прибывающим еврейским выселенцам со стороны местной полиции. В Моршанске местный еврейский комитет не был предупрежден о дате и времени приезда новой партии евреев - беженцев и потому не смог их встретить на вокзале. В итоге, первую помощь прибывшим оказала местная полиция. Пристав немедленно вызвал представителей еврейского комитета и самолично нанял подводы. [6]. Более того, узнав, что у Комитета возникли трудности с размещением еврейских беженцев по квартирам, полицмейстер предложил занимать жилплощадь при помощи полиции, и тут уже представители Комитета отказались от подобного содействия, чтобы не нагнетать ситуацию в городе.

В итоге проблемы, возникавшие при взаимодействии местной администрации и еврейских беженцев, в основном, свелись к вопросу выдачи

или отказа в передачи субсидий от правительства на содержание еврейских вынужденных мигрантов в Тамбовской губернии. Так Тамбовский губернатор уведомил отношением от 28 августа 1915 года Борисоглебский городской комитет о том, что евреям – беженцам надлежит прекратить выдачу денег из средств городского комитета, так как евреи должны испрашивать необходимые суммы от Петроградского еврейского комитета, получающего деньги от правительства. [7] Аналогичные отношения были разосланы всем уездным комитетам губернии. В конечном счете, оказание денежной помощи еврейским вынужденным мигрантам, помимо еврейских благотворительных учреждений, взял на себя Всероссийский земский союз.

В целом, с местными общественными организациями удалось быстро наладить контакт и еврейским благотворительным комитетам, и, через комитеты, евреям - беженцам и выселенцам. Помощь и поддержка проявились в форме финансирования общественными учреждениями местных еврейских организаций, в частности, и еврейских вынужденных мигрантов, в целом. А также в виде приглашения местных еврейских деятелей и уполномоченных от центральных еврейских комитетов к участию в работе местных русских учреждений, занимающихся, в том числе, помощью беженцам без различия национальностей и вероисповеданий. Так в своих докладах уполномоченные от центральных еврейских благотворительных комитетов сообщали о «благожелательном отзывчивом отношении Тамбовского городского общественного комитета к нуждам еврейских беженцев», а также о том, что Бюро при данном Общественном комитете обращалось к местной еврейской трудовой комиссии «по делу объединения деятельности обоих бюро труда». [8]

В Моршанске на созванном общегородском собрании также поднимался вопрос о слиянии местного еврейского комитета с общим городским. В итоге было решено, что члены еврейского комитета войдут в состав Городского, будет создано общее бюро труда, но полного слияния двух организаций проводиться не будет, и Еврейский комитет сохранит свою самостоятельность. [9]. В Усмани «вся помощь оказывалась евреям наравне с христианами из Общего комитета при городской управе, в состав которого входили и представители местной еврейской общины. Квартиры оплачивались городской управой, дрова выдавались из городских запасов. Продовольствие выдавалось из склада при Управе натурой на каждого беженца». [10] Аналогичная ситуация с оказанием помощи еврейским беженцам сложилась и в городе Липецке. В местной прессе подтверждалось, что «губернским комитетом общеземского союза постановлено снабжать нуждающихся беженцев одеждой, бельем и обувью со склада комитета, выдавая их через общественный комитет». [11]

Значительную помощь еврейским вынужденным мигрантам оказало местное отделение Всероссийского земского союза. Так за август 1915 года в Тамбове местным еврейским комитетом было получено от земства 1500 руб. [12]. В Моршанске также часть денег еврейскому комитету выдавало земство, хоть и уменьшая каждый раз сумму, в зависимости от того, сколько человек из

еврейских беженцев получило работу, в таком случае и беженца, и его семью снимали с пайка. [13]. Подобная договоренность была достигнута 7 августа 1915 года, согласно принятому решению, местное отделение Земского союза выдавало денежное пособие из расчета 20 коп. на человека в день. [14] Когда же в конце августа 1915 года тамбовским губернатором было принято решение о прекращении выдачи еврейским беженцам казенного пайка из средств, выданных на губернию правительством, тамбовским городским комитетом было решено субсидировать еврейские организации уже не из казенных денег, а из сумм Всероссийского земского союза. [15]. Н.С. Жихарев, уполномоченный ВЗС по Тамбовской губернии, подтвердил, что под свою ответственность он предложил уездным комитетам Земского союза выдавать на еврейских беженцев по 15 коп. в день на человека, пока он располагает необходимыми средствами. [16].

Выстраивание взаимоотношений пришлых евреев – выселенцев с местным населением также проходило довольно плодотворно и без эксцессов. В Тамбовской губернии к моменту приезда туда евреев-беженцев уже существовала местная еврейская община (в сумме на всю губернию приходилось чуть больше сотни еврейских семейств). [17]. Таким образом, местное христианское население не первый раз сталкивалось с евреями, хотя определенная разница между местными и пришлыми евреями, конечно, существовала, прежде всего, в отношении знания русского языка, но, в целом, быт и обычаи были схожи. В итоге местные жители достаточно лояльно отнеслись к прибывшим еврейским вынужденным мигрантам. Каких-то особо серьезных конфликтов ни в архивных материалах, ни на страницах прессы не запечатлено. Есть данные об ожидании эксцессов в с. Рассказове, но там скорее опасения прибывших беженцев были связаны с отсутствием в селе местных еврейских жителей, чем с реальной угрозой со стороны христианского населения. [18]. В Моршанске большинство домовладельцев первое время отказывало беженцам в предоставлении квартир, но, опять же, это было скорее вызвано опасением хозяев за целостность и санитарное состояние жилья, чем выпад по национальному признаку. [19] Напротив, упоминается активная поддержка местным населением приехавших беженцев. В том же Моршанске, по свидетельству очевидцев, «простые бабы носили бублики, хлеб, молоко, кашу для детей, деньги. И при этом сочувствовали беженцам». [20]. Из Тамбова сообщали, что «отношение к беженцам местного населения прекрасное – соседи-христиане колют им дрова, топят печку в субботу и т.п.». [21]. Местные русские работодатели не слишком охотно брали на работу беженцев, но при этом они не делали различий между русскими и евреями. [22]. Более того, торговцы из еврейских беженцев пользовались большим расположением местных фирм. Евреев – приказчиков «охотно принимали на работу в магазины». [23]. Даже на рынке «местные торговцы никакой неприязни к ним <беженцам - евреям, пришедшим торговать на базар> не проявляют». [24]. Во всяком случае, о конфликтах на базе конкуренции в торговле между местным русским и пришлым еврейским населением в Тамбовской губернии, в отличие от той же Екатеринославской губернии, не упоминается ни в прессе, ни в отчетах

еврейских уполномоченных. Замечалось отрицательное отношение ремесленников христиан к еврейским ученикам и подмастерьям, но сами же еврейские уполномоченные отмечали, что это происходит «из-за незнания русского языка и соблюдения субботы». [25]

Таким образом, положение еврейских вынужденных мигрантов в Тамбовской губернии летом 1915 года было достаточно устойчивым и, по сравнению с рядом других губерний (Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Владимирской и т.п.), вполне благополучным и спокойным. Связано это было, в том числе, с довольно лояльным отношением к еврейским высленцам местных жителей, а также с активной помощью евреям-беженцам и еврейским благотворительным учреждениям со стороны местных русских общественных организаций. Основные сложности для прибывших евреев – высленцев были связаны с политикой в отношении к ним местной администрации, но, в большинстве случаев, и эти проблемы постепенно разрешались.

Литература

1. РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д. 1205. Л. 3об. – 4.
2. Еврейская жизнь. 1915. №5. 2 августа. С.29.
3. Еврейская неделя. 1915. №27. 22 ноября. С.13-14.
4. там же. С. 14.
5. там же
6. ГАРФ. Ф.9538. Оп.1. Д.21. Л.11.
7. РГИА. Ф.1564. Оп.1. Д.45. Л.23.
8. РГИА. Ф.1564. Оп.1. Д.87. Л.4.
9. ГАРФ Ф.9538. Оп.1. Д.21. Л.26.
10. РГИА Ф.1564. Оп.1. Д.87. Л.9 об.
11. Тамбовский край. 1915. 9 августа.
12. ГАРФ Ф.9538. Оп.1. Д.21 Л.10.
13. Там же Л.12
14. Там же Л.26
15. Там же Л.29
16. Там же Л.40
17. РГИА Ф.1564. Оп.1. Д.87
18. ГАРФ Ф.9538. Оп.1. Д.21. Л.10
19. Там же. Л.11
20. Там же
21. РГИА Ф.1564. Оп.1. Д.87. Л.4
22. Там же Л.5
23. Тамбовский край. 1915. 16 сентября.
24. Тамбовский край. 1915. 8 августа
25. РГИА. Ф.1564. Оп.1. Д.87. Л.44 об.

Оружейное производство и помощь фронту казачьих кооперативов Урала и Сибири в годы Первой мировой войны

Обострение международной обстановки накануне Первой мировой войны явилось одной из предпосылок создания оружейного кооперативного производства в России.

Оружейное кооперативное производство, открывшееся в Оренбуржье в феврале 1913 г. в соответствии с императорским указом 1912 г., сыграло важную роль в оказании помощи фронту в годы Первой мировой войны. Оружейные кооперативы работали в напряженном ритме: если во всех остальных промысловых кооперативах рабочий день длился 8 часов, то на оружейных производствах первоначально был введен 10-часовой рабочий день, а вскоре после начала Первой мировой войны, постановлением заседания Правления – 12-часовой рабочий день. В период Первой мировой войны оружейные кооперативные артели и заводы работали без выходных дней. Всего за 1914 год оружейными кооперативами было произведено 327 тыс. ручных гранат, в 1915 году их произвели 425 тыс., а в 1916 г. – 758 тысяч [1].

К 1915 году в Оренбургской губернии действовало 2 оружейных кооперативных завода и 4 оружейных артели. Всего данным производством занималось 12500 человек. К 1917 году в Оренбургской губернии функционировали 3 оружейных кооперативных завода и 5 артелей с числом работающих 26400 человек [2].

К началу 1916 г. в губернии насчитывалось 34 артели по изготовлению военного обмундирования и погон, в которых трудилось 27850 чел., а к 1917 году – 37 артелей с числом работавших 31500 [3].

На основании приказа атамана Первого военного отдела полковника Мелянина от 23 ноября 1914 г. № 564 о разрешении к открытию оружейного кооперативного завода в станице Краснохолмской, 12 декабря 1914 г. завод начал свое производство. Согласно приказу атамана, о котором сказано выше, контроль за данным заводом, а также поставкой оружия и боеприпасов по назначению, осуществляли офицеры Оренбургского казачьего войска. Всего в 1915 году на данном заводе было произведено 325 тыс. ручных гранат, в 1916 г. – 448 тыс. ручных гранат [4].

При Краснохолмском товариществе также действовало производство обмундирования и погон. В 1915 году было изготовлено обмундирования и погон для 712 человек, а в 1916 г. – для 886 человек. За данным производством, согласно приказам атамана, также следили офицеры ОКВ. На них возлагалась обязанность контролировать качество выпускаемого обмундирования и погон (приказ атамана 1-го военного отдела № 614 от 13 марта 1915 г.) [5].

Оружейное производство позднее возникло в станицах Григорьевской, Новоорской, Бердской и других. Согласно приказу атамана 1-го военного отдела был составлен поименный список лиц, занятых оружейным производством, а также производством обмундирования и погон. Всего к началу 1917 г. на

территории ОКВ оружейным производством занималось 9200 человек, а производством обмундирования и погон – 3800 человек [6].

В годы Первой мировой войны на промысловые кооперативы УКВ, как и в других казачьих районах России, возлагалась непростая задача – продолжать заниматься своей деятельностью и подчиняться задачам военного времени, при этом второе выдвигалось на первый план. Руководители промысловых кооперативных объединений (являвшиеся одновременно офицерами Уральского казачьего войска) и атаманы трех военных отделов составили ходатайство в военное министерство с требованием разрешить на территории Уральского казачьего войска создать оружейное кооперативное производство. 12 сентября 1914 года вышел циркуляр военного министерства, согласно которому на территории Уральского казачьего войска разрешалось создание оружейных кооперативных предприятий. 10 октября в Уральске открыли первый оружейный кооперативный завод, к концу 1914 года создали второй оружейный завод в Гурьеве, а в 1915 году наладили оружейное производство в станицах Горячинская и Бородинская. К началу 1915 года в Уральской области действовало 4 оружейных кооперативных предприятия. Оружейное кооперативное производство находилось под контролем военного министерства, а на местах контроль осуществляли офицеры Уральского казачьего войска. Оружейные предприятия производили огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы. Уральский оружейный завод изготавливал гранаты – в 1915 году на нем произвели 250 тыс. ручных гранат, а в 1916 году – 348 тыс. В Гурьеве оружейный завод выпускал пистолеты и винтовки, в станице Горячинской работало два оружейных цеха по производству винтовок и боевых патронов. В станице Бородинской изготавливали сабли. В 1915 году, с сентября по декабрь оружейный завод изготовил 7700 сабель, в 1916 – 35800 сабель [7]. В городах и казачьих станицах работали оружейные мастерские, осуществлявшие ремонт холодного и огнестрельного оружия.

К 1916 году в Уральской области 26 артелей производили обмундирование и погоны, в 1915 году было изготовлено обмундирование и погоны для 78900 человек, в том числе 25100 казаков Уральского казачьего войска [8]. Многие кооперативные заводы и фабрики перестроили на военный лад, кооперативные обувные фабрики в годы войны выпускали в первую очередь сапоги для армии, отличавшиеся высоким качеством. В 1914 году кооперативные обувные фабрики выпустили 37400 пар сапог, в 1915 году – 54300 пар, в 1916 – 67100 пар [9].

Свое содействие армии, казачьим войскам, оказывали даже артели, занимавшиеся плетением сумок и корзин. В военное время их основным занятием стало изготовление походных сумок. В 1915 году они подготовили 23600 походных сумок, в 1916 году – 29450 [10].

В годы Первой мировой войны, несмотря на трудности, продолжалось развитие промысловой кооперации и в Сибири, на территории Сибирского казачьего войска. Возникали новые кооперативные объединения, новые виды производств, совершенствовали свою деятельность уже существующие промыслы и крупные кооперативные промышленные предприятия, заметно пополнялись

ряды кооперативных объединений. К 1916 году на территории СКВ существовало 20 промышленных обществ и 42 промышленных товарищества с числом работающих 16500 человек, из них – 13360 человек казаков; к 1917 году – 23 промышленных общества и 48 товариществ, общее число участников составило 18900 человек, из них казаки – 15120 человек [11].

Как и во многих других регионах, перед кооперативами Сибири (в том числе промысловыми) была поставлена первоочередная задача – оказывать помощь фронту и правильно организовывать работу в тылу – об этом говорил Наказной атаман Сибирского казачьего войска генерал-лейтенант Сухомлинов в своем обращении к участникам кооперативных объединений, которое зачитывалось на общих и чрезвычайных собраниях.

В Сибирском казачьем войске по приказу наказного атамана Сухомлинова (приказ № 147 от 12 августа 1914 г.) было создано оружейное кооперативное производство. Уже к концу 1914 года в казачьих станицах Сибири работало 3 оружейных завода, на них трудились 695 человек, и 2 оружейные мастерские с 27 работниками. К январю 1917 г. на территории казачьего войска работало 7 оружейных заводов с числом работников 1655 человек [12]. Первый оружейный кооперативный завод был создан в сентябре 1914 года в станице Омской, к концу 1914 г. возникли оружейные заводы в станицах Акмолинской и Вознесенской. Руководство оружейными кооперативами Сибири осуществляли атаманы военных отделов, они являлись их непосредственными руководителями. Наказной атаман Сухомлинов регулярно (через каждые два месяца) представлял отчеты о деятельности оружейных кооперативов в военное министерство [13].

В 1913 году в казачьих станицах Сибири организовали артели, занимавшиеся производством обмундирования и погон. Всего данным производством к сентябрю 1913 г. занималось 8 артелей с 513 работниками, а к 1917 году – 14 артелей с 1045 работниками. Контроль данного производства был возложен на офицеров Сибирского казачьего войска. Всего с 1914 по 1916 год артели изготовили обмундирование и погоны для 127 тыс. человек [14].

Таким образом, развитие промысловой кооперации в казачьих областях продолжалось и в годы Первой мировой войны. Промысловые кооперативы выполняли военные заказы, большинство из них перешли на производство для нужд фронта. В казачьих областях создавались оружейные кооперативные заводы и оружейные артели. Оружейное кооперативное производство находилось под контролем военного министерства, а на местах контроль осуществляли офицеры казачьих войск. В годы войны промысловые кооперативные объединения перестроились на военный лад, оказывали помощь фронтовикам и их семьям. Их стабильная деятельность вносила весомый вклад в обеспечении нужд фронта и тыла.

Литература

1. Государственный Архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 10. Оп. 9. Д. 15. Л. 198.
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 19. Л. 130 – 135.
3. ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 78. Л. 150 – 156.

4. ГАОО. Ф. 185. Оп. 2. Д. 37. Л. 102 – 108.
5. ГАОО. Ф. 185. Оп. 2. Д. 38. Л. 42 – 46.
6. ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 74. Л. 122 – 124.
7. ГАОО. Ф. 185. Оп. 8. Д. 135. Л. 78 – 80.
8. ГАОО. Ф. 185. Оп. 4. Д. 46. Л. 100 – 102.
9. ГАОО. Ф. 185. Оп. 8. Д. 53. Л. 136 – 138.
10. ГАОО. Ф. 185. Оп. 7. Д. 135. Л. 130 – 132.
11. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 197. Л. 20-26.
12. ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 253. Л. 72 – 76.
13. ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 33. Л. 34 – 40.
14. ИАОО. Ф. 67. Оп. 3. Д. 17. Л. 82 – 86.

Кондорский Б. М.

Революционный период в России и предпосылки Первой мировой войны

Предлагается не совсем традиционный подход к предпосылкам и причинам Первой мировой войны, основанный на анализе основных закономерностей, характерных для революции как социальной категории и их влияния на процессы, которые имели место в России в начале 20-го века.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП), как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Во Франции РП закончился Третьей республикой в 1871 году, в США – гражданской войной, в России и Китае – событиями конца 20-го века. Обращает на себя внимание синхронность революционных процессов в Германии и Италии вследствие сходства многих политических и экономических факторов. В обеих странах РП закончился поражением фашистских диктатур во время второй мировой войны.

В РП все режимы в той или иной степени имеют черты диктатуры (особенно во время самих революций). Во Франции – Якобинская диктатура, Директория, диктатура Наполеона; относительно либеральное правление Людовика XVIII сменилось диктатурой Карла X; на смену режиму Луи-Филиппа с элементами демократии вновь пришла диктатура Наполеона III.

В Германии – сначала диктатура Бисмарка, затем Вильгельма II. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Следует отметить, что попытки либерализации власти и общества в РП, как правило, порождают классические диктатуры.

Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические

задачи. Насколько успешно она это делает и какой ценой, это уже другой вопрос. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (не смотря на последующие реставрации). В то же время отсутствие революционной диктатуры во время многочисленных революций в Испании обрекло их на поражение. Неспособность буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. Политическая слабость российской буржуазии нашла свое отражение в составе Временного правительства, в первую очередь в лице его главы Керенского – блестящего адвоката, но бездарного политика.

Диктатура в период индустриализации позволила Советскому государству выстоять против фашистской Германии. Кстати, если бы победила буржуазия, то Россия в своем экономическом развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на ее Германии - мы знаем из истории.

В РП происходит окончательное оформление нации и национального государства. Характер протекания этого периода во многом зависит от того, в каком состоянии находилась нация в его начале. Возьмем для примера Китай и Японию – два государства, близких географически и цивилизационно. В Японии в 16-м столетии, в период гражданских войн, были истреблены носители собственно феодального сознания. Поэтому и во время революции Мэйдзи, и последующий период отсутствовал и террор, и какие-либо серьезные внутренние конфликты. В Китае присутствовала совершенно иная ситуация. Провинциальная и политическая раздробленность, региональные различия в менталитете, языке, культуре предопределили здесь и несколько революций и несколько кровавых гражданских войн.

Революционный период в России начался на рубеже 19-20 веков. То же самое можно сказать в отношении Турции и балканских стран. В Азии аналогичная ситуация имела место в Китае, Индии, Иране.

В РП начинает формироваться основа гражданского общества как совокупности юридически равноправных граждан. В России первые элементы гражданского общества появились после реформ Александра II. Однако все это делалось «сверху». В РП процесс уже носит естественный характер, независимый от сознания управляющей элиты. Проявлением этих процессов как раз и стала революция 1905 года.

Однако Октябрьский манифест, предоставляя определенные гражданские свободы, учреждал сословный парламент исходя из реальной структуры российского общества.

Россия оставалась крестьянской страной. Более 80% населения фактически были вне политической и экономической систем государства, вне формирующегося гражданского общества. Общинный тип сознания был несовместим с подобными рода институтами. Если до РП подобного рода структура была в определенной степени залогом стабильности в империи, то начавшийся процесс индустриализации поставил перед российской бюрократией

неразрешимые проблемы. Столыпинские реформы не столько решили, сколько обострили проблемы в крестьянской среде. Нарушив существующее равновесие и расколов традиционную общину, реформаторы не предложили ничего взамен. Начался неуправляемый и неконтролируемый процесс деформации общинного сознания.

Процессы деформации социального сознания начались и в других сегментах общества. В рамках политической системы появляются партии радикального типа. Слабо представленные в Думе, они пока не воспринимались всерьез ни обществом, ни правящей элитой.

Если появляется какое-либо явление, угрожающее безопасности социально-политической системы и на его не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь.

Появляется система, которая уже развивается по своим внутренним законам и главное – имеет значительный регенерационный потенциал. Если вначале данную проблему можно решить «малой кровью», то после перехода – уже «большой кровью». Из свежих примеров можно вспомнить исламский радикализм, события в 90-е годы в Чечне, нынешнюю ситуацию на Украине.

Начало двадцатого века характеризовалось в России заметным промышленным развитием. Подобного рода явления в предреволюционный период отмечены и для других стран – Англии, Франции, Мексики. Но повышение уровня жизни в РП воспринимается уже по-другому, чем в предыдущий период. Социальная система из «закрытой» в РП становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живет определенными ожиданиями. Средний класс – дальнейшим улучшением уровня жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – ожиданием конституционной монархии английского типа, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление отрицательной энергии, которое носит пока скрытый характер.

Традиционная бюрократия в новых условиях становится инородным телом и начинает деградировать – за короткий срок от Витте, Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева.

В РП проведение внутренней политики начинает зависеть не столько от монарха и его окружения, сколько от формирующегося гражданского общества. Меняется и характер элиты. Она перестает носить персонифицированный характер. Элементом формирующихся политической и экономической систем является не сам человек как личность, а его деятельность, которая должна соответствовать законам этих систем. На первый план выходят не интересы государства (в узком смысле этого слова), а интересы нации.

Национальный характер, зависимый от состояния гражданского общества, принимает и сама война. Определяющую роль начинает играть уровень развития политической и экономической систем, способность руководства страны в плане мобилизации имеющихся людских, материальных (экономических) и

политических ресурсов в широком смысле этого слова. Войну ведет уже не государство, а общество. Тотальный характер войны предполагает и тотальный характер руководства. Здесь уместно вспомнить ту решающую роль, которую сыграл в достижении Победы ГКО.

Что касается России в предвоенный период, то здесь не все так было просто. И Витте, и Столыпин, и Коковцов понимали гибельность для русского самодержавия войны с Германией. Тем более, что между этими государствами не было противоречий, которые могли стать поводом для вооруженного конфликта. В известной записке Николаю II бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые. Действительно, возможные приобретения Восточной Пруссии и Галиции носили характер «инородного тела» (так же как и Польша и Финляндия). Контроль над Босфором и Дарданеллами создавал бы постоянные проблемы и «трения» со многими государствами.

Вступление ведущих азиатских стран в РП в начале 20-го века стало свидетельством формирования единого мирового политического пространства. Начали доминировать законы геополитики. Только государства, где уже закончился РП, могли быть полноправными субъектами этого геополитического пространства. До этого лишь Англия в рамках европейской политической системы (пространства) удачно этим пользовалась. Начиная с 18 столетия во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». К началу войны только три страны, покончившие с «революционными разборками», являлись субъектами мирового геополитического пространства. И именно Великобритания. Франция и США оказались реальными победителями. Все остальные европейские страны-участники войны (включая Италию) - в числе проигравших.

Германия в это время находилась в состоянии РП. Не смотря на второй в мире промышленный потенциал, Германия оставалась сословным государством, имевшим архаическую авторитарно-корпоративную политическую систему. Колониальная политика и попытка создать мощный военно-морской флот создавали больше проблем, чем приносили доходов. Кстати, Бисмарк не был сторонником активной колониальной политики.

То же самое можно сказать и в отношении России. Попытка создать зоны влияния на Дальнем Востоке и Балканах потерпели фиаско. В начале 20-го века Россия попадает в зону влияния Франции, как субъекта геополитического пространства. Внешние займы предполагали и внешнеполитические обязательства.

Особо следует остановиться на российской либеральной буржуазии и ее роли в рассматриваемых событиях. Конечно, П.Н.Милюков и А.И.Гучков были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы, законы которой они не понимали и не «чувствовали». Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер. Создается впечатление, что во время войны и начальный период

Февральской революции этот класс российского общества играл роль «пятого колеса». Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время Октябрьской революции и последующей гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума был ликвидирован путем упрощения его структуры.

Кононеко С. В.

Исторические аспекты развития парашютизма в России (1910-1940гг.)

Во все времена люди хотели «летать как птицы», полагаем, что именно этим объясняется неумное желание людей придумать парашют. История парашютов и парашютного спорта весьма богата. Менялись как конструкции парашютов (от чертежа пирамидального парашюта Леонардо да Винчи до современного парашюта типа «крыло»), так и основное их предназначение. Изначально простейшие парашюты использовались для спуска с возвышенностей. Тогда в применение парашютов не было особой необходимости. Однако с появлением авиации и воздухоплавания, парашют получил практическое применение – спасение жизней людей, вынужденных покинуть самолет или воздушный шар на большой высоте [1]. Наиболее удобным для этой цели оказался ранцевый парашют, изобретенный Глебом Евгеньевичем Котельниковым, историческая заслуга которого, заключалась не в открытии принципа действия парашюта — он был известен давно, еще со времен Леонардо да Винчи, а в применении этого принципа к реальным условиям авиации, в создании работоспособного спасательного устройства. Котельников понял, что парашют должен в полете всегда находиться с летчиком.

Парашют Г. Е. Котельникова РК-1 (Русский Котельникова - первый) был огромным достижением в создании спасательной техники в авиации и воздухоплавании. Его масса была чуть больше 7 кг, а масса металлического ранца (размером 38x28x14) составляла 2 кг. Купол шили из натурального шелка, а в его кромку зашивали стальной тросик для быстрейшего и надежного раскрытия парашюта. Привязная система парашюта РК-1 размещалась на летчике таким образом, что динамический удар, возникающий при раскрытии купола, распределялся равномерно по всему телу парашютиста (в отличие от французского парашюта «Жюкмесс», крепившегося в одной точке) [2].

9 ноября 1911 г. Г. Е. Котельникову было выдано охранное свидетельство на его изобретение — «спасательный ранец для авиаторов с автоматически выбрасываемым парашютом». Охранное свидетельство означало, что заявка принята к рассмотрению. Однако русский патент на первый ранцевый парашют так и не был получен. В начале января 1912 г. изобретение было заявлено во Франции, весной того же года Г. Е. Котельникову был выдан французский патент [3]. К середине 1912г. конструкция ранца Котельникова была полностью отработана и успешно прошла испытания с манекеном, однако чиновники

испытывали недоверие к этому отечественному изобретению, что и привело к тому, что до 1914 года парашют так и не получил практического применения.

В ходе начавшейся Первой мировой войны большинство пилотов военных аэропланов, сбитых противником или потерпевших бедствие по другим причинам, погибали при аварии или были тяжело травмированы - все это требовало принятия определенных мер по снижению числа безвозвратных потерь летного состава [4].

Начальным шагом в этом направлении стало применение парашютов для спасения летчиков самолетов, на борту которых возникала аварийная ситуация. Впервые это было реализовано в России. В 1917 году для оснащения экипажей тяжелых бомбардировщиков «Илья Муромец» было поставлено 70 парашютов РК-1. Некоторое их количество поступило и в воздухоплавательные части. Однако военное ведомство, снабдив экипажи самолетов ранцами Котельникова, не позаботилось о том, чтобы ознакомить членов экипажей с устройством парашюта, с его укладкой, а также с правилами применения. Летчики тяжелых самолетов относились к парашютам с безразличием и недоверием. Вскоре эти парашюты были переданы в воздухоплавательные роты. Но ранцы в тесной корзине аэростатов сильно мешали. Тогда купол парашюта без ранца стали подвешивать к оболочке аэростата на тонком шпагате с тем, чтобы при прыжке сорвать парашют. Это, конечно, было шагом назад. Кроме того, недостаток этого способа состоял в том, что свободно подвешенный парашют раскрывало ветром и срывало с аэростата. Так, 12 января 1917 г. внезапно раскрывшийся и оторвавшийся от оболочки парашют Г. Е. Котельникова насильно вытащил из корзины воздухоплавателя Мишкойта, несмотря на экстренную ситуацию, спуск его на землю прошел благополучно.

Для исключения подобных случаев летчик и воздухоплаватель Н. Д. Анощенко предложил иную схему подвески парашюта: купол парашюта убирался в чехол, а тот подвешивался к баллону аэростата, стропы тянулись к подвесной системе воздухоплавателя. Схема Анощенко была испытана и рекомендована для всех фронтовых воздухоплавателей. В дальнейшем Г. Е. Котельников учел опыт применения его парашютов на фронте и отказался от малонадежного жесткого металлического ранца, а заменил его мягким матерчатым ранцем.

Первым в русской армии тренировочный прыжок выполнил 4 мая 1917 г. на Юго-Западном фронте штабс-капитан А. Соколов, а 29 мая 1917 г. прапорщик В. Полторацкий выполнил первый вынужденный прыжок из горящего аэростата. Четыре воздухоплавателя дважды прыгали с воздушных шаров. Был зафиксирован случай, когда на одном парашюте спаслись два воздухоплавателя, так как в корзине оказался только один парашют, а шар был подожжен неприятельским самолетом [5]. Всего за период войны в русской армии было зарегистрировано 62 случая вынужденного применения парашюта. Из них в 42 случаях спуск закончился благополучно, в 12 - с легкими и тяжелыми ушибами и ранениями; и только в 8 случаях исход оказался смертельным [6].

Необходимо отметить, что парашют РК-1 стал значительным достижением отечественной спасательной техники для летчиков. Однако уже в 1920-е годы в

СССР потребовался парашют более совершенной конструкции и воодушевленный Котельников снова взялся проектировать. Имея опыт, изобретатель знал, что достаточно куполу освободиться от оболочки, и он быстро наполняется воздухом, и следовательно, нет необходимости выталкивать купол пружинами. Котельников отказался от металлического ранца и сделал его из парусины в виде конверта, клапаны которого запирались длинной шпилькой, прикрепленной к тросику с вытяжным кольцом. В 1924 году изобретатель получил патент.

Сначала с парашютом летали только летчики-испытатели, которые воспринимали новшество как на обузу. Однако сама жизнь изменила отношение летчиков к парашютам, заставила их пересмотреть годами сложившиеся взгляды на проблему спасения.

25 июня 1927 г. всемирно известный летчик М. М. Громов в одном из испытательных полетов ввел новый истребитель в штопор, но вывести самолет из штопора ему не удалось. Земля стремительно приближалась. После 22-х витков штопора с большим трудом летчик сумел покинуть самолет и приземлиться на парашюте, который Громов взял с собой в полет только под давлением начальства. Наверняка, именно хорошая физическая подготовка М. М. Громова, систематически занимавшегося тяжелой атлетикой, способствовала благополучному покиданию самолета, которое, кстати, было первым покиданием в таких сложных условиях, как штопор. Спустя некоторое время, самолет, также не вышедший из штопора, покинул с парашютом летчик-испытатель В. О. Писаренко. Через несколько месяцев известный в нашей стране испытатель Б. А. Бухгольц сумел выбраться из разрушающегося в воздухе самолета и благополучно приземлиться с парашютом. После этих трех случаев, ставших широко известными, парашют признали как средство спасения, и он стал обязательным спутником каждого пилота.

В конце 1920-х гг. прыжок с самолета с высоты 1000-1500 м относили к числу самых сильных переживаний, доступных человеку. В 1927 г. для ознакомления с состоянием парашютного дела был командирован в Америку летчик Л.Г. Минов, который совершил за океаном три прыжка. К тому же третий прыжок был произведен на состязаниях по точности расчета и посадки, где участникам состязаний, сбрасываемым на определенной высоте и определенном направлении, необходимо было рассчитать спуск так, чтобы попасть в центр аэродрома. Отважный летчик Минов, выпгнув почти над центром, раскрыл парашют только в 150м от земли и немного отнесенный ветром приземлился в обозначенный для посадки круг. В результате командировки Л.Г. Минов познакомился с производством американских парашютов и вернулся с дипломом парашютиста и значком «Золотая гусеница» [7]. Однако опыт, привезенный Миновым из Америки, был очень невелик и дал лишь твердую уверенность в безотказности парашюта и позволил отлично усвоить технику совершения нормального прыжка с горизонтального полета с определенного типа самолета.

Необходимо было изучить и просчитать, как приземляться в сильный ветер, какая сила ветра является предельной для безопасной встречи с землей, как

управлять парашютом в воздухе, когда при отделении с разных самолетов необходимо открывать парашют.

Работы по созданию специальных спасательных парашютов и оснащению ими всего летного состава начались с 1928 года и уже в 1930 году были изготовлены первые образцы спасательных парашютов летчика (ПЛ-1) и летчика-наблюдателя (ПН-1), которые стали поступать в войска. Одновременно с этим в практику профессиональной подготовки летного состава была введена парашютно-спасательная подготовка, что в целом составило к тому времени содержание спасательного обеспечения.

Летом 1930 г. на Воронежском аэродроме состоялись занятия со специально отобранными военными 11-й авиационной бригады Московского военного округа по совершению парашютных прыжков с самолета. В ходе занятий было подготовлено 30 парашютистов, в числе которых был и первый инструктор парашютного дела Я. Д. Мошковский.

По указанию начальника Военно-Воздушных Сил РККА П. И. Баранова началась подготовка группы парашютистов для выброски в качестве экспериментального воздушного десанта в ходе предстоящего опытно-показательного учения ВВС Московского военного округа [8].

Для участия в десанте было отобрано 10 человек. Личный состав десанта был разбит на две группы, одну из которых возглавил Л. Г. Минов, вторую — Я. Д. Мошковский.

Для выброски личного состава выделялся один двухмоторный самолет «Фарман-Голиаф», который в то время был единственным самолетом, освоенным для прыжков. Его преимущество перед имевшимися в авиабригаде бомбардировщиками ТБ-1 заключалось в том, что десантникам не требовалось вылезать на крыло — парашютисты выпрыгивали непосредственно в открытую дверь. Вооружение для десанта было решено выбросить с трех самолетов Р-1 на грузовых парашютах.

Главная цель данного эксперимента состояла в показе участникам авиационного учения техники выброски парашютного десанта и доставки ему необходимого для боя оружия и боеприпасов.

Планом предусматривалось также исследование и ряда специальных вопросов парашютного десантирования: снижение десантников в условиях одновременной групповой выброски; темп выброски десантников, величина их рассеивания и время сбора после приземления; время, затрачиваемое на отыскание сброшенного на парашютах вооружения, и степень его сохранности.

Выброска десанта была осуществлена 2 августа 1930 г. Вначале десантировалась группа во главе с Л. Г. Миновым. Затем с самолетов Р-1 были сброшены пулеметы, винтовки и боеприпасы. Вслед за этим была выброшена вторая группа парашютистов во главе с Я. Д. Мошковским. Освободившись от парашютов, десантники собрали вооружение и выполнили поставленную задачу.

Таким образом, небольшой по масштабам эксперимент сыграл огромное значение. Он стал первой в истории попыткой ввести в практику военного дела

принципиально новый способ боевых действий — выброску воздушного десанта для ведения боя в тылу противника, в отрыве от своих войск.

В истории развития Советских Вооруженных Сил выброшенный под Воронежем десант знаменовал зарождение советских воздушно–десантных войск. День 2 августа 1930 г. стал днем их рождения.

Проведенный эксперимент привлек большое внимание военных специалистов, и уже в сентябре 1930 г. по указанию командующего войсками Московского военного округа А. И. Корка в ходе маневров был применен второй воздушный десант.

На этот раз было решено применить десант в более сложной обстановке. Надо было скрытно совершить выброску десанта в тылу «противника». После приземления десантники должны были напасть на штаб стрелковой дивизии, захватить боевые документы, после чего перейти условную линию фронта. Поставленную задачу десант выполнил успешно. К ее выполнению была привлечена та же группа, что и в первом десанте, за исключением Л. Г. Минова, на которого возлагалось общее руководство подготовкой и десантированием группы. Командиром десанта был назначен Я. Д. Мошковский.

В последующем подобные выброски парашютных десантов проводились и в других военных округах. На одном из осенних тактических учений Ленинградского военного округа в сентябре 1930 г. был высажен посадочный десант в составе стрелковой роты.

Полученный опыт по высадке воздушных десантов в Московском, Ленинградском и других военных округах, позволил более глубоко обосновать ряд вопросов боевого применения воздушных десантов и поставил на повестку дня создание специальных десантных формирований [9].

В январе 1931 г. IX съезд ВЛКСМ принял решение о шефстве над Военно-Воздушными Силами, а значит, и над молодыми парашютно-десантными частями, которые в то время организационно входили в состав ВВС.

Полный идей Л.Г. Минов разрабатывает метод освобождения подвесной системы в воздухе для отделения от парашюта до погружения в воду и сам лично применяет его 4 мая 1931г. совершив первый в СССР прыжок в море. Летом того же года прыгнули с автоматическим парашютом системы Гроховского первые в СССР женщины – Л.Кулешова, вслед за ней – Л.А.Гроховская [10].

К концу 1931 года советскими парашютистами было выполнено около 600 тренировочных и показательных прыжков, в стране развернулась большая научно-исследовательская работа по изучению влияния парашютного прыжка на организм человека. Прыжки выполнялись на воду, в глубокий снег, с большой высоты. Особое внимание уделялось вопросам возможности спасения летчиков при выполнении полетов на различных высотах. Так, в августе 1933 года П. Балашов совершил прыжок с парашютом с предельно малой высоты (80 метров), тем самым установив новый мировой рекорд. 10 октября того же года военный летчик В. Евсеев совершил рекордный затяжной прыжок с высоты 7200 метров. Пролетев 7050 метров в свободном падении за 132,5 секунды, он на высоте 150 метров открыл парашют и благополучно приземлился [11].

В это же время на Гатчинском аэродроме Л. Г. Минов проводил сборы и показательные выступления летчиков-парашютистов. Одним из них стал Николай Евдокимов, показавший блестящие результаты. 16 мая 1932 года он совершил затяжной прыжок с высоты 1200 м, а 16 июня 1934 года покинул самолет на высоте 8100 м и пролетел «ласточкой» 142 секунды, потеряв 7900 м высоты. Парашют был раскрыт лишь в 200 м от земли. Газета «Правда» в те дни писала: «Прыжок Евдокимова является выдающимся мировым событием» [12]. В 1934 году Н. А. Евдокимов первым получил серебряный знак мастера парашютного спорта. А через год ему первому из парашютистов М. И. Калинин вручил орден Ленина.

В июле 1934 г. было принято постановление ЦК ВЛКСМ о дальнейшем развитии авиационных видов спорта. В соответствии с этим постановлением была объявлена обширная программа практических действий. Комсомольским организациям совместно с осоавиахимовскими клубами рекомендовалось развернуть активную борьбу по пропаганде авиационных знаний, добиваясь полного выполнения поставленных перед комсомолом задач. Предлагалось организовать авиационные уголки на каждом предприятии, насчитывающем более 2 тыс. рабочих; авиационные уголки и планерные кружки на заводах, имеющих более 3 тыс. рабочих; создать при каждом пионерском лагере кружок авиамodelистов; построить в каждом городе, а в городах Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове в каждом районе как минимум по одной парашютной вышке. В постановлении подчеркивалось, что парашютный спорт требует от занимающихся им упорной физической тренировки, воспитывает дисциплинированность, что не может не иметь огромного значения для всего дела социалистического строительства, укрепления обороноспособности страны и подготовки волевых и отважных бойцов РККА [13].

Все мировые рекорды по прыжкам с парашютом, кроме одного высотного с кислородным прибором, принадлежали советским, в основном армейским, парашютистам, и эти успехи спортсменов-парашютистов были достойно оценены партией и правительством — около 40 мастеров парашютного купола были награждены орденами и грамотами ЦИК СССР.

Летом 1935 г. были проведены масштабные по своей массовости высадки парашютного десанта общим числом сначала — 1200, позже — 1800, а затем и 2200 человек на маневрах Киевского, Белорусского и Московского военных округов. Студентки Московского института физкультуры Г.Пясецкая и Л.Шишмарева, совершили рекордный прыжок с высоты 7923 м без кислородного прибора. За проявленную исключительную отвагу и высокое мастерство обе девушки награждены орденом Красной Звезды. Все эти достижения советских парашютистов в дальнейшем это сыграло большую роль в укреплении обороноспособности страны [14]. В годы Великой Отечественной войны Г.Пясецкая была инструктором-испытателем парашютной техники в воздушно-десантных войсках.

В результате плодотворной совместной работы организаций ВЛКСМ и Осоавиахима уже к концу 1935 г. в стране работали 140 аэроклубов, 400

парашютных вышек, 115 парашютных станций и школ, тысячи парашютных кружков. Если в 1934 г. в ходе сдачи комсомольцами военно-технических зачетов было совершено полмиллиона прыжков с парашютных вышек, то на 1935 г. намечалось это число увеличить до миллиона. Если год назад было выполнено около десяти тысяч прыжков с самолета, то год спустя это количество было перекрыто в несколько раз.

Достигнутые успехи в парашютизме дали основание Наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову в ноябре 1935 г. на I Всесоюзном совещании рабочих и работниц - стахановцев заявить: «Парашютизм — это область авиации, в которой монополия принадлежит Советскому Союзу. Нет страны в мире, которая могла бы сказать, что она может в этой области хоть приблизительно равняться с Советским Союзом... Таких стран сейчас в мире нет... парашютное дело — это одно из наиболее тонких и технически сложных искусств — освоено Красной Армией и освоено не как спорт только, закаляющий мужество, а как важная отрасль нашей боевой мощи» [15].

С 1937г. советские парашютисты стали осваивать стратосферу: К.Ф.Кайтанов прыгнул с высоты 11037м, а В.И.Харахонов в 1940г. покинул самолет на высоте 13025м и пролетел с нераскрытым куполом 12000м [16].

В 1940 г. военный обозреватель американской газеты «Нью-Йорк тайме» Герберт Россинский в своей статье «Воздушная мощь Германии» писал: «...Сочетание парашютных десантов, захватывающих аэродромы, с посадочными десантами, использующими их, является страницей, вырванной из книги о Красной Армии, которая первая продемонстрировала эти методы в широких масштабах на маневрах 1935 г.» [17].

Таким образом, с момента изобретения первого ранцевого парашюта над постоянным совершенствованием отечественных парашютов неустанно трудились советские конструкторы, испытатели, летчики. Созданные в Советском союзе отечественные парашюты почти всегда оказывался лучше иностранных образцов. Были усовершенствованы спасательные парашюты для летчиков, парашюты для десантирования людей и выброски грузов в любых условиях, разрабатывались и совершенствовались способы расчета прыжка для выброски и приземления людей и грузов в строго заданном районе, создавалась техника управления различными типами парашютов для уклонения от препятствий и приземления в запланированном месте.

Необходимо отметить, что за короткий промежуток времени, летчики, парашютисты освоили все более длительные задержки в раскрытии парашюта и высотные прыжки с немедленным раскрытием парашюта. За десятилетие, с 1930-1940гг. в прыжках с парашютом были освоены высоты от 80 до 12000 метров.

Необходимо отметить, что в период Первой мировой войны попытки использовать парашютистов предпринимались в армиях других стран, но только в СССР сразу оценили новые возможности, предоставляемые воздушным десантом. В Ленинградском военном округе было организовано Первое парашютное подразделение, которое к 1931 г. представляло собой вполне готовую к бою воинскую часть. Однако воздушные десанты Красная Армия применяла еще в

гражданскую войну 1927-1929 гг. в Средней Азии в боях против исламских партизан («басмачей»)

Итак, зарождение развития парашютизма в начале XX века получило массовое движение в СССР в 30-е годы, и создало огромную армию спортсменов-парашютистов, которые с гордостью вступали в ряды Красной Армии, вновь созданные Военно-воздушные войска и с мужеством и патриотизмом показали себя в годы Второй мировой войны.

Несмотря на трудности с финансированием после распада СССР, парашютный спорт продолжает развиваться и обретает все большую популярность в современной России. Во многом этому способствует открытие новых частных парашютных клубов, в которых каждый желающий может за свои деньги пройти инструктаж и совершить прыжок. Открытие парашютного клуба – бизнес, требующий значительных капиталовложений, но его высокая доходность полностью нивелирует этот недостаток. Принятая программа поддержки и развития парашютного спорта на 2012-2019 гг. будет способствовать дальнейшему развитию этого спортивного направления.

Литература

1. Шамшин С.С. Концептуальные основы поисково-спасательного обеспечения боевых действий авиации. Монино, 1998. С. 6.
2. Спасение экипажа при аварии самолета в полете / Исаков П.К., Р.А. Стасевич. М., 1957. С. 10.
3. Развитие авиационных средств спасения / А.Г. Агроник, Л.И.Эгенбург. М., 1990. С.9-10.
4. Шамшин С.С. Указ.соч. С. 7.
5. Агроник А.Г., Эгенбург Л.И. Указ. соч. С.11.
6. Парашютная подготовка: учебное пособие для училищ и строевых частей Воздушно-десантных войск ВС СССР / А.И. Зигаев. М., 1949. С. 8.
7. Агроник А.Г., Эгенбург Л.И. Указ. соч. С.16.
8. Организация летной работы и обеспечения безопасности полетов: учебное пособие / А.К. Капша. Балашов, 1987. С. 7.
9. Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк / В.Маргелов, И. Лисов и др. М., 1980. С. 15.
10. Парашютное дело: учебник для летных школ и строевых частей ВВС РККА / М.Забелин. М., 1934. С. 8
11. Парашютная подготовка летного состава военной авиации: история становления и развития С.К. Бородин// Военно-исторический журнал. – август 2014.
12. Цит. по Захаров В. П. Первый военный аэродром. М., 1988. С.28.
13. Небо вокруг меня / Е. Н. Андреев. М., 1983. С.44.
14. Агроник А.Г., Эгенбург Л.И. Указ. соч. С.20.
15. Цит. по Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк / В.Маргелов, И. Лисов и др. М., 1980. С. 17.
16. Агроник А.Г., Эгенбург Л.И. Указ. соч. С.20.
17. Там же.

Московское общество сельского хозяйства и проблемы развития аграрного сектора экономики России в годы Великой войны. (1914-1917 гг.)

Московское общество сельского хозяйства (МОСХ), старейшее после ВЭО, научное общество России, живо откликнулось на вступление страны в Первую мировую войну. Его члены, принадлежавшие к сельскохозяйственной и кооперативной элите России в своих устных и письменных выступлениях обозначили круг важнейших проблем, которые с суровой неизбежностью вставали перед отечественным сельским хозяйством.

Так, № 33 за 1914 г. Вестника сельского хозяйства была напечатана статья известного кооператора и по партийной принадлежности эсера, Семена Маслова «Наше сельское хозяйство и война». С. Л. Маслов в ней, в частности, писал: «Особенностью переживаемого момента, сравнительно с войнами предыдущих эпох, является то обстоятельство, что все пертурбации, вызванные войной, непогодой, затрагивают не отдельные хозяйства, как прежде, а целый хозяйственный механизм, состоящий из сложных и тончайших хозяйственных взаимоотношений; в то же время каждое отдельное хозяйство, живущее в условиях товарно-денежного оборота, не в состоянии отстаивать свое существование только собственными силами, если чем-нибудь подорван какой-либо из основных его факторов»[1.С14.]. Главными факторами, которые могут привести к дезорганизации сельского хозяйства страны, Маслов считал: «отвлечение рабочих сил и технического персонала, неустойчивость в хозяйственном отношении (потеря инвентаря, прекращение или невозвратность производственных операций и т. д.) и, наконец, особые условия реализации урожая. Об улучшении хозяйства теперь нечего и думать», – делал он вывод[1С.14]. В качестве неотложных мер спасения сельскохозяйственного производства Маслов предлагал наладить сбыт, которому «наносится наиболее чувствительный удар» и организовать кредит. «Кредит может заполнить пробелы при недостатке рабочих рук при полевых и других работах, необходимых для сохранения хозяйства»[1.С.22]. Любопытный поворот получила в связи с теми же проблемами нехватки рабочих рук (война ведь началась в самый разгар уборочной страды, требующей наибольшего количества рабочих рук), тема общины. Известный московский агроном Вонзблейн, начал в № 33 публикацию своей статьи «Мысли агронома о войне». В ней он прямо без обиняков, отмечал роль общины в сельскохозяйственном производстве. «Газеты уже принесли из многих мест известия, что гонимая, истерзанная, объявленная уже умершей община убирает и осваивает сообща поля, лишившиеся хозяев. Это делается как обыденное дело, и потому, конечно, сотни тысяч случаев останутся нигде не зарегистрированными. Но в этой обыденности, в этой простоте, проявилась сила общинного духа, коллективизма, кооперативности», – писал Вонзблейн.[2. С.44.]

В своих статьях и устных заседаниях МОСХ, многие члены общества обращали внимание на необходимость изменения всей системы хозяйственных отношений. Слово «социализм» не упоминалось всеу, но содержание речей и

статей недвусмысленно свидетельствовало о том, что рыночно-капиталистические отношения в условиях войны переживают глубочайший кризис, и что для России единственным решением большинства проблем могут служить государственное регулирование экономики и коллективно-кооперативные формы хозяйствования.

Рассматривал и решал МОСХ и другие более частные, хотя и чрезвычайно значимые для развития страны вопросы. Явление недосева полей, которое развернулось перед нами ко второму году войны в угрожающем масштабе, развивалось постепенно потому, что важнейший фактор – *обезрабочение* деревни сказался не сразу». [3. С.17] Огановский не забыл упомянуть и о том, что сокращение посевных площадей было связано и с оккупацией значительных территорий войсками противника. Но все же главную причину этого странного для России явления он видел в сокращении числа рабочих рук в сельском хозяйстве. С. Л. Маслов в продолжение своей статьи о недосеве, также опубликованной в 13-м номере, напомнил о «заботе», о нуждах сельского хозяйства, проявленной со стороны властей. Он привел небольшую таблицу, отражавшую размеры финансирования села правительственными органами разных стран.

Страны	одну дес.	одну душу
США	480 коп.	390
Германия	425	235
Англия	425	215
Франция	210	140
Австро-Венгрия	136	125
Румыния	94	80
Италия	76	42
Россия	12	10

Приведенная таблица не оставляла сомнений в том, что правительство страны уделяло весьма незначительное внимание проблемам села. И это при том, что экспорт с.х. продукции составлял значительную часть поступающих в бюджет денежных средств. Мы в одной из своих публикаций в полемике с Б.Н. Мироновым задавали вопрос: «Куда шли деньги от экспорта русского хлеба?» [6. С163]. Теперь, в годы войны, когда экспорт почти полностью прекратился, Россия в отличие от Германии, не должна, казалось, испытывать продовольственные трудности. Но не тут-то было! Продовольственная проблема обострилась в стране настолько, что уже царское правительство было вынуждено прибегнуть к мерам принудительного изъятия продовольствия из деревни, введя продовольственную разверстку [4].

Наиболее слабая сторона постановки дела призрения и воспитания сирот до сих пор, по мнению комиссии, заключается в том, что к этому делу относились недостаточно серьезно. Вопрос этот связывался обычно с благотворительностью...» [4. С.21-22] И перед комиссией стояла необходимость попытаться наметить такие пути призрения детей, которые, опираясь на выводы современной педагогической мысли, в то же время исходили бы из современного

социального строя» [4. С.16]. Конечно, комиссию не могла не волновать проблема эксплуатации детского труда.

МОСХ Занималось и рассмотрением такой, ставшей в скором времени животрепещущей проблемы, как сиротство и детская беспризорность. Многие из опыта организации детских приютов и колоний было использовано уже в Советские годы. Наиболее слабая сторона постановки дела призрения и воспитания сирот до сих пор, по мнению комиссии МОСХ, заключается в том, что к этому делу относились недостаточно серьезно. Вопрос этот связывался обычно с благотворительностью...» [4. С.12] «И перед комиссией стояла необходимость попытаться наметить такие пути призрения детей, которые, опираясь на выводы современной педагогической мысли, в то же время исходили бы из современного социального строя» Конечно, комиссию не могла не волновать проблема эксплуатации детского труда. Так, например, С. А. Иверонов был автором брошюр: История одного опыта» и «Детские трудовые с.х. колонии», изданных обществом трудовой помощи в Москве. В. Н. и С. Т. Шацкие были авторами книги: «Бодрая жизнь», где был изложен опыт организации трудовых колоний. Комиссия МОСХ знакомилась с деятельностью Московского общества «Детский труд и отдых». Эти начинания были запрещены властями, поскольку в детских учреждениях распространялись идеи социализма

После 1917 г. С.Т. Шацкий по предложению Луначарского включается в работу по созданию советской школы, не оставляя идею детского сообщества. В 1919 им создается Первая опытная станция по народному образованию Наркомпроса.

После Февральской революции МОСХ активно включился в обсуждение предстоящих преобразований аграрных отношений, поддержав создание Лиги аграрных реформ, в которую вошли многие видные члены общества: А.В. Чаянов, Литошенко, Н.П. Макаров и др. 1 мая в ВСХ № 16 было опубликовано объявление о том, что: «При Московском обществе сельского хозяйства открывается отдел лиги аграрных реформ. Запись в члены принимается в канцелярии общества (Смоленский бульвар, 57) от 10 до 3 ч. дня».[5. С.338-339]. Учредительный съезд лиги прошел 16–17 апреля 1917 г. На съезд прибыло 130 человек членов и представителей различных организаций. Президиум съезда был избран в составе председателя съезда А.И. Стебута и товарищей председателя: А.П. Левицкого, П.П. Маслова, С.Л. Маслова и А.Н. Челинцева.

Занималось Общество и рассмотрением таких вопросов, как помощь беженцам, помощь сельскохозяйственным производителям разоренных войной районов страны. Иногда на заседаниях МОСХ поднимались и общеполитические вопросы. Например, на заседании, посвященном юбилею ВЭО, кстати говоря закрытому властями, с резкой критикой политики властей выступили С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова.

Обсуждались на собраниях МОСХ и страницах Вестника сельского хозяйства-еженедельника этой организации, и проблемы низкой технической оснащенности отечественного сельского хозяйства, еще более усугубившиеся в

годы войны, и еврейский вопрос и многое - многое другое, имевшее отношение к социально-экономическому положению в России в годы Первой мировой войны.

Литература

1. Вестник сельского хозяйства 1914. № 33.
2. Вестник сельского хозяйства 1915. 35
3. Вестник сельского хозяйства 1916. № 13
4. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов в годы войны и революции. М., 1991.
5. Куренышев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818-1929 гг.). М., 2012.
6. Российская история 2011. № 1

Левин В. И.

Законодательная и исполнительная власти в годы Первой мировой войны

Последняя в истории самодержавной России Четвертая Государственная дума работала с 15 декабря 1912 по 27 февраля 1917 г. Выборы в Четвертую Государственную думу незначительно изменили ее состав. Были сохранены два большинства — правооктябристское и октябристско-кадетское. В это же время организационно оформилась новая партия — прогрессистов, которая выступала за конституционно-монархический государственный строй, расширение прав Государственной думы и ответственность министров перед ней. Время её работы пришлось на I Мировую войну. В первые месяцы войны все слои общества поддержали правительство. Политические партии, в том числе либералы, выступили за войну до победного конца и проголосовали в Думе за предоставление военных кредитов. Воздержались лишь трудовики и социал-демократы. Начало войны вынудило правительство к принятию ряда чрезвычайных правовых мер, приспособивших государственное устройство России к военным условиям.

Для урегулирования межведомственного управления создавались Особые совещания. До середины 1915 г. царизм опирался на сложившийся аппарат министерств. Одновременно стали создаваться отраслевые комитеты, в состав которых входили и представители буржуазии. В июле-августе 1914 г. состоялись съезды представителей земских и городских организаций, которые образовали соответственно Земский и Городской союзы (Земгор). Эти общественные организации буржуазии ставили задачу помощи раненым, беженцам, поставки медикаментов и т.д. Они имели исполнительные органы, губернские, уездные и городские комитеты. Постепенно их функции усложнялись, а деятельность активизировалась. Они получили права юридических лиц, объединяли деятельность мелкой промышленности и сыграли известную роль в объединении буржуазии.

Весной 1915 г. отношения царизма и буржуазии обострились. Используя военные неудачи, развал хозяйства, буржуазия усилила требования о введении в

стране конституционной монархии. В попытках добиться от императора согласия на уступки общественным требованиям министрам пришлось пойти на беспрецедентный в истории государственного управления в России шаг — написание коллективного письма от имени большинства министров на имя Николая II о разногласиях с председателем Совета министров. Другим побудительным мотивом обращения к императору стало принятие летом 1915 г. Николаем II обязанностей Верховного главнокомандующего. Они опасались, что его отъезд в Ставку приведет к изоляции императора от общественного мнения, от Думы и от собственного правительства.

Царь сместил ряд министров, в том числе — военного, но отставки кабинета в полном составе добиться не удалось. Неудовлетворительное положение в промышленности, перебои в снабжении вооруженных сил вынудили самодержавие привлечь к решению этой задачи буржуазию. Создается общероссийская организация - военно-промышленные комитеты. Закон от 27 августа 1915 г. предоставил военно-промышленным комитетам функции помощи правительственным учреждениям в снабжении армии и флота всем необходимым.

В августе 1915 года в Думе по инициативе кадетов впервые образовалось оппозиционное большинство — Прогрессивный блок, объединявший либералов различных направлений, а также умеренных правых, возглавленный левым октябристом С. И. Шидловским и умеренным правым В. В. Шульгиным при фактическом руководстве кадета П. Н. Милюкова. Программа Прогрессивного блока была направлена на незамедлительный выход из кризиса. Главным условием было смена правительства. Блок добивался создания коалиционного, смешанного кабинета, состоящего из представителей правительства и лидеров политических партий. Вновь образованное правительство должно было быть ответственным перед императором. Созданием этого блока либеральная оппозиция пыталась спасти самодержавие. Прогрессивный блок требовал образовать правительство общественного доверия. Однако Николай II, окончательно связавший себя с правыми, не только отказался от политики реформ, но и вообще продемонстрировал отсутствие четкой политической и экономической программы. Углубление кризиса власти, «распутинщина», министерская чехарда (за два с половиной года войны сменились четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел и т.д.), военные поражения и нарастание экономических трудностей привели к недовольству политикой царя даже в его ближайшем окружении

Император остался глух.. Он предпочел борьбу с Думой. 26 июля 1915 года. был объявлен «перерыв» в работе Думы. Так закончился «первый штурм власти», как назвал августовский кризис 1915 г. лидер кадетов П. Н. Милюков. Сессия Государственной думы впервые за ее историю была отсрочена без точного указания срока созыва, запрещены съезды Городского и Земского союзов, намеченные на 5 декабря 1915 г. Эти действия властей еще более усилили оппозиционные настроения и предопределили грядущую конфронтацию власти и общества.

1916 г., последний предреволюционный, стал периодом нарастания противостояния между исполнительной и законодательной властью. Было ясно, что примирение невозможно. Ситуация усугублялась тем, что император, постоянно находившийся в Ставке, фактически отстранился от вопросов управления государством, передав регулирующие функции императрице, к которой министры ездили с докладами о состоянии дел. И без того невысокий авторитет верховной власти, сосредоточенной теперь в руках государыни-немки начал резко падать.

Кульминацией придворной политики этого периода, идущей вразрез с настроениями общества стало назначение в январе 1916 г. на пост премьер-министра германофила, немца по национальности Б. В. Штюрмера, что в условиях войны с Германией казалось, по меньшей мере, странным. Этого назначения было достаточно, чтобы понять глубину пропасти, возникшей между двором и общественными кругами. Принимая на себя обязанности премьер-министра, Штюрмер в беседе с представителями печати обещал, что правительство сумеет найти общий язык с Думой. Для поддержки нового премьера и демонстрации готовности к диалогу с Думой, в день открытия февральской 1916 г. Сессии Государственной думы произошло беспрецедентное событие: в Думу первый и последний раз явился император. Это был совершенно формальный акт. Дальше заверения в любви и преданности императору дело не пошло. Объяснение простое: за период существования нижней палаты практики общения и диалога с императором не сложилось, и сложиться не могло. Общение ограничивалось, в одном случае приветственными телеграммами, в другом — указом о роспуске на очередной перерыв.

В 1916 г. в связи с ухудшением положения на фронте антиправительственные настроения усилились. 1 ноября начала работу очередная сессия Думы. Правительство не озаботилось, чтобы подготовиться к встрече с Думой и ради совместной работы хоть как-то скорректировать состав правительства. В своей знаменитой речи, состоявшейся в этот день, Милюков перечислил все шаги правительства, возбуждающие общественное недовольство, поименно перечислив членов придворного кружка, возглавляемого императрицей, ответственных за эту бездумную политику. Милюков, фактически, обвинил правительство Штюрмера в измене, подготовке сепаратного мира с Германией. Прозвучал намек на особую роль в этом деле императрицы Александры Федоровны. Каждая обвинительная фраза его речи оканчивалась вопросом «Глупость это или измена?»

Речь П. Н. Милюкова произвела эффект разорвавшейся бомбы и стала, своего рода, парламентским сигналом к штурмовой атаке. Речь Милюкова была запрещена для печати, что сделало ей невероятную рекламу. В феврале 1917 г. активизировались революционные выступления. 26 февраля после разгона демонстрации царское правительство объявило о роспуске Думы. Но уже утром 27 февраля царское правительство было низложено, революция победила. Приходится констатировать, что Николай II так и не сумел преодолеть в себе собственную инерцию и недоверие новому политическому институту —

Государственной думе. Это вело к всё большей изоляции императора от общества, доверие к главе государства неуклонно падало и в результате, по наблюдению Н. А. Бердяева, «монархия в России пала сама, ее никто не защищал, она не имела сторонников»[9. С.109].

Литература

- 1.Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. - 624 с.
- 2.Дубровин Денис Александрович Либеральная альтернатива общественного развития России в начале XX века: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук Спец. 07.00.02 /Дубровин Денис Александрович; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - М., 2000. - 28 с.
- 3.Ежов М.В., Ежова Г.В. История государственного управления и государственной службы России. Учебное пособие. - СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2004. - 240 с.
- 4.Государственность России: идеи, люди, символы / Сост., науч. ред. Р. Г. Пихоя. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 447 с.
- 5.Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
- 8.Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995.
- 9.Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109.

Ледовских Е. А.

К вопросу о служении Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны

Первая мировая война – одно из ключевых событий в истории России начала XX в., оказавшее огромное влияние на внутреннюю жизнь страны. Русская Православная Церковь как мощная политическая и идеологическая сила империи с первых дней войны стала задействовать материальные и духовные ресурсы для поддержания фронта. Открыто выражая сочувствие воинам, духовенство, приходы, монастыри щедро жертвовали на нужды армии и флота, участвовали в организации госпиталей, а также старались всячески помочь семьям раненых и погибших. Многие священники были отправлены на фронт, став непосредственными участниками военных событий, они выполняли свой долг, поддерживали и укрепляли мужество своих духовных чад, сражавшихся за родину. Первая мировая война, «явила великое множество духовных и ратных подвигов военных пастырей» [1; 270].

Военное духовенство как социальный институт возникло на стыке двух важнейших государственных структур: церкви и армии, и подчинялось церковным законам, находясь в непростых условиях армейской и флотской жизни. Главными направлениями деятельности военного духовенства во все времена были пастырская и духовно-просветительская работа.

К началу XX в. в Российской империи существовала специальная служба, которая организовывала и координировала деятельность священнослужителей при воинских соединениях – Ведомство Протопресвитера армии и флота.

Протопресвитер избирался высшим органом управления Русской Православной Церкви и утверждался императором.

Военные священники состояли при подвижных церквях в войсковых частях, а также при неподвижных соборах и храмах, их контролировал дивизионный благочинный, который назначался протопресвитером из полковых священников и приравнивался по статусу к чину подполковника. Институт дивизионных благочинных был промежуточной ступенью между полковыми священниками и протопресвитером военного и морского духовенства.

В период военных действий духовенство сопровождало свои части в походах, совершая богослужения в особых палатах, представлявших собой передвижные храмы со всей необходимой церковной утварью. В обязанности военного пастыря входило: совершать богослужения и таинства в воскресные и праздничные дни, заботиться о морально-нравственном облике военнослужащих, утешать больных и раненых, погребать усопших. Полковым священникам так же приходилось помогать медицинскому персоналу на перевязочных пунктах, заведовать выносом с поля боя убитых и раненых; извещать родных о смерти воинов. «В бою место нахождения полкового священника должно было быть на передовом перевязочном пункте, – писал В. Котков, – где скапливались раненые, нуждавшиеся в моральной поддержке и медицинской помощи. Поэтому от священника требовалось помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей уметь выполнять обязанности медперсонала» [2; 75].

Последним протопресвитером в истории Российской армии суждено было стать Георгию Ивановичу Шавельскому, выпускнику Санкт-Петербургской Духовной академии и участнику русско-японской войны. За боевые заслуги Шавельский был награжден орденами св. Анны 3-й и 2-й степени и св. Владимира 4-й степени с мечами, а так же золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте. Во время Первой мировой войны он находился непосредственно в Ставке главнокомандующего, а также имел право личного присутствия на Военном совете и право личного доклада императору.

Незадолго до начала войны в Петербурге прошел первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства, на котором был учтен опыт взаимодействия Церкви и армии в предыдущих войнах, и в первую очередь опыт русско-японской войны (1904-1905 гг.). «На великую войну уже наши священники отправились со строго разработанной инструкцией. – Отмечал протоиерей Георгий (Поляков) в работе «Военное духовенство России». – Инструкция эта не была кабинетным произведением – она вылилась из опыта и пристальных наблюдений за всеми возможностями, какие представляются для работы священника на поле брани» [3; 281].

Оценивая работу священства в этот период о. Георгий (Шавельский) писал: «военное духовенство впервые трудилось дружно, согласно, по самой широкой программе» [4; 284].

Одновременно духовенством во всех епархиях империи была развернута большая благотворительная работа. В монастырях и приходах установлены

кружечные сборы, подготовлены помещения для раненых, большое внимание уделялось семьям мобилизованных.

На фронтах Первой мировой побывали тысячи военных пастырей, многие из которых по собственной инициативе находились на передовых линиях. «За отличие в боях были награждены 639 священнослужителей, из них: 4 – орденами св. Георгия Победоносца 4-й степени; 1 – панагией на Георгиевской ленте; 100 – золотыми наперстными крестами на Георгиевской ленте; 2 – орденами св. Анны 1-й степени с мечами; 170 – орденами св. Анны 2-й степени с мечами; 193 – орденами св. Анны 3-й степени с мечами и 150 – орденами св. Владимира 4-й степени с мечами. Кроме того, пожалованы мечами к уже имеющимся орденам 20 священнослужителей» [5].

Некоторые военные пастыри оказались в плену, где, в силу воспитания и убеждения, продолжали выполнять свой священнический долг, разделяя со своими духовными чадами все трудности лагерной жизни.

Списки священнослужителей, пострадавших в годы войны, публиковались в «Вестнике военного и морского духовенства». Согласно этим спискам, в Первую мировую войну, начиная с 1914 г. по октябрь 1917 г., было убито 25 священников, от ран и болезней умерло 54 священника, не смертельные раны получили 80 священнослужителей. Через немецко-австрийский плен прошло 76 военных священников. На самом деле пострадавших было больше – во-первых, не все ранения фиксировались, во-вторых, немало священников умерло от ран по возвращении домой [6].

В 1917 г. военное духовенство, как и вся Русская Православная Церковь, испытало на себе все тяготы гонений. Первые государственные мероприятия в отношении военных священников начались сразу после февральских событий. И хотя Временное правительство и продолжало содержать военных священников оно не смогло в полной мере защитить их. Именно в этот период учащаются случаи неуважительного отношения к духовенству со стороны солдат, а также изгнание их из армии. Так «одним из оснований для изгнания из госпиталя военного священника, протоиерея Иоанна Юхновского, было то, что он сделал замечание солдату, который не снял шапку, когда мимо него пастырь нес святыне дары для причащения больного. Солдаты заявили: «Теперь свобода, и мы имеем право креститься или нет, снять шапку или не снимать»; а пастыря обвинили в «крепостническом» обращении с нижними чинами» [7].

По свидетельству протопресвитера Георгия Шавельского, многие священнослужители в 1917–1918 гг. были вынуждены сбривать бороды, переодеваться в солдатскую форму и в таком виде бежать с фронта от неминуемой расправы [8].

В 1918 г. приказом Наркомата по военным делам институт военного духовенства в армии ликвидировался. Но, несмотря на то, что новая власть не нуждалась в военных пастырях, некоторые священнослужители находились в воинских частях до окончания войны, затем они перешли на приходское служение.

Таким образом, военное духовенство в начале прошлого столетия являлось важнейшей составляющей государственной и церковной структуры. Священнослужители армии и флота были ближайшими помощниками командиров в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания воинов. Несмотря на свое непростое положение в российской армии, военные пастыри скромно и незаметно делали дело, к которому они были призваны – дело воспитания русского воина в духе веры, самопожертвования и любви к своему Отечеству. На поле брани безропотно переносили тяготы походной жизни, напутствовали раненых и умирающих под неприятельским огнем, терпели раны, являя собой образец храбрости и мужества. Эти примеры самоотверженности духовенства показали, что оно, как ведущая общественная сила, продолжало служить людям с прежним усердием, несмотря на то, что само общество находилось в преддверии революции.

Литература

- 1 Протоиерей Георгий (Поляков). Военное духовенство России. – М.: ТИИЦ, 2002. – 536 с.
- 2 Котков, В. Полковой священник – главный организатор духовного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии / В. Котков // Журнал московской патриархии (ЖМП). – 1999. – № 8. – С. 70– 80.
- 3 Протоиерей Георгий (Поляков). Указ.соч.
- 4 Там же.
- 5 Боярский, И. Служение военного духовенства в годы Первой Мировой Войны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaistinu.ucoz.ru/news/2009-04-21-629>.
- 6 Кострюков, А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
- 7 Кострюков, А. Военные священники в сонме новомучеников и исповедников Российских. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/44668.htm>.
- 8 Там же.
- 9 Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Информационный центр «Летопись», 2008. – с. 752.

Лейберов А. И.

Первая мировая война и студенты Петрограда

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война внесла существенные изменения в численность, состав и материальное положение Петроградского студенчества. В 1913-1914 учебном году в 60 государственных и частных высших учебных заведениях Петрограда насчитывалось около 40 тысяч студентов. За 2,5 года войны количество студентов сократилось приблизительно до 36 тысяч, то есть на 10% (и это не смотря на приток беженцев из зоны боевых действий, среди которых были и студенты получившие право продолжить обучение в вузах Петрограда). [1,с.13] Сокращение численности студентов было вызвано двумя

факторами: военными мобилизациями и резким ухудшением материального положения.

С началом войны студенты находились на каникулах и не подлежали мобилизации. В армию пошли лишь добровольцы. Первые мобилизации студентов в действующую армию, военные училища, тыловые армейские части, госпитали и т.д. начались с 1 декабря 1914 г. Военные власти смотрели на студентов как на потенциальный источник интеллектуальных кадров для участвующей в войне армии. Военный министр А.А. Поливанов излагая свой план использования студентов в военных нуждах, в письме председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, указывал на то, что «в настоящее время воспитанники вузов являются обширным резервом для военного ведомства...», он был против немедленного призыва студентов в войска, так как это лишило бы военное ведомство необходимых резервов для пополнения военных училищ, а также могло вызвать «нежелательное неудовольствие населения». [2, с. 22] Чем большими становились потери России в войне, тем большим становилось число студентов, мобилизованных в армию. Власти готовились лишиться отсрочек от призыва студентов старших курсов.

С 1 января 1915 г. по 1 июля 1916 г. не менее 2000 студентов Петроградского университета были призваны в армию (примерно 20 % всех студентов). [3, с.14] За этот же период было мобилизовано 1615 студентов Политехнического института (18-20% его состава). [4, с. 58]

Нехватка квалифицированных военных специалистов в армии вынуждала власти спешить с подготовкой студентов, обучавшихся дефицитным военным специальностям. В сентябре 1914 г. в Политехническом институте открылись курсы для подготовки военных летчиков и мотористов. На курсы принимались не только армейские офицеры, но и студенты. В 1916 г. при электромеханическом отделении того же института были созданы шестинедельные курсы для подготовки радиотелеграфных техников для работы в портах и на судах. Набор на курсы производился из числа студентов-политехников. В ноябре 1916 г. при кораблестроительном отделении Политехнического института начали работу курсы по ускоренной подготовке прапорщиков, со сроком обучения 4 месяца. [5, с.80]

Подобные курсы, а также военная подготовка студентов были организованы и в других институтах. В августе 1915 г. Министерство народного просвещения выпустило циркуляр об ускоренной подготовке врачей. Студенты-медики изучали курс военной медицины по сокращенной программе и могли получать выпускные свидетельства без экзаменов. В декабре 1915 г. впервые за годы войны был проведен ускоренный выпуск студентов Института путей сообщения. [6, с.244]

Первая мировая война резко ухудшила материальное положение студентов высших учебных заведений Петрограда. В докладе Департамента народного просвещения в октябре 1915 г. говорилось: «Одной из отрицательных сторон академической жизни высших учебных заведений, затрагивающей интересы общественно-государственного порядка, - является вопрос о материальной необеспеченности значительной части студенчества. История студенческой

нужды также стара, как и самих учебных заведений. Новым в ней является острота ее, создавшаяся в связи с гигантским вздорожанием жизни, и широта ее, возникшая вследствие чрезмерного наплыва учащихся в высшие учебные заведения. Та и другая низводят студентов в настоящее время на степень чуть ли не пролетариата и заставляют его обращаться к различным видам самого черного физического труда. Такое положение вещей не могло не отразиться вредно на прямых задачах студенчества, заставляя его в лучшем случае удлинять срок пребывания в учебном заведении, в худшем же лишая его совершенно возможности окончить последнее». [7, с.23-об]

По данным Министерства просвещения, в 1915 г. только за невзнос платы из 9 университетов страны было уволено 1919 человек или 7% всего состава учащихся в университетах, а из 5 высших технических учебных заведений – 548 или 9% их состава. [7] Правительство, зная о бедственном положении студенчества, ничего не предпринимало для облегчения его материального положения, ограничиваясь простой констатацией данного факта.

В протоколе экстренного заседания Совета профессоров Петроградского политехнического института от 8 февраля 1917 г. говорилось: «... число лиц, оканчивающих высшие учебные заведения, весьма незначительно в сравнении с числом поступающих в эти учебные заведения лиц... Необходимы серьезные меры для оказания помощи неимущим студентам, которые теперь постоянно отвлекаются заработком. Необходимо учреждение особого банка для выдачи неимущим студентам ссуд.... Никакое сокращение программ (учебных – А.Л.) не поможет, если такие меры не будут приняты». [8, с.140-об.] По подсчетам Министерства народного просвещения, для помощи нуждающимся студентам в конце 1916 – начале 1917 гг. требовалось дополнительно выделить не менее 200 тыс. рублей. [9, л.66-об.] Но этих средств в казне не нашлось. Шла война.

В особенно сложной ситуации, вызванной неравноправным положением женщин в царской России, находились учащиеся высших женских учебных заведений. В отношении курсисток проводилась явная дискриминация: им было сложнее поступить на курсы (в университеты принимали только мужчин); устроиться на работу после окончания высшего учебного заведения, чем мужчинам; женский труд (даже в качестве домашнего учителя или репетитора) оплачивался ниже, чем мужской и т.д.

Бывшая курсистка К. Майстрах вспоминала: «Права женщины-курсистки не защищались законом. Замужняя женщина могла поступить на курсы лишь с согласия мужа, и муж волен был взять ее с курсов обратно. Для евреек существовала 3-5 процентная норма. Унижение человеческой личности доходило иногда до того, что курсистки-еврейки должны были получать «желтые билеты», чтобы жить в столице. Правительство разрешало жить в столице проституткам без различия национальностей, но не еврейкам-студенткам». [10, с.37]

Начавшаяся война, вызванные ею экономические трудности, рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости, спекуляция, резко ухудшили и без того тяжелое материальное положение Петроградских студентов. 8 марта 1916 г. на имя министра народного просвещения поступило письмо от

группы родителей студентов, обучавшихся в Петрограде и Москве. В письме говорилось: «... о бедной учащейся молодежи высших учебных заведений нет никому дела, никто не обращает внимания на их жизнь в столицах при теперешнем положении, и как вся эта дороговизна отразилась на них... Они, приезжая в столицу, попадают в руки хищников, которые обирают их в буквальном смысле: нанять комнату за 20 руб. нет никакой возможности, да и не найдешь во всем Петрограде. Цены такие – 35-40-45-50 руб. и дороже. Мыслимо ли учащимся платить такие суммы, если у них в большинстве не бывает в таком объеме месячного содержания, получаемого из дома?... Живут большинство впроголодь, потому что все, что имеют отдают за комнату, а на обед не остается ничего». [11, с.36-37-об.]

Испытывая нужду и материальные лишения, вынужденные братья за любую работу, дававшую дополнительный заработок, студенты часто болели. В отчете врача Санкт-Петербургского университета за 1913 г. приводятся данные, из которых следует, что в отчетном году при общем числе 7608 студентов было зарегистрировано 5970 заболеваний и 11864 посещения врача; в 1915 г. на 7780 студентов приходился 3131 случай заболеваний и 12397 посещений врача; за весеннее полугодие 1916 г. на 5964 студента приходилось 2911 заболеваний и 15297 посещений врача, т.е. в течение этих лет каждый второй студент болел и каждому приходилось по 2-3 раза в год посещать врача. [12, с.412, 299, 207] В других столичных вузах было или подобное положение, или еще хуже.

Высокой была плата за обучение, причем освобождалось от нее ничтожное число студентов. Стипендиальный фонд был также очень не велик. В 1913 г. в Технологическом институте из 2276 студентов стипендию получали 105 человек, 83 студента получали пособия благотворительных фондов и 100 человек стипендии не получали, но были освобождены от платы за обучение, т.е. только 12,6% учащихся института пользовались материальной поддержкой. [13, с.4-об.] В бюджете Петроградского университета на 1915-1916 учебный год на стипендии и пособия студентам было выделено лишь 12,8%. [3, с.15]

Тяжелое материальное положение студентов, ухудшившееся с началом мировой войны, мобилизации в армию, произвол властей и администрации, которые преследовали все прогрессивные начинания учащейся молодежи, пытались искусственно вызвать застой в общественной жизни высших учебных заведений – все это способствовало революционизированию студенчества, толкало его на борьбу против войны, за свержение царского режима.

Литература

1. Очерки истории Ленинграда. Т. 3. – М.-Л., 1956. – С. 560-562; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1, - л., 1967.
2. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф.733, оп.226,д.199. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф.733, оп.226,д.199.
3. Очерки по истории Ленинградского университета. Т. II. – Л., 1968.
4. ЦГИА (Центральный государственный исторический архив), ф.478, оп.14, 1916 г., д.168.

5. Потехин М.Н., Ильющенко Т.А. Общественно-политическая жизнь института в годы нового революционного подъема и первой мировой войны. – История института. Труды ЛПИ. №190 – Л., 1957. – С.244.
6. Купайгородская А.П. Петроградское студенчество и Октябрь. В сб.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980.
7. РГИА, ф.733, оп.156, д.339.
8. ЦГИА, ф.478, оп.26, 1917 г., д.4.
9. РГИА, ф.733, оп.266, д.161.
10. Советское студенчество, - №8, 1937.
11. РГИА, ф.733, оп.156, д.455.
12. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С. – Петербургского университета за 1913 год; Отчет ... за 1915 год; Отчет ... за весеннее полугодие 1916 года.
13. РГИА, ф.733, оп.205, д.73.

*Литвиненко С. В.
Судариков А. М.*

Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук

1 августа 1914 г. произошло одно из наиболее трагических событий XX в., Германия объявила войну России, что послужило началом первой мировой войны. Вся жизнь огромной страны перестраивалась на военный лад. Народы России встали на защиту своего Отечества. В организации обороны страны большая роль отводилась науке. Исследования, посвященные участию России в Первой мировой войне, в связи со столетием с момента начала войны, представляются весьма актуальными. Участие ученых Полярной комиссии Академии наук в Первой мировой войне до настоящего времени в отечественной историографии всестороннего освещения не нашло. Отчасти данная тематика отражена лишь в работах О.А. Красниковой [11, 12, 13]. Восполнить этот пробел и призвана данная публикация.

В 1914г. Академии наук состояла из трех отделений: Физико-математического, Историко-филологического, Русского языка и словесности. В «Отчете о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1914 год» перечислены 36 научных и научно-вспомогательных учреждений, в том числе 16 академических и приакадемических комиссий. В 1914 г. Академия наук организовала новое учреждение - Полярную комиссию.

С момента начала Первой мировой войны большинство ученых Петербургской академии наук забыло о своем недовольстве правительством и оказалось захваченным всплеском патриотизма. Российские ученые и студенты встретили Манифест об объявлении войны молебнами и пением гимна, активно участвовали в монархических манифестациях [8].

В обстановке патриотического подъема большинство ученых академического сообщества активно поддержало царское правительство. Предполагалось на время отложить борьбу с пережитками царизма. Пока шло

сражение с могучим врагом, который в техническом и экономическом отношении превосходил Россию, «надо было сконцентрировать все наши усилия, всю волю народа ради достижения одной цели... Массы были готовы проявить добрую волю и не вспоминать старое» [10].

В годы первой мировой войны основные усилия ученых Академии наук были направлены на удовлетворение нужд фронта и тыла. Символично, что при содействии ученых в главном конференц-зале Академия наук работал лазарет. Лазарет устроился в большом конференц-зале и соседних помещениях, работал в течение двух лет - с 16 октября 1914 по 22 ноября 1916 г. и закрылся из-за необходимости ремонта помещения и небольшого количества раненых [24. Ф. 16. Оп.1. № 4].

Одним из руководящих центров мобилизации деятелей науки и техники на защиту Отечества стала Полярная Комиссия. «Организация научного творчества для обороны от врага и для роста нашего национального богатства» - в этом В.И. Вернадский видел назначение Полярной комиссии [4, с. 4].

Постепенный раздел мира европейскими державами не миновал и Арктики. Если раньше, открывая новые земли, исследователи стремились к достижению определенной географической цели, то в XX в. посещение того или иного пункта «ничьей» земли часто было связано со стремлением определенного государства обосноваться на данной земле более прочно [19].

Необходимость планомерного систематического изучения Арктики особенно возросла во время Первой мировой войны, когда северные морские границы России приобрели важное значение. Полярная комиссия оказала влияние на определение положения западной и восточной российских арктических морских границ, отклонив ряд поступивших на ее обсуждение проектов иностранных экспедиций по изучению необследованных островов, лежащих в пределах отечественного сектора Арктики.

Постоянная Полярная комиссия, ставшая координатором всех исследовательских работ в Арктике, была организована после географических открытий, совершенных Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана (СЛО). В 1913-1914 гг. была обнаружена и частично нанесена на карту группа островов, названных Таймырским архипелагом [11].

Решение о создании новой постоянной комиссии было принято на заседании 16 мая, и тогда же был намечен ряд лиц, приглашенных к участию в деятельности новой межведомственной комиссии: В.И. Вернадский, князь Б.Б. Голицын, А.П. Карпинский, И.П. Толмачев [15]. Первоначальное название организации было определено как Русская Полярная комиссия [11].

Первое собрание Полярной комиссии (ПК) под председательством великого князя Константина Константиновича состоялось 1 декабря 1914 г. Должность председателя ПК после кончины Константина Константиновича занял его заместитель академик князь Б.Б. Голицын, затем - академик П.В. Никитин. С 1917 г. бессменным председателем ПК был академик А.П. Карпинский [11]. На первом заседании были оглашены записки: 1) «Об учреждении Постоянной Полярной Комиссии» И.П. Толмачева [28] и 2) «К вопросу о задачах Полярной Комиссии»

академика В.И. Вернадского [5]. Были выбраны заместитель председателя - академик князь Б.Б. Голицын и секретарь - И.П. Толмачев.

И.П. Толмачев в своей записке назвал причины возникновения Комиссии. В круг ее задач входило исследование полярной зоны, точный учет всего сделанного за прошедшие годы, организация полярных экспедиций, разработка плана работ в полярной области Земли, выработка правовых норм международного сотрудничества, дальнейшее изучение вопроса о Северном морском пути, создание для Комиссии специального печатного органа, формирование специализированной библиотеки по полярным вопросам. По мнению И.П. Толмачева Комиссия должна быть в полном смысле межведомственной, то есть включать в себя специалистов по различным областям знания, из различных ведомств [28].

В период Первой мировой войны основная работа ПК проходила на заседаниях, которые собирались крайне нерегулярно. Так, в 1915 г. не было ни одного заседания Комиссии. В 1916 г. Комиссия собиралась лишь четыре раза, а в 1917 г. - дважды. Вероятно, это связано с тем, что инициатор создания Полярной комиссии и ее секретарь И.П. Толмачев редко бывал в Петрограде [13].

Начало Первой мировой войны застало Толмачева в геологической экспедиции в Туркестане. Он вернулся в Петроград, где хотел вступить в действующую армию, но не прошел по возрасту. И.П. Толмачев занялся организационной работой, связанной с Русским Красным крестом [11].

Радиостанция на острове Диксон, устроенная первоначально в качестве временной, благодаря ПК была не только сохранена, но и усовершенствована. Результаты гидрометеорологических наблюдений, передаваемые ежедневно по радиотелеграфу в Петроград, входили в секретные синоптические карты, использовавшиеся для военных целей.

Но в сохранении радиостанции на острове Диксон была заинтересована Николаевская Главная физическая обсерватория. Метеорологические данные со станции, расположенной на побережье Северного Ледовитого океана, представлялись весьма ценными для предсказания погоды в военное время.

Заседания ПК возобновились в 1916 г. На первом, состоявшемся 25 января 1916 г., князь Б.Б. Голицын поставил вопрос о сохранении этой полярной станции. Голицын высказал мнение о значении радиостанции для вопросов общей метеорологии и климата и о важности использования сети радиостанций в Арктике для изучения состояния льдов на Карском море в период навигации. Было принято решение обратиться к министру внутренних дел с представлением о принятии станции в ведение Главного управления почт и телеграфов [25], на значение станции на острове Диксон для его ведомства было также указано министру торговли и промышленности.

Постановлением Совета Министров от 22 апреля 1916 г. были отпущены необходимые средства на открытие и обслуживание гидрометеорологической радиостанции на остров Диксон. ПК добилась передачи ее в ведение Морского министерства [21], поскольку метео- и радиостанция на остров Диксон выполняла стратегические задачи. Начальником радиостанции был назначен П.Г. Кушаков

[11], персонал радиостанции состоял из восьми человек. Для установки метеорологических приборов и обучения личного состава радиостанции ведению гидрометеорологических наблюдений от Главного гидрографического управления был командирован помощник заведующего гидрометеорологической частью ГГУ И.К. Тихомиров [13]. На станции были организованы гидрометеорологические наблюдения и наблюдения за состоянием разных слоев атмосферы при помощи шаров-пилотов и подъемов воздушных змеев с метеорографами. Результаты гидрометеорологических наблюдений, передаваемые ежедневно по радиотелеграфу в Петроград, входили в секретные синоптические карты, использовавшиеся для военных целей [11].

Ученые Академии наук включились в решение задач, связанных с укреплением обороноспособности Отечества, обеспечением фронта и тыла всем необходимым. Война определила основные направления исследований многих академических учреждений. «Вся жизнь академии, как и жизнь всей страны, проходила под знаменем войны» [18, с. 11]. Николаевская Главная физическая обсерватория давала прогнозы погоды для армии и флота, организовала курсы по метеорологии для офицеров. Созданная в обсерватории мастерская снабжала армию метеорологическими приборами. Нуждам фронта и тыла была подчинена работа Химической лаборатории, Геологического и Минералогического музея и других учреждений [18, с. 12, 155, 160]. Приведенные факты свидетельствуют о стремлении ее ученых помочь Отечеству в борьбе с врагом, о влиянии войны на деятельность ученых Академии наук. При этом главным направлением работы Академии в период войны стали исследования в области естественных производительных сил и комплексное исследование полярной зоны России.

Летом 1915 г. обстановка на фронтах складывалась крайне неблагоприятно для Российской империи. Русская армия терпела тяжелые поражения. Она испытывала острый недостаток в вооружении и боеприпасах. В этих условиях государство приняло меры, направленные на перестройку промышленности, на обеспечение роста военного производства.

В целях ускоренного развития военного производства и его регулирования создавались новые государственные органы. Среди них были четыре Особых совещания по обороне государства, в том числе по обороне государства (председатель военный министр), по обеспечению топливом (председатель министр торговли и промышленности), по перевозкам (председатель министр путей сообщения), по продовольственному делу (председатель министр земледелия). Главная роль в руководстве военной экономикой принадлежала Особому совещанию по обороне. «Положение» о создании Особых совещаний было подписано 17 августа 1915 г. лично Николаем II, что свидетельствовало о большом их значении [14, с. 13].

В 1915 г. один из неформальных лидеров Императорской академии наук и член ПК В.И. Вернадский опубликовал статью «Война и прогресс науки». Он писал об «ужасе войны между культурными народами», рассматривал войну как «кровавое столкновение», «величайшее в истории потрясение» человечества [4, с.

28, 32]. В статье раскрывалось выдающееся значение науки и техники в исходе войны, говорилось о влиянии войны на научно-технический прогресс.

«Наряду с возбуждением научной мысли и научного творчества война 1914-1915 годов наложила свою тяжелую руку и на развитие науки. Она отвлекла средства, шедшие на мировую культурную научную работу, на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников». В.И. Вернадский писал о гибели на фронтах тысяч талантливых людей. «Среди них были и те, которые при обычном ходе жизни явились бы крупными учеными» [4, с. 33]. Наиболее тяжелый удар, нанесенный войной науке, В.И. Вернадский видел в перерыве научных сношений между странами.

21 января 1915 г. на заседании Физико-математического отделения академии В.И. Вернадский сформулировал задачи ученых по оказанию помощи своей Родине в войне. Помимо В.И. Вернадского заявление подписали академики Н.И. Андрусов, князь Б.Б. Голицын, А.П. Карпинский и Н.С. Курнаков. «В переживаемую историческую эпоху, требующую напряжения всех сил нашей страны, Императорская Академия наук не должна оставаться в стороне от того движения, которое захватило сейчас и отразилось на всех учреждениях нашей Родины. И ее стремления, как и всех, направлены к одной и той же цели - к развитию и поддержанию силы и могущества России, необходимых как для успешной борьбы с вооруженным врагом, так и для возможного облегчения тяжести войны, как сейчас в ее разгаре, так и после ее окончания» [21]. В заявлении отмечалась необходимость развития производительных сил России, освобождения ее от экономической зависимости от Германии, роста отечественной промышленности, земледелия и торговли.

По мнению председателя Полярной комиссии князя Б.Б. Голицына, работы академических комиссий «неизбежно должны быть длительными, требующими иногда продолжительных предварительных научных изысканий, причем все их важное значение скажется, конечно, в полной мере только впоследствии, по окончании войны» [18, с. 21]. Одновременно ученый настаивал на проведении срочных исследований, нацеленных на решение текущих задач.

Б. Б. Голицын высказывался за консолидацию научных и технических сил России, предлагал «принять безотлагательно меры к тому, чтобы объединить по возможности разрозненную деятельность отдельных ученых лиц и учреждений, работающих на нужды обороны, в целях придания всей этой работе большей стройности и системы» [18, с. 21].

Когда началась Первая мировая война, по предложению Б.Б. Голицына было создано Военно-метеорологическое управление, во главе которого он и был поставлен. Главной задачей управления было обслужить армейские части прогнозами погоды, что приобрело особое значение, когда немцы начали газовую войну. В эти годы войны Б. Б. Голицын отдал все свои силы служению Родине и в непрерывном труде настолько подорвал своё здоровье, что лёгкая простуда свела его в могилу. Он скончался 17 мая 1916 г. Но до последних дней Б.Б. Голицын продолжал интересоваться и руководить делами управления, вызывая к себе на дом сотрудников.

В силу технико-экономической отсталости военная промышленность России оказалась в 1915 г. в наиболее трудном положении по сравнению с союзниками по Антанте. Россия остро нуждалась во ввозе широкой номенклатуры стратегических грузов – сырья, топлива и оборудования. Императорская армия и ВМФ нуждались в масштабных поставках вооружений. Например, казенные заводы морского ведомства в Петрограде и Балтийский флот, то есть фактически безопасность имперской столицы, напрямую зависели от снабжения английским улем. Эти потребности покрывали массовые перевозки из союзных и нейтральных стран. Только одно военное ведомство заказало иностранным фирмам в годы войны имущества на 3,2 млрд. руб. Общая же сумма всех военных заказов за границей составила 7,7 млрд. руб. [9, с. 233].

Транспортные пути во время войны пролегли через территорию Норвегии, Швеции и Финляндии на Петроград («скандинавский транзит»). Массовые же грузовые потоки направлялись морем на Север, вдоль Норвежского побережья и Мурманского берега в Кольский залив и далее в Архангельск. Спешно возводили незамерзающий Мурманский порт и железную дорогу к нему. Глубокой реконструкции был подвергнут Архангельский порт, на который легла основная нагрузка по приему ввозимых грузов [9, с. 233].

Военное руководство Германии уже с 1915 г. прилагало усилия прервать стратегически важную коммуникацию противников и сорвать снабжение России военными материалами. В результате воды Северного Ледовитого океана превратились в театр военных действий. Средством борьбы стало установка германских мин в полярных морях и нападение подводных лодок на суда и транспорты союзников, что тревожило Ставку верховного главнокомандующего и руководителей Морского штаба. Значительную помощь в борьбе с германской угрозой на северных коммуникациях оказала Полярная комиссия Академии наук.

После февральской буржуазной революции 1917 г. Академическое сообщество безоговорочно солидаризировалось с намерением Временного правительства не выводить Россию из войны [8].

Ставший после смерти Б.Б. Никитина председателем ПК, академик А.П. Карпинский, был одним из ведущих геологов России и никогда не опускался до политики. «Карпинский был молчуном, дневника не вел, воспоминаний не оставил» [22, с. 94].

Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что А.П. Карпинский разделял патриотическую позицию большинства ученых Академии наук. Уже 4 марта 1917 г. А.П. Карпинский направил князю Г.Е. Львову, председателю Временного правительства первого состава, «единогласное постановление Конференции Академии наук», в котором ученые заявили о своей солидарности с властями и готовности «представить те знания и средства, какими она (академия) может служить России» [26].

При формировании ПК ученые опирались на богатейший опыт в исследовании природных ресурсов, накопленный Академией наук в XVIII-XX вв. Учитывался и опыт зарубежных научных учреждений в этой области.

В первые годы существования Полярной комиссии сложные политические и экономические условия в стране не позволили ей осуществить поставленные перед ней задачи в полном объеме. Работа ПК ограничилась по условиям времени кабинетной разработкой ряда вопросов, связанных с организацией полевых исследований. Тяжелое экономическое положение страны не позволяло заниматься полевыми работами, а последовавшая затем оккупация Севера оторвала комиссию от области ее экспедиционной деятельности.

Для деятельности ПК характерно было стремление развернуть исследования, направленные на использование научных результатов для обеспечения технико-экономической независимости страны. В этих целях ученые выдвинули идею создания государственной сети научно-исследовательских институтов.

Отличительной особенностью работы комиссии являлся комплексный подход к изучению Севера России. Без этого невозможно было решить те сложные задачи, которые стояли перед комиссией. Осуществление на практике принципа комплексности стало возможным благодаря тому, что в работе комиссии участвовали многие ученые, представлявшие различные отрасли науки и техники. Комиссия установила контакты с государственными органами, особенно с Военным и Морским министерствами, что позволяло ей оперативно решать научные проблемы, продиктованные потребностями обороны.

Комиссия представляла собой подлинно демократическое учреждение. Ее руководящие органы избирались путем тайного голосования. Все принципиальные вопросы, касающиеся работы комиссии, обсуждались ее Общим собранием. Руководители ПК стремились учесть все точки зрения, которые высказывались учеными.

Литература

1. Басаргина, Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX-XX вв.: очерки истории. - М., 2008. С. 480.
2. Бахракова, М.С. Академия наук и власть: Второе столетие. От академии Императорской к Российской / Российская академия наук: 275 лет служения России. - М.: «Янус-К», 1999.
3. Вернадский, В.И. Война и прогресс науки. /О науке. - Т. 2. - СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. - С. 28-39.
4. Вернадский, В.И. О ближайших задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил. - Пг., 1915. - С. 4.
5. Вернадский, В.И. О задачах Постоянной полярной комиссии // Приложение к Протоколам ФМО РАН. Заседание I. 7 января 1915 г. Прил. I. С. 20-23.
6. Виноградов, Ю.А. Германские биологи – члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: Опыт 300-летнего взаимодействия. - СПб, 2000.
7. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. - Пг., 1915.
8. Иванов, А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй Отечественной войны» // Вопросы истории естествознания и техники. - 1999. - №2. - С 108-127
9. Карелин, В.А. Спецслужбы воюющих стран во время Первой мировой войны: успехи и промахи русской разведки в Норвегии // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. - Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 233

10. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. -1990. - № 9. – С. 132.
11. Красникова, О.А. Полярная комиссия Академии наук и Первая мировая война. // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. (Архангельск, 21-25 июня 2014 г.) / под общ. ред. Т.И. Трошиной. - Архангельск: ИД САФУ, 2014. – С. 267-272.
12. Красникова, О.А. Академия наук и исследования в Арктике: научно-организационная деятельность Полярной комиссии в 1914-1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
13. Красникова, О.А. Полярная комиссия Академии наук (1914-1936 гг.) / Комиссии Академии наук в XVIII-XX веках: Исторические очерки / Отв. ред. Ю.М. Батулин; ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. – СПб.: Нестор-История, 2013. - С. 383-449.
14. Кольцов, А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915-1930 гг. – СПб.: Наука, 1999. – 182 с.
15. Кризис самодержавия в России 1895-1917. - Л.: Наука, 1984.
16. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э. И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
17. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1914 год, составленный и. о. неперменного секретаря академиком А.А. Шахматовым и читанный в публичном заседании 29 декабря 1914 года. - Пг., 1914.
18. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1915 год, составленный неперменным секретарем С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1915 года. Пг., 1915.
19. Пасецкий, В.М. Шпицбергенский вопрос в начале XX века // Русские арктические экспедиции XVII-XX вв: вопросы истории изучения и освоения Арктики / Под ред. М. И. Белова. - Л., 1964.
20. Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук. 1915. (ПФО РАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 162.– § 52
21. Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук (ПФО ИАН). - № 7. - 27 апр. 1916. - § 281. - С. 123-124.
22. Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724-1917. – М., 1999
23. Романовский, С.И. Александр Карпинский / Российская наука в лицах. – Кн. 1. – М.: Academia, 2003. – С. 94
24. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 16. Оп. 1. № 2. Протоколы комитета по устройству лазарета
25. СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. № 13. Протоколы заседаний ПК АН с материалами к ним. 1916. Л. 2-7.
26. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 40. Л. 3
27. Тихомиров И. Гидро-метеорологическая станция на острове Диксона. - Пг.: Тип. Морск. М-ва, 1917. - С. 2.
28. Толмачев, И.П. Записка об учреждении Постоянной полярной комиссии // Приложение к Протоколам ФМО РАН. Заседание I. 7 января 1915 г. Прил. I. С. 15-20.
29. Johnson H. Memorial to Innokenty Pavlovich Tolmachoff (1872-1950) // Proceedings volume of the Geological Society of America. Annual report for 1962. June, 1963. P. 147-154.

Морозова В.В.

Полифонические иллюзии российского прогресса: Великая война

...Сейчас есть то, чего не было,- есть война.
И всё изменилось. В новом багровом, лучше изменились все цвета.
Зинаида Гиппиус

Выволакивайте будущее.

Владимир Маяковский

О будущем можно мечтать. Иногда, просто ждать. В него можно верить. Или не верить.

Будущее может порождать страх ожиданий. И тогда (как сегодня в России?) мы относимся к нему отчуждённо. И задаем себе и другим бесконечные вопросы.

Всегда ли в мире социального времени переход из настоящего ведет к будущему?

И в какой мере будущее нужно ждать, а в какой его можно и должно творить?

Можно ли создавать будущее лишь для себя, оставаясь отчужденным от созидания для всех?

А если будущее можно творить, почему большинство предпочитает его ждать?

Почему человек в эпоху гегемонии капитала, за часы пересекая континенты и океаны, так и не осуществляет прорыва в будущее, а Циолковский в провинциальной Калуге, не зная, что такое аналоговые компьютеры, тем не менее прорвался именно в будущее? И ведь когда? Когда шла война ... и послевоенное лихолетье.

Почему революционные массы в нашей стране, несмотря на холод и голод, жили в будущем и творили его в меру собственных сил, понимания и противоречий, а успешный, комфортный человек XXI века, вооруженный высоким технологиями, творить будущее не может? Или не хочет? Или боится?

Мера будущности той или иной общественной системы определяется тем, насколько она обладает потенциалом разрешения тех её противоречий, которые характерны для её настоящего состояния.

Но ведь противоречия можно решать по-разному: ценой будущего или во имя будущего...

Можно ли будущее творить из прошлого?

«Славяне – народ столь могущественный, что если бы множество его поколений и родов соединились вместе, а не были бы они сейчас разделены, то ни один народ в мире не померялся бы с ним в силе»[1].

В годы первой мировой войны степень политизации обсуждения славянского вопроса сильно возросла, что отразилось на его трактовки всеми идейными направлениями.

Официальный взгляд на причины и цели войны был зафиксирован в манифесте Николая II от 12 июля и воззвании Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 1 августа 1914 г.

«Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно... Ныне предстоит уже не заступиться только за несправедливо обиженную страну, но и оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди великих держав»[2]. Верховный главнокомандующий, обращаясь в своем воззвании к полякам, заявлял: «Пробил час, когда заветная мечта наших отцов и дедов может осуществиться, пусть

сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя... Воссоединится Польша, свободная в своей вере, языке, самоуправлении»[3].

Проправительственная, официозная пропаганда старалась доказать справедливый характер войны со стороны России. Философ И.А.Ильин утверждал, что настоящая война с Германией есть война духовно-оборонительная и останется ею даже в том случае, если русские войска войдут в центр Германии и если мир присоединит к России польские и славянские земли. К.Я.Грот писал, что Россия смотрит на войну как освободительную для всего западного и южного славянства...

У черносотенцев мастером скандально шовинистической пропаганды являлся деятель «Русского собрания» Н.Н.Шипов.

С одной стороны, он обвинял в развязывании войны «жидо-масонов», с другой – всячески ругал неославистов. Последние, по его словам, тесно сплотившись с кадетами и людьми, ничего не видящими в прошлом России, кроме тьмы, невежества и изуверства, говорят, что судьбы славянства нельзя соединить с религией. После победоносной войны, заявлял Шипов, все славянские государства должны объединиться в Славянский союз, имеющий общую денежную систему, таможенный союз, единое войско и единое министерство иностранных дел. Русский язык должен сделаться общеславянским языком.

Интересы русской интеллигенции, ориентировавшейся на связи с Антантой, формулировал кадетский деятель П.Б.Струве. Россия призвана теперь довести до конца расширение империи, осуществить ее имперские задачи и её славянское призвание. Во-первых, это означает присоединение «русской Галичины», во-вторых, возрождение Польши как единого национального организма. Подводя под эти претензии идейную базу, Струве заявлял, что на поле брани осуществляется религиозное чудо слияния силы и правды, разрешается великая загадка истории. Если в Великой России выражается факт и идея русской силы, то в Святой Руси выражается факт русской правды.

Один из «веховцев», В.Ф.Эрн, считал, что мировая война является столкновением русского (славянского) духа с германским. Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается со смиренной, духовной и внутренней идеей русской. Критически оценив немецкий национальный характер, Эрн весьма рискованным образом интерпретировал вызванные новыми условиями изменения роли славянофильства.

Другой «веховец», Н.А.Бердяев писал Эрну: «Истина легко может стать игрищем национально-расовых страстей...Наши славянофильствующие философы устанавливают тип германской философии, германской религии, германской мистики, который признают греховным и ложным потому уже, что он германский»[5].

По мысли Бердяева, философское мышление не должно быть нарочито русским, искусственно противопоставляемым всему германскому. «Мы, - утверждал он, - наиболее национальны, наиболее русские тогда, когда ищем из

своей глубины правду и истину, а не тогда, когда только русское провозглашаем только истинным и праведным, а германское – ложным и греховным»[6].

Германский мир, утверждал Бердяев, чувствует женственность славянской расы и думает, что он должен владеть этой расой и его землей. Мировая война была для него борьбой русского и германского духа, столкновением и переплетением восточного и западного христианских миров.

В настоящую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал уже мир латинский и германский ... Славянская раса идет на смену другим расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку; это раса будущего. Спор оживился осенью 1914 года С.Л.Франк писал: «Всякое оправдание войны ... должно быть признано ложным» [7].

Одна из характерных форм всего того, что связано со славянским вопросом в годы мировой войны, была представлена теоретиком и лидером эсеров В.М.Черновым. Эсеры осуждали шовинистическую официальную пропаганду, скептически воспринимали и основные установки либерально-кадетского патриотизма. Некоторые деятели партии эсеров принимали лозунг поражения царизма в империалистической войне, но преобладали сторонники обороны отечества. Этим обусловлена двойственность идейно-политических позиций.

Во всем выше сказанном прослеживается легкомысленный авантюризм Великой войны: славянский вопрос исследован у нас недостаточно не только в указанной, но и во многих других областях. Необходимо развивать его изучение, отбросив стереотипы прошлых лет и не пытаюсь отстаивать те рубежи, защита которых не возможна и вредна для науки.

Литература

1. Пивоваров Ю. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX века. М., 1997. С.234.
2. Там же. С.235.
3. Там же. С.236.
4. Там же. С.239.
5. Бердяев Н.А. Вехи. М.,1999. С.30.
6. Там же. С.31.
7. Франк С.Л. Биография П.Б.Струве. Нью-Йорк.1952.С.113.

Портнягина Н. А.

Политический террор на окраинах империи в оценке местной власти в период революция 1905 – 1907 гг. (на материалах Лифляндской губернии)

В период революции 1905 – 1907 гг. террор стал мощным средством борьбы за власть для левых партий и настоящим бедствием для империи, особенно для ее окраин, где он был отягчен национальными конфликтами, обостряющимися в период революционных потрясений. Местная власть должна была прилагать гораздо больше усилий для того, чтобы справиться с террором по сравнению с центральными губерниями страны. Причем для нее важно было не только

принимать адекватные меры в борьбе с этим опасным явлением, но и выдерживать ежедневные сражения за общественное мнение, которое весьма неоднозначно оценивало террор. Как местные власти империи справлялись с этой задачей? Смогли ли они выиграть борьбу за общественное мнение, каким было их восприятие и оценка террора левых? Рассмотрим эту малоизученную в историографии проблему на примере Лифляндской губернии, в которой террор имел наибольший размах.

В начале XX в. Прибалтийские губернии занимали особое положение в Российской империи. Большинство правительственных должностей занимали русские, но серьезным влиянием на общественную и экономическую жизнь края они не пользовались. По переписи 1897 г. русские в Лифляндской губернии составляли всего 5,4%, а компактно проживали только в Рижском уезде. Земля в губернии принадлежала преимущественно немцам, русские владели всего 48,7 тыс. десятин земли, что составляло 2,5 % немецкого землевладения в губернии. Но большинство русских землевладельцев даже и не жило в губернии, их имениями управляли немцы [1, с. 84 – 86]. Доля немецкого населения в прибалтийских губерниях была тоже невелика, она составляла всего 6-9 % [2, с. 58], но, благодаря особым законам, по которым управлялся Прибалтийский край, влияние немцев было очень сильно. В их руках находилась большая часть земли в губернии, а латыши и эстонцы, составлявшие основную массу населения, были в основном безземельными батраками. Именно в этом, а также в отстранении местного населения от участия в самоуправлении, в церковных делах Совет министров и увидел причины, по которым население Прибалтики стало активным участником революции [2, с. 46].

Размах революционной борьбы в Лифляндской губернии был невероятно силен. Повсеместно действовали «лесные братья», многочисленные боевые дружины левых партий, держащие в страхе все население. Революционные газеты распространяли прокламации, запрещающие крестьянам выполнять помещичьи приказы, могущие повредить революционерам, предписывающие закрывать кабаки и церкви, грозящие расстрелом «пасторам, которые поносят борцов за свободу» [4, с. 293]. Сторонний наблюдатель, консул Великобритании Вудхаус, провел, как он пишет, «персональное расследование» положения дел в Прибалтике в 1906 г., так как не доверял сообщениям в газетах, считая их слишком преувеличенными. По его наблюдениям, положение в балтийских провинциях в 1906 г. определенно ухудшилось по сравнению с 1905 г.: «То, что я увидел и извлек из источников, на которые можно положиться, подтверждают все, что я читал в газетах. Балтийские провинции парализованы, революционеры, или скорее, банды подлецов, которыми кишат леса, держат всю сельскую местность в таком напряжении, что никто, кажется, не знает, чего ожидать дальше... В городах, особенно в Риге, жители живут в постоянной тревоге, ... в то же время в сельской местности терроризм распространяется в каждое село и деревушку». Он отметил, что если в 1905 г., террор был направлен преимущественно против знати, т.е. немцев, то сейчас – «против любого, у кого есть, что терять» [17, с. 1].

Террор стал обыденным явлением в крае, боевые организации непрестанно множили объявления о смертных приговорах своим врагам, «предателям и шпионам», использующим власть «как в своих корыстных целях, так и в интересах других любителей рабства» [4,с.283-284]. В результате, по свидетельству латышских газет, в декабре 1906 г. 11 приходов в губернии остались без пасторов, в 3 приходах пасторы были застрелены, а в восьми получили угрожающие письма с приказанием оставить свои места, что они и сделали [7].

Основными врагами в период революции местное население считало немцев, против которых, в основном, и был направлен революционный террор. Это было обусловлено тем, что революция 1905 – 1907 гг. совпала с вступлением латышей в С-фазу развития национального движения, согласно периодизации национального движения в Центральной и Восточной Европе, предложенной чешским историком М. Хрохом. С его точки зрения, в этот последний период формирования нации большинство начинает придавать особое значение своей национальной идентичности, формируются массовые движения различных направлений [16]. Революционный террор левых, обращенный против немцев, был одним из способов обретения национальной идентичности. Неслучайно губернатор М.А. Пашковосновную причину народных выступлений весной-летом 1905 г. увидел не только в безземелии крестьян, но и в «племенной ненависти латыша и эста к помещику-немцу» [3, с. 116, 118]. Однако, несмотря на достаточно верное определение губернатором причин революции и террора, центральная власть посчитала М.А. Пашкова неспособным справиться с волнениями. И хотя местное население очень высоко оценивало его деятельность именно за то, что губернатор умел русские общегосударственные интересы сочетать не только с вековым немецким культурным и экономическим влиянием в крае, но и с нарождающимся правосознанием и народосознанием латышской и эстонской народности [5], летом 1905 г. он был отправлен в отставку. Просьбы латышей, обращенные к министру внутренних дел, оставить М.А. Пашкова на занимаемой должности не имели успеха. Местное население получило лишь обещание того, что новый губернатор будет «не из баронов» [6].

28 ноября 1905 г. была учреждена должность временного прибалтийского генерал-губернатора, при нем было создано совещание для разработки проектов реформ, идея которого принадлежала остзейскому дворянству. Первым генерал-губернатором, по рекомендации С.Ю. Витте стал В.У. Соллогуб, позже его сменил А.Н. Меллер-Закомельский. Совещание при генерал-губернаторе работало с 12 июня 1906 по 29 сентября 1907 гг., подготовив проекты реформ земского самоуправления, крестьянского общественного управления, приходских учреждений лютеранской церкви, школьной реформы, предложения по вопросу о земельных отношениях. Все это время в крае действовало военное положение. Таким образом, власть пыталась справиться с революцией репрессией и подготовкой реформ. Генерал-губернатор балтийских провинций А.Н. Меллер-Закомельский сумел справиться с революцией. Его управление, по словам посла

Соединенного королевства в России А. Николсона представляло собой «комбинацию справедливости и здравого смысла. Он жесткий там, где подавление революционных тенденций требует жесткости, не жалеет себя в расследовании дел, которые представляют общественный интерес. Он ликвидировал некоторые ненужные синекуры и вывел полицию из оцепенения» [18, с. 2].

Но создавала ли местная власть общественное мнение, лояльное к правительству и враждебное террору? Политика власти и ее взгляд на происходящие события находили отражение в официальных «Лифляндских губернских ведомостях», выходивших три раза в неделю. Они имели официальную часть, где помещались распоряжения местной власти, и неофициальную, очень маленькую, занимающую пол страницы, в которой печатались объявления, различного рода справки и иногда небольшие статьи. Революционные потрясения, переживаемые страной, властью не комментировались. Например, сообщение Николая II о гибели великого князя Сергея Александровича было опубликовано лишь 23 февраля без всяких комментариев [8]. В газете размещались, прежде всего, постановления губернаторов об усилении контроля над гражданами, с помощью которого власть надеялась справиться с террором. Еще губернатор М.А. Пашков опубликовал постановление, ограничивающее ношение, хранение и продажу оружия [9, 10]. Последующие губернаторы и генерал-губернаторы только усиливали репрессивные меры. Однако они не предпринимали попыток внятно объяснить причины террора. Так В.У. Соллогуб на следующий день после прибытия в Ригу, 19 декабря 1905 г., провел в Рижском замке прием военных и гражданских чинов и представителей лифляндского дворянства и города Риги, на котором объяснил задачу власти в крае, подразделив ее на две части: умиротворение волнений и реформы. Его объяснение причин революции и ее составляющей части, террора, свелось к тому, что все эти действия совершаются небольшой частью общества, сплотившейся в шайки, «из-за ложно понятых учений о строении современных государств на началах личной и общественной свободы» [11]. Несколько раз газета перепечатала статьи из «Правительственного вестника», направленные, например, против амнистии для политических преступников, за которую боролась I Государственная дума, о целях террористов [12, 14].

Всего лишь раз губернатор Н.А. Звегинцов опубликовал разъяснение для жителей Лифляндии по поводу появившегося в газетах воззвания 14 членов I Думы, в котором они обвиняли правительство в нежелании сотрудничать с парламентом и помогать нуждающемуся населению. Губернатор предупредил население, что это воззвание «неправильно и односторонне передает факты», что Совет министров намерен «улучшить положение всех». Он разъяснял, что правительство не могло пойти на амнистию, т.к. «предложение это клонилось, в сущности, к признанию безнаказанности убийств и других тяжелых нарушений», но уверял население, что разногласия с Думой не означали «невозможности для Государственной думы работать» [13]. В 1907 г. статей, пытающихся повлиять на общественное мнение губернии, в газете не публиковалось вообще. Таким

образом, общественное мнение, враждебное террору, власть в губернии не создавала, она практически самоустранилась от обсуждения этой проблемы, предоставив обществу самому вырабатывать отношение к нему.

Это объясняется, на наш взгляд, во-первых, стесненностью в средствах, не позволявшей привлечь к сотрудничеству в губернских ведомостях талантливых публицистов. Кроме того, такая позиция газеты могла быть связана с особым отношением правительства к губернской администрации. Так, С.Д. Урусов, бывший губернатором Тверской губернии с начала революции до 10 июня 1905 г., позднее в своих воспоминаниях писал, что правительство поощряло администраторов, которые могли быстро подавить акты неповиновения, но при этом не одобряло самостоятельного анализа проблем [15, с.208]. Освещение политического террора провинциальной официальной печатью показывает, насколько трудно было власти России начала XX в., привыкшей к насильственным и патерналистским методам управления, адекватно и быстро реагировать на новые вызовы модернизации.

Литература

1. Андреева Н.А. Русское общество Прибалтийских губерний в политических планах правительства начала XX в. // Клио. 2009. № 3 (46). С. 83 – 86.
2. Андреева Н.С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44 – 61.
3. «Нынешние волнения помещиками крайне преувеличены». Донесение лифляндского губернатора М.А. Пашкова Николаю II. 1905. Публикация Н.А. Андреевой // Исторический архив. 2009. № 5. С. 114 - 118.
4. Революция 1905 – 1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. – Рига: Латвийское государственное издательство, 1956.
5. Рижские ведомости. 1905. 9 июля
6. Рижские ведомости. 1905. 27 июля.
7. Рижский вестник. 1906. 15 декабря.
8. Лифляндские губернские ведомости. 1905. 23 февраля.
9. Лифляндские губернские ведомости . 1905. 14 марта.
10. Лифляндские губернские ведомости. 1905. 28 марта.
11. Лифляндские губернские ведомости . 1905. 19 декабря.
12. Лифляндские губернские ведомости. 1906. 15 мая.
13. Лифляндские губернские ведомости 1906. 26 мая.
14. Лифляндские губернские ведомости .1906. 28 августа.
15. Урусов С.Д. Записки губернатора. Берлин, 1907.
16. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе/Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. - М.: Праксис, 2002.
17. UK National Archives (Kew). FO 371/129. N33967. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. October 4. 1906 .
18. UK National Archives (Kew). FO 371/318. N 2263. Sir A. Nicolson to Sir Edward Grey. St. Petersburg. January 17. 1907.

**Благотворительная деятельность Русской Православной церкви
в начале Первой мировой войны.
(По страницам периодического издания
«Известия по Петроградской епархии»)**

С началом войны Русская Православная церковь мобилизовала все свои ресурсы для поддержки фронта и оказания помощи раненым. В храмах Петрограда с первых дней совершались молебны о даровании победы и успехе русского оружия. Духовенство города не только утешало молитвами прихожан, но и вселяло в них глубокую и непоколебимую веру в торжество правого дела.

С 6 февраля 1915 в церкви Старо-Афонского подворья года совершалось непрерывное моление в течение трех суток о даровании победы русскому воинству и воинству союзных с ним народов. Богослужение совершалось монашествующими петроградских подворий. И днем и ночью церковь была полна народу. [1]

С 26 по 28 августа 1915 года был объявлен всенародный трехдневный пост и молебен о даровании победы. По всему городу шли службы архиерейским служением. Четыре vicарных архиерея совершали богослужения каждый ежедневно утром и вечером в разных храмах.

А 29-30 августа прошел крестный ход от городских церквей к Исаакиевскому собору. Перед литургией владыка отслужил панихиду по воинам, на поле брани живот свой положившим. Молебен о даровании победы после литургии совершен был на площади высокопреосвященнейшим митрополитом в сослужении членов Синода и vicарных епископов. Далее крестный ход прошел от Исаакиевского собора к Александро-Невской лавре. [2]

По благословению митрополита с 1 января 1916 г. в Казанском соборе начались ежедневные моления перед чудотворной Казанской иконой Божией Матери о даровании победы русскому воинству.

Уже 20 июля 1914 года Священный Синод своим Определением № 6502 призвал монастыри, церкви и паству делать пожертвования для раненых и помощь лицам, призванным на войну. Монастыри и другие подведомственные Православной Церкви учреждения призывались подготовить места под госпитали, а также подобрать способных людей для ухода за ранеными.

Одним из первых в России открылся лазарет при Казанском соборе. Он размещался в доме № 25 по Невскому проспекту в квартире ушедшего на войну протоиерея Т.А. Налимова. Десятого августа 1914 года состоялось собрание прихожан, где было принято решение об оказании помощи семьям запасных, открытии и содержании лазарета для раненых нижних чинов. Прихожане тут же стали жертвовать материал для постельного и носильного белья, мебель, посуду, медикаменты. Начался сбор денежных средств. Деньги передавались не только

единовременно, но и на ежемесячное содержание кровати по 40 рублей. К июлю 1915 года лазарет был увеличен до 55 кроватей. Оборудование всех помещений лазарета происходило под непосредственным наблюдением настоятеля Казанского собора протоиерея Философа Орнатского и при ближайшем участии Ф.Л. Золотова. Санитарами стали студенты Духовной академии. Первый приходской лазарет в Петрограде приняла под покровительство императрица Александра Федоровна. Она неоднократно посылала на адрес лазарета благодарственные телеграммы.

26 сентября поздно ночью поступили 20 человек легко раненых, преимущественно в руки, в боях в Августовских лесах и под Сувалками. [3] За год в лазарет поступило 266 человек, проведено 29 операций. В свободное время чинами Главного управления Землеустройства и Земледелия были организованы чтения по сельскому хозяйству, садоводству и огородничеству. На лекциях показывались туманные картинки. Велись занятия по обучению раненых хоровому церковному пению. Неоднократно раненые посещали музеи, храмы, обзревали достопримечательности столицы.

В считанные недели лазареты и санатории для воинов появились в десятках городов, и продолжали открываться в Петрограде.

31 декабря 1914 года состоялось освящение Петроградского церковно-приходского лазарета имени Высокопреосвященнейшего митрополита Владимира. В ноябре 1914 года Комитет Петроградского епархиального фонда для вспомоществования приходским попечительским советам обратился к причтам и старостам столичных церквей оказать поддержку и содействие созданию лазарета. Жертвователями выступили богомольцы, старосты и причты некоторых церквей. Уже через два дня стали поступать заявления о пожертвованиях. Причт и староста Волковской кладбищенской церкви передали для лазарета бесплатно прекрасное помещение, занимающее целый этаж большого каменного дома по Расстанной ул. Д.. № 23.

Прихожане церкви Иоанна Богослова Леушинского подворья проявили особую заботливость и нежность: сами и кровати купили, и иконочки к ним повесили; и надписи сделали, а к освящению принесли большую прекрасную икону для комнаты, в которой поставлены их кровати. [4]

Монахини Иоанновского монастыря изготовили белье для лазарета. Под руководством архитектора В.Н. Боброва был произведен ремонт помещений. Председатель общества религиозно-нравственного просвещения протоиерей Ф.Н. Орнатский заявил о пожертвовании обществом библиотеки книг религиозного содержания, евангелий для раздачи раненым, шейных крестов и икон к кроватям. Лазарет был устроен на 78 кроватей. Заведывание принял на себя настоятель волковского храма протоиерей Иоанн Соколов, врачом в этот период работал П.Н. Азаров, обслуживали раненых жены и дочери местного духовенства совместно с прихожанками.

Во время освящения лазарета митрополит Владимир обратился к присутствующим с благословение всех, кто принимал участие в создании и устройстве лазарета. В своей речи он указал на величие подвига солдата. «Нет

меры измерить все величие подвига сражающихся за родину воинов наших. Оставили они свои дома, своих жен и детей, несут они труды безмерные и скорби тяжкие, все отдают за родину – и здоровье, и молодость, и силы, кровь свою проливают, саму душу полагают... Чтобы мы не сделали им, все будет незначительным и малым, перед глубиною их страдания и величием их подвига». [5]

В ноябре 1914 принято решение организовать лазарет церковных школ Петроградской епархии для раненых воинов и собирать 2% от учительского жалования и по 1 копейке с учащихся. Под лазарет был выделен второй этаж больничного семинарского корпуса. К школьному лазарету прикомандировали доктора из Обуховской больницы. Петроградский отдел Союза городов и земств дал обязательство отпускать на лазарет потребное количество медикаментов и перевязочного материала и выдавать жалование сестрам милосердия. [6] Первые больные и раненые поступили в школьный лазарет через обуховскую больницу 12 декабря. Прибыло 12 человек получивших ранения под Сохачевым, под Сувалками.

11 января 1915г. был освящен приходской лазарет при Князь-Владимирском соборе.

22 февраля 1915 года был освящен лазарет, открытый Иоанно-Предтеченским приходом на Лиговкев доме №104. Лазарет был устроен на 35 кроватей и содержался на пожертвования прихожан. [7]

Весь период войны производился сбор средств в пользу Красного Креста. Для этого во всех храмах были установлены кружки. В 1914 г. все военные и морские священники стали отчислять ежемесячно по 3 рубля на благотворительно-просветительские нужды своего ведомства. На эти же цели император сразу внес 1000 руб., великий князь Сергей Михайлович – 500 руб., генерал-адъютант Нимин – 200 руб. [9]

Приходским советом Казанского собора было принято решение выделять из своих доходов по два процента на военные нужды на все время военных действий. Попечительский совет по оказанию помощи семьям воинов, в короткий срок собрал 22 тысячи. 125 семьям была оказана денежная помощь от 15 до 3 рублей, одним единовременно, другим повторно. [10]

Попечительский Совет Казанского собора к празднику Казанской иконы Божьей матери 22 октября 1914 года решил приготовить пакеты с теплым бельем для раздачи военным на передовых позициях. Каждый пакет должен был заключать теплые рубашки, кальсоны, портянки или чулки, и перчатки, завернутые в платок. Кроме того, в каждый пакет предполагалось вложить Святое евангелие и образок Казанской Богоматери. [11] Этот призыв нашел отклик не только среди прихожан Казанского собора, но и других городских и провинциальных храмов. Люди несли и присылали деньги, теплые вещи, перчатки, евангелия. В общей сложности было приготовлено 3000 пакетов.

К этому прибавлено было 7 ящиков чаю, 3 ящика соли, 2 ящика баранков и пр. В общем, получился солидный транспорт около 100 ящиков, для доставки которого на вокзал потребовалось 10 подвод, погрузивших товар до 600 пудов

весом, в два вагона.[12] Митрополит Владимир благословил настоятеля собора Ф.Н. Орнатского сопровождавшего груз и передал для воинов 1000 евангелий и образов Воскресения Христова, а преосвященный Геннадий 1000 молитвословов. 16 ноября груз был отправлен под Краков пяти Донским казачьим полкам, одному боевому пехотному полку и в малой части нижним чинам двух автомобильных рот. Начальники этих частей и сами воины присылали письма с благодарностью в Казанский собор.

15 февраля 1915 года митрополит Владимир объявил о сборе средств на пасхальные подарки воинам от церквей и приходов Петрограда. Подарки были отправлены на пасхальной неделе. Доставку на передовые позиции принял на себя протоиерей Ф. Орнатский.

С первых дней войны, руководствуясь христианскими чувствами, духовенство Русской Православной церкви благословило воинов на ратный подвиг. Духовенство города вселяло веру в победу над врагом, надежду на торжество правого дела. Жители города искали утешение и моральную поддержку в ежедневных молитвах о даровании победы, в молебнах о здравии родных и близких. РПЦ материально оказывала помощь государству: именно она начала организовывать сбор денежных средств для Красного Креста и помощи раненым. Но самое главное: во всех сложных обстоятельствах войны Православная церковь не переставала служить укреплению морального единства нашего народа.

Литература

1. Известия по Петроградской епархии. 1915. №9. С.7.
2. Известия по Петроградской епархии. 1915. №35. С.2-5.
3. Война и Петроградское духовенство. Казанский собор // Известия по Петроградской епархии. 1915. №4. С.5.; №37 С.2-3.
4. Известия по Петроградской епархии. 1915. №2. С.5.
5. Известия по Петроградской епархии. 1915. №2. С.6.
6. Известия по Петроградской епархии. 1915. №14. С. 5-6.
7. Известия по Петроградской епархии. 1915. №10. С.8.
8. Война и Петроградское духовенство. Казанский собор // Известия по Петроградской епархии. 1915. №4. С.6.
9. Беляков А. История флотского духовенства. http://www.krotov.info/libr_min/02_b/el/yakov_2.htm
10. Известия по Петроградской епархии. 1915. №8. С. 2.
11. СМ.: Война и Петроградское духовенство. Казанский собор. // Известия по Петроградской епархии. 1915. №4. С.7.
12. Известия по Петроградской епархии. 1915. №8. С. 2.

Рудник С. Н.

«Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль – август 1914 г.)

Накануне войны Первой мировой войны в правительственных кругах, в обществе, в Государственной Думе активно обсуждался вопрос о введении ограничительных мер на продажу спиртных напитков в случае проведения мобилизации и начала военных действий. 17 апреля 1914 г. по всем губерниям России МВД разослало секретный циркуляр, в котором говорилось о том, что в случае начала военных действий необходимо полностью запретить торговлю водкой [10]. В мае в Думе обоснованно опасались, что в случае войны, без подобных ограничений мобилизация может быть попросту сорвана, и предлагали ввести существенные ограничения на торговлю спиртным, а то и сухой закон. Одним из убежденных сторонников жестких антиалкогольных мер был П.Л. Барк, министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи. Военный министр В.А. Сухомлинов к маю 1914 г. подготовил проект плана закрытия всех питейных заведений в стране, кроме ресторанов первого разряда в районах мобилизации. В июне он же просил министра внутренних дел Н.А. Маклакова проследить, чтобы во время мобилизации торговля алкоголем была повсеместно закрыта [2, С. 151]. 22 мая в соответствии с указом царя был издан приказ по военному ведомству № 309 о мерах против потребления алкоголя в армии. Ограничение продажи алкоголя в период мобилизации была предусмотрена приказами Военного министерства. Согласно «Руководству для призыва нижних чинов запаса армии и флота на действительную военную службу» (1908 г.), должны были закрываться питейные заведения: «1) в дни и в пунктах прохождения маршевых команд нижних чинов запаса и ратников ополчения при следовании таковых из уездных городов в части войск или в пункты формирования отдельных частей; 2) в дни и в пунктах выступления мобилизованных частей в поход или посадки их в вагоны и 3) во время прибытия и стоянок на станциях железных дорог воинских поездов, причем в этом последнем случае закрытию подлежат места продажи крепких напитков, расположенные от железнодорожных станций на расстоянии до 250 сажен» [6].

Когда в стране начали проводить мобилизацию, оказалось, что принятых мер недостаточно. С началом войны продажа крепких напитков была полностью запрещена по всей стране, кроме ресторанов I разряда, клубов, собраний и аптек, а в определенном радиусе от призывных участков и железных дорог – всяких, в том числе пива и виноградного вина [3]. 22 августа 1914 г. высочайшим указом продажа спирта, водки и водочных изделий для местного потребления была прекращена до окончания войны.

Всеобщая мобилизация в Российской империи была объявлена Николаем II в ночь с 17 на 18 июля (30–31 июля). Мобилизация характеризовалась большими масштабами: только в июле – августе по всей империи было призвано из запаса 3 115 тысяч нижних чинов [5, С. 17]. 21 июля 1914 г. последовал указ Николая II «О призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда в некоторых местностях Империи». Петербург внимательно следил за ходом мобилизации. Управление по воинской повинности МВД 22 июля 1914 г. направило в Департамент полиции просьбу информировать ведомство «о случаях нарушения порядка во время приема запасных на сборных пунктах и при следовании их как

на эти пункты, так и в части войск по назначению» [4, Л. 19]. Уже через три дня министр внутренних дел получил первые тревожные телеграммы из Уфимской губернии, где в небольшом городе Стерлитамаке скопилось более 10 тысяч запасных. Голодные, поскольку кухню разгромили сразу, а кормовых денег (т. е. денег на продовольствие) они не получили, мобилизованные разгромили винный склад, несколько магазинов, ранили надзирателя и его помощника, открыли стрельбу по полицейской страже. Весь город, оставшийся фактически без защиты, замер в ожидании грабежей и поджогов. Городской голова Ростовцев просил Петербург срочно «заменить воинского начальника, на которого запасные жестоко озлоблены», разрешить выдать им «кормовые на руки», а также «выслать надлежащую охрану», так как вся воинская команда состояла всего из 20 человек, и офицеров в «помощь воинскому начальнику» [4, Л. 21–21 об].

Уфимский губернатор П.П. Башилов в телеграмме от 25 июля также бил тревогу и просил о помощи [4, Л. 29]. Вскоре городской голова Ростовцев сообщил подробности разгрома уездного города: уничтожен казенный винный склад в 1 тыс. ведер, несколько магазинов и торговых заведений (убыток составил 100 тыс. рублей), ограблено несколько квартир. Таким образом, из-за нераспорядительности воинского начальника, Стерлитамак и его 25 тысяч жителей оказался во власти 12 тысяч пьяных голодных мобилизованных на войну мужиков, к которым «примкнул весь местный преступный элемент». Полиция, ввиду своей малочисленности не могла противостоять многотысячной толпе. Стерлитамак, «отрезанный на 100 верст от железной дороги оказался в осадном положении». От имени жителей города, «всегда готовых жертвовать своей жизнью лишь в защиту престола и родины», Ростовцев уже не просил, а умолял министра внутренних дел дать распоряжение «немедленно» выдать «запасным кормовые на руки и срочно отправить» их всех из Стерлитамака [4, Л. 30–32]. На следующий день глава МВД Н.А. Маклаков отдал такое распоряжение.

Следующая телеграмма о беспорядках была от Пермского губернатора И.Ф. Кошко, в которой он, сообщая о разгроме запасными винных лавок в «разных местах губернии», просил высокое начальство разрешения открыть винные лавки хотя бы «на два часа в день». «Иначе беспорядки будут расти» и дело может дойти до «кровавых столкновений», – предупреждал он [4, Л. 23]. Из Симбирска вице-губернатор А.В. Арапов сообщил о том, что вполне благополучный ход мобилизации был нарушен «буйством запасных чинов» в уездном городе Сенгилее. Дело дошло до того, что местный воинский начальник на сборном пункте приказал открыть огонь, в результате чего пять человек было убито и четверо ранены, в других местах города беспорядки были прекращены без применения стрельбы. Зачинщики бунта были арестованы и заключены в тюрьму. На всякий случай Арапов направил в Сенгилей для охраны порядка роту солдат. Решительные действия воинского начальника имели успех – вскоре все 1,5 тысячи мобилизованных были отправлены в Симбирск [4, Л. 25–25 об].

Поскольку сведения о беспорядках стали поступать регулярно, то в Управлении по воинской повинности решили сформировать «особое секретное дело», причем информацию эту приказано было «никому не сообщать». Только

28 июля Департамент полиции отправил в МВД 21 копию телеграмм, одну тревожнее другой. География сообщений довольно обширна: Могилев, Минск, Новгород, Витебск, Уфа, Пенза, Саратов, Царицын, Вятка, Тобольск, Ставрополь, Новониколаевск... Донесения губернаторов и жандармских офицеров были похожи на сводки с театров военных действий. Буйство мобилизованных из запаса сопровождалось не только разгромом винных лавок, но и пожарами, стрельбой, избиениями служащих, насилиями в отношении мирного населения и, увы, человеческими жертвами. Согласно официальной сводке «о числе лиц, пострадавших во время бывших в июльскую мобилизацию 1914 г. беспорядков в некоторых местностях Империи», всего «пострадало» 412 человек, в том числе 60 должностных лиц и 352 «прочих лиц (в том числе и запасных)». Из этого числа 225 человек было убито, в том числе 9 «должностных лиц». Больше всего жертв было в Пермской (68 ранено и 47 убито) и Томской губернии (37 раненых и 140 убитых) [4, Л. 129–130].

Трагедия случилась на Лысьвенском заводе (Пермская губерния). Многотысячная толпа рабочих и мобилизованных запасных требовала «выдачи на руки 350 тысяч рублей» и когда «управляющий округом Онуфрович отказал», толпа загнала в здание управления его, помощника исправника и еще шесть полицейских. В течение трех часов они отстреливались, держали оборону. Тогда толпа «натаскала к зданию дров, бочек, облила» все керосином и подожгла, и «когда осажденные» начали «выбегали из горящего здания», все они, кроме Онуфровича, были убиты и изуродованы. Управляющий округом, избитый, «застрелился сам». Обезумившая толпа, умывшись кровью, «перерезала телеграфные и телефонные провода», подожгла «деревянный мост» и «восемь заводских зданий». Бунт удалось подавить только после того, как губернатор Кошко направил в Лысьву члена губернского присутствия Лихачева с ротой солдат и двумя пулеметами [4, Л. 50–50 об].

Наиболее опасная обстановка сложилась в Томской губернии, где принятые на службу нижние чины по пути следования по железной дороге Иркутск – Томск громили винные лавки и станционные буфеты, нападали на пытавшихся утихомирить их жандармских офицеров и стражников. На вокзале Новониколаевска мобилизованных силой вернули в вагоны, при этом было убито девять и ранено двадцать два человека, также случайно был убит кондуктор [4, Л. 66]. Пьяные погромы со стрельбой и человеческими жертвами произошли и в Кузнецке. Губернатор В.Н. Дудинский неоднократно сообщал о разгроме винных лавок в селах Барнаульского уезда, причем в селе Утянском запасные убили ямщика. Всего же в губернии мобилизованные на войну разгромили 52 винные лавки из 600 [4, Л. 42].

О том, что происходило в самом Барнауле, подробно изложил в своем отчете от 31 июля начальник Томского губернского жандармского управления. Как только Барнаульское начальство получило телеграммы о начале мобилизации, исправник тут же отдал приказ закрыть в уезде все места «продажи спиртных напитков». Два дня все было спокойно, но 20 июля в сельской местности начались погромы винных лавок. Вечером 21 июля в Барнауле стали

появляться пьяные «партии запасных», которые «открыто похвалялись, что тоже проделают» и в уездном центре. Местный исправник «просил начальника гарнизона полковника Стажевского вывести из лагеря все четыре роты», чтобы взять под охрану «винный склад, казначейство и тюрьму». Однако полковник «категорически отказался» присылать войска и отправил лишь взвод «из 18 стрелков к винному складу, находящемуся в нескольких верстах от города». Утром 22 июля 1914 г. толпы мобилизованных запасных «направились к винному складу, а за ними потянулись и все подонки города». В этой критической ситуации исправник и начальник расположенного в городе небольшого отряда полковник Плотников вновь обратились «к полковнику Стажевскому, прося немедленно дать в помощь полиции три роты». Однако «полковник Стажевский в грубой форме отказал обоим». Помощник начальника Томского губернского жандармского управления ротмистр Назаревский вместе с прокурором и исправником отправились к складу, где и пытались уговорить «толпу прекратить грабеж, причем им удалось при помощи городских запереть несколько человек из наиболее рьяных грабителей в контору». Но силы были неравны, тем более, что находившийся при складе «военный караул под командой штабс-капитана Петухова совершенно бездействовал» и когда толпа забросала караульных камнями, те бежали, «не сняв даже часовых». Как сообщал начальник Томского губернского жандармского управления, «бегство караула одобрило грабивших; запертые в конторе, выломали двери, бросились к толпе, крича, что их бьет полиция». Разъяренная толпа напала на ротмистра Назаревского, кто-то ударил его бутылкой по голове. Офицер «упал, потеряв сознание». Прокурор и исправник, согласно документу, «увидев десятки занесенных над ротмистром Назаревским рук с кольями и решив, что они уже не могут спасти его, бросились к экипажу исправника» и умчались в город. Видя такое дело, «бежали со своих постов» и часовые. «После этого начался общий разгром склада и запасные, захватив с собой громадное количество водки, толпами стали возвращаться в город». Кто-то «поднял истекающего кровью и бывшего без сознания ротмистра Назаревского, уложил его на телегу и отвез в город в управление Воинского начальника, где ему и была оказана первоначальная медицинская помощь».

В Барнауле вечером «тысячные толпы пьяных стали громить магазины» и около 21 часов «в разных местах города начались пожары». Пожарным не давали тушить огонь, так как «грабители всюду встречали» их «градом камней и заставили удалиться». Мало того, захватив оружейный магазин, грабители завладели ружьями и револьверами и, рассыпавшись по всему городу, стали палить направо и налево. Полиция (всего-то 70 человек!) была бессильна что-либо сделать. Пожары, стрельба, дикие крики, буйство толпы «вызвало панику среди местных жителей и из города началось повальное бегство». В этой ситуации, около 12 часов ночи полковник Плотников вывел свой взвод на улицу и отдал приказ открыть огонь по беснующейся толпе. Последовали два залпа и пять минут «стрельбы пачками». Наконец, через час все было кончено. Согласно донесению жандармского офицера, во время этих беспорядков было убито около 100 человек. В сгоревших домах и «в пассаже Смирнова» было обнаружено много

обгоревших трупов. Полиции и солдатам удалось арестовать 160 человек. На донесении жандарма Директор Департамента полиции оставил лаконичную запись: «безобразно» [4, Л. 92–93 об]. Согласно донесению губернатора В.Н. Дудинского, в Барнауле запасные, кроме разгромленного винного склада, «сожгли тридцать два богатых дома», маслодельную и сельскохозяйственную конторы, «Русский внешней торговли банк, торговый пассаж, два магазина с оружием, мануфактурные магазины, пристанские пакгаузы».

Для окончательного наведения порядка в Барнаул направили четыре роты солдат, две сотни казаков, два орудия [4, Л. 43]. Кроме того, Томский губернатор приказал управляющим акцизными сборами вывезти вино «из всех лавок близ железнодорожных станций», на главные станции были «командированы воинские части и приняты» все меры для «подавления беспорядков» [4, Л. 42].

Говоря о причинах пьяных бунтов, следует выделить несколько ключевых моментов. Нельзя не согласиться с С.В. Букаловой в том, что «беспорядки среди мобилизованных были реакцией не на войну как таковую, а на факт массового призыва в армию в сочетании с невозможностью сопроводить его» привычным ритуалом [1], т. е. банальной выпивкой. Проводы в армию без водки противоречили народным представлениям о проводах мужиков на войну. «Сухой закон» спровоцировал протест, который вылился в банальный «русский бунт», тот самый, «бесмысленный и беспощадный».

Распространению беспорядков способствовала и плохая в ряде мест организация призывов. Не хватало еды, кормовых денег, поездов. Недостаточно хорошо было организовано движение маршевых команд от места призыва до воинской части, как на пешеходных участках пути, так и на железной дороге. Однако никак нельзя согласиться с мнением, например, известного историка С.В. Тютюкина, который, на основании того факта, что волнения мобилизованных наблюдались в 43 губерниях, делал вывод «о социальном протесте народных низов против существующего строя» [7, С. 304]. В документах нет и намека на какой-либо политический протест со стороны мобилизованных. Но, в то же время, в их среде не было заметно и ура-патриотических настроений. Солдат везли на войну, и многие чувствовали, что не вернуться с нее домой.

Литература

1. Букалова С.В. «Сухой закон» и «пьяные бунты» августа 1914 г.: реализация политики трезвости в контексте культурной антропологии // <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/sukhoi-zakon-i-p-ianyie-bunty-avghusta-1914-gh-realizatsiia-politiki-triezvosti-v-kontiektstie-kul-turnoi-antropologhii>.
2. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 151.
3. РГИА, Ф. 575, Оп. 6, Д. 841, Л. 4об.
4. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1729.
5. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 17.
6. Сборник приказов по военному ведомству за 1908 год. Цит. по: Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.

7. Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России. 1914–1917 гг. М., 1972. С. 304
8. <http://winetalk.ru/market/%E2%80%9Csuxoj-zakon%E2%80%9D-v-rossijskoj-imperii-v-1914-godu>.

Ружников А. В.

Вопросы организации работы Архангельского порта во время Первой мировой войны

За время 1 мировой войны Архангельский порт переработал более 10 млн. т. грузов, из которых 5,8 млн. т. импорт в Россию, и 4,5 млн. т. экспорт союзникам. Порт, в развитие которого с середины XIX в. ничего не вкладывалось, к августу 1914 г. имел всего 5 морских причалов, ни одного крана, мог принимать и разгружать одновременно не более 7 морских судов. К растущему еженедельно в разы (за 2 месяца 160 судов) грузопотоку Архангельск, оставшийся единственным открытым портом России, не был готов ни технически, ни организационно. Город начал погружаться в хаос, который довольно быстро удалось преодолеть. Исследователи справедливо связывают наведение порядка с деятельностью командированного в августе Морским министерством в Архангельск капитана 1 ранга В. Я. Ивановского, но, оставалось непонятно, какими методами. Только в 2014 г. в одном из фондов Архангельского областного архива[1] удалось найти документы, позволившие более детально структурировать встававшие перед портом проблемы, и выявить организационные механизмы, создававшиеся для их решения. Некоторые из них приводятся в докладе.

Так, проблему постоянно расширяющейся номенклатуры грузов, несвойственной порту ранее, усиливала их внутренняя спецификация. Например, доставляемый уголь подразделялся на коксующийся для металлургии, топочный - для котлов промышленных, пароходных, паровозных. Тысячи тонн толуола, селитры, химикаты, бензин, боеприпасы, имели разные классы опасности. Сложные грузы: автотехника, паровозы, самолеты и воздухоплавательное оборудование, станки, электрооборудование и многое другое, поступали и в собранном, и в разукomплектованном виде. Кроме того, в начале XX века еще не было унифицированных стандартов, и, зачастую, прибывающие на судне партии одного и того же груза, но отправленные разными поставщиками, были упакованы и промаркированы по разному. Традиционные российские экспортные грузы также требовали новых подходов. Например, хлеб, вывозившийся ранее на поморских парусниках в Норвегию, теперь в основном шел в Европу на крупнотоннажных пароходах. Спohватившись, правительство выделило огромные деньги на развитие инфраструктуры порта, территория которого растянулась на десятки километров. Строились и ежемесячно вводились в эксплуатацию новые причалы, склады, подъездные пути, устанавливалось разгрузочное оборудование.

Главная задача, вставшая в этих условиях перед руководством порта, была организационная: не допустить столкновения и смешения разных грузопотоков.

Для координации работ был создан круглосуточный «Особый эксплуатационный стол»[2], куда поступали все сведения о местонахождении, техническом состоянии, занятости кранов, буксиров, причалов, барж, – и все заявки от грузополучателей и грузоотправителей. От частных лиц и предприятий заявки принимались только на бланках с оплаченным гербовым сбором в размере 2 руб., сами бланки выдавались бесплатно конторой порта. От казенных учреждений – телефонограммами. Без письменных заявлений никакие просьбы не исполнялись. В исключительных случаях (касавшихся экстренных казенных грузов) заявки принимались по телефону, но с обязательным последующим письменным их оформлением. Все заносилось в книгу «очередей нарядов», определялось место, способ разгрузки и/или погрузки.

Неукоснительно придерживались правила: сначала исполнять казенные заявки, потом частные. Наряды передавались капитанам буксиров и машинистам кранов по телефону (установка на судне телефона с номером городской телефонной станции стоила 35 рублей)[3], или нарочными; время передачи обязательно фиксировалось. Каждый буксир и кран имел журнал, где отмечалось время получения наряда, начала и окончания работы по нему: «12 июня в 12 ч. дня у пристани № 7 отшвартовался пароход с углем «Тивертон». Начал разгрузку в 4 ч. 35 мин. дня»[4]. На основании записей журналов ежедневно подавались письменные рапорты в «эксплуатационный стол». Сведения ежедневно вывешивались на специальном плакате.

Одной из первых была решена задача по разделению грузов на транзитные и оставляемые на нужды порта. В навигацию 1915 г. землечерпательным караванам требовалось 600 тысяч пудов угля, буксирам - 418 680 пудов, плавкранам 202 тысячи пудов[5], а еще надо было обеспечивать ледоколы. Для выгрузки угля на нужды порта была устроена единая площадка на о. Мосеев.

С 1915 г. развернулось масштабное строительство Мурманской железной дороги, которое велось одновременно строилась с трех пунктов - от Кольского залива, от Кандалакши и от Сороки. Необходимые для строительства материалы поступали как от отечественных производителей, так и из-за рубежа. Так, акционерная компания «Гольбрук, Кабот и Роллинс» (США) поставляла рельсы и крепления для Мурманской железной дороги, по договору Россия должна была обеспечивать приемку их в Архангельске, и разгрузку со скоростью 1000 тонн в сутки[6], для российских поставщиков был разработан лимит «О поставке грузов для строительства железнодорожных участков Петрозаводск - Сороцкая бухта и Кандалакша – Мурман». На Архангельск выделялось 15 вагонов в сутки, на Котлас 20 вагонов[7]. С целью оптимизации учета доставляемых материалов для железнодорожного строительства, и организации непрерывных поставок для реализации этого проекта большой стратегической важности, с 15.07.1915 по 31.12.1916 г. была создана единая система приемки и складирования материалов на арендованной у лесозаводчика С.К. Кыркалова территории Маймаксанской лесной биржи[8], где был глубоководный причал, и подведена железная дорога.

В 1916 г. с увеличением экспортного потока, началось строительство специального участка на левом берегу: пристань 300 пог. саж. (600 м), с подведенной веткой ж/д[9].

С созданием портового района Бакарица для него был выделен отдельный диспетчерский «филиал» при конторе порта[10]. Вновь построенный портовый район работал только на разгрузку. Под погрузку суда передавались обратно «эксплуатационному столу» и переводились к городским или лесозаводским причалам, а то и просто на рейд для загрузки с барж, подходивших от Котласского транспортного узла. В навигацию 1915 г. на Северной Двине работали 381 пароход и 818 барж суммарной грузоподъемностью 20 млн. пудов (320 тыс. т.) перевозивших грузы между Архангельском и Котласом[11].

К навигации 1916 г. Архангельский порт имел 81 глубокий причал; аванпорт «Экономия» с шестью причалами. В распоряжении Управления Архангельского порта было 44 баржи, 32 буксирных парохода, в том числе 4 ледового класса, 5 с противопожарным оборудованием, 6 портовых ледаколов, 18 береговых и 9 плавучих подъемных кранов (паровые и электро, от 3 до 100 т. грузоподъемностью), землечерпательные караваны, моторные катера, 6 плавучих зерновых элеваторов для отгрузки хлеба союзникам, промышленный холодильник, для обеспечения продуктами экипажей портофлота, два лесопильных завода для обеспечения материалами строек порта, электростанция, сеть пожарного водопровода. На зимний период, когда вывоз грузов вверх по Северной Двине речным флотом невозможен из-за льда, запускалась узкоколейная временная железная дорога, соединявшая глубоководные причалы на р. Маймакса с ж/д Архангельск-Вологда, по которой только в зиму 1915/16 г. с Экономии на Бакарицу с 17 судов было перевезено 1 288 574 пуда срочных грузов. Поскольку протяженность порта была очень большая, в навигацию три буксира постоянно находились в районе Бакарицы, один у Чижовского рейда, на входе с моря в Северную Двину. Во время навигации порт работал круглосуточно. На каждом судне портофлота было установлено по две 12-часовых вахты. Учитывая, что своевременно сменить вахты не всегда возможно, с самого начала было установлено, что рабочие и служащие плавсредств Архангельского порта за каждый час, проработанный сверх 12-часовой вахты, или в праздничные дни получают дополнительную оплату в размере 1/160 месячного жалования[12].

Для приемки сложной техники и комплектующих были сформированы специальные группы: «команда по переотгрузке авиационно-воздухоплавательного имущества», в составе 50 военнослужащих[13], «1-я отдельная воздушная станция Воздушной бригады особого назначения по переотправке грузов морской авиации» из 7 кадровых унтер-офицеров[14], автотехнику принимали слушатели воинской автомобильной школы.

В Архангельский порт, оказавшийся единственным доступным европейским портом России, из-за границы продолжали прибывать, несмотря на военное время, и частные грузы. Услуги по их обработке были платные: так, за

апрель - июль 1916 г. портовые краны заработали 76922 руб. 50 коп., буксиры 16403 руб. 79 коп.[15].

Эффективность работы «Особого эксплуатационного стола» показательна примерами: в течение летней навигации 1916 г. в Архангельский порт было доставлено и выгружено 671 211 тонн импортного угля. На 21 сентября, то есть до закрытия речной навигации, 68% угля было перегружено и направлено по назначению: 400 тыс. тонн было уже доставлено в Котлас, 57 000 тонн находилось в пути[16]. Встречными грузопотоками отправлено союзникам 215 000 т. хлеба, 36000-ый русский экспедиционный корпус, обеспечено завершение строительства Мурманской железной дороги и ряда других объектов.

Основной итог был подведен 2 августа 1918 г., когда англо-французские корабли, уже в качестве интервентов, пришли в Архангельск, надеясь заполнить для своих войск часть поставленных ими ранее грузов, порт был пуст.

Можно сделать вывод, что создание единого центра «Особый эксплуатационный стол», куда стекалась вся информация по грузопотокам, о технических и временных возможностях имеющегося портового оборудования и средств, и откуда шло управление этими средствами и грузопотоками, обеспечило, несмотря на отдельные трудности и сбои, четкость работы Архангельского порта на протяжении всей I Мировой войны. Миллионы тонн грузов были получены, обработаны и отправлены по назначению. Полученный опыт организации движения грузопотоков оказался востребован в годы Великой Отечественной войны, когда на Архангельск шла основная часть Северных конвоев.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Фонд 298. Контроль для ревизии оборотов портов Белого моря. Документы охватывают период с 1911 по 1919 годы. В основном акты, служебные записки по итогам проверок расходования финансовых средств, выделявшихся на строительство, оснащение и содержание инфраструктуры Архангельского, Сороцкого, Кемского, Мурманского портов, Иокангской базы. А также денежного и вещевого довольствия береговых служб и личного состава ледоколов, буксиров, кранов, землечерпалок, других плавсредств.
2. ГААО. Ф.298. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
3. там же Д. 37. Л. 44.
4. там же Д. 37. Л. 19.
5. там же Д. 3. Л. 3; Д. 55. Л. 59, 65.
6. там же Оп. 3. Д. 78. Л. 7.
7. там же Д. 78. Л. 49.
8. там же Д. 78. Л. 114.
9. там же Д. 33. Л. 4,4об.
10. там же Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
11. Ханталин Р.А. и др. «Голубые дороги Поморья», 2008 г., с. 43.
12. ГААО. Ф.298. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.
13. там же Оп. 3. Д. 230. Л. 1.
14. там же Оп. 3. Д. 234. Л. 1.
15. там же Оп. 1. Д. 34. Л. 4об.
16. там же Оп. 1. Д. 37. Л. 78.

Первая мировая война в дневнике великого князя Константина Константиновича (1858-1915гг.)

Великий князь Константин Константинович Романов, как все члены царской семьи, уже с детства ежедневно записывал в тетрадях события минувшего дня, прочитанные книги, описи погоды. С временем лаконические заметки уступили места помышлениям, мечтам, рассуждениям касающимся моральных, религиозных, политических вопросов. В мире господствующего царского этикета очень часто дневник был единственным местом, в котором князь мог откровенно и явно выразить свои мнения.

По сравнению с дневниками царя Николая II, дневники великого князя Константина поражают детальностью описей и многообразием поднимаемых тем. До сих пор в Государственном Архиве Российской Федерации в Москве сохранилось 67 тетрадей записанных Константином Константиновичем, включавших в себя 48 лет жизни великого князя.

Начало первой мировой войны встретило великого князя Константина в Германии, куда поехал он вместе со своей женой к её матери живущей в Тюрингии. События последних дней в Германии, а также возвратного пути в Россию, написанные были великим князем уже в Павловске, так как ручной багаж великокняжеских супругов, в котором находились также тетради с дневниками, остался задержанным в Германии, «попал в плен».

Последние дни перед началом военных действий, по воспоминаниям Константина Константиновича, были спокойны. Только в некоторых немецких городках можно было заметить подготовку к мобилизации, хотя не была она ещё официально объявлена. За то двоюродный брат великой княгини Елизаветы Маврикиевны, Бернард, герцог Саксен – Мейнингенский взволновал её и князя Константина, предупреждая, что по причине мобилизации и подготовки в войне могут они не доехать до границы. Предложил остаться у него.

Герцог был прав – проблемы с поездкой начались очень быстро. Прежде всего из – за толпы людей на каждой со станции, поезд шёл всё медленнее и медленнее, так что царская семья не успела на поезд из Берлина в Петербург. Благополучно им удалось почти без никаких препятствий добраться до Гумбиннена, откуда до границы оставалось километров сорок. В то время начались первые военные действия между Германией и Россией. Немецкие солдаты охраняющие поезд вели себя грубо, несмотря на то, что они защищали

членов господствующей царской семьи. После целоночной стоянки, ранним утром 3 – его августа Константин Константинович, Елизавета Маврикиевна, двое их младших детей, а также едущие с ними слуги были перевезены немецкими солдатами на моторах в сторону границы и оставлены от неё в нескольких километрах самым себе. Двое со слуг поехали обратно за ручным багажом великого князя, но из – за официального начала войны между Германией а Россией им не разрешено вернуться, только перевезено в Кёнигсберг откуда через Швецию и Финляндию вернулись домой.

Война между этими двумя странами была не только войной двух народов. Она касалась личной жизни большинства членов царской семьи. Согласно многолетней традиции, великие князья часто искали будущих жён среди господствующих княжеских семей Германии. Семейные, культурные, научные связи между Россией и Германией были очень сильны. Достижения немецкой культуры были высоко оценены в России. И поэтому военные события вызвали у великого князя Константина недоумение: «Непонятное творится с нацией, давшей миру Гёте, Шиллера, Канта, Вагнера; куда девался её идеализм, что случилось с её нравственностью!».

Военные записки в дневнике великого князя полные политических событий. Константин Константинович описывает все изменения на политической арене, встречи с государем, а также записывает фамилии погибших офицеров Измайловского и Преображенского полков, в которых он сам ранее служил. Его записи об политических действиях лишены комментария. Великий князь представляя событие не оценивал его, независимо от того, чего оно касалось - преступления Бельгии, Японии или Турции к войне или «воззвания Верховного Главнокомандующего полякам с обещанием восстановления и объединения великой Польши под скипетром русского Царя». Будучи членом царской семьи, воспитанный в духе уважения и послушания царю, великий князь никогда не критиковал царя и его семьи. Единственные слова критики можем найти во фрагменте посвященном царице и её дочерям: «Императрица Александра Фёдоровна и старшие её дочери присутствовали [в освящении пещерной церкви], одетые сестрами милосердия. Я не совсем понимаю, к чему этот наряд?».

Все великие князья и великие княжны получивши домашнее образование, не могли поступить в никакое учебное заведение. По поводу принадлежности к царской семье они не могли учиться вместе со стаявшими ниже членами даже и лучших аристократических родов. Жизненный путь молодых Романовых был определен сразу после рождения. Все мальчики с детства предназначены были к военной службе. Получали они блестящее домашнее образование, благодаря которому отлично говорили на нескольких европейских языках, хорошо знали историю, географию, русскую и европейскую литературу, математику. Кроме штатских, изучали они также военные предметы и с молодых лет присутствовали в военных маневрах. Другого пути для них и не было.

Сын великого князя Константина, Олег Константинович также с детства участвовал в маневрах и других военных упражнениях, но без удовольствия. Гораздо больше его интересовало искусство и литература. По своим интересам

Олег был похож на отца. Всем своим детям Константин Константинович старался приблизить красоту искусства и поэзии, но Олег был одаренным больше всех. Великий князь хотел, чтобы его сын развивал свои гуманитарные увлечения и добился согласия Николая II на учёбу Олега в известном Царскосельском лицее. Решение Константина об учёбе сына вне дома укрепило мнение семьи Романовых о либерализме великого князя. Действительно, по сравнению с другими членами царской семьи, Константин Константинович вел себя более свободно. Будучи заведующим военных заведений, разговаривал и шутил с учениками, в военной среде старался узнать о проблемах обычных солдат. Также часть своих стихотворений посвятил жизни простого солдата, например, стиху «Умер бедняга», ставшей популярной народной песней уже после смерти великого князя, во время Великой Отечественной Войны. Однако при целом своем либерализме и свободном поведении, великий князь обращал внимание на иерархию и правильное титулование своей семьи. В дневнике так вспоминал встречу с гусарами: «Меня коробит, что гусары, говоря с нами, называют наших сыновей просто по имени, даже уменьшительным именем: Олег, Игорь, Гаврюша. Измайловцы, рассказывая о Косте, не только не позволяют себе именовать его просто Константином Константиновичем, а называют князем Константином Константиновичем. Странно, что люди из высшего общества в этом проведении воспитанности стоят ниже менее светски воспитанных Измайловцев. Не проявляется ли в этом некоторое великосветское хамство».

Сразу после преступления России к войне старшие сыновья великого князя - Гаврил, Иоанн, Игорь, Константин, а также и Олег Константинович, вступили в 1 – ую армию Ренненкампа, и уехали на фронт. Перед самым отъездом князь Олег сделал предложение и был принят дочерью великого князя Петра Николаевича, Надеждой Николаевной.

Первые донесения из фронта были хорошие, все князья Константиновичи воевали, но не были ранены. Однако 27 – ого сентября великий князь Олег Константинович был ранен в верхнюю часть ноги во время сражения недалеко Вильнюса. В начале рана выглядела на легкую, князя Олега перевезли в городскую больницу, целью операции. После неё, по поводу большой потери крови, положение раненого ухудшилось и князь Игорь, будущий с братом в Витебской больнице, телеграфировал родителям с просьбой о быстрой приезд. Вечером 29 – ого сентября 1914 года великий князь Олег Константинович скончался.

Смерть любимого сына, с которым вязал большие надежды, была большой потерей для Константина Константиновича. В своих дневниках он подробно описал последние минуты жизни Олега, службы в память погибшего, похороны в семейной усадьбе Осташево, а также свою трауру. Глубоко верующий князь Константин после потери молодого князя еще глубже молится Богу. Писал: «Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым вскоре нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминаю миф о Ниобе, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это? И я спешу твердить: Да будет воля Твоя».

После смерти Олега князь Константин старался вернуться к предыдущей жизни. Прежде всего, занимался своей научной работой. Работал над комментариями к своей пьесе «Царь Иудейский», готовил отдельный том своих статей под заглавием «К.Р. Отзывы», приводил в порядок все свои документы. Принимал также участие в работах Академии Наук, которой президентом был с 1889 года. 24 – ого ноября во время заседании Разряда изящной словесности предложил избрание в звание Почетного академика польского писателя Генрика Сенкевича, «которого нельзя обойти после воззвания Верховного Главнокомандующего к полякам, с которыми русские, наконец, вступили в братство». Для избрания Сенкевича надо было отложить избрание профессора Зелинского в те же Почетные академики, но всё - таки Сенкевич был избран единогласно.

В записках написанных после 29 – ого сентября вспоминал Олега, часто ходил в церковь молиться о покой души всех погибших. Так как и раньше описывал военные действия, но в дневнике его не найдём ненависти или жалобу на свою жизнь. Константин Константинович не ненавидит немцев. Он даже писал: «меня раздражают газеты, затеянная в них травля немцев, издевательство над императором Вильгельмом и неизменные сообщения о германских зверствах. Везде и во всем преувеличения и обобщения. Нельзя, по – моему, огульно обвинять всех немцев за нетерпимые поступки некоторых из них. Издеваться над еще непобежденным врагом невеликодушно, неблагородно и неумно. – Трудно добраться до правды: немецкие письма и газеты обвиняют нас в том же, в чем мы обвиняем немцев. (...) По – моему война не должна переходить в ненависть».

В декабре 1914 года Константин Константинович, который с 1900 года был начальником военных заведений, начал свое последнее путешествие по кадетским корпусам. Посетил школы в Москве, Орле и Полтаве. Кроме встреч с директорами заведений, много времени провел знакомясь с учащимися там мальчиками, что всегда очень любил. Разговаривал с ними, шутил и «чувствовал себя совсем счастливым в тесно обступившей меня толпе этой милой, откровенной и льнущей ко меня молодежи».

Великий князь Константин вернул в Петроград 19 декабря. С началом 1915 года у него началась сердечная болезнь. Записки в дневниках подробно описывают самочувствие Константина Константиновича, которое со временем ухудшалось. У него было менее сил на работу, менее писал, приводил в порядок свои документы, корреспонденцию. Скончался 15 – ого мая 1915 года.

Литература

1. Басаргина Е.Ю., Императорская академия Наук на рубеже XIX – XX веков. Очерки истории, Москва 2008
2. Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.). 1911 – 1915, Москва 2013
3. Гаврил Константинович, великий князь, В Мраморном дворце, Москва 2005
4. К.Р. Избранная переписка, под ред. Л.И. Кузьмины, Петербург 1999
5. Матонина Э., Говорушко Е., К.Р., Москва 2008
6. Михаил Греческий, князь, Николай Константинович, Москва 2002
7. Romanow A.M., Wyłem wielkim księciem, Białystok 2004

8. Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэта К.Р., под ред. А.А. Геринга, Париж 1962
9. Труая Н., Николай II, Москва 2003

Смирнова Н. В.

Нижний Новгород в Первой мировой войне

Первая мировая война (1914–1918) – один из самых широкомасштабных военных конфликтов в истории человечества. Непосредственным поводом к войне послужило Сараевское убийство 28 июня 1914 года австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда девятнадцатилетним сербским студентом Гаврилой Принципом, который являлся членом тайной организации «Млада Босна», борющейся за объединение всех южнославянских народов в одном государстве.

В результате войны прекратили своё существование четыре империи: Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская. Страны-участницы потеряли более 10 млн. человек убитыми солдат, около 12 млн. убитыми мирных жителей, около 55 млн. были ранены.

По-разному встретили в Нижегородском крае известие о войне различные слои населения. Буржуазия ликовала. Большинство рабочих было настроено антивоенно. Промышленные предприятия губернии постепенно переходили на выпуск военной продукции. На Сормовском заводе появились новые пушечный и снарядный цеха. Производство на оборону развивалось на Кулебакском и Выксунском заводах, на предприятиях Павлова и Богородска. В Нижний Новгород были эвакуированы заводы "Фельзер" (ныне акционерное общество "Румо"), "Новая Этна" (ныне акционерное общество "Этна") и другие. В это время на Мызе был построен телефонный завод (ныне завод "Нител").

За годы войны число рабочих в губернии увеличилось более чем вдвое и составляло к 1917 году примерно 70 тысяч человек. Произошли изменения и в составе рабочих: их ряды пополнились выходцами из крестьян и мещан, мелких торговцев и кустарей. В эти годы в промышленности увеличилась доля женского и детского труда.

Рабочим война принесла новые страдания. Длиннее стал трудовой день. Хотя заработная плата и увеличилась, но цены на продукты росли быстрее. Например, в Нижнем Новгороде к 1917 году за пуд ржаной муки надо было заплатить в 10,4 раза дороже, чем в 1914 году, за пуд картофеля – в 14 раз. Война подрывала сельское хозяйство: сокращались посевные площади, падала урожайность, уменьшилось количество лошадей и коров. Например, безлошадные хозяйства в губернии в 1914 году составляли 51,2%. Но не для всех война являлась несчастьем. Акционерное общество «Коломна-Сормово» получило в

1916 году на военных заказах прибыли в 5 раз больше, чем в 1913 году. Городской голова Дмитрий Васильевич Сироткин в годы войны стал миллионером.

Война вызывала развал народного хозяйства. В 1916 году ярмарка была закрыта на месяц раньше из-за отсутствия товаров. Сократилось производство на ряде фабрик и заводов, обслуживающих нужды армии.

В губернии не хватало хлеба, картофеля, жиров. В своем отчете помощник прокурора Нижегородского окружного суда в конце 1916 года вынужден был признать: «Состояние продовольственного вопроса... в высшей степени неудовлетворительное..., городское население Н. Новгорода томится в длинных хвостах у продовольственных магазинов..., отсутствуют необходимые предметы потребления (мука, соль и т. д.)...»

В народе зрело недовольство затянувшейся войной и политикой царского самодержавия. Нижний Новгород продолжал оставаться одним из революционных центров страны. В забастовочном движении участвовали канавинские, молитовские, кулебакские, выксунские рабочие.

В июле 1916 года крупная стачка произошла на Сормовском заводе. Она продолжалась три дня и охватила почти всех рабочих. Сормовичи требовали повышения заработной платы, введения 8-часового рабочего дня, окончания империалистической войны. Губернатор направил в Сормово более 1000 солдат и несколько конных стражников. Террором и угрозами забастовка была подавлена. В губернии было объявлено чрезвычайное положение. Но стачечное движение не прекращалось. Бастовали рабочие на Кулебакском заводе, на фабрике в селе Селитьба Горбатовского уезда. В первые годы войны (1915-1916) произошло 32 крестьянских выступления. Более частыми стали неповиновения солдат. В начале февраля 1917 года в Москве состоялся суд над участниками сормовской забастовки. День суда Нижний Новгород отметил волной стачек, митингов. Поднялись рабочие на заводе «Фельзер», на Молитовской фабрике, на Мызинском телефонном заводе, в цехах Сормовского завода. В пролетарские районы в эти дни стягивались войска.

Война противоречиво повлияла на экономику губернии: промышленность стимулировала, торговлю дезорганизовала, сельское хозяйство разрушила. Благодаря своей промышленности, Нижегородская губерния стала крупным арсеналом военного производства. Сормовичи поставляли паровозы и вагоны, рабочие Кулебак и Выксы катали рельсы и железнодорожные скаты. В 1915-1916 гг. были построены новые заводы и расширено военное производство. В Сормове были оборудованы пушечный и снарядные цеха. В дачном месте Мыза фирма «Сименс и Гальске» возвела телефонный завод. Нижегородское биржевое общество поставило за Канавинской слободой, в Шуваловской лесной даче, два завода: гранатный и шрапнельный (их корпуса теперь находятся на территории завода «Этна»). Ряд предприятий были эвакуированы в Нижний из западных губерний. В 1915 г. из Варшавы перебазировалась обмундировочная мастерская. Размещенная в торгово-промышленном комплексе Рукавишниковых на

Нижеволжской набережной, она положила начало швейной промышленности в Нижнем Новгороде, из которой выросла швейная фабрика «Маяк».

К сожалению, царское правительство плохо подготовило экономику страны к войне. Поэтому она со снабжением армии не справлялась. Чтобы повысить её эффективность, с 1915 г. вся промышленность была милитаризована, то есть переведена на военное производство. Многие предприятия Нижегородской губернии переключались на выполнение военных заказов. Пароходное общество «Волга» приспособило свои ремонтные мастерские в Сорновском затоне для изготовления деталей к снарядам. Завод «Мазут» взял заказ на мины. Цинковальный завод «Славянин» в Канавино перешел на производство ручных гранат. Столярная мастерская Л. Цетлина на Ильинском съезде делала походные повозки. Ворсменские умельцы наладили выпуск хирургических инструментов, ранее ввозившихся из-за рубежа. Павловские мастера в большом количестве производили саперные лопатки и ножницы для резки колючей проволоки. Богородские кожевники снабжали армию добротной обувью, седлами и конской упряжью. Кулибинское ремесленное училище в своих учебных мастерских наладило обточку стволов бомбометов. Мукомольная фирма Бугровых, кроме больших поставок в армию муки и круп, взяла подряд на изготовление бомбометов и мин в мастерских мельниц.

Война буквально возродила Молитовскую фабрику, закрытую в 1911 г. В 1915 г. она была преобразована в «Товарищество нижегородской мануфактуры», получившее военный заказ на изготовление 9 миллионов мешков и государственную ссуду в 1,5 миллиона рублей.

Нижегородская губерния изначально вносила весомый вклад в оборону страны, но в целом военное производство России, к сожалению, заметно отставало от потребностей фронта. Для его расширения в 1915-1916 гг. были созданы военно-промышленные комитеты (ВПК). Инициатором выступил IX съезд представителей промышленности и торговли в мае 1915 г. Такие комитеты создавались для мобилизации на военное производство мелкой и средней промышленности, т. е. для усиления военного потенциала страны. Нижегородская губерния была промышленной, с массой средних и мелких заведений. Поэтому число ВПК в ней стало быстро нарастать.

Хотя и далеко от Нижнего Новгорода шла война, она уже в первый год наводнила город ранеными и больными солдатами, возложила на его медицинские учреждения небывалую ношу. Раненые начали прибывать с фронта с середины августа 1914 года. Первоначально их размещали в городских больницах, а потом пришлось организовать военные лазареты. Под лазареты заняли Народный дом, здание Общественного собрания, Коммерческий клуб, биржу, здание кадетского корпуса, несколько школ. Крупнейший в городе лазарет на 1800 коек был организован в пустовавших корпусах Молитовской фабрики. После закрытия ярмарки на ее территории под лазарет отвели 12 зданий. Лазареты были развернуты даже во дворце губернатора и в казенном винном складе. Всего в Нижнем Новгороде в 1914 году было организовано 37 лазаретов, и тем не менее мест в них не хватало — солдат с легкими ранениями стали

размещать по частным домам. Только за первые полтора года войны в город с населением в 100 000 человек прибыло 25 000 больных и раненых солдат.

К столетию Первой мировой войны в Нижнем Новгороде в Русском музее фотографии 28 августа открылась фотовыставка «Война, милосердие и любовь».

Мероприятие пройдет в рамках десятого областного фестиваля "Нижегородская музейная столица".

На выставке можно будет увидеть почтовые письма, открытки, документы из фондов Русского музея фотографии, большинство из которых экспонируется впервые. О трагических событиях далеких дней расскажут любительские фотографии, чаще всего, неизвестных авторов. Здесь и отправка частей армии на фронт, и военные действия перед атакой, взорванные мосты, разрушенные здания, сбитые немецкие аэропланы, лазареты, сестры милосердия с ранеными, строгие портреты военнослужащих и многое другое.

В рамках экспозиции нижегородцы смогут увидеть уникальный дневник офицера Жоржа Барбье, который находился в плену в России во время Первой мировой войны. Это живое свидетельство того жизненного опыта, который пришлось пережить многим военным, любящим всем сердцем Францию и отказывающимся воевать на стороне Германии. В дневнике Жорж повествует о повседневной жизни заключенных, о человеческих отношениях, которые установились не только среди военнопленных, но и между пленными и надзирателями.

14 августа 2014 года в Законодательном собрании Нижегородской области прошла конференция "Нижний Новгород в Первой мировой войне". В мероприятии приняли участие представители нижегородских вузов, ученые-историки, эксперты, журналисты. Темой обсуждения стали боевые заслуги нижегородцев в Первой мировой войне, вклад нижегородских предприятий в обеспечении фронтов. Также в этот день в здании Законодательного собрания открылась постоянная выставка "Нижегородский Аракчеевский корпус и его выпускники в Первой мировой войне".

Литература

1. Седов А. В. Глядя с откоса: рассказы о родном крае / А. В. Седов. - Н. Новгород: Книги, 2009. - 382 с.
2. Федоров В. Д. История Нижегородской области: учеб. пособие / В. Д. Федоров, Е. П. Титков; Арзамас. гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара ; Нижегород. гос. пед. ун-т. - Арзамас; Н. Новгород: АГПИ, 2010. - 397 с.

Степанова К. А., Лу Юе

Успехи и провалы российских спецслужб накануне и в годы Первой мировой войны

Актуальность данной темы заключается в том, что долгое время исследователями Первой мировой войны в современный период уделялось недостаточное внимание роли российских спецслужб накануне и в период Первой мировой войны. Сейчас же история отечественных спецслужб привлекает все

больше внимания среди ученых и исследователей, что объясняется, по словам А.А. Здановича, необходимостью переосмысления роли и места спецслужб в жизни государства [4, с. 3].

Целью данного исследования является краткий обзор наиболее достоверных сведений об успехах и провалах российских спецслужб накануне и в годы Первой мировой войны.

Начало XX в. является временем активизации основных спецслужб, причем в преддверии и во время Первой мировой войны роль российских спецслужб значительно возросла. В этой связи накануне войны были проведены ряд реорганизационных преобразований, которые в свою очередь привели к становлению разведывательных и контрразведывательных органов Российской империи в канун Первой мировой войны.

По словам ведущего специалиста в этой области А.А. Здановича, деятельность разведки заключалась в обеспечении правительства всякого рода информацией, поиске каналов и средств для добычи информации политического, военного, экономического и технического характера. Что касается контрразведывательных отделений, их роль и значение выросли и оформились лишь в 1908 г. для противодействия и пресечения разведывательной активности иностранных государств, а именно в момент усиления разведдеятельности на территории Российской Империи немецких и австрийских государств [4, с. 3].

Рассмотрим несколько примеров успехов и неудач отечественной разведки. Одним из важнейших источников добычи информации военного и политического характера российской военной разведки являлся завербованный в 1903 г. австрийский офицер контрразведки, полковник Альфред Редль, от которого на протяжении десяти лет поступала ценная информация. Б. А. Старков, ссылаясь на слова начальника разведывательного бюро австро-венгерского Генерального штаба, Макса Ронге, утверждает, что А. Редль принес неоспоримый вред для Австро-Венгрии своей деятельностью. За эти годы он «выдал России огромное количество копий документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных мероприятий, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, описаний образцов военного оборудования».

Среди наиболее ценных для России материалов были австро-венгерские мобилизационные планы против России и Сербии, где были указаны все подробности вплоть до последнего человека и последней пушки. Также Редль скрывал от своего Генштаба секретные сведения, поступавшие из России от австро-венгерских агентов, он выдавал этих лиц российскому Генштабу [3, с. 175-176]. Однако существует и альтернативное мнение, что А. Редль передал русским ложный план развёртывания войск, который ввел русских в заблуждение. Об этом же факте свидетельствует и Б. А. Старков, цитируя М. Ронге. Сейчас становится ясно, что это не так. Переданный А. Редлем русским мобилизационный план был подлинным. Только из-за разоблачения Редля, его неосторожности, победа в военной кампании 1914 года против Австро-Венгрии ушла от русских. За год до начала Мировой войны австрийские военные смогли

внести значительные коррективы в свои военные планы. Однако это не спасло их от неудач [9].

Одной из самых загадочных личностей в русской истории является русская разведчица, однако, ее имя неизвестно. Валентин Пикуль в своем романе «Моонзунд» назвал ее Анной Ревельской. Под этим именем она и вошла в историю разведки. Главной заслугой русской разведчицы была ее роль в срыве немецких планов по прорыву флота в Финский залив и к Петрограду. Она подсунула германскому командованию дезинформацию – схему минных постановок Балтийского флота в Финском заливе за 1914 и 1915 годы, планы и карты. Таким путём неприятель получил «беспрепятственные» проходы через Финский залив к Гельсингфорсу, Ревелю и Кронштадту. 10 ноября 1916 года одиннадцать новейших эсминцев германского флота покинули Либаву и подорвались на русском минах и предоставление сведений о дате проведения немцами Моонзундской наступательной операции [4].

Теперь рассмотрим «план Шлиффена». Как утверждают В. А. Авдеев и В. Н. Карпов, данный план, разработанный еще в 1905 г. начальником германского Генерального штаба, заключался в том, что вместе с Германией в войну вступит Австро-Венгрия против Франции и России. Наряду с этим Германия нанесет первый удар по Франции, одержит победу над ней в течение двух недель, затем перебросит свои силы на русский фронт и вместе с Австро-Венгрией возьмет над ней верх в течение 1-2 месяцев. Однако в 1906 г. на основе «плана Шлиффена» был подготовлен фальшивый «Меморандум о распределении на случай войны немецких боевых сил», в котором умышленно искажались важные положения «плана Шлиффена». Копия этого документа была подброшена германской разведкой русскому Генеральному штабу. В русском Генштабе было поручено проанализировать копию плана полковнику Владимиру Евстафьевичу Скалону. В результате анализа В. Е. Скалон заключил, что план подложный, в течение года он разгадал подлинный «план Шлиффена». Начавшаяся в 1914 г. война подтвердила правоту доводов полковника [1, с. 31-35].

Обратимся к русской контрразведке ее успехам и провалам. В своей книге «Тайная военная разведка и борьба с ней» Н.С. Батюшин приводит следующие факты: в 1916 г. на основе сведений, поступавших из Департамента полиции и докладов военной контрразведки о подозрительных банковских операциях в пользу Германии Дмитрия Рубенштейна и некоторых других финансовых воротил начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев добился разрешения Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии в рамках Северного фронта. Так была сформирована комиссия под руководством генерал-майора Н.С. Батюшина [2, с. 18].

10 июля 1916 г. Дмитрий Рубинштейн был арестован по подозрению в «спекулятивных операциях с немецким капиталом, продаже русских процентных ценных бумаг, находившихся в Германии, через нейтральные страны во Францию, финансовых операциях в пользу неприятеля продажа акций общества «Якорь» германским предпринимателям; взимании высоких комиссионных за сделки по русским заказам, выполнявшимся за границей, переплате заграничным

агентам при заказах интендантства и в спекуляции хлебом на Волге. Банкир был даже выслан в Псков, а его деятельность стала предметом расследования комиссии генерала Н.С. Батюшина. Ему было предъявлено обвинение в выдаче секрета отливки ружейных пуль, при этом у Рубинштейна дома был произведен тщательный обыск, и хотя при обыске ничего компрометирующего найдено не было, Рубинштейн был подвергнут пятимесячному тюремному заключению [2, с. 19].

Кроме того, началось и следственное дело против киевских сахарозаводчиков — Хепнера, Цехановского, Бабушкина и Доброго, которые занимались вывозом из стары сахара (1914-1917), жмыха и пр. [2, с. 18]. Они получили разрешение на вывоз сахара в пределы Персии, и отправили много сахара, но через персидские таможенные посты на персидский рынок прошло немного, остальной сахар «исчез», однако были сведения, что он прошел транзитом в Турцию, союзницу Германии. А в Юго-Западном крае, центре российской свеклосахарной промышленности, сахар внезапно сильно подорожал. Дело сахарозаводчиков имело серьезное начало, но комиссия Батюшина не дорасследовала его, т. к. не смогла найти каких-либо доказательств, это дело передали киевскому судебному следователю, тот выпустил их предварительно из тюрьмы, а затем нашлись ходатаи у трона. «Император наложил на этом деле приблизительно такую резолюцию: "Освободить, и если они в чем-либо виноваты, то пусть своей дальнейшей деятельностью заслужат себе оправдание"» [2, с. 94].

Среди основных контрразведывательных операциях комиссии Батюшина находится и «дело Мясоедова». 18 февраля 1915 по инициативе генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта М. Д. Бонч-Бруевича и начальника контрразведки штаба фронта Батюшина полковник С. Н. Мясоедов был арестован и обвинён в шпионаже и мародерстве. Несмотря на слабость доказательств, военный суд приговорил 18 марта 1915 года Мясоедова к смертной казни. Жертвой этого дела стал и военный министр В.А. Сухомлинов, с которым Мясоедов был хорошо знаком: 13 июня 1915 года он был уволен от должности военного министра. Военные неудачи России на фронтах таким образом списывались спомощью подсказываемой обывателем версии: все дело в нечистых и даже шпионских делах столь ответственных лиц Империи. Верховный главнокомандующий Николай Николаевич такой комбинацией убрал ненавистного ему Сухомлинова, угодничающего перед царем, заменил удобным для себя А.А. Поливановым, а заодно свои военные неудачи, как дымовой завесой, прикрыл шпионским скандалом – дутым делом Мясоедова [2, с. 13]. Руководитель германской разведки в Первую Мировую войну В. Николаи на допросе в НКВД в 1945 г. на вопрос о Мясоедове, что С.Н. Мясоедов не являлся агентом германской разведки [6]. Большинство историков, исследовавших дело Мясоедова, считают его невиновным в шпионаже, а приговор — результатом судебной ошибки.

Также к неудачам отечественной контрразведки можно отнести разгром двух корпусов 2-ой армии Северо-Западного фронта под командованием генерала

Самсонова. Одной из основных причин разгрома стало то, что германскому командованию немецкой контрразведки были известны переговоры русской армии с командованием, проводившиеся по радиосвязи, именно это облегчило немцам планирование операции по разгрому русских войск в районе Танненберга, что являлось явным недосмотром российской войсковой контрразведки [2, с. 32-33].

Одним из самых громких итаинственных дел в период Первой мировой войны стало «дело Зингера». Впервые в истории отечественной контрразведки Российское представительство иностранной фирмы стало центром шпионской деятельности в Российской империи в самом центре Петрограда. Официально это было американская компания, в действительности же ее главные учредители проживали в Гамбурге. «Деятельность компании была хорошо продумана, обеспечивая фактически беспрепятственный сбор информации, секретных и несекретных сведений в масштабе всей Российской империи» [7, с. 13-14]. У архитектурного излишества здания «Зингер» была определенная функция. Там находиться мощный радиопередатчик. Впервые этот радиопередатчик заработал в 1913-ом году для регулярной передачи собранных сведений в германский Генеральный штаб. В результате целого комплекса розыскных мероприятий была раскрыта широкая шпионская сеть, были арестованы резиденты германской агентурной разведки О.О. Кельвин и Т.Р. Грасгоф. Фирма «Зингер» стала идеальным прикрытием для работы немецких разведчиков в России. Однако эту операцию контрразведка Российской империи провела блистательно, что позволило раскрыть еще ряд государственных измен и разведдеятельность немецких спецслужб [8].

Таким образом, к началу 1917 года отечественна разведка и контрразведка доказали свою самостоятельность как государственных спецслужб, одержав ряд побед и поражений в ходе своей деятельности. Однако стоит отметить, что по признанию руководителя германской разведки В. Николаи, Германия всё время нуждались в глубокой разведке, которая так и не принесла больших результатов.

Литература

1. Авдеев В. А. , Карпов В. Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915-1917 гг. – М. : Вече, 2009. – 400 с.
2. Батюшин Н. С. тайная военная разведка и борьба с ней. Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки. – М. : X-History, 2001. – 110 с.
3. Дамаскин И. А. Сто великих разведчиков. – М. : 2001. – 521 с.
4. Газета «Страж Балтики». – 2. 11. 2012.
5. Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914-1920): Организационное строительство. – М. : Издательство «Крафт+», 2004. – 240 с.
6. Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. Документы и материалы:т. 1. "Так начиналось изгнанье", 1920-1922гг. Книга вторая. "На чужбине". – М. : Гея, 1998 – 695 с.
7. Старков Б. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903—1914. – Спб. : Питер, 2006. – 79 с.

8. Тайны разведки (Видео) Серия №15. «Под глобусом «Зингера»: http://ost.dtis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=97:trvidoe&catid=36:archive&Itemid=61 (дата обращения: 03. 11. 2014).
9. <http://www.regnum.ru/news/polit/1582259.html> (дата обращения: 03.11.2014).

Федоренко Н. В.

Политические убийства и убийственная политика

Нетрудно заметить, что началу большинства войн прошлого предшествовали если и не спланированные, то потом оказавшиеся весьма кстати убийства как известных в мире политиков, так и больших групп рядовых людей. Эти убийства должны были сделать предстоящую войну неизбежной и ускорить начало боевых действий. Развязывание любой войны её инициаторами непременно сопровождалось убийственной политикой по отношению не только к странам-противникам, но нередко и к собственным государствам. Это можно наблюдать и в наши дни, тем более, что к лету 2014 года атмосфера международных отношений в своём развитии всё больше напоминала ситуацию середины лета 1914 года. Сто лет назад она породила во всём мире первую большую войну, которая объективно была неизбежной. Нынешняя ситуация фатальной неизбежности войны в себе не содержит, но её и не исключает. Представляется интересным путём сравнительного анализа изучить расстановку политических сил, цели и действия лидеров противоборствующих стран, политику и настроения истеблишмента в ведущих странах мира как сто лет назад, так и сейчас.

Мы видим, что как в начале прошлого века, так и теперь наряду с резким обострением межгосударственных отношений пролилась и человеческая кровь. Если тогда жертвами политических убийств были отдельные государственные деятели, то 17 июля 2014 году политические провокаторы уничтожили уже 298 ни в чем неповинных людей, сбив малазийский «БОИНГ 777» в такой расчётной точке, чтобы бросить тень вины за это опять же на Россию.

Рассмотрим два политических убийства перед первой мировой войной: в России – премьер-министра П.А.Столыпина 1 (14) сентября 1911 года и в Австро-Венгрии – наследника престола эрц-герцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года. Внешне между ними трудно найти какое-то сходство, кроме самого факта убийства. Они были совершены в разные годы, в разных странах, разными исполнителями и с разными целями. Но их объединяют два немаловажных обстоятельства. Во-первых, оба произошли в период активного противостояния между странами Тройственного союза и Сердечного Соглашения. Во-вторых, последствия обоих убийств оказались в числе причин гибели Австро-Венгерской и Российской империй.

Россия, 1907-1910 гг. Энергичная деятельность премьер-министра П.А.Столыпина приносит свои плоды. В экономике наблюдаются самые высокие в мире темпы роста промышленности. Внешняя политика России довольно с заметным националистическим оттенком строго направлена на реализацию идеи

П.А.Столыпина о создании на мировой арене «Великой России». Казалось бы, высокий рейтинг премьера в стране и за рубежом царский двор должен был только радовать, но не тут-то было. Рейтинг премьера затмил самого царя, и премьер-министр стал Николаю II в тягость.

14 сентября 1911 года в зрительном зале киевского театра П.А.Столыпин во время антракта был смертельно ранен выстрелом из пистолета членом эсеровской боевой организации Дмитрием Григорьевичем Богровым. То, что несколько раз не удавалось целым группам эсеровских террористов под руководством агента Охранного отделения Евно Азефа, внешне свободно сделал, как было сказано в официальном сообщении, «одиночка-террорист».

Архивы не содержат документов о причастности царской семьи к организации убийства П.А. Столыпина, но ряд моментов в действиях отдельных представителей власти до и после убийства вызывает, по меньшей мере, недоумение. За организацию охраны премьер-министра отвечал жандармский подполковник Н.Н.Кулябко (1873-1920), по отзывам знавших его людей человек беспринципный, интриган и карьерист. Он на оперативной связи, помимо других агентов, имел и ранее завербованного в боевой эсеровской организации Д.Г. Багрова, освещавшего полиции деятельность эсеров под псевдонимом «Аленский». Вопреки строжайшему приказу одного из руководящих жандармских документов, запрещавшего использовать агентуру в толпе при охране какого-либо государственного лица, Н.Н.Кулябко оформил «Аленскому» пропуск в театр в день и час нахождения там П.А.Столыпина. Д.Г.Багров по натуре был выраженным холериком с неуправляемыми поступками, склонным к истерикам. Своей ненависти к П.А.Столыпину Д.Г.Багров не скрывал даже на явках с Н.Н.Кулябко, в день покушения подполковник увидел у своего агента револьвер, но никаких действий по обезоруживанию «Аленского» не предпринял и поспешил в театр. Н.Н.Кулябко покушение предотвратить не смог, но в результате служебного расследования по указанию свыше был всего лишь уволен, уголовного наказания за служебное преступление не понес, «на гражданке» занялся оптовой торговлей швейными машинками.

Есть все основания полагать, что Н.Н.Кулябко решил эффектно реализовать задуманное им пресечение очередного покушения на российского премьер-министра, вовремя схватить Д.Г. Багрова за руку, при этом лучше всего его пристрелить. Затем следовали слава, награды, повышения. Не получилось. В тоже время смерть затмившего «царя-батюшку» П.А.Столыпина была как нельзя кстати. Николай II и его окружение смерть премьер-министра восприняли спокойно. На похоронах никто из родных царя и сам император не присутствовали. Можно с уверенностью сказать, что если царский двор и не был причастен к убийству премьер-министра, то его смерть верховную власть вполне устроила. При дворе опять оживилась так называемая «немецкая партия», под влиянием которой вплоть до августа 1914 года находился и сам император.

Царь и его родственники хотя и носили фамилию Романовы, но в действительности являлись представителями голштин – готторпской ветви германских правителей. Вплоть до августа 1914 года Николай II среди своих

близких не скрывал своих симпатий к кайзеру Вильгельму II, высказывал сожаления, что Россия связана союзническими отношениями с республиканской Францией, а не с монархической Германией, что было бы гораздо логичнее. При дворе укреплялось мнение, что в России именно немцы являются костяком государственности, так как в армии, на флоте и в государственном аппарате их уже десятки тысяч человек. Россия не воевала с немцами со времен Семилетней войны, ныне прочно связана с ними экономическими, политическими и кровно родственными узами. Николай II был убежден, что в XX веке война России с Германией – нонсенс, в конце июля 1914 года заявил, что того кто считает войну с немцами реальной и скорой следует отправить в дом умалишенных. Начавшееся перевооружение русской армии, поэтому шло ни шатко, ни валко, планировалось завершиться только к 1917 году. За сутки до начала войны с Германией царь получил от Вильгельма трогательное письмо с уверениями в любви и долгой дружбе между странами. Николай II письмо прочел с удовольствием...

Летом 1914 года на территории Боснии и Герцеговины должны были состояться большие учения австро-венгерской армии, для общего руководства учениями в Сараево прибыл наследник престола племянник императора Франца-Иосифа 51-летний Франц Фердинанд. Наследника при венском дворе откровенно не жаловали. Вопреки существующей традиции женат он был не на невесте из царствующего европейского дома, а на «рядовой» чешской аристократке Софии Хотек, из-за чего их дети были лишены права занимать австро-венгерский престол. По своим политическим убеждениям Фердинанд был ярким русофобом и славянофобом, но отстаивал идею создания Австро-Венгро-Славии с участием Хорватии в ущерб всем остальным славянским народам. Его представления об этом позже после разгрома Югославии легли в основу создания фашистами «независимого» усташского государства Хорватия под руководством славянского нациста – «поглавника» Анте Павличича. По целому ряду внутри политических проблем в их оценках и путях решения расходился с мнением престарелого императора Франца-Иосифа II, к войне с Россией без долгой и сложной подготовки относился неодобрительно.

К лету 1914 года обстановка в Сараево обострилась до крайности, действия подпольной террористической организации «Млада Босна», в целом руководимой из Белграда, поставили Боснию на грань внутренней усобицы. В этих условиях меры австрийских властей по охране Фердинанда, начиная со дня его прибытия в Сараево и до часа гибели эрцгерцога, ничем иным, как прямым пособничеством террористам объяснить нельзя. Давно ушли в прошлое времена, когда венценосные государи могли безбоязненно разгуливать по улицам своих столиц. Начало XX века ознаменовалось в мире целым каскадом политических убийств на территории от Санкт-Петербурга до Парижа. На этом фоне действия сараевской полиции по пресечению действия подпольщиков из «Млада Босны» выглядят, по меньшей мере, странно, если не сказать резко. Работники австрийского политического сыска в провинции Босния и Герцеговина хорошо были осведомлены о многих планируемых шагах местной националистической организации под руководством Неделько Габриновича, даже несколько раз его

арестовывали, но вскоре отпускали на свободу. Недавно окончивший гимназию Гаврила Принцип полиции был хорошо известен своими антиавстрийскими выходками, тоже арестовывался и отпускался, но в день прибытия в Сараево эрцгерцога полицейскими нейтрализован не был. За несколько дней визита в Сараево наследника престола все местные газеты сделали то, что с точки зрения любой службы безопасности является выдачей противнику государственной тайны. Они напечатали подробнейший маршрут движения правительственного кортежа Фердинанда по Сараево с пояснениями о том, где и зачем были спланированы остановки. Выбор самой даты визита эрцгерцога в Сараево с предполагаемыми казенными празднествами по этому поводу сербской общественностью было воспринято как издевательство над славянскими традициями. С 1388 г. для всех сербов 28 июня является днем национальной скорби. В тот день и год произошла трагическая битва сербов с турками на Косовом поле, повлекшая за собой многовековое турецкое иго на Балканском полуострове. Любые празднества в такой день в сербском сознании означают свистопляску на гробах мучеников.

28 июня 1914 года Франц Фердинанд, его жена София и наместник императора в Боснии генерал Оскар Потioreк в открытом автомобиле «Мерседес» двигались в составе кортежа по улицам Сараево на большой скорости. Стоявшему в толпе у кромки тротуара Неделько Габриновичу удалось вбросить в машину наследника австро-венгерского престола обвитую рубленой проволокой гранату прямо на колени эрцгерцогу, но Фердинанд успел оттолкнуть ее назад под колеса третьей машины. Взрывом убило водителя этой машины, двух офицеров полиции и ранило прохожих.

Через несколько часов эрцгерцог и его жена выразили желание отправиться из своей резиденции в госпиталь, куда поместили раненых прохожих. Когда выехали на улицы Сараево, генерал Потioreк вдруг заявил, что езда по главным улицам города чрезвычайно опасна. Он приказал водителю свернуть в ближайший проулок. Машина снизила скорость до 10 км в час. А сопровождавший их граф Гаррах демонстративно обнажил саблю и в грозной позе стал на подножку машины. «Мерседес» вскоре уткнулся лобовой частью в бровку тротуара и заглох прямо перед Гаврилой Принципом, который от неожиданности быстро вытащить из-под одежды приготовленную бомбу не смог, поэтому выхватил пистолет и с трех-четырёх метров расстрелял Фердинанда и его жену.

Так кому же мешал наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд? Австро-Венгерской монархии? Ничего подобного! В этой стране никто никогда и не думал лишать его положения наследника. Заинтересованные в нейтрализации эрцгерцога политические силы высветились быстро. Австро-Венгрия по факту убийства поначалу выдвинула Сербии условия, хотя и унижительные, но для сербов все ещё терпимые, но в политическую игру решительно вмешалась Германия. Политическое давление Берлина на Вену вынудило австрийцев пересмотреть свои требования к Белграду, и в качестве предварительного условия для дипломатического разбирательства потребовать

ввода австрийских войск в Сербию. Ультиматум Вены в Белграде был отвергнут. На следующий день сербская столица подверглась бомбардировке.

Германия к 1914 г. сочла себя достаточно подготовленной для схватки со странами Антанты во имя передела колониального «пирога» и удовлетворения территориальных appetитов в Европе. Но ее главная союзница Австро-Венгрия с отмобилизованием своих вооруженных сил не спешила и совершенно не была настроена начать войну на Востоке уже через месяц-другой. В Берлине вдруг забеспокоились состоянием здоровья престарелого императора Франца-Иосифа, поскольку близкая смена монархов в Вене Берлину ничего хорошего не сулила. Наследник Франц Фердинанд был и русофобом, и славянофобом, но в случае своего прихода к власти никоим образом не допускал начала войны с Россией в ближайшие годы. В глазах германских властей этим Фердинанд и подписал себе смертный приговор. Германия издавна оказывала сильное влияние на австрийское общество, и немцам не составляло большого труда воздействовать в нужную для себе сторону на те или иные австрийские государственные институты. Следствие по делу Гаврилы Принципа и сараевского отделения «Млады Босны» отошло на задний план. Впереди перед всем европейским обществом во весь рост встал призыв скорой большой войны.

Послестольпинская Россия заметно приобрела оттенок страны, где стали поочередно вольготно себя чувствовать сначала «германская», затем «британская» партии иностранного влияния, что прямо сказывалось на внешней политике царского двора. В те дни в странах Тройственного Союза усиленно пропагандировалась матрица: сербы и Россия – главные источники мировой угрозы, их средства массовой информации муссировали злорадную мысль, что, если Россия не окажет никакой помощи Сербии, пусть даже заведомо обреченной на полный разгром, то она гарантированно утратит свой имидж защитницы двухсотмиллионного общества славян Европы. Россию откровенно провоцировали на активные ответные действия, дабы в глазах мирового общественного мнения выставить агрессором.

К 31 июля 1914 г. Россия произвела демонстративную частичную мобилизацию резервистов. Для Германии этого было достаточно, и кайзер немедленно «дорогому Ники» объявил войну. В России началась борьба с германизацией общественного сознания. Ей на смену быстро сформировалась «британская» партия, что является одним из парадоксов российского общества 1916/ 1917 г.г.

Уход Петра Аркадьевича Столыпина из политической жизни России в определенной мере ослабил позиции «государственников» в партиях конституционных демократов и октябристов, ратовавших за всемерное увеличение инвестиций в экономику со стороны, прежде всего, русского капитала и отстаивавших идею постепенной модернизации существующей в стране политико-правовой системы с целью своевременного сглаживания наиболее острых углов в политической жизни страны. Убийство же эрцгерцога Фердинанда стало классическим поводом для немедленного развязывания на земном шаре всеобщей войны.

Литература

1. Воронин В., Табачник Д. Петр Столыпин. Крестный путь реформатора/Д.Табачник, В.Воронин, М.: Молодая гвардия; Серия: Жизнь замечательных людей - 2012, 416 с.
2. Мусский И.А. 100 великих заговоров и переворотов/ И.А. Мусский, М., 2004
3. Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. – М.: Вече, 1999.
4. Сифакис К. Энциклопедия покушений и убийств. – М.: Вече, 1998
5. Сядро В. 50 знаменитых загадок истории XX века/В.Сядро. М.: Фолио, 2011
6. Фон Бок М. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине/Мария Фон Бок, М.: Эксмо, 2014

Хайрулин К. Ш., Махоткина Е. Л.

Создание главного военно-метеорологического управления при главной физической обсерватории. Первая мировая война

Немного истории

С древних времен сохранились описания штормов, песчаных бурь, жаркой погоды, которые повлияли на ход сражений. Наполеон Бонапарт перед нападением на Россию поручил в 1811 г. знаменитому математику академику Лапласу (кстати, автору барометрической формулы) и физику-метеорологу Монжу представить ему описание климата Европейской части России для использования в боевых действиях. Разрозненные данные наблюдений позволили исполнителям представить средние климатические данные без учета возможных экстремумов (7).

После бегства французов из Москвы в середине октября 1812 г. войска Наполеона двинулись по Смоленской дороге (4). В этот период по данным К. Веселовского, опубликованным в его труде О климате России (3) в Восточной Европе стояла теплая погода на 1-2°С выше нормы с положительными температурами, морозы наступили лишь в ноябре, когда наполеоновские войска подошли к реке Березина и т.к. вода в реках и их ложа прогрелись, лед оказался тонким. (3) Поэтому под тяжестью обозов и скопления войск часть армии погибла, и Наполеон спасся и с остатком деморализованных войск двинулся на Вильно, где по дороге потерпел поражение под Красным (4). Плохо экипированные французы в морозные дни ноября – декабря месяцев мерзли, что дало повод расхожим легендам утверждать, что Наполеона победил «генерал Мороз».

Англичане во время Крымской войны 1844-1846 гг. писали, что у русских нет шансов победить англо-французский десант, поскольку у императора Никола I отсутствуют два лучших генерала: Январь и Февраль (6)! Их «ёрничеству» природа преподнесла другой сюрприз: над Балаклавской бухтой прошел мощнейший циклон (ураган), зародившийся у берегов Англии, он на 75% разметал Англо-французский флот и лагерь десанта на берегу Крыма. Теперь уже Наполеон III поручил известному астроному академику Леверье, разобраться и ответить на вопрос можно ли было предсказать этот шторм, комиссия сделала вывод, что при наличии существующих метеостанций и быстрых телеграфных

сообщений такая возможность была (6,7). Так рождалась синоптическая метеорология.

Первая Мировая война и метеорология

К началу I Мировой войны в ГФО был накоплен определенный опыт метеообслуживания флота и авиации (1), который был применен во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. В эти годы Главным гидрографическим управлением выпускался труд «Руководство для плавания из Кронштадта во Владивосток». Генерал-лейтенант Э. Майдель (бывший сотрудник ГФО) срочно подготовил для издания главу «Физико-географический очерк Китайского и Желтого морей» с подробным описанием температуры воздуха и воды, давления, солёности, направления течений, а также муссонов, тайфунов и материковых штормов (12). А. Воейков – председатель Метеорологической комиссии Русского географического общества подготовил для Военного Ведомства описание климата района боевых действий на Дальнем Востоке (14).

1 августа 1914 г. Россия вступила в I Мировую войну. Директор академик Б. Голицын сразу перевел деятельность Обсерватории на обслуживание Армии и Флота метеоинформацией Генеральный штаб, а также Управление военной авиацией и воздухоплавания (8). Военное Ведомство признало необходимость произвести частичную милитаризацию ГФО «главным образом в части её ведающей синоптической метеорологией». Обсерватория добровольно отказалась от 170 тыс. руб. внесенных в смету 1915 г. на модернизацию сети станций. Было приостановлено издание ежедневного и ежемесячного бюллетеней погоды и публикации ежегодных данных наблюдений по территории России. Сотрудниками этих подразделений усилии отдел синоптических работ, возглавляемый Б. Мультиановским, и перешли целиком на обслуживание нужд Военного и морского ведомств. Фактически на базе трех отделений в 1914 г. был создан отдел Военной метеорологии, хотя это не было проведено специальным приказом. В армию ушло большое число сотрудников, как по призыву, так и добровольно среди последних были сотрудники Павловской обсерватории А. Фридман и Н. Калитин, которые затем в 1915 г. прошли курсы пилотов и стали совершать боевые вылеты (9). В августе 1914 г. А.Фридман поступил в авиаотряд особого назначения и организовал наблюдения над скоростью и направлением ветра, принимал участие в полетах по испытанию прицельных приборов с целью бомбометания. Он выполнил теоретические разработки вопросов траектории бомб в зависимости от высоты, скорости полета самолета и плотности воздуха, составленная им докладная записка (март 1915 г.) нашла поддержку Великого князя Александра Михайловича, вследствие чего, был издан приказ о создании Центральной аэрологической станции при посредстве прапорщика Фридмана (10). Он пояснял, что нужно знать пилоту об атмосфере, что бы полет был безопасным. Этот опыт лег в основу публикаций «Об атмосферных вихрях» и «Краткий курс аэронавигации». Благодаря Фридману метеорологические наблюдения в авиационных частях завоевали себе «права гражданства». За боевые вылеты А. Фридман был награжден Георгиевским Крестом и Почетным Георгиевским оружием. В дальнейшем Фридман направляется инструктором в

школу авиаторов в Киев, где составляет «Конспект лекций по аэронавигации» (13).

Создание Военмета

Директор ГФО академик Б. Голицын разработал проект создания Главного военно-метеорологического Управления (Военмет) (8). Для обеспечения военных нужд и для сохранения военной тайны Голицын предложил ввести на время войны всю метеорологическую службу в Военное Ведомство, учредив для этого особую организацию в которую входят необходимый старший персонал соответствующих отделений Обсерватории. Они должны заниматься делами, составляющими военную тайну: была прекращена публикация метеоданных в газетах и открытой печати, летом 1915 г. стали шифровать передачу метеосводок, в связи с отсутствием информации передаваемой с Запада появилось понятие «обрезанные карты». При штабах армии были организованы метеонаблюдения в авиационных ротах, учреждены должности метеорологов, которые дважды в сутки посылали сводки погоды в штаб авиации. 22 декабря 1915 г. было принято решение о формировании Главвоенмета, военных метеорологических управлений при штабах армий и метеостанций при авиационных ротах (10). 3 января 1916 г. начальником Главвоенмета был назначен директор ГФО Б. Голицын (11). Заведующим службой предсказания погоды был назначен И.Семенов-Тянь-Шанский, зав отделом методов предсказания погоды Б. Мультановский, зав инструментальным отделом наблюдений и поверки приборов В. Попов. Все они являлись сотрудниками ГФО. Которыми были составлены около 30 климатических описаний по многолетним данным районов боевых действий для различных фронтов и для различных сезонов (5). В апреле 1916 г. были организованы метеорологические отделения при штабах армии, в авиаотрядах организованы метеонаблюдения (11). В самый разгар этих работ скоропостижно скончался академик Голицын и обязанности директора и начальника Военмета были возложены на академика А. Крылова, который возглавлял ГФО до февраля 1917 г. и передал Главвоенмет И. Семенову-Тянь-Шанскому. Свержение монархии в феврале 1917 г. общее собрание ГФО одобрило и послало приветствие Временному Правительству, в котором обещало отдать все свои силы и знания для нужд армии для созидательной работы на благо Родины (11). К Октябрьским событиям служащие отнеслись отрицательно, тем не менее, постановили продолжать свою работу, т.к. Обсерватория помимо чисто научной работы внутреннего характера обязана ежедневно производить наблюдения над погодой и непрерывно обслуживать нужды действующей армии и Военного ведомства» (11).

Опыт создания в ГФО Главмета и обеспечение необходимой информацией сухопутных войск, авиации и флота сыграл значительную роль в становлении военной метеорологии в СССР и был использован в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Литература

1. Архив ГГО. Поднятие воздушных шаров. Денежная часть. 1901-1917. Письмо Военного министерства от 18 мая 1902 г. Счет ГФО от 17 октября 1902.

2. Бедрицкий А.И., Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. и др. Очерки по истории Гидрометеослужбы России. Т2. Санкт-Петербург: Гидрометеиздат. 1999. 6-7 с., 37-42 с.
3. Веселовский К. О климате России. Санкт-Петербург: издано Императорской Академией наук, 1857. 87с. 125с. 255 с. 259-260 с.
4. Казаков Н.И. Отечественная война 1812 г. Москва: БСЭ, 1974. Т. XVIII. 612-613 с.
5. Климатические условия в районе Северного Фронта на март месяц. Составлено Николаевской ГФО. Петроград: 1916. 1-36 с.
6. Клоссовский А. Новейшие успехи метеорологии. Одновременная система наблюдений и предсказания погоды. Одесса: Одесский Университет. 1882.
7. Кулаков А.А. Шталь В.А. Военная метеорология. Воениздат. 1940. 5-6 с.
8. Отчет о деятельности ГФО за 1914 г. Часть I. Ученая деятельность. Петроград. 1915.
9. Отчет о деятельности ГФО за 1915 г. Часть I. Ученая деятельность. Петроград. 1916.
10. Отчет о деятельности ГФО за 1916 г. Часть I. Ученая деятельность. Петроград. 1917.
11. Отчет о деятельности ГФО за 1917 г. Часть I. Ученая деятельность. Петроград. 1918.
12. Советов С. Обзор русской и иностранной литературы. Физико-географический очерк Китайского и Желтого морей. Составил Э. Майдель. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. Метеорологический вестник. №6. 1904. 182-184 с.
13. Хайруллин К.Ш. Фридман Александр Александрович: к 125-летию со дня рождения. Ученые записки Забайкальского ГУ. Серия физика, математика, технология. №3. Чита. 2013 157-158 с.
14. Шпиндлер И.Б. Климат Дальнего Востока. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. Метеорологический вестник. №6. 1904. 163-179 с.

Хлезов А. А.

«Точка невозврата» или дипломатический курьёз? Бьёркский договор в современной историографии

Первая мировая война, став беспрецедентным по масштабам вооружённым конфликтом, вместе с тем являлась войной союзов государств. Её анализ немислим без учёта того, что противоборствующими сторонами являлись не национальные государства и даже не многонациональные империи, а именно коалиции, внутри которых, между союзниками, взаимных претензий и нерешённых проблем порой было не меньше, чем между противниками. Не менее примечательно, что конфигурация этих коалиций на протяжении предвоенных десятилетий была весьма изменчива. В результате как Антанта, так и блок центральных держав в известном смысле оставались до последнего момента относительно виртуальными союзами, да и в ходе войны часто обнаруживали раздиравшие их внутренние противоречия.

Одним из важных шагов к созданию окончательной конфигурации обоих лагерей послужили события 1904-1907 гг. Нет сомнения, что они стали едва ли не самым драматичным этапом в определении, кто с кем будет воевать спустя несколько лет. В ряду дипломатических контактов упомянутого периода важное, но, на наш взгляд, относительно маргинальное до сих пор место занимает попытка заключения так называемого Бьёркского договора 1905 г. Несмотря на свою краткость, кажущуюся «тупикивость» и нератифицированность, этот документ выступает чрезвычайно важным индикатором ориентаций и намерений сторон, обнаруживает возможные векторы развития событий в это непростое

время, а также нуждается в более пристальной оценке в контексте мировых событий соответствующего времени.

Договор, подписанный императором Николаем II и кайзером Вильгельмом II на борту яхты «Полярная звезда» 11 (24) июля 1905 г., неоднократно упоминался в исторической, историко-дипломатической и учебно-исторической литературе, а также оказывался в поле зрения популяризаторов истории [1, 2, 3]; в существенно меньшей степени к нему привлекается внимание в контексте преподавания всеобщей и отечественной истории в средней и высшей школе. Неизменное внимание при этом обычно привлекают обстоятельства заключения договора, подписанного вдали от высших сановников и советников, его поспешный характер и внешне явно выраженная инспирированность кайзером, а также обстоятельства самого подписания (знаменитый эпизод с подписью морского министра Бирилёва, поставленной «вслепую», без знакомства с документом). Между тем документ этот должен быть отнесён к числу исключительно важных и вполне эпохальных межгосударственных дипломатических актов.

Примечательно, что Бьёркский договор относительно активно изучался и упоминался в историографии межвоенного периода – как в советской, так и в зарубежной, включая историографию русской эмиграции [4, 5, 6, 7, 8]. Существует не менее полутора десятков работ различных жанров – социально-политической и военной истории, истории дипломатии, мемуарного и др. – так или иначе, более или менее пространно, касающихся данного документа. Однако примечательно, что аналитика практически исчезает после начала Второй мировой и Великой Отечественной войны, замещаясь в изданиях последующего периода констатацией и описанием фактов. Исключения весьма редки. Непосредственно же договору посвящено единственное издание брошюрного формата, датирующееся 1928 г. [9]

Очевидна также достаточно солидарная позиция абсолютного большинства публикаций, связывающая инициативу подготовки и подписания этого документа с Германией и лично кайзером Вильгельмом II. Вместе с тем, нуждается в более взвешенном анализе личная позиция Николая II и его роль в возникновении договора, как и в целом его отношение к Германии соответствующего периода. Путь к этому лежит, судя по всему, через тщательный анализ и своего рода «проживание» ситуации с учётом действий узкого круга причастных к подписанию договора лиц, более пристальное внимание к противоречиям в кругу царских министров (в частности, между С.Ю.Витте и В.М.Ламздорфом), обстоятельный учёт влияния событий русской революции. Так, уже обращалось внимание и на заинтересованность Николая II (и ряда лиц в его окружении) в серьёзном сближении с Германией в противовес Англии и отчасти Франции [10], и на личную инициативу императора в составлении проекта подобного документа за несколько месяцев до того, а также на его важную роль в организации самой встречи в бьёркских шхерах [11]. Как представляется, нуждается в серьёзном пересмотре столь распространённая в официальной историографии точка зрения, согласно которой абсолютная неизбежность франко-русского, а затем и франко-

англо-русского союза в этот период довлела над умами представителей властной элиты Российской империи, в противовес нелогичной, неуместной, а порой чуть ли не капризной германофилии самодержца. На сегодняшний момент альтернативные взгляды представлены либо в весьма архаичной эмигрантской историографии, традиционно именуемой «монархической», либо в популярной литературе, с плохо скрываемой претензией на сенсационность. Вместе с тем, элементарный анализ контекста соглашения, предшествующей переписки императоров, мемуарной литературы показывает, что в реальной обстановке середины 1905 г., на фоне революционного движения и всего за несколько недель до этого разразившейся катастрофы на Дальнем Востоке, поиски альтернативных внешнеполитических векторов были как никогда актуальны.

Столь же необходима более разносторонняя оценка противостояния великих держав в описываемый период. Бьёркский договор оказался в эпицентре драматических событий Марокканского кризиса, а также очередного обострения отношений между европейскими державами в 1905-1907 гг. Как представляется, он является важным индикатором намерений, по крайней мере, двух участников мирового противостояния. В то же время, этот договор – по традиции – продолжают описывать весьма однобоко: лишь как часть немецкой «Большой игры» против Англии. Однако роль российской стороны в этой внешнеполитической игре была куда более существенной и активной – хотя и поневоле.

Столь же важным может оказаться учёт фактора технических нововведений в военной области этого периода – в частности, в сфере судостроения, «угольном вопросе». Европейские страны стояли на пороге фактически полного перевооружения своих флотов, существенной корректировки характеристик составлявших их судов, что по-новому ставило вопросы присутствия в колониях и борьбы за них, контроля за угольными станциями в Мировом океане. В сущности, гонка морских вооружений, с лёгкой руки адмирала Фишера, начиналась с нуля, и необходимо учесть, в какой степени высшее руководство двух империй, на основании имевшихся разведанных, отдавало себе в этом отчёт.

Отдельного внимания заслуживает осмысление Бьёркского договора и несостоявшегося союза империй как исторической «точки невозврата», завершившей длительную эпоху достаточно близких и часто союзных отношений России и Центральных держав. Эпоху, которая уходит корнями в допетровские времена. Как представляется, современный период даёт пищу для переосмысления и соотнесения роли союзов с различными великими державами в контексте полезности или вредности таковых для России.

Не будучи приверженцем монархистских идей, и в особенности применительно к персоне последнего по счёту действовавшего государя-императора, автор, тем не менее, склонен рассматривать как не вполне корректные и столь же не вполне соответствующие исторической истине отдельные формулировки современных учебников для вузов, одобренных и принятых к использованию на самом высоком уровне. «Российская дипломатия,

терявшая почву под ногами» и «растерянный царь» [12], при всей справедливости печального положения России летом 1905 г., однако, заслоняют от читателя (и студента) то обстоятельство, что «Вилли» в этот период был ничуть не менее растерян, чем «Ники». Две империи, как это нередко случалось в истории, отчаянно нуждались друг в друге, но, при этом, сохраняли ясное представление о собственных стратегических интересах. Справедливости ради отметим, что авторы данного учебника достаточно взвешенно подходят к возможности русско-германского союза, и всерьёз рассматривают его перспективы, чего нельзя сказать о ряде других работ, затрагивающих тему Бьёркского соглашения. Общая тональность традиционно задаётся указанием на едва ли не маниакальную нацеленность России на французские займы и абсолютно взаимоисключающий характер русско-германского и русско-французского союзов. Между тем обоюдная заинтересованность императоров в союзе консервативных сил Европы в пику парламентским демократиям континента, а также действительно неразрешимые русско-английские и германо-английские противоречия столь же традиционно подаются как нечто малозначащее и второстепенное. Автор полагает, что время отклонения маятника в сторону геометрической вертикали уже наступило.

Литература

1. История дипломатии. М.: Госполитиздат. 1963. Т. 2., СС. 561-566, 575-577.
2. Шацилло В.К. Первая мировая война: 1914-1918: факты, документы. М.: Олма-Пресс. СС. 11-15.
3. Широкоград А.Б. Россия-Англия: неизвестная война 1857-1907 гг. М.: АСТ, 2003., СС. 472-484.
4. Русско-германский договор 1905 г., заключённый в Бьёрке. М.: «Красный архив». 1924. Т. 5., СС. 5-49.
5. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871-1914. Bd 19. Hf. 2. Berlin. 1925. S. 435- 528.
6. Bülow, V. Denkwürdigkeiten. Hrsg. von F. Stockhammern. Bd 2. Berlin. 1931. S. 136-151. Сокращённый перевод: Бюлов, В. Воспоминания. Перев. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М.-Л. 1935., С. 300-308.
7. Iswolsky, A. Recollections of a foreign minister (Memoirs of A. Iswolsky). Transl. by C. L. Seeger. Garden City - Toronto. 1921. P. 40-83. Перевод: Извольский, А. П. Воспоминания. Перев. с англ. А. Сперанского. Пг.-М. 1924., С. 29-61.
8. Reinach, J. P. Le traité de Bejoerkoe (1905). Un essai d'alliance de l'Allemagne, la Russie et la France: Paris. 1935. VIII, 204 p.
9. Фейгина Л. Бьёркское соглашение. М., 1928 (приложен текст договора).
10. Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М.: «Памятники исторической мысли», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. СС. 83, 86, 91-94.
11. Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939. С. 293.
12. Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. Под ред. члена-корреспондента РАН А.Н.Сахарова. Т. 2. С. 322.

Чирцова М. Г.

100 лет с начала организации добычи йода на Европейском Севере России

Целебные свойства морских водорослей знали и использовали еще в древних приморских цивилизациях. Но в привычном для нас виде йод появился сравнительно недавно. Впервые кристаллики вещества фиолетового цвета случайно получил из морских водорослей французский химик Бернар Куртуа в 1811 г. В России одним из первых еще в 1860-е гг. йодную настойку при лечении ран стал применять хирург Н.И. Пирогов. Обработку тканей вокруг ран водными и спиртовыми растворами йода ввел в практику в 1904 г. русский военный врач Н.М. Филончиков [7], у которого не было возможности и средств, чтобы поделиться этим опытом с медицинской и научной общественностью. В результате приоритет в обеззараживании операционного поля йодной настойкой принадлежит итальянцу А. Гроссиху, который пропагандировал это средство с 1908 г. и подкрепил свои действия серьезным обоснованием с большой подборкой статистических данных [2].

Накануне Первой мировой войны было понятно, что потребуется много лекарственных и дезинфицирующих средств, в том числе йода, широко применяемого в медицинской практике в виде йодистых мазей, настоек, сиропов, пилюль, люголевского раствора, йодистого кальция, бария, искусственных йодистых минеральных вод и т.п. В целях экономии этого дорогостоящего средства фармацевты начали проверять эффективность йодного раствора при разбавлении до максимума и видоизменять классический состав, добавляя метиловый спирт.

Проблема состояла в том, что до 1914 г. в России своей йодной промышленности (как и многих других) не было. Йод импортировался в основном из Германии. С началом войны военная медицина оказалась в тяжелом положении, так как импорт йода практически прекратился: союзники отправляли запасы йода в свои армии, а нейтральные страны на пике спроса взвинтили на него цены. Таким образом, с самого начала войны вопрос об использовании природных минералогических ресурсов России встал со всей остротой. При Комитете военно-технической помощи, консультативно-вспомогательной организации ученых и техников, целью которого было установление связи между специалистами различных областей на почве обороны, была организована Комиссия сырья, задачей которой стало изучение залежей минерального сырья в России, его добычи и применения. Председатель комиссии А.Е. Ферсман (известный геолог, выдающийся минералог и геохимик) стал вдохновителем ее работы [6].

Тем временем в продаже стали появляться подделки йода, изготовленные с помощью марганца. Йод пытались добывать и уже из использованных перевязочных материалов, бывших в употреблении тампонов и палочек и других предметов, бывших в соприкосновении с ним. Перевязочные средства также использовали вторично [9].

Первая мировая война началась в условиях сильной нехватки медикаментов и препаратов для дезинфекции, и перед Россией встала задача организации собственного производства ранее импортировавшихся лекарств, и в том числе

организации собственного йодного производства [1]. Эти вопросы регулярно поднимались на заседаниях и в выступлениях Общества Красного Креста, Всероссийского союза городов, Всероссийского земского союза и других организаций, взявших на себя проблему оказания помощи раненым и больным воинам. В результате при активном участии Русского физико-химического общества при Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части был создан отдел по улучшению химико-фармацевтической промышленности России, члены которого развили активную деятельность. Были привлечены опытные химики, которым удалось организовать в лабораториях университетов и в специальных мастерских получение сравнительно широкого ассортимента лекарственных средств в Москве, Петербурге, Киеве и других городах. Однако это не могло обеспечить всех нужд в медикаментах армии и населения.

В связи со сложившейся ситуацией запреты, которые тормозили в России развитие химико-фармацевтической промышленности, были несколько ослаблены. Московский военно-промышленный комитет, состоящий из ученых и промышленников, составил многолетний план развития новой отрасли, определив направление поиска (морские водоросли, минеральные источники). К местам, где можно было найти сырье, были направлены научные экспедиции.

В Москве состоялось заседание нового Комитета по организации производства медикаментов, который приступил к розыску мест в России, где была бы возможна выработка йода. Для этого была отправлена научная экспедиция во главе с С.Н. Наумовым и Н.И. Кусановым на Белое море, к Соловецкому монастырю, где в изобилии встречаются водоросли, дающие при сжигании в золе много йодистых солей. На отправку экспедиций комитетом отпущено 500 рублей [9].

Одновременно начались изыскания в других регионах Российской империи. Но эти опыты практического результата не дали. Отчет «Клинической выставки «Обеспечение независимости России от заграницы в области практической медицины», прошедшей в конце 1915 г., содержит грустные и откровенные факты: продажного русского йодного производства нет, хотя сделано немало попыток для его добычи в значительном масштабе; а вследствие отсутствия достаточного количества отечественного йода нет и различных йодистых препаратов» [8].

В результате всех попыток Архангельск оказался единственным местом, где действительно было налажено настоящее производство йода, причем на государственные деньги. Совет министров одобрил законопроект Министерства юстиции о признании морских водорослей, служащих для добывания йода, государственной собственностью [4]. Как сообщала газета «Вечернее время», из Петрограда в Архангельск выехала экспедиция профессора Вячеслава Евгеньевича Тищенко для исследований водорослей Белого моря и возможности добычи из них йода с помощью местных кустарных производителей. Экспедиция была организована на средства попечительницы Петроградских лазаретов Елизаветы Михайловны Терещенко и принята под покровительство верховного

начальника санитарной и эвакуационной части принца Александра Петровича Ольденбургского, который, занимаясь организацией санитарного дела в действующей армии, привлекал к работе неправительственные организации [4]. Елизавете Михайловне Терещенко в 1914 г. во время посещения госпиталей пришла в голову мысль организовать производство йода на Русском Севере. Она обратилась к ученому мирового уровня, ученику Александра Михайловича Бутлерова и ассистенту Дмитрия Ивановича Менделеева, профессору кафедры Петроградского университета Вячеславу Евгеньевичу Тищенко, которым совместно со студентом И. Л. Рабцевич-Зубковским, ставшим впоследствии именитым химиком, в 1914 г. был предложен новый способ получения йодистого метилена. Предложенный проект поддержали принц А.П. Ольдебургский, министр народного просвещения Павел Николаевич Шварц, а также заинтересованные в этом деле инженеры, священники и ученые. С помощью капиталов семьи Терещенко и под руководством В.Е. Тищенко в 1914–1918 гг. были разработаны технология получения йода из морских водорослей и способы получения ряда химически чистых реактивов.

Благодаря объединенным усилиям всех заинтересованных сторон, в течение всего двух лет проблема была решена: уже в 1915 г. научные экспедиции провели исследования беломорских водорослей и подтвердили, что водорослей в Белом море достаточно и их можно использовать в промышленных целях, химики создали технологию получения йода, инженеры-строители разработали проект и смету завода. Техник акцизного управления С.Ф. Седов сделал в военно-промышленном комитете доклад о возможности добывания йода из водорослей Белого моря. По его мнению, производство йода в Архангельске должно было быть выгодным, так как по проведенным опытам получалось, что % йода в водорослях Белого моря выше, чем из других районов – из золы получается до 2,7% чистого йода. Лучшие водоросли – в районе Унская губа (Соловки, о. Сорока). Экспедиция профессора Тищенко подтвердила % содержания и дешевое производство. Министр финансов П.Л. Барк разрешил использовать имеющиеся в управлении контейнеры, цистерны и прочее оборудование и отпустил средства на добычу йода [3].

В 1916 г., после проведения первых опытов по использованию водорослей Белого моря для производства йода, «в Архангельске на средства Управления верховного начальника эвакуационной и санитарной части» [1] было начато строительство завода (место находилось между современными улицами Вологодской и Шубина). 23 августа состоялась закладка завода, на котором предполагалось добывать ежегодно до 300 пудов чистого йода. Руководителем предприятия был назначен профессор Тищенко [5].

В конце 1917 г., когда в России произошла последняя и самая серьезная революция, в Архангельске полным ходом возводился новый завод для переработки йода. В январе 1918 г., когда начался период интервенции, он был сдан в эксплуатацию и заработал. Здание первого йодного завода представляло собой длинное одноэтажное здание с темными бревенчатыми стенами и узкими окошками. Снесено оно было в 1980-х годах. Его мощности были рассчитаны на

переработку в год 2000 т золы водорослей, содержащей в среднем 0,4 % йода. Заготовка золы для производства йода была организована артелью старателей на островах Белого моря: Жижгине, на Большом и Малом Жужмуе, и возле Поноя. Предполагалось выпускать ежегодно 8 тонн йода и 500 тонн калийных солей. Однако эти ожидания не оправдались. Причина была в суровом климате, который давал возможность производить заготовку водорослей не более 5-6 месяцев в году. Слишком сложное оборудование для траления водорослей из-за их ботанических свойств (прочного прикрепления ко дну) заставило устроителей остановиться на сборе водорослей, выбрасываемых морем и добываемых местными жителями кустарным способом, что было нерационально и не обеспечивало сырьем нужного количества, поскольку при лежании на берегу водоросли теряют 25–40 % йода. К тому же сушение и сжигание водорослей требовало большого количества топлива, что усложняло и удорожало производство.

Причины неуспеха были следующими: завод находится на расстоянии 200 км морского пути от центра заготовки золы водорослей, а стоимость доставки золы в Архангельск составляла примерно 10 рублей за тонну. По мнению устроителей, производство могло быть выгодным, невзирая на отдаленность сырья, при условии содержания в золе 0,4 % йода. Но фактический выход оказался только 0,075 %, что легло высоким накладным расходом на выпускаемый йод, и делало его производство убыточным. Видимо, было ошибкой строить завод в Архангельске, а не в районе добычи водорослей, на о. Жижгине [1].

На этом история переработки водорослей на Севере не закончилась. Работы по изучению природных богатств, начатые в 1914 г., дали свои результаты позже. Особенно они сказались во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Но это уже история другого периода.

Литература

1. Бычков И. Йодная проблема в СССР // Бюл. Нар. Комиссариата здравоохранения РСФСР. 1927. № 12. С. 19–22.
2. Гейлер Л. И. О приоритете Филончикова в вопросе обработки операционного поля // Вестн. хирургии. 1953. Т. 73, № 2. С. 48–53.
3. Йод // Русский Врач. 1915. № 249 (8 нояб.)
4. Йод // Русский Врач. 1916. № 36.
5. Йод в Белом море // Русский Врач. 1915. № 148.
6. Сорокина О. Первая мировая война и Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://his.1september.ru/article.php?ID=200201506>
7. Филончиков Н. М. Водные растворы йода как антисептическая жидкость в хирургии // Воен.-мед. журн. 1904. Т. III. С. 674–679.
8. Чирцова М. Г. 95 лет со дня открытия в Архангельске первого в России завода по производству йода из морских водорослей // Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2013 год. Архангельск, 2013. С. 274–281.
9. Экспедиция для добывания йода // Русский Врач. 1915. № 48.

Чурин Г. Ю.

Экологическая проблематика в сфере природопользования Российской империи в конце XIX-начале XX веков

На рубеже веков весьма популярными в среде российской интеллигенции были толстовские идеи ненасилия, которые в середине XX века нашли отражение в широко распространившейся тогда новой экологической парадигме. Что касается Российской империи, то взгляды Л.Н. Толстого на сосуществование людей друг с другом и с природой в значительной степени определили натуралистический стиль учения о биосфере В.И. Вернадского. Тем более, что последнее нельзя назвать только набором естественнонаучных концепций: так, одним из основных моментов этого учения является требование преодоления противоречий между наукой и нравственностью, культурой и природой и т.д.

С реальной жизнью дело обстояло сложнее: на практике любые проблемы решаются гораздо труднее, нежели в теории и, разумеется, то же самое всегда происходило и с экологической проблематикой. Однако, на рубеже XIX-XX веков общеевропейское развитие естествознания дало очередные свои всходы и в 1910-м году в Швейцарии был учрежден Международный союз охраны природы, в котором Российская империя сразу же обозначила свое членство. Более того: основными российскими представителями там стали такие широко известные ученые, как Г.А. Кожевников и И.П. Бородин. Помимо этого, в конце XIX - начале XX веков Россия приняла участие в целом ряде международных научных форумов, посвященных экологической проблематике (наиболее яркой среди них стала Международная конференция по охране природы, проходившая в Берне 17-19 февраля 1903-го года) и подписала многие международные соглашения в области природопользования: например – соглашение с Японией и США об охране морских котиков от 6 ноября 1887-го года.

Что касается, говоря современным естественнонаучным языком, экологизации нормативно-правовых актов действовавшего на рубеже XIX - XX веков российского законодательства, можно с уверенностью утверждать о его стремлении к унификации с уже действовавшими в то время западноевропейскими юридическими нормами. Так, в русле сближения с германским пандектным правом (его название происходит от Пандекта – обширного систематизированного сборника извлечений из трудов выдающихся римских юристов – и таким образом связует романо-германскую систему права с римским правом) в 1845-м году в Российской империи было принято (а в 1885-м году детально отредактировано) Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором запрещалось строительство и пользование загрязняющих воздух или водоемы фабрик и других предприятий, и предписывалась соответствующая юридическая ответственность, вплоть до уголовной: "если кто-либо построит признанные по закону вредными для чистоты воздуха или воды фабрику, мануфактуру или завод в городе, или вне города, но выше оного по течению реки или протоки, то сии заведения уничтожаются на счет виновного и он подвергается: аресту на время от семи дней до трех месяцев, или денежному взысканию не свыше трехсот рублей"[1] .

Разумеется, в то время природоохранная политика российских властей не ограничивалась одним лишь законодотворчеством. Российскими властями широко поощрялись и общественные инициативы (в первую очередь – знати) по созданию особо охраняемых природных территорий. В соответствие с данной политикой в 1898-м году бароном Ф.Э. Фальц-Фейном был создан (правда: на базе основанного в 1874-м году зоопарка) первый частный степной заповедник «Аскания-Нова» (или «Чапли») на юге Малороссии, а выделенные для заповедника 500 десятин земли были обозначены бароном как «вечная защитная» зона. Подобным образом особо охраняемые природные территории возникали в то время и в других регионах страны: «Лес на Ворскле» графа Шереметьева, 600 га девственной степи в Бугурусланском уезде – в имении князя Карамзина, реликтовые рощи в Лагодехи, Пицунде и других населенных пунктах Кавказа.

Кроме того, в конце XIX — начале XX вв. (в рассматриваемый в данной статье отрезок русской истории) значительно возрастает влияние общественных (негосударственных) институтов и социальных групп на правовое регулирование социо-природных взаимодействий. Другими словами, весьма значительная доля усилий, затраченных на подготовку и принятие природоохранных норм российского законодательства, приходилась на широкие круги общественности нашей страны. Так, например, в начале XX века был принят утвержден Закон о сохранении лесистости в степной и лесостепной зонах, его предпосылками стали засухи и голод на юге Российской империи, но все же самой возможности принятия данного закона страна была обязана научным исследованиям и общественному авторитету В.В. Докучаева и его почвоведческой школы.

Однако имеются и многочисленные источники, свидетельствующие о хищническом уничтожении природных ресурсов страны в то время: так Сырнев И.Н. в работе «Промыслы и занятия населения» приводит примеры подобного отношения в природе, которые относились к рыбным промыслам на Волге, но вместе с тем не вступали в противоречие с юридически отсталыми постановлениями Волжско-Каспийского рыболовства [3]. Вместе с тем, деградация природных сред не ограничивалась водными экосистемами – в связи с резким ростом российской сырьевой промышленности на рубеже веков площадь лесов по стране сократилась по сравнению с предыдущим столетием до 8% в лесостепной и до 15% в лесной зонах [2].

В среде российской интеллигенции и других представителей элиты страны под влиянием информированности о многочисленных проблемах в сфере природопользования возникали соответствующие инициативы, временами выливавшиеся в нечто вполне конкретное. Так, в 1910-м году в селе Хортица Екатеринославской губернии создается первое Общество по охране природы (спустя несколько лет подобные общества возникли и в других российских губерниях и их центрах), но еще более весомым для научно-практической природоохранной деятельности стало создание постоянно действующей природоохранной комиссии при Императорском географическом обществе. Основным результатом ее деятельности стала разработка проекта сети заповедников для всей территории Российской империи под руководством В.П.

Семенова-Тянь-Шаньского и уже упоминавшегося в статье Г.А. Кожевникова [1]. Этот и многие другие проекты могли быть реализованы, но в 1917-м году Российская империя исчезла из карты мира.

Литература

1. Булгаков М. Б., Ялбулганов А. А.. Российское природоохранное законодательство XI - нач. XX вв. М.: Легат, 1997.
2. Семенов П. П., Семенов А. П. Растительный и животный мир / Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — С-Пб.: Издание А. Ф. Девриена, 1902. — Т. 3. Средне-русская черноземная область.
3. Сырнев И.Н. Промыслы и занятия населения / Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — С-Пб.: Издание А. Ф. Девриена, 1902. — Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье

Шайдуров В. Н., Колясов О. А., Федорова К. А.

Еврейские общины южнорусских городов в начальный период Первой мировой войны (по материалам периодической печати)

Начавшаяся Первая мировая война оказала положительное влияние на общество и общественное мнение. В частности, можно говорить о некоторой консолидации различных слоев, этнических групп. Объединяющей стала идея грядущей победы России над Германией и Австро-Венгрией.

Как и все прочее население империи, евреи не могли остаться в стороне от событий военного времени. Лидеры еврейских городских общин достаточно отчетливо понимали, что в сложившейся ситуации необходимо проявлять максимальную лояльность в отношении существующего режима, с одной стороны, и относительно господствовавших настроений в русском обществе, с другой стороны. Жизнь еврейских городских общин нашла свое отражение на страницах местных периодических изданий.

На страницах газет в первые дни войны достаточно частыми были известия о демонстрациях еврейских городских жителей с поддержкой государя и правительства. Подобные мероприятия были проведены не только в губернском центре, но и в других населенных пунктах, например, в Каховке Херсонской губернии [1].

Однако в городах жизнь постепенно начала переходить из урапатриотического русла в обыденное для военного времени. В тех же «Херсонских новостях» в рубрике «В Херсоне» стали регулярно помещаться сообщения о пожертвованиях населения, в том числе и херсонских евреев, в пользу семей запасных воинов. Имена всех жертвователей, независимо от суммы взноса, публиковались в местной печати.

Газета «Южное слово», издававшаяся в г. Бердичеве, откликнулась на оказание помощи нуждающимся организованным сбором пожертвований. При этом, как отмечалось на страницах издания, в этом мероприятии принимали участие достаточно широкие круги еврейской общины [2].

К концу 1914 г. ситуация на русско-германском фронте складывалась не в пользу русской армии. Неудачи привели к тому, что была потеряна часть польских губерний. Это не замедлило отразиться на действиях еврейских общин внутренних губерний. Херсонские евреи объявили о сборе по подписке средств, на поддержку евреев Польши. В подобных акциях как нельзя более полно отразилась еврейская солидарность. Подобные случаи имели место и в Бердичеве.

При этом необходимо отметить особенность, наиболее отчетливо проявившуюся на страницах местной печати и относящуюся к положению еврейских общин в городах Юга России. В средних и малых городах еврейские общины старались создавать комитеты для оказания помощи всем нуждающимся. Например, в Бердичеве в первых числах сентября был учрежден «еврейский комитет помощи больным и раненым воинам без различия вероисповедания» [3]. В то же время в крупных городах, например, Херсоне активно действовало «еврейское попечительское общество», которое оказывало поддержку «семьям запасных евреев» [4].

Для стимулирования активности еврейских общин на поприще благотворительности редакторы нередко помещали на страницах газет сообщения об акциях и инициативах, которые имели место в других крупных городах, в первую очередь, в столице. И это давало положительный результат.

Одной из наиболее острых проблем, стоявших перед городским обществом в условиях войны, являлась безработица. В первую очередь, она затронула женское население. Причин для ее появления было несколько: бегство из прифронтовой полосы, наличие малолетних детей у женщин, чьи мужья оказались призванными в действующую армию, отсутствие рабочих мест. Решение этой социально-экономической проблемы в различных городах достигалось по-разному.

Местные периодические издания на своих страницах публиковали информацию, которая относилась и к повседневной жизни еврейского общества. Продолжавшее существовать отдельное обучение для еврейских детей приводило к появлению информации о наборах в еврейские училища, например, в Херсонское еврейское ремесленное училище [5]. На страницах «Южного слова» из номера в номер публиковались материалы, рассказывавшие о бедственном положении местного еврейского училища [6].

Наступление холодного времени года заставило еврейские общества обратиться и к этой проблеме. На страницах газет начинают все чаще появляться сообщения о деятельности обществ пособия бедным евреям, которые реализовывало для своих «клиентов» топливо по сниженным ценам [7].

Таким образом, в опубликованных материалах находят отражение настроения евреев, проблемы, которые стояли перед ними в рассматриваемое время, а также пути их решения. Региональные периодические издания как уникальный исторический источник позволяют восстановить атмосферу, в которой жили еврейские городские общины Юга России в начале Первой мировой войны.

Литература

1. Херсонские новости. Херсон. 1914. - № 326.
2. Южное слово. Бердичев. 1914. - №№ 59, 61, 62, 64-68.
3. Там же. № 81.
4. Херсонские новости. Херсон. 1914. - № 348.
5. Там же. № 331.
6. Южное слово. Бердичев. 1914. - № 127.
7. Южное слово. Бердичев. 1914. - № 81.

Проблемы военной истории России

Алексеев Т. В.

Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны

Первая мировая война во многих отношениях явилась уникальным явлением в истории человечества, оставившем неизгладимый след в судьбах народов и целых континентов. Она буквально с первых дней после своего начала опрокинула расчеты и прогнозы военных теоретиков, авторов концепций будущей войны, генералов, планировавших военные действия, политиков, готовивших свои страны к противостоянию с будущими противниками. Вот что писал по этому поводу позднее один из отечественных исследователей: «Опыт великой войны показывает, что государства, принявшие в ней участие, вступили в нее в промышленном отношении неподготовленными, причем большинство из них не отдавали себе отчета в размахе событий и в размерах необходимых жертв до тех пор, пока действительность не заставила считаться с ней» [1].

Вот, например, как французский автор характеризует доктрину армии своей страны: «Война будет исключительно короткой. Во все время военных действий все коммерческие перевозки будут прекращены. Все будет ограничено местными сделками, за исключением снабжения продовольствием, организованного государством. Можно будет рассчитывать только на запасы, созданные в мирное время. Армия будет жить на свои запасы» [2].

И далее он продолжает: «Наши рассуждения были весьма просты: «судьба войны будет решена в течение одного, самое большое двух месяцев после начала военных действий. Зачем при этих условиях создавать организацию, результаты которой скажутся слишком поздно? Лучше не отрывать ни одного солдата из рядов, лишь бы располагать максимальной численностью на поле сражения» [3].

Господство идеи о скоротечном характере войны привело к тому, что военно-политическое руководство России предполагало осуществлять снабжение армий в военный период путем:

- постепенного использования мобилизационных запасов вооружения, снаряжения и т.п., накопленных в мирное время;
- расширения казенных военных заводов;

- привлечение к работе на войну немногочисленных частных фирм, уже выполняющих военные заказы;

- импортных поставок.

При этом совершенно не рассматривалась возможность использования всего потенциала национальной экономики, прежде всего ее частного сектора. Начальник хозяйственного отдела Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал-лейтенант Е.К. Смысловский в показаниях Верховной следственной комиссии, созданной по приказу императора Николая II для выяснения вопроса о неподготовленности России к «большой войне», отмечал: «Только уже во время войны и нам, и нашим союзникам пришлось лицом к лицу считаться с другими принципами снабжения армии: война ведется на те материальные средства, которые могут быть предоставлены внутренними производительными силами своей страны. Ошибочные основания принципов и послужили главным источником неудовлетворительного снабжения...» [4].

Таким образом, Первая мировая война в отличие от всех предыдущих вооруженных противостояний поставила вопрос о привлечении к производству предметов обеспечения армии не отдельных предприятий или групп предприятий, а всего народного хозяйства страны. На повестку дня встал вопрос о военно-экономической мобилизации.

Политические и социально-экономические институты мирного времени оказались неготовыми к решению столь сложных и масштабных задач. Потребовалось создание специальных экстраординарных органов по мобилизации и регулированию народно-хозяйственного комплекса страны.

Формирование таких органов в России началось в самом начале 1915 г., весной-летом того же года этот процесс ускорился, когда в ходе наступления германских и австро-венгерских войск русская армия столкнулась с катастрофической нехваткой практически всех предметов вооружения, военно-технического и материального снабжения.

Первой попыткой создания подобного органа стало учреждение в январе 1915 г. Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части во главе с генерал-инспектором артиллерии великим князем Сергеем Михайловичем. Благодаря авторитету своего председателя и энергии членов комиссии удалось добиться к маю 1915 г. некоторого роста производства важнейших предметов боевого снабжения армии. Однако это не смогло предотвратить кризиса вооружения, ставшего основной причиной «Великого отступления» русской армии весной-летом 1915 г.

Положение Особой распорядительной комиссии достаточно объективно оценил бывший министр торговли и промышленности С.И. Тимашев в своей памятной записке: «... сношения второстепенных чинов военного ведомства с отдельными заводчиками не разрешат задачи в намеченном объеме...». По его мнению, «необходимо образование высоко-авторитетного учреждения, которое быстро обсуждало бы возникающие вопросы и принимало безотлагательные меры к их разрешению» [5].

С разрешения императора Николая II и на основании телеграммы Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 13 мая 1915 г. было учреждено Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения во главе с военным министром.

Круг задач этого органа был обрисован следующим образом: «Для успешного развития поставки снарядов, орудий, патронов и ружей вам предоставляется право привлечения к работе всех частных заводов до реквизиции их запасов и станков включительно, право испрошения и незамедлительного открытия кредитов и, в случае признания совещанием необходимости, отпуска безвозвратных ссуд на оборудование новых мастерских и заводов...» [6]. Тем самым давался старт военно-экономической мобилизации всей промышленности России.

Согласно утвержденного 7 июня 1915 г. положения председатель Особого совещания получил широкие полномочия по привлечению к выполнению военных заказов предприятий всех форм собственности, финансированию их деятельности в интересах снабжения армии, применению секвестра и реквизиций, контролю за ходом выполнения военных заказов и проч. [7] Решения военного министра «по вопросам, составляющим предмет ведения Совещания, сообщаются подлежащим военным и гражданским властям для безотлагательного исполнения» [8].

После реорганизации по закону от 17 августа 1915 г. совещание стало именоваться – Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне). Его полномочия по регулирующему воздействию на различные стороны военно-хозяйственного комплекса страны были существенно расширены.

Основными задачами Особого совещания по обороне были определены:

- «высший надзор» за деятельностью предприятий всех форм собственности, выполняющих военные заказы;
- содействие строительству новых заводов, «а равно переустройству, расширению и правильному ходу деятельности существующих»;
- распределение заказов между русскими и иностранными заводами;
- контроль за ходом выполнения заказов [9].

Исходя из этих задач можно выделить следующие направления деятельности Особого совещания:

- планирование заготовительной деятельности довольствующих управлений военного ведомства;
- создание условий для перевода промышленных предприятий на производство продукции военного назначения;
- организация контроля за деятельностью предприятий и ходом выполнения заготовительных планов ведомств;
- содействие развитию новых отраслей промышленности, строительству новых предприятий;
- обеспечение народного хозяйства рабочей силой;

- вопросы работы транспорта и доставки военных грузов из-за границы;
- содействие эвакуации промышленных предприятий;
- реквизиции и секвестр;
- организация снабжения промышленности металлами;
- организация заграничного снабжения;
- содействие заготовительной деятельности довольствующих управлений военного ведомства;
- использование потенциала средней и мелкой промышленности в интересах обороны путем взаимодействия с общественными организациями.

Масштабы заготовительной деятельности довольствующих управлений Военного министерства, гигантские размеры финансовых средств, требующиеся для этого, заставили Особое совещание по обороне заняться планированием этой деятельности.

Планирование заказов осуществлялось на основании расчетов довольствующих управлений – артиллерийского, военно-технического, интендантского и военно-санитарного. Исходными данными таких расчетов становились: существовавшие нормы снабжения предметами довольствия и количество расчетных единиц (подразделений, частей, соединений), количество планировавшихся новых формирований тех или иных родов войск, ежемесячная убыль предметов довольствия по опыту боевых действий, типы заказываемых предметов снабжения, мощности отечественных предприятий по производству данного вида продукции. Кроме того, при наличии возможностей промышленности, планировалось также создание войсковых и тыловых запасов.

В общей сложности под контролем Особого совещания по обороне довольствующими управлениями Военного министерства были спланированы три заготовительные компании – с предельными сроками выполнения заказов до 1 июня 1916 г., 1 июля 1917 г. и 1 июля 1918 г.

Важнейшим направлением деятельности Особого совещания по обороне стало привлечение к работе «на оборону» широкого круга предприятий, как частных, так и казенных. Для этого требовалось создание определенных условий, прежде всего путем их финансирования за счет средств казны. В целях снижения рисков для казны была налажена система предварительного мониторинга финансового и технического состояния хозяйствующих субъектов, а также созданы механизмы контроля за ходом выполнения военных заказов. Важнейшими частями этого механизма были органы Особого совещания по обороне: три подготовительные комиссии (по общим, артиллерийским и авиационным вопросам), наблюдательная комиссия, а также уполномоченные председателя Особого совещания на местах и «состоящие при них» заводские совещания.

В отношении предприятий, привлекавшихся к выполнению военных заказов, практиковались выдачи авансов без обеспечения. Однако, чтобы гарантировать при этом обеспечение интересов казны, такие выдачи сопровождалась предварительной проверкой финансового положения фирмы и ее технической способности выполнить контракт. Авансы выдавались, как правило,

в размере 30% от стоимости заказов, и только когда для его выполнения требовалось приобрести новое оборудование размер аванса мог быть увеличен до 65%. Выдачи разрешенных Особым совещанием авансов производились по частям, при чем чтобы получить очередную часть предприятие должно было представить удостоверение правительственного чиновника о расходовании предыдущей части аванса по прямому назначению. Зачастую в состав правлений тех фирм, которым предоставлялись авансы, включались правительственные инспекторы для контроля за расходованием казенных средств.

Выделение крупных финансовых средств сопровождалось созданием достаточно сложной системы контроля за ходом выполнения военных заказов. Главную роль в этом деле играла специально созданная наблюдательная комиссия Особого совещания во главе с председателем Государственного совета. Основное внимание наблюдательная комиссия уделяла проверке деятельности тех предприятий, которые хронически не исполняли принятые на себя обязательства по поставкам продукции военного назначения. Кроме этого комиссия регулярно заслушивала представителей довольствующих управлений о ходе выполнения планов обеспечения армии.

О действенности работы наблюдательной комиссии один из сотрудников ее делопроизводства писал следующее: «Если обнаруживалось, что в текущем месяце на каком-либо заводе производство предметов обороны уменьшалось или не увеличивалось, то комиссия постановляла сделать запрос о причинах неисправности завода. Тогда на завод отправляли грозный запрос за подписью председателя Государственного совета. Он имел обыкновенно благоприятные результаты, - и производство увеличивалось. В редких случаях, если завод оказывался безнадежно неисправным и не внимал предупреждениям и угрозам, против него постановлялось принять экстренные меры» [10].

Помимо работы наблюдательной комиссии контрольные функции Особого совещания реализовывались путем: периодических рассмотрений хода снабжения на пленарных заседаниях Совещания; обследования отдельных предприятий и целых промышленных «кустов» временными комиссиями по назначению Совещания; работы на местах заводских совещаний, на которые, согласно регламентировавших их работу «Правил о порядке действий...», возлагалось «обследование деятельности предприятий в отношении использования ими своих технических средств...», «рассмотрение вопросов о порядке исполнения заказов разных ведомств предприятиями» [11].

Узость отечественной промышленной базы при необходимости не только обеспечить действующую армию в ходе идущей войны, но и добиться определенной самодостаточности в этом вопросе на будущее требовало от Особого совещания заниматься развитием внутреннего производства разнообразных предметов боевого и материально-технического снабжения вооруженных сил. Согласно закону от 17 августа 1915 г. на совещание возлагалось «содействие образованию новых заводов и иного рода промышленных предприятий, ... а равно переустройству, расширению и правильному ходу деятельности существующих» [12].

Такое содействие со стороны Совещания и его органов осуществлялось путем:

- предоставления предприятиям ссуд;
- выдачи авансов в увеличенных размерах под заказы, которые предстояло исполнить на новых производственных мощностях;
- выдачи валюты по льготным курсам для закупки импортного оборудования;
- содействия в доставке оборудования из-за границы и перевозке его к местам назначения внутри страны и др.

Во многом благодаря содействию со стороны Особого совещания по обороне наибольшего развития в годы Первой мировой войны получили такие отрасли народного хозяйства России:

- химическая промышленность. «Творцом» этой отрасли по праву считается выдающийся химик и организатор производства профессор Михайловской академии генерал-майор В.Н. Ипатьев, возглавлявший комиссию по заготовке взрывчатых веществ (позднее – Химический комитет) при ГАУ. Не будучи непосредственно структурным элементом Особого совещания по обороне, эта комиссия (комитет) тем не менее в полной мере опиралась на авторитет Совещания, а сам В.Н. Ипатьев по сути дела стал уполномоченным его председателя по вопросам химического производства;

- автомобильная промышленность. В начале 1916 г. правительством было принято решение о поддержке проекта строительства пяти частных автозаводов (товарищества «Кузнецов и Рябушинский» и Русско-Балтийского вагонного завода в Москве, АО воздухоплавания «В.А. Лебедев» в Ярославле, АО «Русский Рено» в Рыбинске и АО «Аксай» в пригороде Ростова-на-Дону Нахичевани), а также казенного автозавода в Мытищах, соорудившегося фирмой «Британское инженерное общество Сибири»;

- авиационная промышленность. Благодаря всемерной поддержке со стороны Особого совещания по обороне, производительность отечественных авиационных предприятий возросла в 1917 г. по сравнению с довоенным периодом почти в 10 раз [13];

- электротехническая промышленность. В годы войны была начата региональная диверсификация этой отрасли в связи со строительством ряда предприятий вне Петроградского промышленного района (кабельный завод в Харькове, телефонно-телеграфные заводы там же в Харькове, а также в Москве и Нижнем Новгороде).

Определенный толчок к развитию получили также станкостроение, подшипникостроение, резиновое и оптическое производства.

Особое совещание активно занималось решением вопросов обеспечения промышленности необходимыми для ее работы ресурсами, поступление которых по обычным каналам в условиях войны было затруднено или вовсе прекратилось. С этой целью был создан целый ряд функциональных органов Совещания, отвечавших за определенные направления деятельности. К их числу относились:

- Комитет по делам металлургической промышленности. В январе-августе 1916 г. данный орган переходит от посреднической деятельности по размещению заказов на металл к регулированию его распределения. Для этого привлекается учетно-распределительный аппарат обществ «Продамета» и «Кровля», что повлекло за собой необходимость централизованного установления высших предельных цен. В августе 1916 г. происходит полная централизация всего дела снабжения металлами промышленности, работающей на оборону, в руках главноуполномоченного председателя Особого совещания генерала-от-инфантерии А.З. Мышлаевского. Начинает налаживаться, а с октября 1916 г. осуществляется централизованное распределение всего производимого металла. С декабря 1916 г. предпринимаются попытки вмешательства в регулирование самого металлургического производства путем организации централизованного снабжения металлургических заводов топливом и сырьем [14]. Даже советские авторы признавали, что Особому совещанию удалось справиться с задачей «направить имеющийся металл исключительно на нужды фронта», следствием чего явился известный рост военного производства в стране и смягчение кризиса вооружения армии [15];

- реквизиционная комиссия. В условиях войны реквизиции стали важным инструментом перераспределения материальных производственных ресурсов между хозяйствующими субъектами в целях их эффективного использования. Для централизации и координации реквизиционной деятельности в ноябре 1915 г. при Особом совещании была учреждена реквизиционная комиссия. Она была завязана, с одной стороны, на председателя Совещания, имевшего единоличное право утверждать решения о реквизиции и секвестре, а с другой стороны, на главные управления военного министерства и заводские совещания, откуда в комиссию поступали ходатайства об осуществлении реквизиций. Все местные власти, уполномоченные производить реквизиции, отныне имели право делать это только при положительном заключении реквизиционной комиссии [16];

- комиссия по учету и распределению иностранной валюты, заграничные заготовительные органы (Русский правительственный комитет в Лондоне, Комитет по заготовлению в Америке предметов боевого и материального снабжения армии). С помощью этих органов Особое совещание осуществляло контроль за импортными поставками. В условиях нарушенных войной международных экономических связей, дефицита на мировом рынке многих видов оборудования, сырья и материалов, необходимых для функционирования военного производства, это стало мощным рычагом воздействия на промышленность.

Острой проблемой, лихорадившей промышленность, была нехватка рабочих кадров, вызванная большим отрывом их по мобилизации и очередными призывами. Как писал А.И. Гучков, «в условиях настоящей войны промышленность должна быть рассматриваема как особый род оружия не менее необходимый, чем артиллерия или пехота, а люди, работающие на дело снабжения армии – такими же необходимыми воинами, как солдаты на фронте» [17].

Основными способами решения этой проблемы, которые использовались Особым совещанием по обороне, были:

- предоставление отсрочек от призыва военнообязанным работникам предприятий, выполняющих военные заказы;
- возвращение на предприятия призванных ранее квалифицированных рабочих и техников;
- использование труда военнопленных, иностранных рабочих, инородцев;
- снятие ограничений на использование труда женщин и подростков;
- привлечение населения к принудительным работам (реквизиция труда);
- подготовка кадров рабочих и техников для работающих на оборону предприятий;
- противодействие нарушениям нормального хода рабочего процесса на предприятиях (забастовки, переходы рабочих с завода на завод и т.п.).

Большое внимание Особое совещание по обороне уделяло обеспечению функционирования транспортной и энергетической инфраструктуры страны. В соответствии с законом от 17 августа 1915 г. вопросы регулирования поставок топлива и осуществления перевозок перешли в ведение специализированных Особых совещаний. Однако хронический характер перебоев в работе транспорта вынуждал Особое совещание по обороне регулярно обращаться к этой проблеме. К числу важнейших вопросов, обсуждавшихся Совещанием, можно отнести: организация доставки военных грузов из-за границы (финансирование расходов по транспортировке грузов, передача организации морских перевозок в руки правительства Великобритании, обеспечение безопасности перевозок), обеспечение работы Петроградского железнодорожного узла, распространение правил о приоритетном исполнении предприятиями казенных заказов на заказы МПС [18], усиление использования для перевозок грузов внутренних водных путей, улучшение работы Архангельского порта и Архангельской железной дороги и др.

О том внимании, которое вынуждено было оказывать Особое совещание по обороне вопросам работы транспорта и доставки военных грузов из-за границы, наглядно свидетельствует, к примеру, тот факт, что из 146 заседаний Совещания, прошедших в период с 26 августа 1915 г. по 22 февраля 1917 г., данные вопросы в той или иной степени рассматривались в ходе 58 заседаний.

Совершенно новым явлением в условиях Первой мировой войны стала массовая эвакуация как мирного населения и правительственных учреждений, так и промышленно-торговых предприятий. Уже на первом заседании Особого совещания по обороне 26 августа 1915 г. была учреждена эвакуационная комиссия, которую возглавил председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Комиссии предоставлялись полномочия по рассмотрению вопросов о «заблаговременном выборе мест и помещений и о приспособлении последних для предприятий, переводимых из местностей, угрожаемых нашествием неприятеля, в места безопасные» [19].

Основным способом содействия в эвакуации предприятий являлось оказание им финансовой помощи, которая производилась на основании «Правил о

способах и порядке оказания содействия эвакуируемым предприятиям к возобновлению их деятельности на новых местах» [20]. С помощью организованной сети районных комиссий и подкомиссий впервые была предпринята попытка заблаговременного планирования эвакуации из угрожаемых районов промышленных предприятий, населения, хлебных запасов, сельскохозяйственных машин и проч. [21]

Определенную роль в решении задач снабжения армии сыграли так называемые общественные организации, к числу которых относились: военно-промышленные комитеты, Главный комитет по снабжению действующей армии Всероссийских земского и городского союзов (Земгор), Комитет военно-технической помощи, Петроградский комитет средней и мелкой промышленности, ряд других предпринимательских организаций. Особое совещание с самого начала своего существования активно сотрудничало со всеми этими организациями, оказывая им всестороннюю поддержку.

По сути дела, общественным организациям была поручена мобилизация мелких промышленных предприятий, ремесленных мастерских, кустарей, тех производителей, которые никогда ранее не привлекались к военному производству. Сюда же следует добавить те ниши крупного промышленного производства, которые оставались незадействованными прямыми казенными заказами.

Роль общественных организаций в системе военно-экономической мобилизации очень точно отметил член Особого совещания по обороне от Госдумы Н.Н. Львов: «... если успехи той мелкой и средней промышленности, какая была привлечена к обороне, и не выражается донныне в очень крупных цифрах, то без содействия общественных организаций их производительная сила осталась бы совсем не использованной, так как артиллерийское ведомство фактически не могло бы довести свой организационный почин до тех глубоких слоев общества, с какими соприкасается, например, земство...» [22].

Подводя итоги, следует отметить ряд уроков, вытекающих из опыта деятельности Особого совещания по обороне.

Опыт этот показывает, как по мере продолжения военного противоборства, сама структура Совещания, компетенции его отдельных структур, полномочия должностных лиц развивались по линии централизации, ухода от совещательного и коллегиального решения вопросов к возложению ответственности на одно руководящее лицо, что в условиях напряженной обстановки военного времени было полностью оправдано. Отсюда – урок первый: высший орган по руководству военно-экономической мобилизацией должен возглавляться наиболее авторитетным лицом, обладающим всеобъемлющими властными полномочиями. Если в условиях современной войны работа тыла уподобляется сражающемуся фронту, то и возглавляться он должен одним лицом по образу Верховного главнокомандующего на фронте.

Вторым уроком деятельности как Особого совещания по обороне государства, так и всей системы органов военно-экономической мобилизации России времен Первой мировой войны является то, что обязательным условием

успешности такой мобилизации является обеспечение консолидации всех слоев общества, всех политических сил страны на решение важнейшей задачи – обеспечения победы над противником. В условиях массовой армии, в условиях перестройки на военный лад всего народного хозяйства страны отсутствие такой консолидации сказывается самым отрицательным образом, как на боеспособности армии, так и на способности тыла переносить тяготы военного времени и делать все возможное для обеспечения действующей армии.

Многие недостатки в деятельности органов военно-экономической мобилизации, как и в самой их структуре, были вызваны тем, что формировались они, так сказать, «с колес», в условиях внутривластного кризиса и военных поражений. Как писал об этом Е.З. Барсуков, «Импровизированная мобилизация русской промышленности и работа ее на боевое снабжение без определенного плана и без объединяющего высшего руководства привела ко многим ошибкам, которые не могли быть исправлены до конца войны» [23]. Отсюда – урок третий: структура, состав, задачи и порядок действий органов военно-экономической мобилизации должны быть определены заблаговременно в мирное время. Более того, в мирное время эти органы должны уже существовать в эмбриональном (законсервированном) состоянии подобно тому, как в этот период существует и действует кадровый состав военной промышленности.

В целом, деятельность Особого совещания по обороне показала возможность и необходимость осуществления государством в условиях рыночной экономики режима «ручного управления» хозяйственными процессами в экстремальных условиях войны. Опыт работы Совещания был учтен при формировании мобилизационной модели экономики советского образца.

Литература

1. Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М.-Л.: Госвоениздат, 1926. С. 97.
2. Ребуль. Военные производства во Франции в 1914-1918 гг. / пер. с фр. В.Э. Гермониус. М.-Л.: АО «Промиздат», 1926. С. 5.
3. Ребуль. Военные производства во Франции в 1914-1918 гг. / пер. с фр. В.Э. Гермониус. М.-Л.: АО «Промиздат», 1926. С. 7.
4. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 70.
5. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 20. Л. 114.
6. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (далее – ЖОСО). 1915 год. М., 1975. С. 537.
7. Положение об Особом Совещании для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 527-529.
8. Там же. С. 530.
9. Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 531.
10. Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. / Публ. В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. С. 678.

11. Правила о порядке действий районных (местных) уполномоченных... / Сборник постановлений, определяющих участие гражданских властей, общественных учреждений и населения в обеспечении войск различными видами довольствия. Изд. 3-е доп. Пг., 1917. С. 47.
12. Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 531.
13. Дузь П.П. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.). 3-е изд., доп. М.: Машиностроение, 1989. С. 10.
14. Бovyкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959. № 3. С. 111-112.
15. Тарновский К.Н. Металлургическая промышленность России и политика царского правительства по ее регулированию в годы первой мировой войны. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1955. С. 14.
16. Положение о реквизиционной комиссии при Особом совещании... / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 34. Л. 68.
17. Записка А.И. Гучкова на имя военного министра А.А. Поливанова от 17 сентября 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 6. Л. 2 об.
18. Журнал № 11 Особого совещания... Заседание 30 сентября 1915 г. / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 310.
19. Журнал № 1 Особого совещания... Заседание 26 августа 1915 г. / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 210.
20. Журнал № 7 Особого совещания... Заседание 16 сентября 1915 г. / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 269.
21. Журнал № 57 Особого совещания... Заседание 19 марта 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. М., 1977. С. 168.
22. Журнал № 61 Особого совещания... Заседание 2 апреля 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. Т. I. М., 1977. С. 201.
23. Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. С. 209.

Алексеева С. И.

Военные заказы Ремесленного училища цесаревича Николая

Российская империя вступила в Первую мировую войну с незавершёнными военными программами. Уже в 1914 г. казённую промышленность захлестнул вал военных заказов. Для участия в битве военных технологий при ограниченных возможностях и экономической незаинтересованности частного капитала потребовалась мобилизация всех производственных ресурсов страны. К выпуску военной продукции привлекались самые разные учреждения, включая благотворительные организации и учебные заведения.

Одним из них стало Ремесленное училище цесаревича Николая (РУЦН), созданное в 1875 г. при частном благотворительном учреждении – Доме призрения и ремесленного образования бедных детей в С.-Петербурге. Дом призрения находился под покровительством императора Николая II и с 1911 г. состоял в ведении Собственной е. и. в. канцелярии. В РУЦН подростки 12–15 лет получали начальное профессионально-техническое образование. Это была школа-интернат закрытого типа с культом Романовского монархизма. Подобранный персонал тщательно охранял политически неразвитую массу учеников от революционных идей.

Пятилетний учебный план, помимо небольшой теоретической подготовки, включал 4560 часов производственного обучения. Училище располагало двумя механическими, тремя слесарными, на 25–30 человек каждая, мастерскими, кузницей и литейной. Все они были оборудованы станками первоклассных зарубежных фирм: одного из крупнейших производителей вооружений в Европе завода Людвиг Леве, фирмы «Шухардт и Шютте», американских машиностроительных заводов братьев Прентис (Массачусетс), «Грей и К^о» и других. Хорошая оснащённость и многолетний опыт изготовления промышленной продукции для предприятий и ремесленных школ позволяли силами воспитанников старших классов Училища выполнять работы, требующие высокой точности.

С первых дней войны заказчиками изделий РУЦН в основном выступали оборонные ведомства Российской империи. Это были различные подразделения Военного министерства: Технический комитет Главного военно-технического управления, Центральная научно-техническая лаборатория, Военно-воздушный флот, Охтинский завод взрывчатых веществ и Завод военно-врачебных заготовлений, Военно-автомобильная и Военно-авиационная школы, Военно-топографическое училище. Не менее важным заказчиком являлись структуры Морского министерства: Главное гидрографическое управление, Главное управление кораблестроения и подконтрольное морскому ведомству общество Франко-русских заводов. Выполнялись также заказы гражданских учреждений, благотворительных организаций и акционерных обществ.

Стоимость работ, произведённых слесарной мастерской и литейной РУЦН в одном только 1914/15 учебном году составила 19460 руб. 30 коп. [8. Л. 18.]. По воспоминаниям мастера Училища И. И. Жмудзинского, на выполнении военных заданий ученики трудились с 8 утра до 10 часов вечера [5. С. 7.]. Но это не отменило аттестационных работ, хотя учебный год в выпускном классе был завершён досрочно, с тем, чтобы воспитанники успели с 1 мая поступить в военную службу.

Мастерским Военно-автомобильной школы – головного центра, осуществлявшего автомобилизацию всей русской армии – были поставлены три поперечно-строгательных станка с кулисным приводом, два винторезных токарных станка типа Е, один винторезный станок типа В, слесарный инструмент, бронзовое и чугунное литьё, а также произведён ремонт зубчатых передач и механизмов автомобилей. Завод военно-врачебных заготовлений и общество Красного креста, резко увеличившие с началом войны выпуск перевязочных материалов, снабжались прессами, бинтомотальными и бинторезными станками. Для оборудования Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства, занимавшейся научно-техническими исследованиями и контролем производства предметов снабжения армии, был изготовлен строгательный станок с принадлежностями. В течение всей войны мастерские делали бомбы для бомбомётов, отправлявшиеся в снаряжательный отдел Охтинского завода взрывчатых веществ. По заказу Технического комитета Главного военно-технического управления, ведавшего снабжением войск и изучением военно-технических изобретений, было изготовлено 500 корпусов зажигательных снарядов с принадлежностями и упаковкой [8. С. 17].

С лета 1915 г. выполнение военных заказов осложнилось дефицитом рабочих

кадров, способных руководить действиями учеников. Призыв ратников 2-го разряда коснулся заведующих специальными и точными механическими работами в РУЦН. Ряд служащих для отбывания воинской повинности был причислен к мастерским Военно-автомобильной школы. Вопрос об отсрочке от призыва по примеру заводов, имевших военные заказы, дирекции Училища пришлось решать на уровне военного министра. В 1916 г., кроме большого числа снарядов, были изготовлены краны для баллонов с отравляющими газами, не менее пяти станков для обточки капсюльных втулок и не менее двадцати станков для нарезки ружейных стволов [7. С. 1–9.].

Многие изделия, в особенности произведённые выпускниками механико-оптического и часового отделения РУЦН, до начала войны приобретались вооружёнными силами России только за границей [2. С. 98–102.].

По поручению Института гражданских инженеров императора Николая I был сделан прибор для измерения натяжения металлов при разрыве.

Для военно-морского флота изготовлены четыре привода к счётчикам Валесси, представлявшим собой вариаторы-редукторы в комбинации с секундомером [8. С. 24.]. Прибор Валесси обеспечивал поддержание заданной частоты вращения гребного вала для сохранения кораблём своего места в эскадренном строю [11. С. 87–91.]. Заказ был получен от общества Франко-русских заводов, задействованного в комплектовании механизмами первых дредноутов русского флота типа «Севастополь» – «Гангут» и «Полтава», вступивших в строй в ноябре – декабре 1914 г. [9. С. 1.]. В 1915 г. «Гангут» и «Полтава» участвовали в обороне центральной позиции флота на Балтике и обеспечивали постановку минных заграждений для отражения возможного нападения на Петроград с моря. Вместе с другими кораблями серии – «Севастополем» и «Петропавловском» – они составили 1-ю бригаду линкоров Балтийского флота, базировавшуюся на рейде Гельсингфорса, прикрытого орудиями Свеаборгской морской крепости. В Первую мировую войну Свеаборг оказался единственной укреплённой военной гаванью западной части Финского залива. С целью защиты действующей базы Балтфлота в октябре 1914 г. правительству пришлось начать широкомасштабные работы по усилению старых и строительству новых орудийных батарей Свеаборга. Для Свеаборгской крепости в РУЦН было изготовлено пять уровней к крепостным квадрантам, необходимым для установки угла возвышения ствола орудия при стрельбе по невидимым целям. Уровни были вышлифованы на станке, изобретённом заведующим механико-оптической и часовой мастерской Училища Н. Б. Завадским. Он произвёл все расчёты для оптических работ, а чертежи изготовили помощник мастера механико-оптического и часового отделения В. И. Вишев и преподаватель-руководитель специальных работ, выпускник отделения Б. М. Матвеев.

По заданию Главного гидрографического управления были исполнены детали самописца для автоматической передачи записей показаний судового компаса искровым методом по системе будущего профессора-геофизика М. И. Гольцмана [8. Л. 24.]. Этому изобретению, предвосхитившему методы телеметрии, оказали поддержку основоположник теории корабля, выдающийся кораблестроитель А. Н. Крылов и видный специалист компасного дела В. Я. Павлинов, лично ознакомившиеся с действием прибора Гольцмана [4].

Война в воздухе потребовала разработки бомбардировочных прицелов, без которых операция бомбометания носила случайный характер, не оправдывая понесённых затрат и рисков. Особенно актуальной эта задача была для России, обладавшей к началу войны одним из лучших военно-воздушных флотов мира. В РУЦН были изготовлены сто часовых механизмов для бомбового прицела штабс-капитана В. И. Толмачёва, удостоенного осенью 1913 г. первого приза на конкурсе Военного министерства. Определение момента сбрасывания бомбы в прицеле Толмачёва основывалось на применении секундомера с обратным ходом. Секундомер имел неподвижную шкалу высот, относительно которой устанавливался электроконтакт для автоматического освобождения бомбы или включения сигнальной лампочки сбрасывания, питаемой трёхвольтовой батареей. [1. С. 18–21.]. Другим вкладом Училища в разработку проблем прицельного бомбометания стало изготовление модели автоматического прицельно-метательного аппарата системы профессора прикладной механики Г. Л. Тираспольского [10. С. 21, 67].

В годы войны шёл усиленный поиск и разработка средств для преодоления позиционных заграждений противника, затруднявших атаки пехоты. Войска требовали ручных ножниц, годных для резки колючей проволоки толщиной в 10 мм. Модель подобных ножниц, изготовленная в мастерских РУЦН, стала ещё одним изобретением заведующего механико-оптической и часовой мастерской Училища Н. Б. Завадского и его помощника Б. М. Матвеева.

Война вызвала взрыв интереса к отечественному кинематографу. Хроникальные и игровые фильмы спешили запечатлеть для истории моменты военной жизни, обозначить ближайшие политические задачи правительства и пробудить патриотические чувства русского общества. Освобождение от иностранной конкуренции и усиление спроса на кинематографическую продукцию породили необходимость расширения и переоснащения кинопроизводства. В 1914 г. начал действовать кинематографический отдел акционерного общества «Биохром», организованный знаменитым пионером отечественной цветной фотографии и цветной кинематографии С. М. Прокудиным-Горским для эксплуатации своих изобретений. По заказу «Биохрома», сотрудничавшего с благотворительным Скобелевским комитетом, на который император Николай II возложил монопольное право производства съёмок в войсках, РУЦН осуществило переделку съёмочного аппарата для цветной кинематографии по системе С. М. Прокудина-Горского [8. С. 24.]. Известие о работе РУЦН над съёмочным аппаратом Прокудина-Горского звучит едва ли не сенсационно, поскольку все исследовательские решения о его вкладе в развитие цветного кинематографа до сих пор носят гипотетический характер [6. С. 141–152]. Судя по всему, речь шла об усовершенствовании аппаратуры, изготовленной по заказу Прокудина-Горского в первой половине 1914 г. во Франции [3. С. 32–97.].

Изучение военных заказов РУЦН расширяет источниковую базу истории Первой мировой войны, раскрывает новые подробности политики самодержавия в обеспечении армии и флота. В номенклатуре заказов Училища, как в капле воды, отразились проблемы снабжения русской армии в условиях длительной

позиционной войны, появления новых видов вооружений, вынужденного сокращения импорта военной продукции, несогласованности мобилизационных планов отдельных ведомств. Большинство выполненных работ носило опытно-конструкторский характер. Это позволяло не отвлекать производственные мощности Петрограда на проекты далеко ещё не совершенные, а с другой стороны, демонстрировало высокий уровень профессионально-технической подготовки по программам Ремесленного училища цесаревича Николая.

Литература

1. Бабичев К. А. Исторический очерк развития бомбардировочных прицелов. М.; Л., 1948.
2. Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Т. 1. М., 2004.
3. Гаранина С. П. С. М. Прокудин-Горский. К публикации материалов из семейного архива и материалы к ней // Киноведческие записки. 1996. № 29.
4. Демидов В. Е. 77 электрических чувств. М., 1969. Web: <http://www.proza.ru/2012/08/24/1107> (дата обращения – 18.10.2014)
5. Жмудзинский И. И. К 20-летию юбилея Военно-механического института. [1952] // Музей БГТУ. БГТУ В. КП 407. Д 207.
6. Изволов Н. Феномен кино: история и теория. М., 2005.
7. ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 419. Оп. 1. Д. 140.
8. ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 321.
9. ЦГИА СПб. Ф. 1440. Оп. 11. Д. 943.
10. ЦГИА СПб. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 65.
11. Эссен Н. О. фон. Дифференциальный счетчик Валесси // Морской сборник. 1895. № 12. Неофициальный отдел.

Борисевич С. П.

Дипломатическое обеспечение галлиполийской десантной операции союзников (1914-1917гг.)

Надежды на возможность форсирования флота союзников Дарданелл 10 февраля -19 марта 1915 года не оправдались. Провал операции был очевиден. Неудача союзников в Дарданеллах имела чувствительные политические, военные и моральные последствия. Решением Военного совета от 27 марта военно-политическое руководство Великобритании пришло к “мысли открыть дорогу флоту десантной операцией крупных размеров”[1]. Основной целью операции по-прежнему оставался Константинополь. В Лондоне понимали, что город был не просто важным административным и экономическим центром империи, а столицей государства, его символом, защищать который турки были настроены всеми имеющимися в их распоряжении силами. Для защиты города, в ближайших к Константинополю районах, находилось до 400 тыс. человек.

В возникшей ситуации стратегический расчет ведения войны предполагал два варианта действий: первый – активизировав дипломатическую работу, быстро договориться с правительствами Греции, Румынии, Болгарии и Италии о совместных действиях, лишив турок превосходства в силах; второй – рассчитывая на собственные силы, добиться успеха за счет превосходства над противником в силах.

С военной точки зрения первый вариант был наиболее приемлем. Он давал возможность открыть новый фронт войны, втянув в ее ход все еще оставшиеся нейтральными государства Балкан. Вместо одного можно было создать, как минимум, три оперативных направления, (Дарданеллы, Фракия и Босфор), что лишало турецкое командование возможности маневрировать силами. К сожалению, британская дипломатия осуществить данный проект оказалась не способна. Дело в том, что возможность захвата Константинополя англо-французскими войсками ставила под угрозу срыва соглашение об интернационализации проливов достигнутое в ноябре 1914 года. Заявление министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея в палате общин 25 февраля о том, что точная форма правления “будет, несомненно, определена в условиях мира”[2], вызвала беспокойство не только у нее союзников, но и у правительств балканских государств.

Главенство англичан в Дарданельской операции позволяло им “закрепить за собой последнее звено в системе, обеспечивающей господство Англии над будущей Левантийской империей от Кипра и Суэца до Адена и Персидского залива”[3]. Глава МИД Франции Делькассе понимал, что вырвать из рук англичан временное управление Константинополем будет невозможно. Франция была теснее других держав связана с Константинополем. В столице Турции находился Совет оттоманского государственного долга, в котором влияние Парижа было решающим, так как большинством акций оттоманского банка владели французские финансисты. Турецкая столица была административным центром монополий, концернов и концессий, большинство капиталов которых принадлежало Франции. Значительная часть буржуазии этого города имела деловые связи именно с Францией. “Короче говоря, Константинополь был сердцем империи, опутанной сетью французских политических интересов и финансовых инвестиций, достигших суммы в 3 млрд. франков” - заключает Готлиб[4]. Поэтому Кэ д'Орсе делало все возможное, чтобы ослабить позиции англичан в этом районе. Противовесом мог стать русский военно-морской флот, который, получив выход из Черного моря, в случае надобности, уравнивал силы, противодействующие английскому флоту.

В первую очередь Франция отдавала предпочтение Салоникам, как базе для сферы влияния, которую она пыталась установить на Балканах, и как главному плацдарму на суше для наступления на Золотой Рог. Как говорил генерал Галлиени, “через Салоники пройти маршем к Константинополю”[5]. Для этого нужны было добиться у греков согласия участвовать в операции.

До начала операции дипломатические отношения между столицами держав Антанты и Афинами были сложными. Перед началом операции греческое руководство не решалось принять участие в ней. Однако 1 марта, “когда появились англо-французские пушки, чтобы открыть проливы”, премьер-министр Вензелос предложил союзникам свой армейский корпус. Основной причиной инициативы Вензелоса, как телеграфировал британский военный атташе, была “надежда на то, что греческие войска дойдут до Константинополя”[6], и король Константин с триумфом вступит в столицу. Решение об интернационализации

проливов поставило бы их в более выгодное положение благодаря большой, богатой, сплоченной и сильной прогрессивно настроенной общине их сограждан среди местных жителей .

В Англии желание греков было встречено с воодушевлением. По этому поводу Грей считал, что военная помощь Греции могла быть важной и необходимой для полного успеха операции, и при данных условиях было бы неразумно и даже преступно отклонить ее. Черчилль, “сильно обеспокоенный”, что МИД “упускает возможность для установления сотрудничества с Грецией”, требует от Грея быть “тверже и решительней на пути сотрудничества с греками”[7].

Казалось, первоначальный стратегический расчет “добиться получения необходимого количества живой силы” за счет Греции и Болгарии, получил реальную основу. Однако вмешательство России не позволило осуществить планы Даунинг-стрит.

В России считали, что появление греков в проливах “оказалось бы опаснее, чем сама Турция”. Весной положение на русском фронте стабилизировалось. Поражение русских армий в Восточной Пруссии было компенсировано поражением немцев у Прасныша. Положение войск Юго-Западного фронта в Галиции было очень устойчиво и не предвещало перемен к худшему. “Все это, и победа под Саракамышем, высоко подняли престиж России в Париже, особенно в Лондоне”[8]. Как вспоминал Сазонов: “В Петрограде сочли этот момент своевременным для перехода от общих разговоров и обещаний к формулированию точных обязательств”. Реакция Сазонова на попытки привлечь греческую армию была решительной и недвусмысленной: “Ни при каких условиях мы не можем допустить участие греческих войск во вступление союзных войск в Константинополь”[9].

В России решили сыграть на англо-французских противоречиях в вопросах “о разделе азиатской Турции”, “о Константинополе и проливах”, а так же “территориальных требованиях Франции в Европе”. 3 марта Николай II заявил французскому посланнику Палеологу: “Город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи”[10].

Сазонов, после утверждения царем границ требуемых Россией территорией вокруг Константинополя и проливов, вместе с английским и французским послами составил меморандум. В нем были выдвинуты требования, чтобы “город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия...часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос” были “окончательно” включены в состав Российской империи[11]. Взамен царское правительство соглашалось на любые компенсации союзникам.

Однако, чтобы сломить сопротивление союзников, “применение метода стремительного натиска” оказалось недостаточно. “Пришлось прибегнуть к угрозам и иным мерам воздействия”. 5 марта Сазонов заявил Палеологу, что если требования не будут удовлетворены, он подаст в отставку, а это “может привести

к замене его другим министром из числа тех лиц, которые еще имеются в России и являются приверженцами старой системы Dreikaiserbund'a"[12].

Сазонов нашел слабое место своих противников. Возможность заключения сепаратного мира с Германией, как заметил Грей, "не была блефом, это была реальная опасность"[13]. Граф С.Ю.Витте и его сторонники в петербургских великосветских салонах говорили об этом открыто, что сильно беспокоило союзных дипломатов и их правительства. Пуанкаре даже счел возможным выразить по этому поводу свое удивление находящемуся в Париже министру финансов России Барку[14]. Но самое опасное, заключалось в том, что немцы действительно стали искать дипломатический контакт с правительством России. В конце февраля русскую придворную даму М.А.Васильчикову, находящуюся в то время в австрийском "плёну", навестили "трое более или менее влиятельных людей", которые просили ее от имени австро-германского руководства передать русскому царю предложение о мире[15].

Как утверждает Корбетт, английскому МИД было "хорошо известно", что "Германия уже выработала соблазнительный план привлечения России к сепаратному миру и отречению от своих союзников"[16]. В сложившейся ситуации, англичане решили, что гораздо выгоднее для них передать контроль над проливами России. Великобритания памятной запиской от 12 марта первая согласилась удовлетворить требования царского правительства, "если война будет доведена до успешного окончания, если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции"[17].

Сазонов стал торопить французское правительство с заключением аналогичного соглашения. Предварительно вопрос был уже решен. 8 марта 1915 года МИД Франции заверил Сазонова, что он "может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в деле разрешения вопроса о Константинополе и проливах"[18]. Но Пуанкаре, под давлением финансовых кругов, в нарушение статьи конституции относительно неучастия президента в дипломатической деятельности, выступил против этого соглашения. Он считал, что обладание проливами поставит Россию "в один ряд с западными державами и даст ей возможность стать крупной морской державой. Такое возвеличивание и рост мощи России неприемлемы для нас". Пуанкаре потребовал от посла в России Палеолога "заставить императора и русского министра (Сазонова) понять, что надо в большей мере отдавать должное постоянным интересам союзников"[19].

Интриги французов вызвали раздражение в Петрограде. Пришлось напомнить союзникам, что "Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено немало самопожертвования ради облегчения положения Франции.... В данный момент русская армия сражается против 50 германских, 46 австрийских дивизий и на Кавказском фронте притягивает свыше 200 батальонов турецкой армии"[20]. Против такого аргумента возражать было трудно. Как вспоминал Пуанкаре "Мы не могли не считаться с требованиями России", так как "если Россия обозлится и решится вступить в переговоры с Германией, то 52 немецких и австрийских корпуса, находящиеся теперь на

Восточном фронте, обратятся против нас”[21]. Лишь 10 апреля французское посольство уведомило Сазонова, что “правительство республики дает свое согласие” на удовлетворение требований России[22].

Для того чтобы исключить среди членов Антанты действия по секретным переговорам о мире с противником, союзники в секретной декларации от 26 апреля подтвердили свои обязательства “не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны”[23].

Позиция России повлияла на планы военно-политического руководства Англии по вовлечению в войну против Турции и ее второго потенциального союзника – Болгарии. Сазонову стало известно от посланника в Афинах, что военный атташе Англии активно прорабатывает возможность высадки войск в болгарском порту Дедеагач, а не в хорошо укрепленном Галлиополи. Союзники предполагали обратиться к царю Фердинанду с просьбой разрешить свободный проход англо-французских войск численностью 150-200 тыс. человек для соединения с русскими силами. Новое оперативное направление наступления союзников с севера могло значительно облегчить прорыв флота в Дарданеллах, а участие в боевых действиях болгарских войск ослабляло позиции России.

Враждебно настроенный по отношению к Петрограду болгарский премьер Радославов дал понять англичанам, что “не нужно двух десантов, достаточно одного”. Участие русских сил, по мнению болгарского руководства, было вовсе не обязательно. Царь Фердинанд, притязания которого на византийскую корону были не менее настойчивыми, чем греческого, был готов допустить на свою территорию войска Англии и Франции за счет определенных компенсаций[24].

Россию такой вариант развития событий не устраивал. По мнению командующего Черноморским флотом адмирала Эбергарда, для овладения проливами русским военным кораблям был “крайне необходим” болгарский Бургас, “как наиболее надежная и ближайшая база”[25]. Сазонов пытался получить согласие союзников на силовое решение этой проблемы, так как дипломатическим путем договориться с болгарями не удалось, но получил твердый отказ. По мнению Грея, это было бы весьма серьезной политической ошибкой. Союзники дали понять, что ситуация исключает всякую возможность проведения Россией самостоятельных операций в проливах.

Сазонову оставалось добиться у союзников хотя бы “символического” участия России в операции. Разгорелась настоящая дипломатическая битва. Пуанкаре вспоминал: “Изо дня в день Париж, Лондон и Петроград обменивались телеграммами. Можно подумать, что наши флаги уже развеваются над Золотым Рогом”[26]. В итоге, идея высадки русских войск “была потоплена в болоте болгарской политики”, союзники вынуждены были оставить план удара по Турции с территории Болгарии. Теперь Англия и Франция могли рассчитывать только на собственные силы.

Таким образом, военно-политическое руководство Англии очередной раз взяло на себя право решать, как использовать войска союзников, которые освобождались в условиях позиционного противостояния на франко-германском фронте. Задуманный английской дипломатией ход по вовлечению вероятных

балканских союзников, которые получали самые щедрые обещания, позволял ей использовать плоды будущего успеха в своих целях. Но в России уже не верили в бескорыстную помощь. Сазонов, который отчаянно сражался за право России обладать проливами, был готов на самые решительные меры, даже в ущерб главному театру войны, дабы не допустить союзников в Константинополь без участия русских войск. К сожалению, в результате непреодолимых русско-болгарских противоречий, Болгария оказалась союзником Германии, что в дальнейшем значительно осложнило проведение Галлипольской операции и, в итоге, ее неудачу.

Литература

1. Коленковский А.А. Дарданелльская операция. - М.:1933. - С. 41.
2. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. - М.: Соцэкгиз,1960. - С.128.
3. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. – Т.1-2. - М.: Госэкономиздат,1934. Указ. соч. - С.384.
4. Готлиб В.В. Указ. соч. - С. 137.
5. Ллойд Джордж Д. Указ. соч. - С. 384.
6. Churchill W. S. The World Crisis 1911 - 1918. - 5 vols.- London: Thornton Butterworth Ltd,1923 - 1931. – Vol 2. - Vol.2. - P.203.
7. Grey, sir E. Twenty - Five Years. 1892-1916. - 2 vols. - London: Hutchinson, 1925. - Vol.2. - P.178.
8. История внешней политики России. (Конец XV - 1917 гг.). - 5 т. - М.:1997. - Т.5. - С.466.
9. Сазонов Д. Воспоминания. - Берлин:1927. - С. 301 - 302.
10. Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. - М.: АН СССР, 1947. - С. 365 - 366.
11. Международные отношения 1870-1918гг: Сборник документов. - М.: Издание ВПА, 1940. - № 223. - С. 335.
12. Нотович Ф.И. Указ. соч. - С. 369 - 370.
13. Gray E. Op. cit. - Vol.2. - P.178.
14. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917гг. - 8т. – Т. 7 - Ч.1. - № 312.
15. Константинополь и проливы. Документы бывшего министерства иностранных дел. / ред. Е.А. Адамова. - 2 т. - М.: Литиздат НКВД, 1925 - 1926. - Т.2. - № 331. - С. 369 - 370.
16. Корбетт Ю. Некоторые принципы морской стратегии. - М.: Госиздат, 1932. - Т.2. - С. 204.
17. Международные отношения. 1870 -1918. - № 225. - С. 336 - 337.
18. Константинополь и проливы. - Т.1. - № 64. - С. 268 - 269.
19. Готлиб В.В. Указ. соч. - С.139 - 141.
20. Емец В. А. Очерки внешней политики России в Первой мировой войне. - М.: Наука, 1997. - С.144 - 145.
21. Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за десять лет. - 2т. - М.:1936. - Т.1. - С.412.
22. Константинополь и проливы. - Т.1. - № 99. - С. 295.
23. Международные отношения. 1870 -1918. - № 186. - С. 305 - 306.
24. Янчулев с.А. Бораба за един световен град. 1907 - 917. - София:1945. - С. 109.
25. Золотарев В.А. Козлов Д.В. Российский военный флот на Черном море и восточном средиземноморье. - М.:1988. С. 97.
26. Пуанкаре Р. Указ. соч. - С. 414.

Булиан С.

Русский экспедиционный корпус во Франции в 1916-1918 гг.

В этом году во Франции отмечают столетие войны 14 года, и на одной из многочисленных выставок, организованных в связи с этим знаменательным событием, я выяснила, что русские бок о бок с французами воевали против немцев на территории Франции.

Прибытие русского войска во французскую провинцию Шампань – мало известный эпизод в истории первой мировой войны. Однако десятки тысяч солдат из далёкой России плечом к плечу со своими союзниками сражались в окопах Франции и восточных фронтов.

Первые месяцы войны обессилили французскую армию, испытавшую катастрофическую нехватку людей. По приказу генерала Жофра, Сенатор Поль Думер в декабре 1915 года направляется в Россию, чтобы обратиться к императору Николаю II с просьбой о поддержке истощенного французского войска солдатами из русской армии.

Заклучив в 1915 году соглашение с французами, императорское правительство России сформировало 4 пехотинские бригады, включавшие 44 000 человек, и разделило их на 8 отрядов. Вторая и четвертая бригады были отправлены в Салоники, на Восточный фронт, войдя в состав войска под командованием генерала Сарала. Бригады были расформированы лишь в январе 1918 года.

Первая бригада генерала Лошвицкого весной 1916 года прибыла в Марсель, а третья, во главе с генералом Марушевским, в конце августа была дислоцирована в Бресте. Эти солдаты, общей численностью в 20000 человек, были помещены в лагере в населенном пункте Майи, где им было выдано современное оружие и проведен инструктаж по технике его применения. Французские военные каски русских солдат были увенчаны двуглавым орлом.

Французский народ встретил российских бойцов как спасителей: их участие в параде 14 июля 1916 воодушевило парижан.

Русские солдаты на фронте.

Русские солдаты активно участвовали в военных действиях. Первая бригада включала в себя два отряда, один из которых составили московские рабочие, а другой – крестьяне из города Самары. После осады крепости Ла Помпель, в июне, эта бригада вошла на линию фронта в г.Оберив, который находится в регионе Шампань. Третья бригада пришла на смену первой в октябре, замещая её до начала 1917 года. В апреле обе бригады были объединены и вошли в состав 5й армии генерала Мазеля для участия в боевых действиях в г. Нивель.

16 апреля русские атакуют северо-запад Реймса: за два дня они захватывают Курси, гору Спин, Сапиньоль. Они берут в плен порядка тысячи человек, но терпят тяжелые потери: 70 офицеров и 4472 солдат погибли, получили ранения или пропали без вести. 20 апреля ослабевшее войско получает подкрепление в виде французских военных сил. За боевые заслуги 1я и 3я бригады были награждены орденами.

Восстание.

Тяжелое напряжение, которое испытывала французская армия в 1917 году, не обошло стороной и русских солдат после потрясших Россию событий

Февральской революции и заключения Брестского мира, ознаменовавшего выход России из войны и прекращение боевых действий на Востоке. Царь Николай II 15 марта отрёкся от престола, а 13 апреля русские войска дали присягу Временному Правительству.

Во Франции русские солдаты, как и французские, устали от войны, тем более, никакого подкрепления для русских бойцов предусмотрено не было. Некоторые из них стали объединяться в комитеты по революционной модели и требовали возвращения в Россию.

Опасаясь восстания, командование направило русские бригады в лагерь города Нёфшато на северо-востоке Франции, где сторонники коммунистической революции, которые хотели прекратить воевать и отправиться обратно на родину, противостояли лоялистам нового правительства Керенского, согласным продолжать участвовать в боях вместе с французскими союзниками.

Но угроза восстания была уже неминуема. Революционная пропаганда день ото дня усиливалась, распространялись брошюры и агитационные листы, утверждавшие, что русские солдаты - это «пушечное мясо», проданное французам за оружие.

Пока обстановка не усугубилась, французское военное командование обеспокоилось тем, что распространение революционных идей может оказать влияние на солдат французской армии, многие из которых были склонны к мятежу. Было решено их изолировать, и в июле 1917 года 16 000 солдат, 300 офицеров с их 1700 лошадьми были размещены в удалённом от фронта лагере Ла Куртин в департаменте Крёз. Генеральный штаб оставил им всё снаряжение и оружие, в том числе пулемёты.

Первая бригада, состоящая в основном из солдат-коммунистов, 26 июня прибыла в Ла Куртин; за ней последовала и третья, которая практически полностью была на стороне Временного Правительства. Между солдатами двух бригад происходили столкновения. Вскоре последовал решительный отказ подчиняться офицерскому составу. Контроль над солдатами был потерян, и офицеры, в числе которых были и французы, были вынуждены покинуть лагерь. Вместе с ними ушло 6000 человек из третьей бригады и 400 – из первой. После этого было объявлено требование немедленного возвращения в Россию. Французские власти видели в восставших солдатах потенциальную угрозу, и было решено отправить их на родину.

Таким образом, в лагере Ла Куртин фактически было установлено самоуправление солдат и унтер-офицеров, составляющих в общей сложности около 10000 человек. Они требовали от Временного Правительства организацию их вывоза из Франции в Россию. Были избраны главы лагеря. Один из них, Балтайс, провёл переговоры с послами Керенского по вопросу возвращения солдат в Россию, однако переговоры не принесли ожидаемого результата и 25 июля были прекращены. После этого во главу мятежников становится выходец из Украины Афанасий Глоба.

Французские власти выдерживают строгий нейтралитет до тех пор, пока не выносят ультиматум, принуждающий бунтовщиков первой бригады сдаться.

Спустя недели переговоров, министр Обороны Поль Пэнлеве решает осадить Ла Куртин силами французской армии и восстановить порядок в лагере с непосредственным участием русских лоялистов Временного Правительства. 16 и 17 сентября артиллерия ведет огонь по лагерю, мятежники сдаются. Восстание унесло жизни около сотни человек.

Долгое время французские власти держали это восстание в тайне. Сознавая, что этот эпизод может лишь вызвать более серьезные беды, высшее военное командование решает расформировать обе бригады.

Что с ними стало?

После большевистского переворота французское правительство предоставило русским солдатам выбор между службой во французских вооруженных силах (в случае отказа от службы предлагалось пополнить ряды добровольцев французской армии) и работой в лагере на землях Северной Африки. Примерно 10 000 русских согласились отправиться в Африку, 4300 были отправлены в лагерь Алжира. В конечном итоге, все они вернулись на родину в 1919 году через Одессу. Около 400 солдат, вооруженных и экипированных за счет французского государства, сформировали добровольческий легион: батальон, который присоединится к первой марокканской дивизии генерала Догана. Русские героически сражаются в 1918 году в битвах в Сомме, в Суассонэ и Шемен де Дам. Батальон награждают французским военным крестом. После заключения мирного договора батальон занимает сектор Маннейма в Ренани. Это небольшое общество наделяется собственным флагом, торжественно врученным батальону маршалом Фошем, и заслуживает имя «Легион Русской Чести».

Героически сражались на восточном фронте солдаты второй и четвертой бригад; второй бригаде генералом Саралем от лица армии была объявлена благодарность за отвагу в битвах 1916 года в г. Монастырь.

Не стоит забывать и о судьбе множества русских пленных, взятых немцами. В 1918 году они вернулись во Францию. В то время, когда немцы терпели свои первые серьезные поражения, они привезли большое количество русских пленных на север и восток Франции, чтобы использовать их труд для строительства укрепительных сооружений. В последних боях на территории Франции в Шампане немцы, отступая, покинули своих пленных. Отданные в распоряжение самим себе, они были обнаружены французами в январе 1919 года, накормлены и распределены в лагерь с намерением в дальнейшем отправить их обратно в Россию.

Освобожденные пленники, не имевшие тесного контакта с революционными идеями, в большинстве своём предпочли остаться во Франции.

После войны большинство русских, переживших её, не нашли признания своих военных подвигов русской революцией, которая обвиняла воевавших в содействии капитализму. Они продолжили жить во Франции, образовав тесное сообщество.

Погибшие были похоронены на кладбищах Серни, Понтаверта и в местечке Сен-Илэр-Лё-Гранд в регионе Шампань. Место в Сен Илэр лё Гран было выбрано, чтобы почтить память русских солдат, павших на поле брани в

Шампани. 915 тел были погребены на кладбище, ставшем национальным некрополем, который поддерживается Государственным секретариатом министерства обороны. В 1936-37 гг. близ кладбища, по инициативе ассоциации Российских Ветеранов Войны на французском фронте, были сооружены часовня и православный монастырь. Полномочия этой организации в 1990 году были переданы Ассоциации Русского экспедиционного корпуса во Франции под председательством принца Сергея Оболенского. Каждый год ассоциация организует паломничество на эти священные места.

В Лотарингии около ста русских солдат похоронены на кладбищах в населенных пунктах Тьокур, Флире и Новьян-о-Пре.

Спасибо господину Клоду Адаму за предоставленные документы о пребывании русских солдат в Лотарингии (Франция).

Спасибо Екатерине Мусиной за помощь в переводе статьи на русский язык.

Литература

1. Guy Pedroncini, Les Mutineries de 1917, 1967
2. Rémi Adam, Histoire des soldats russes en France, 1915-1920 : les damnés de la guerre, Paris, L'Harmattan, 1996, 384 p.
3. Rémi Adam, 1917, la révolte des soldats russes en France, 2007 Éditions lbc, collection Histoire
4. Héros et mutins : les soldats russes sur le front français 1916-1918, Gallimard-DMPA, 2010

Захарова Т. В.

Мобилизация на Первую мировую войну в Якутской области: итоги 1914-го года

Количество призванных на Первую мировую войну из Якутии до сих пор не установлено. Так В.И.Фёдоров считает, что на начало 1915 г. в действующую армию было призвано 374 чел. [1]. По сведениям А.А.Павлова, за 1914 г. было призвано 302 новобранца [2].

Цель данной публикации – установить на основе достоверных источников по возможности точное количество призванных в первый год войны.

О войне в Якутии узнали из телеграммы Военного и Морского министров и Министра внутренних дел, которая была принята 17 июля 1914 г. [3]. Однако первым днём мобилизации было назначено не 18 июля, как в центральной России, а 25 июля 1914 г. [4].

В Якутии были открыты два призывных пункта: в Якутске и дополнительный – в Олёкминске, втором крупном городе области. Обращает на себя внимание, что пункты были организованы только в двух из пяти округов области и именно там, где проживало большинство военнообязанного населения (не инородцы). Как известно, социальную группу «инородцы» в дореволюционной Якутии составляли коренные народы – якуты, эвены, эвенки,

юкагиры, которые были освобождены от воинской повинности по Уставу об инородцах (1822). Следует добавить, что по состоянию на 1911 г. в области проживало 258 597 чел., и инородцы составляли 92,1% всего населения [5].

Как было указано в телеграмме военных министров, в первую очередь общей мобилизации были подвергнуты запасные чины – то есть мужчины, прошедшие армейскую подготовку и уволенные в запас [1]. Итоги призыва запасных нижних чинов в Якутии изложены в отчёте. Приведу самые необходимые сведения: состояло на учёте ко дню общей мобилизации – 331, из них не явилось на сборный пункт всего 20, в т.ч. без уважительной причины – один. Прибыло на сборный пункт 460, из них отправлено в войска 391. Побегов со сборных пунктов и в пути следования не было [7].

Т.о., явка на сборные пункты составила 139%, отправлено в войска 96% явившихся.

Для отправки нижних чинов к месту назначения были сформированы примерно равные по количеству команды [8]. Команды следовали в 9-й Сибирский стрелковый запасный батальон при 25-м Сибирском стрелковом полку [9], в 10-й Сиб. стр. зап. бат. при 26-м Сиб. стр. полку [10], в 11-й Сиб. стр. зап. бат. при 27-м Сиб. стр. полку [11].

Из запаса призывали также офицеров. Состояние источниковой базы не позволяет выяснить, сколько офицеров состояло на учёте. Установлено, что прогонное довольствие получили шесть офицеров запаса [12] [13].

Другой категорией, подлежащей массовому призыву, были новобранцы, т.е. молодые люди старше 20-ти лет. Призыв новобранцев в области производился несколько позже запасных, в ноябре-декабре 1914 г. В документальном массиве выявлен отчёт Якутского уездного воинского начальника со сведениями о числе новобранцев, в котором указано, что на 1-ое янв. 1915 г. принято по 68 чел., а в графе «Отправлено в части войск» стоит прочерк [14].

О том, куда были распределены новобранцы, можно судить из сведений, предоставленных Якутским уездным воинским начальником в штаб Иркутской местной бригады. Документ содержит сведения «О действительном числе новобранцев призыва 1914 г., состоящих в частях войск округа по данным к 18 января 1915 г.», в котором в качестве места пребывания призванных указана Якутская местная команда [15]. Названная команда являлась регулярным воинским подразделением, относилась к частям вспомогательного назначения, входила в состав царской армии и подчинялась Иркутскому военному округу.

Сравнение числа призванных в 1914 г. новобранцев с количеством запасных нижних чинов показало, что призыв новобранцев был меньше в 5,8 раза. В следующем 1915 г. цифра планового набора была снижена до 52 чел. [16]. Следует добавить, что количество призванных в Якутии новобранцев в предшествующие войне годы также было небольшим. Так, в 1908 г. по развёрстке назначено к поступлению на службу 42 чел., а принято 41 [17], в 1910 соответственно 50 и 31 [18], в 1911 – 36 и 26 [19].

Обращает на себя внимание проблема качества отбора призываемых. Так в Олёкминске в Окружное по воинской повинности присутствие, где проводилось

медицинское освидетельствование и отбор, прибыло 56 чел. Из них было признано годными к службе 29 чел. [20], что составило 52% от всех прибывших. Т.о., отбор в действующую армию проводился весьма тщательно, что соответствовало требованиям Главного штаба. Требования эти были изложены в предписании от 3 нояб. 1914 г.: обращать особое внимание на физическую годность новобранцев именно в присутствиях, чтобы не допустить массовой браковки на сборных пунктах, что может повлечь за собой позднюю отправку призывников в действующую армию [21].

Наряду с призывом запасных и новобранцев в стране была объявлена мобилизация ратников ополчения I-го разр., проходивших службу в армии [22]. Можно предположить, что мобилизация ратников могла быть такой же массовой, как и запасных чинов. Однако, как видно из сообщения Якутского губернатора, призыв ратников в Якутской области в 1914 г. был отменён [23]. Призывались ратники ополчения–не якутяне, не имевшие приписки в органах воинского учёта Якутской области (например, приехавшие на заработки). По отчётам уездного начальника, в 1914 г. был призван только один ратник ополчения I-го разр., житель г. Владимир-Волыньск [24].

В санитарное ополчение был объявлен призыв врачей, фармацевтов и фельдшеров [25]. В массиве документов не обнаружены отчёты о количестве призванных. Выявлены пока сведения о трёх мобилизованных, поскольку они получали прогонное довольствие [26] [27]. Призыв врачей в области был отсрочен по решению Военного министра [28]. Основанием для этого были следующие причины. По решению правительства, не призывались врачи, работавшие в сельских лечебницах на 10 кроватей [29]. В Якутии из 13-ти специалистов пять подпадали под действие названной выше отсрочки, остальные обслуживали ещё более маленькие лечебницы, где было по 7 или по 5 кроватей [30].

Точное количество принятых добровольцев установлено из делопроизводственной переписки: в 1914 г. таковых было восемь [31].

Т.о., в 1914 г. в области было мобилизовано: запасных нижних чинов – 391, запасных офицеров – 6, новобранцев – 68, ратников ополчения – 1, ратников санитар. ополчения – 3, добровольцев – 8. Итого не менее 477 чел.

Сравнивая характер мобилизации в центральной России и Якутии [32], можно сказать следующее. Мобилизация в Якутии в некоторых моментах была идентична общероссийской (менее масштабный, по сравнению с запасными нижними чинами, призыв новобранцев). Однако суровые климатические и географические условия, отсутствие дорог, незначительное (по отношению ко всему населению области) число военнообязанных, крайне малое число рабочих, специалистов с высшим и средним образованием – всё это придало своеобразие мобилизации 1914 года в Якутии. Здесь не наблюдались протестные выступления запасных; явка запасных и новобранцев была стопроцентной; число добровольцев было незначительным. Кроме того, сроки мобилизации были несколько сдвинуты, чтобы призывники имели возможность по бездорожью добраться в призывные пункты.

Как следует из выявленных и подвергнутых анализу архивных документов, мобилизацию 1914 г. в Якутии можно назвать успешной. Призывники прибывали в мобилизационные пункты без задержек, случай неявки был только один. Отправка маршевых команд происходила с опережением графика. В пути не было отставших или сбежавших. Поэтому вполне оправданным было последовавшее в 1915 г. награждение медалями за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года 22-х лиц [33]. Впрочем, героям не пришлось поносить заработанные награды: посылка с медалями была потеряна где-то на Ленском тракте [34].

Литература

1. Фёдоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. Якутск, 2002. С. 214-215.
2. Павлов А.А. «На защиту русской земли дружно встанут все наши подданные...» [Электронный ресурс] : Участие якутян в Первой Мировой войне // Илин: Историко-географический, культурологический журнал: [Сайт] : Номера журнала. URL: ilin-yakutsk.narod.ru/2005-4/38.htm (дата обращения: 07.05.2014).
3. Телеграмма Военного министра Сухомлинова, Морского министра Григорьева, Министра внутренних дел Маклакова Якутскому уездному воинскому начальнику от 17 июля 1914 г. // НА РС(Я) (Нац. архив Респ. Саха (Якутия). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
4. Приказ № 5 §3 по Якутскому сборному пункту от 18 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 13 об.
5. Всеподданнейший отчёт Якутского губернатора И.И. Крафта за 1911 год // История Якутии в отчётах якутских губернаторов. Якутск, 2007. С. 85, 88.
7. Сведения о результатах призыва нижних чинов запаса при бывшей общей мобилизации 1914 г. от 18 марта 1915 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 33. Л. 205 об.-206.
8. Рапорт Якутского уездного воинского начальника в Иркутскую местную бригаду от 22 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 43. Л. 75 об.
9. Рапорт Якутского уездного воинского начальника в Иркутскую местную бригаду от 25 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 43. Л. 109.
10. Приходно-расходная книга Управления якутского уездного воинского начальника, расходная часть. 21 июля 1914 // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 37 об.
11. Приходно-расходная книга Управления якутского уездного воинского начальника, расходная часть. 25 июля 1914 // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 39 об.
12. Приказ № 2 по Якутскому сборному пункту от 19 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.-12.
13. Отношение Якутского областного по воинской повинности присутствия исполняющему обязанности Якутского уездного воинского начальника от 11 августа 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 46. Л. 128.
14. Сведения о числе новобранцев, принятых по 1-ое января 1915 г. и отправленных же к оному времени со сборных пунктов в войска // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 50. Л. 64.
15. Сведения о действительном числе новобранцев призыва 1914 г., состоящих в частях войск округа по данным к 18 января 1915 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 50. Л. 24 об.-25.
16. Ведомость досрочного призыва на 1915 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 50. Л. 34.
17. Обзор Якутской области за 1908 г. – Якутск, 1909. – С. 39.
18. Обзор Якутской области за 1910 г.: Приложение к всеподданнейшему отчёту Якутского губернатора. – Якутск, 1912. – С. 205, 206.
19. Обзор Якутской области за 1911 г.: Приложение к всеподданнейшему отчёту Якутского губернатора. – Якутск, [Б.г.]. – С. 131,132.
20. Доклад поручика Борисова, члена-депутата от Военного ведомства, о действиях Олёкминского Окружного по воинской повинности присутствия по призыву новобранцев в

- период с 6-го по 9-е ноября [1914 г.] от 5 февраля 1915 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 50. Л. 76-76 об.
21. НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 50. Л. 59.
22. Приказ № 5 по Якутскому сборному пункту от 18 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 13 об.
23. Сообщение Якутского губернатора исполняющему обязанности Якутского уездного воинского начальника от 26 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 43. Л. 163.
24. НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 46. Л. 345.
25. Предписание Якутского губернатора Верхоянскому окружному исправнику от 24 июля 1914 г. // НА СР(Я). Ф. 407-и. Оп. 1. Д. 344. Л. 19.
26. Приказ № 2 § 3 по Якутскому сборному пункту от 19 июля 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.
27. Приказ № 56 по Якутскому сборному пункту от 7 ноября 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 32. Л. 30 об.
28. Копия телеграммы военного министра от 11 августа 1914 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 43. Л. 300.
29. Телеграмма начальника Иркутской местной бригады Кашкарова Якутскому уездному воинскому начальнику от 26 июля 1914 г. // Д. 43. Л. 120.
30. Список врачей Якутской области от 28 июля 1914 г. // Д. 43. Л. 164-164 об.
31. Рапорт Якутского уездного воинского начальника в Иркутскую местную бригаду от 20 декабря 1916 г. // НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 57. Л. 252 об.
32. Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – № 5/3(55). – С. 189, 192.
33. Препровождение из Управления воинской повинности МВД Якутскому губернатору от 20 апреля 1916 г. // НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 9042. Л. 1.
34. Сообщение начальника Иркутского почтово-телеграфного округа от 6 июля 1916 г. // НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 9042. Л. 5.

Захарова Т. Н.

Помощь раненым воинам в лазарете РУЦН в годы Первой мировой войны

Кровопролитный характер войны, начавшейся 19 июля (1 августа) 1914 г., проявился с первых сражений. Число жертв намного превысило все предположения военного ведомства. За годы Первой мировой войны в русской армии погибло более 1 млн., ранено и контужено около 4 млн. солдат и офицеров. Механизм медицинской помощи раненым, созданный в мирное время, сразу дал сбой. Возможностей официальной медицины не хватило и тогда возникла необходимость объединить усилия государства, общества и частных лиц.

На примере городского лазарета №135 при Ремесленном училище цесаревича Николая (РУЦН) рассмотрим вклад общественных организаций и частных лиц в дело помощи больным и раненым воинам.

Петроград, наряду с Москвой, Орлом и другими городами, превратился в центр приема и распределения раненых. Первые военно-санитарные поезда начали прибывать в столицу уже в середине августа 1914 г. [2]. В печати развернулась активная кампания по агитации за создание лазаретов частными

силами. Большой вклад в дело организации госпиталей, лазаретов, санитарных поездов внесли члены императорского дома Романовых (вдовствующая императрица Мария Федоровна, возглавлявшая Российский Красный Крест, императрица Александра Федоровна вели активную попечительскую деятельность по устройству лазаретов, а великие княжны взяли на себя обязанности сестер милосердия). Мотивы этой деятельности находились не только в желании укрепить авторитет и престиж царствующего дома, но, и это пожалуй главное, подать обществу пример милосердия, мобилизовать, нацелить все слои населения на благотворительную работу.

Масштабную работу по организации лазаретов для раненых воинов развернули Главное управление Российского общества Красного Креста (РОКК), Русская Православная церковь (РПЦ), Всероссийский Земский союз (ВЗС), Всероссийский Союз городов (ВСГ). Последний уже в августе обратился к населению городов с призывом о помощи в организации лазаретов. В ответ откликнулось более 500 организаций частных лиц и учреждений Петрограда. К лету 1915 г. в Петрограде действовало 566 лазаретов на 45 400 коек, причем около 90 % из них были созданы на общественных началах [1].

Лазареты создавались при различных организациях и учреждениях на пожертвования граждан независимо от социального положения. Они делились на "самостоятельные", оборудованные операционными и имеющие хирургическое обслуживание и "малые", где содержались легко раненые или шедшие на поправку, переведенные из других медицинских учреждений. Оснащение таких лазаретов осуществлялось на основе "Примерного каталога предметов оборудования и снабжения лазаретов на 20 кроватей", изданного в 1914 г. [1] К лечебным заведениям такого типа следует отнести лазарет действовавший при РУЦН.

Ремесленное училище цесаревича Николая, располагавшееся на улице 1-я рота Измайловского полка д.1, было благотворительным учебным заведением, содержащимся на частные, общественные и государственные средства, оно находилось под патронатом императора Николая II. Начавшаяся Первая мировая война вызвала в училище, как и во всей стране, состояние внутреннего подъема. 27 сентября 1914 г. в Советском зале РУЦН собрались служащие, их родственники и лица, имевшие ближайшее отношение к училищу. На собрании было принято решение об организации при училище "лазарета на 12 кроватей". Попечителем лазарета был избран, а затем утвержден гласный Городской думы генерал-майор Н.А. Давыдов, его заместителем - директор училища В.М. Арбузов [4. С. 46.]. Здесь же на собрании избрали ревизионную комиссию, казначея, счетовода и секретаря.

Главной задачей попечителя лазарета стало изыскание средств для его деятельности. Из сведений за первый год существования лазарета видно, что всего было собрано 14654 руб. 24 коп. Эта сумма сложилась из средств поступивших от попечителей училища 8842 руб., от лиц сделавших единовременное пожертвование 1135 руб. 35 коп., от служащих РУЦН и их семей 3320 руб. 74 коп., от воспитанников училища 251 руб.45 коп., от окончивших

обучение 418 руб., "кружечный сбор" в церкви училища принес 567 руб. 70 коп., процент с капитала - 105 руб. [4. С. 47].

Сбор средств осуществлялся по подписным листам. К примеру, бывшие воспитанники РУЦН узнав об открытии в училище временного лазарета для раненых воинов, пожелали содержать в нем на все время его действия одну кровать за свой счет. С этой целью они открыли между собой подписку. Подписка была предложена двоякая единовременный и ежемесячный взносы. В день принятия решения на собрании 16 октября 1914 г. было собрано 114 руб. 50 коп, средства поступили от 59 лиц. Созданный для сбора средств Комитет обратился с просьбой принять участие в подписке ко всем бывшим воспитанникам и известил об этом 492 человека. К 1 октября 1916 г. бывшие воспитанники собрали 2381 руб.13 коп., в списке было 122 фамилии [3. С. 45, 53-53].

Проявляя сострадание к раненым войнам воодушевленные примером августейших особ, женщины, участницы собрания, создали "Дамский комитет". Председательницей его стала жена директора училища В.Ф. Арбузова, в Комитет вошли жена инспектора училища С.И. Гесс, вдова благотворителя И.М. Глухарева, жены попечителя лазарета Е.А. Давыдова, дочь заведующего училища А.Н. Майкова, жена преподавателя училища С.Э. Савченко-Маценко, а также А.И. Спехина и О.А. Тарасова [4. С. 46].

Под руководством Арбузовой, дамы взялись за оборудование лазарета: покупку мебели, постельного белья, одежды, перевязочных средств, предметов личной гигиены. Потомственный почетный гражданин А.Я. Голубев произвел на свои средства отделку его помещений [4. С. 47].

2 ноября 1914 г., лазарет РУЦН был освящён и с этого дня начал свою работу. Название "городской лазарет № 135" свидетельствует о его нахождении в ведении Петроградского Городского комитета ВСГ помощи больным и раненым. Открытие лазарета не повлияло на учебный процесс, занятия шли по расписанию. Лазарет занимал помещения на первом этаже лицевой части здания РУЦН. Ко дню его открытия в чертежном классе была устроена палата на 18 мест, к началу 1915 г. их число было увеличено до 20. В помещении канцелярии разместили столовую, а в кабинете директора - перевязочную [3. С. 53-53]. На оборудование одной кровати в лазарете требовалось 75 руб., а на содержание одного раненого - по 50 руб. ежемесячно [3. С. 43.]. 3 кровати содержалось на средства служащих РУЦН, 1 - бывших воспитанников, 1 - настоящих воспитанников и 15 - за счет лиц, близких к училищу [4. С. 46].

Проблема помощи раненым обрела для петроградцев общегражданский характер. Кроме денег и пожертвований различными вещами, горожане помогали кто чем мог. Так почетный гражданин Ф. Рейнфельд ежедневно доставлял в лазарет булки за свой счет. Военный портной М.И. Владерь пожертвовал десять шинелей и десять папах, а также безвозмездно производил чистку и ремонт одежды раненых. Владелец парикмахерских А.П. Орлов по мере надобности бесплатно стриг и брил раненых [4. С. 47.].

Заведующей лазаретом была назначена В.Ф. Арбузова, ее помощницами стали С.И. Гессе и С.Э. Савченко-Маценко. На их плечах лежали заботы по хозяйству. Медицинской частью заведовал врач училища старший ординатор Александровской городской больницы, доктор медицины А.П. Покровский. Под его общим наблюдением и руководством проводились перевязки, им была сделана одна операция по удалению пули из грудных мышц. Ему помогали фельдшеры училища Н.И. Родин и А.А. Смирнов, осуществлявшие непосредственное наблюдение и перевязку раненых. При перевязочной трудились сестры милосердия М.В. Арбузова и Э.Г. Гессе, они выполняли легкие перевязки и стерилизацию, помощь им оказывали Н.М. Мозина и О.И. Поддячая, сестрой-массажистской была В.Э. Головина. Кроме них уход за ранеными осуществляло 22 палатные сестры [4. С. 47-47]. Это были женщины и девицы из семей служащих училища и близких к нему лиц. Весь персонал лазарета трудился безвозмездно. В случае необходимости помощь оказывалась врачами-специалистами "Ф.П. Поляковым по носоглоточным и носовым болезням (безвозмездно), помощником главного врача Алафузовской кожаной больницы А.С. Сердюковым (безвозмездно) по зубным болезням и изготовлению искусственных частей полости рта зубной врач Б.А. Фенкель (безвозмездно)" [4. С. 49.]. Протезирование утраченных конечностей производилось в Мариинском приюте для увечных и раненых воинов [4. С. 49.].

В 1914-1916 гг. лечение в лазарете получили 159 раненых [3. С. 53]. Они были переведены на долечивание, преимущественно, из городской Александровской больницы или из городского лазарета № 9. Из числа раненых в первый год работы лазарета в нем было 13 с тяжелыми ранениями, что требовало от персонала внимательного ухода. В среднем раненные находились в лазарете на излечении 53 дня [4. С. 47-48]. Помимо перевязок они получали терапевтическое лечение, массаж, ванны, электро- и светолечение.

Из материалов дела видно, что в 1914-1915 гг. в лазарете не было ни одного летального случая. Лечение шло успешно: около 15% из всех поступивших вернулось в строй, 35%, предполагалось, вернуться после выздоровления, 7% было послано на курорты и после возвращения отправятся служить в тылу, 14% получили продолжительный отпуск, 12% признаны негодными к продолжению службы. Остальные продолжили лечение в лазарете [4. С. 49.].

Важной составляющей частью жизни лазарета было посещение ранеными церкви как в самом училище, так и городских соборов и храмов. Духовную и моральную помощь раненым оказывал законоучитель училища протоирей В.Я. Некрасов, он вел беседы на религиозные темы, служил молебны и всенощные прямо в палате, иеромонах отец Горвасий разъяснял вопросы пчеловодства и сельского хозяйства. В мае 1915 г. лазарет с пасторским благословением посетил епископ Невский Геннадий, проявляя веротерпимость, он раздал раненым образки и религиозные книги согласно их вероисповеданию. Перед ранеными выступил хор столичных диаконов под управлением диакона Казанского собора И.Е. Аркадьева [4. С. 49-50]. Все это показывает, что раненные находились под постоянной заботой со стороны РПЦ.

Для того чтобы скрасить досуг раненые занимались плетением мешков из бечевки и гамаков, а один - ажурной строчкой. В лазарете была организована культурно-просветительная работа: имелись книги для чтения и игры. Совместно с воспитанниками училища раненные посещали "чтения с туманными картинками". Время от времени в лазарете устраивали литературные вечера и концерты, как с участием приглашенных артистов, так и подготовленные силами учеников училища [4. С. 49-50].

По высочайшему повелению лазарет неоднократно посещали высокопоставленные военные, которые, от лица императора, выражали благодарность всем, кто трудился на пользу лазарета. Во время таких посещений производились награждения раненых, в ходе которых девяти войнам были вручены георгиевские медали 4-ой степени [4. С. 50.]. Это поднимало дух раненых и воодушевляло на дальнейшую работу всех, кто имел отношение к лазарету. Неслучайно в заключении отчета о деятельности городского лазарета №135 для раненых воинов при РУЦН за первый год его существования были слова: "что все лица, принимавшие участие в служении интересам лазарета, движимые лишь одним желанием принести посильную помощь Родине..." [4. С. 50.]. На полях всеподданнейшего Отчета по Дому призрения и ремесленного образования бедных детей в Петрограде за 1914-1915 учебный год, где содержались сведения о лазарете император Николай II собственной рукой написал "Сердечно благодарю"[4. С. 45.].

Не зависимо от патриотического "подъёма" или "спада" до февраля 1917 г. общественность непрерывно выполняла добровольно принятые на себя обязательства помощи раненым. После отречения Николая II почти все частные медицинские учреждения закрылись. Прекратил свое существование и городской лазарет № 135.

Литература

1. Керзум А. П. Лазареты, открытые в период I мировой войны //Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга URL: encblago.lfond.spb.ru/showObject.do... (дата обращения: 04.11.2014)
2. Петроградский листок. 1914. 19 авг.
3. ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив) Ф. 365. Оп. 7. Д. 7.
4. ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 321.

Курсанов С. А., Коцюба И. Ю.

Николай II в роли Верховного главнокомандующего русской армии

Начало Первой мировой войны было воспринято русским обществом с воодушевлением, поскольку русскому народу всегда были близки идеи освободительных войн – в частности, идея заступничества за братьев-сербов. 20 июля 1914 года император Николай II обратился к высшим чинам империи со словами: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока

последний неприятельский воин не уйдёт с земли нашей». Этой клятве Николай II сохранял верность до конца.

Русская армия в тот период одними штыками сдерживала сильнейший натиск германской, австро-венгерской и турецкой армий. Потери её в тот период были самыми большими за всю войну. Русский фронт был прорван, войска спешно отступали. Многие попали в плен, среди них генерал Л. Корнилов. Недостаток снарядов порождал слухи об измене. Казалось, что изменники – генералы и министры. Данная обстановка наглядно показывает, что только не слабохарактерный человек мог найти в себе силы возглавить отступающую армию в тяжелые для России времена.

В своем решении принять должность Верховного Главнокомандующего царь руководствовался сложившейся политической ситуацией внутри страны, когда враждебные ему силы либерально-буржуазной оппозиции объединились в единый блок, и блок этот находил сочувствие в Ставке великого князя, высших военных кругах, а также среди некоторых членов правительства. Возглавив Вооруженные Силы, император, таким образом, с одной стороны стремился объединить все бразды военной и государственной власти в своих руках, а с другой – пресечь любые влияния на армию и правительство со стороны своих политических противников. Это было тем более необходимо, что тяжелая военная обстановка, сложившаяся на фронте, требовала единого руководства и единения всех сил страны в решимости предотвратить военную катастрофу [1].

«Если этот его шаг вызвал в тылу, в правительственной, общественной и парламентской сферах самые разноречивые толкования с общим оттенком недоброжелательного к нему отношения, то в армии и народе жертва, принесённая Царём, была оценена инстинктом народной мудрости и сердца...» – писал генерал Дитерихс, исследовавший трагическую судьбу российского императора и России [2].

Встав во главе Вооруженных Сил, император Николай II выполнил важнейшую задачу: он стабилизировал ситуацию в верховном командовании, сосредоточив его в одних руках. Теперь оставалось выполнить вторую, не менее важную задачу – стабилизировать фронт. Решение было задумано, зрело и принято государем по собственному побуждению. Принимая его, государь исходил из религиозного сознания долга перед Родиной, долга монарха – ее первого слуги и защитника» [3].

Рассмотрим основные шаги Николая II на посту Верховного Главнокомандующего:

- смена руководства Ставки. Устранялся весь высший командный состав Николая Николаевича, менялась структура Ставки;
- добавление шести новых управлений: артиллерийского, инженерного, воздухоплавательного, интендантского, походного атамана казачьих войск и протопресвитера военного и морского духовенства. Единоличные представители английских и французских вооруженных сил преобразованы в военные миссии;
- назначение начальником штаба генерала М. В. Алексева, который был, безусловно, выдающимся стратегом. Во время тяжелейшего отступления

1915 года Алексеев успешно отвел войска, не дав немцам их окружить. Перед самым назначением на должность начальника штаба командовал войсками вновь созданного Западного фронта.

В организации работы новой Ставки особенно проявилась роль царя. Важным последствием принятия Николаем II верховного командования стала та атмосфера в Ставке, которая пришла на смену нервной и импульсивной обстановке, царившей в ней при великом князе. Великий князь Андрей Владимирович писал: «Как не узнаваем штаб теперь. Прежде была нервность, известный страх. Теперь все успокоились. Подбодрились все и уверовали в конечный успех больше прежнего».

Смена командования всколыхнула на подвиг русские войска. В первый же день, как стало известно, что сам царь возглавил армию, наши войска на Юго-Западном фронте успешно атаквали противника. Войска перестали отступать, фронт стабилизировался, тыл успокоился, оборонная промышленность стала наращивать выпуск необходимого количества артиллерийских снарядов. Одно из первых распоряжений императора Николая II касалось наведения порядка на фронте, где он требовал не останавливаться ни перед чем для водворения строгой дисциплины в войсках.

Первыми шагами Николая II стали решительные меры по восстановлению упавшей до критической черты дисциплины русской армии. 5 сентября 1915 года генерал Алексеев: «Его Величество повелевает не останавливаться ни перед какими мерами для водворения строгой дисциплины в войсках и перед суровыми наказаниями в отношении отлучившихся от своих частей чинов и в отношении грабителей, мародеров и поджигателей».

Не менее решительно Николай II приказал прекратить искажения о потерях и успехах противника, чем грешили донесения многих генералов.

Одновременно с этим Николай II проявил упорство и настойчивость в организации усилий по улучшению снабжения армии оружием и боеприпасами, а также уделял большое внимание перевооружению русской армии.

Результатом первых решений Императора Николая II по улучшению положения в армии и в целом на фронте явилась Вильно-Молодеченская операции (3 сентября – 2 октября 1915 года).

Четкое и конкретное руководство войсками со стороны Николая II, его решительные указания привели к слаженной деятельности Ставки и сыграли важнейшую роль в успешном окончании Вильно-Молодеченской операции. Несмотря на огромные усилия, предпринимаемые немцами, им не удалось уничтожить русскую 10-ю армию. 10-я германская армия была отражена по всему фронту и начала быстрый отход, местами беспорядочный. Но самое главное, пожалуй, заключается в том, что войскам снова вернулась уверенность в способность бить немцев. Уже через год русские войска смогли совершить неслыханный по масштабу прорыв, названный Брусиловским по имени нового командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова.

Мы видим четкую тенденцию от отступления в августе к отражению атак противника и улучшению положения на фронте. Среди объективных факторов

этой тенденции, безусловно, есть один субъективный – это вступление в верховное командование императора Николая II и деятельность его нового штаба. В 1916 году «погибшая» русская армия ответила мощной канонадой и крупнейшим наступлением, в котором противник потерял 1,5 млн человек убитыми и ранеными, 272 000 пленными, освобождены были обширные территории Галиции. Уинстон Черчилль писал: «Мало эпизодов Великой войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году...» [4].

К 1917 году положение армии технически несравненно улучшилось:

– авиация в ходе войны она получила мощное развитие не только в количественном, но и в качественном составе. Самолеты, безоружные в начале войны, получили на вооружение пулеметы и авиабомбы. В 1915 г. появилась и успешно развивалась зенитная артиллерия;

– после нарушения германскими войсками Женевской конвенции и применения ими химического оружия в России появилась химическая промышленность, после чего наблюдается большой рост в строительстве новых химических заводов;

– в 1916 году по личному приказу императора Николая II был основан город Романовна-Мурмане (ныне город Мурманск). Это событие имело для России огромное значение – она приобретала незамерзающий порт.

К 1916 году император Николай II был отмечен высшими наградами Франции, Англии, Бельгии и Сербии. Он был также фельдмаршалом Великобритании: звание, которого не имел английский король.

Несмотря на имеющиеся глубокие проблемы в снабжении, положение к концу 1916 года, в военном и промышленном плане, внушало надежду на благополучный исход кампании. Будущее казалось уверенным, фронт надежным. «17 декабря все главнокомандующие приезжают сюда на военный совет, так как пора готовить планы на будущую весну» – писал государь императрице.

Отметим, что русская армия начала 1917 года, прочно державшая свыше чем 1000-верстный фронт, представляла внушительную силу и могла быть использована не только для продолжения пассивной обороны, но и для наступления, что при наличии огромных технических средств сулило успех. Тот удар, который готовилась нанести вместе с союзниками Россия, был бы, более чем вероятно, роковым для Германии.

Уинстон Черчилль о роли Николая II: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была видна. Она уже претерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты переполнены людьми...» [5].

Прошёл всего год после начала Брусиловского прорыва и 22 мая 1917 года, уже после своего отречения Николай II в дневнике записал: «Сегодня годовщина

начала наступления армий Юго-Западного фронта! Какое тогда было настроение и какое теперь!». За год при достатке всех вооружений армия стала небоеспособной.

Оставшись в духовном одиночестве, царь был вынужден отречься от престола. В последнем обращении к армии Николай Александрович напишет: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска... Твёрдо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведёт вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Истинная роль Императора Николая II заключалась не в руководстве военными операциями, а в его способности найти новых руководителей армии, дать им возможность свои способности применить на деле, консолидировать армию, вдохновить ее и, тем самым, остановить сползание ее к катастрофе. Он призван был успокоить своих солдат, офицеров и генералов, показать им, что в критическую минуту их царь – вместе с ними, а значит, они победят. И с этой своей задачей Николай II справился, проявив при этом незаурядные способности руководителя армии и государства.

Литература

1. Мультатули П.В. Господь да благословит решение мое... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. Электронный ресурс: http://www.redov.ru/istorija/_gospod_da_blagoslovit_reshenie_moe/p4.php
2. Порохин С. Николай II. Царь-великомученик, верховный главнокомандующий русской армии, человек. Электронный ресурс: <http://ricolor.org/history/mn/nv/I/>
3. Генерал Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960, с. 177–179.
4. Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь Джорданвилль, 1983, с. 109.
5. У. Черчилль. Мировой кризис 1916-18. Т. 1. 1927. Лондон (англ.). Цит. по кн. С.С. Ольденбурга, стр. 643-64.
6. Кресновский А.А. История русской армии. – М.: Голос, 2006. – Т. 3.
7. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. – Минск: Харвест, 2004.
8. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М.: Воениздат. 1963.
9. Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: Воениздат. 1978.
10. Головин Н. М. Военные усилия России в Мировой войне. – Париж. 1939.
11. Деникин А. И. Путь русского офицера. – М.: Современник. 1991.
12. Зайончковский А. М. Первая Мировая Война. – СПб: Полигон. 2002.
13. Мультатули П. В. Николай II. Отречение, которого не было. – М.: АСТ: Астрель, 2010.
14. Шамбаров В. Е. Великие войны России XX века. – М.: Алгоритм, Эксмо 2010.

О.А. Красникова

Полярная комиссия Академии Наук и определение границ и номенклатуры северных морей.

Северный Ледовитый океан и входящие в его состав моря к первой четверти XX в. в научной и специальной литературе не имели установившихся названий.

Для обозначения основного арктического бассейна использовались, наравне с вышеуказанным, наименования: Северное Полярное море, Северное Ледовитое море и др. На русских картах более раннего периода – XVII и XVIII вв. – встречается еще больше разнообразия: Море океан, Море океан Ледовитый, Ледовитое море, Северный океан, Северное или Ледовитое море, Ледовитый океан.

Самый доступный в наше время информационный ресурс, Википедия, рассказывает о его этимологии так [1]: «Океан был выделен, как самостоятельный, географом Варениусом в 1650 г. под названием Гиперборейский океан – «Океан на самом крайнем севере» (др.-греч. Βορέας – мифический бог северного ветра или по-другому Север, др.-греч. ὕπερ- – приставка, указывающая на превышение чего-либо). В иностранных источниках того времени также применялись названия: Oceanus Septentrionalis – «Северный океан» (лат. Septentrio – север), Oceanus Scythicus – «Скифский океан» (лат. Scythae – скифы), Oceanus Tartaricus – «Тартарский океан» [2], Mare Glaciale – «Ледовитое море» (лат. Glacies – лёд). В «Слове о погибели Русской земли» Северный Ледовитый океан назван «Дышючимъ моремъ». На русских картах XVII - XVIII вв. употребляются названия: Море океан, Море океан Ледовитый, Ледовитое море, Северный океан, Северное или Ледовитое море, Ледовитый океан, Северное Полярное море, а русский мореплаватель адмирал Ф. П. Литке в 20-х годах XIX в. называл его Северный Ледовитый Океан [3]. В других странах широко применяется название англ. Arctic Ocean – «Арктический океан», которое в 1845 г. дало океану Лондонское географическое общество [4]. Постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1935 года принято название Северный Ледовитый океан, как соответствующее форме, уже употреблявшейся в России с начала XIX века, и близкое к более ранним русским названиям.»

Почему же нам потребовалось привести здесь эту пространную цитату? Очевидно, потому, чтобы показать, что здесь отсутствует самая, пожалуй, важная сноска – на статью о Северном Ледовитом океане из издания, которое было в 1970-х-1980-х гг. выпущено в свет для служебного пользования [5]: «Справочник по истории географических названий на побережье СССР» (Б.м., 1985. – 430 с.). Это было новое, дополненное и исправленное издание Справочника, опубликованного в 1976 г. В него также включено вышедшее в свет в 1977 г. Дополнение к справочнику издания 1976 г. Над подготовкой нового издания справочника под руководством Н.А. Раденко трудились В.В. Перцмакер, Т.И. Сенечкина и Н.А. Щербаков. В составлении первого издания, под редакцией Г.М. Гильбо, приняли участие М.Е. Смирнова и Е.И. Третьякова. И основной текст Википедии об этимологии Северного Ледовитого океана соответствует тексту в этом издании. Поэтому нельзя обойти вниманием такой заметный источник.

Не углубляясь слишком в ранние, незапамятные времена, начнем наше исследование с первой четверти XIX в., когда русские военные моряки почти одновременно отправились в экспедиции к разным концам земли: капитан-лейтенант Ф.П. Литке – в 1821-1824 гг., лейтенант Ф.П. Врангель и мичман Ф.Ф. Матюшкин – в 1820-1824 гг., лейтенант Ф.П. Анжу со штурманскими

помощниками И.А. Березных и П.И. Ильиным – в 1820-1823 гг., капитан Ф.Ф. Беллинсгаузен – в 1819-1821 гг. Нас здесь интересуют географические названия, которые они использовали, применительно к громадным акваториям, где проходила их работа. Так, труд Ф.П. Литке, описывающий его путешествие, назван им «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан (О.К.: выделено нами) на военном бриге Новая Земля в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенанта Федора Литке» (Ч. 1-2. СПб.: Мор. Тип., 1828). Ф.П. Врангель озаглавил свое повествование «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (О.К.: выделено нами), совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля (Ч. 1-2. СПб.: Тип. А. Бородина и К°, 1841). И, наконец, Ф.Ф. Беллинсгаузен рассказал о результатах своей экспедиции в труде «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане (О.К.: выделено нами) и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток». Шлюпом «Мирный» начальствовал лейтенант Лазарев» (Ч. 1-2. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831). Хотелось бы обратить внимание на то, что Литке и Беллинсгаузен совершенно логично называют обследованные ими акватории, соответственно – Северный Ледовитый океан и Южный Ледовитый океан, используя наименования, в которых отражено и географическое положение объекта и его климатическая характеристика. Небольшой диссонанс, который вносит название «Ледовитое море», употребленное Врангелем, может объясняться тем, что территорией его исследований была часть пространства океана – побережье нынешнего Восточно-Сибирского моря до Чукотского полуострова и он назвал эту часть акватории морем. Итак, еще до того, как в 1845 г. Лондонское географическое общество установило официально название «Северный Ледовитый океан», в России оно использовалось не так уж редко, и возможно, было близко к общепринятому.

Что же касается наименований морей, то на картах указывались лишь Белое, Баренцево и Карское моря. Часть же арктического бассейна восточнее полуострова Таймыр на ранних картах чаще всего обозначалась безымянной, позднее на некоторых картах XVII в. называлась Татарским и Ленским морем, на картах XVIII в. и частично XIX в. – Ледовитым (вспомним Ф.П. Врангеля) и Сибирским (в объединении с другими морями Северного Ледовитого океана), на иностранных же картах конца XIX в. называлась морем Норденшельда. Такое название море неофициально получило в 1878-1879 гг., в честь шведского мореплавателя, геолога, географа, историка картографии и исследователя Арктики Н.А.Э. Норденшельда, прошедшего Северным морским путем вдоль побережья России в 1877-1878 гг. Название «Море Норденшельда» использовалось в конце XIX в. почти на всех иностранных картах Арктики: например, «Nordenskiöld see» - на карте «Länder um den Nordpol im Auftrage der Internationalen Polar. Commission ausgeführt in der Geographischen Anstalt von Justus Perthes» (Gotha, 1882. М-б 1: 10млн.), составленной Международной Полярной комиссией (первой, организованной для подготовки к Первому Международному

Полярному году), на карте «Bathymetric map of the Arctic basin by F. Nansen, revised to 1927» (М-б 1:20 млн.) [6]. На карте «The Arctic regions comprising the most recent explorations of R.E. Peary, F. Nansen and F. Jackson» (By prof. A. Heilprin. Philadelphia: Geogr. Soc., 1897) – название «Nansen sea» использовано для части арктического бассейна в восточном полушарии, и «Nordenskiöld sea» – для моря, названного позднее морем Лаптевых. С многочисленных иностранных карт, вероятно, и перекочевали эти названия на отечественные карты, например: «Дальневосточная область и Автономная Якутская Соц. Сов. республика» (М-б 1:25 млн. М., 1923).

Впервые к решению вопроса о состоянии названий в арктической области Полярная комиссия Академии наук (далее - ПК), в ведении которой находились все вопросы, связанные с Арктикой, обратилась в 1926 г.[7], по инициативе президента Географического общества, географа Ю.М. Шокальского, который входил в состав ПК как представитель ГО. В своей записке, адресованной Полярной комиссии, Шокальский предложил утвердить за арктическим бассейном название «Северное Полярное море», обосновывая это тем, что, по его мнению, арктический бассейн является частью Атлантического океана. Приведем выдержку из его записки: «В 1845 г. Лондонское Королевское географическое общество впервые установило границы пяти океанов, в числе коих значились Северный Полярный океан и Южный Полярный океан. Их границами значились полярные круги в тех местах, где естественные границы отсутствовали. В те времена полного незнания с рельефом земной коры (за отсутствием океанографических данных) лучшего решения нельзя было и найти. По мере накопления материалов и создания новой отрасли Физической географии, получившей наименование Океанографии, явилась возможность положить в основание разделения океанов целый ряд признаков, вытекающих из изучения свойств океанов. В начале XX столетия пришли к заключению, что обособление Южного Полярного океана, созданного искусственно, не имеет основания, и его разделили между тремя: Атлантическим, Тихим и Индийским, продолжив последние до берегов Антарктиды. Что же касается до Северного Полярного океана, то он по всем физико-географическим свойствам своим есть часть Мирового океана, подчиненная Атлантическому океану. К тому же он занимает и весьма незначительную поверхность, а именно: всего 4% от Мирового океана, образуя между-материковое средиземное море Атлантического океана. Таким образом будет совершенно правильно называть его не океаном, а Северным Полярным морем». [8]

Общее собрание Академии наук утвердило постановление Физико-математического отделения о согласии Полярной комиссии принять предложение Шокальского [9], и рекомендовало новое название к повсеместному употреблению. Однако первоначально никакого практического результата это не имело: на картах и в научной литературе продолжали употреблять разные наименования, в том числе и «Северный Ледовитый океан». Но уже к началу 1930-х гг. название «Северное Полярное море» заменяет прежнее название арктического бассейна, и появляется на картах, подготовленных во Всесоюзном

Арктическом институте (в том числе на карте «Арктика=Arctic» (М-б 1: 10 млн. Л., 1934), где показаны также путь ледокольного парохода «Челюскин» и маршруты основных спасательных экспедиций) [10] и АН СССР (Якутская АССР. М-б 1:2 млн. Л., 1934) [11], несмотря на то, что тогда правительственного постановления о принятии этого названия не было.

Полярная комиссия рассматривала и предложения, касающиеся топонимики арктического бассейна, выдвигаемые Гидрографическим управлением. Так, в 1926 г. Гидрографическое управление ходатайствовало перед Полярной комиссией Академии наук о наименовании безымянного острова в устье Енисейского залива островом Овцына (участника Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. лейтенанта Д.Л. Овцына) [12], а в 1928 г. сообщило Академии что, согласно Постановлению Президиума ВЦИК, острову в Карском море, лежащему с восточной стороны входа в Обскую губу присвоено, по предложению Комитета Северного морского пути, постановлением Президиума ВЦИК от 11 января 1926 г., наименование «Остров Шокальского» [13]. Первое предложение Полярная комиссия поддержала, постановив в своих изданиях всюду употреблять новое географическое название и способствовать принятию его во всех официальных изданиях (в дальнейшем официального постановления об этом наименовании не было) [14], а второе приняла к сведению.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об изменении географических названий по политическим соображениям. Так, в 1930 г. в Академии наук вновь возник вопрос о наименовании Земли Врангеля и Земли Франца Иосифа, в связи с чем Академия направила запрос в Географическое общество. Полученный из ГО ответ содержал предложение переименовать архипелаг Франца Иосифа в архипелаг М.В. Ломоносова (за его труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» (СПб., 1763), а Землю Врангеля – в Землю Б.В. Давыдова (командовавшего судном «Красный Октябрь» и остановившего притязания Англии на о. Врангеля в 1924 г.). В результате планомерного исследования Арктики и Северного морского пути, особенно интенсивно проводившегося в 1930-е годы научными учреждениями страны, вышел в свет ряд карт, как общих, обнимающих всю Арктику, так и частных, составленных Гидрографическим управлением.

На этих картах, а также и в научной литературе по-прежнему наблюдался значительный разнобой в названиях, и не только каких-либо отдельных пунктов, но и морей. Границы морей и проливов не были установлены, что затрудняло обоснование юридически-правовой стороны мореходства, и значительно усложняло формирование государственного кадастра вод.

Вопрос об установлении границ северных морей обсуждался в Полярной комиссии по инициативе Гидрографического управления Главного управления Северного морского пути в конце 1933 г. В совещаниях по этому вопросу принимали участие все заинтересованные учреждения и организации: Гидрографическое управление УВМС, Гидрографическое управление Главного управления Северного морского пути, Всесоюзный Арктический институт,

Государственное географическое общество, Государственный гидрологический институт, и др. На первом же совещании, ввиду важности вопроса предполагалось сформировать межведомственную Постоянную номенклатурную подкомиссию, но из-за возникших разногласий, связанных с тем, что за право ее создания боролись несколько учреждений (Полярная комиссия, Всесоюзный Арктический институт, Гидрографическое управление Военно-Морских сил, Географическое общество, и др.), окончательное решение этого вопроса было отложено [15]. Несмотря на это, работу по согласованию географических наименований и границ продолжили, и руководство Полярной комиссии разослало проект заинтересованным организациям, где он был рассмотрен на рабочих совещаниях. По их результатам, на расширенном заседании Полярной комиссии обсуждались вопросы: 1) об установлении единого названия тем морям, каковые имеют их несколько, 2) об установлении границ северных морей, 3) об установлении границ проливов как самостоятельных единиц, 4) об образовании при Полярной комиссии постоянной номенклатурной комиссии.

Именно тогда были приняты первые решения: не возражать против термина «Печорское море» (выделив его как часть в составе Баренцева моря), не применять на советских картах название «Мурманское море» и «Море Норденшельда», заменив их в первом случае «Баренцевым морем», во втором – «Морем Лаптевых», сохранить названия Карское, Восточно-Сибирское и Чукотское море. Предлагалось упразднить термины «Сибирское море», «Юкагирское море», «Западно-Сибирское море», «Мангазейское море» – названия, которые можно было найти на картах XIX в., где они употреблялись не так редко, как можно было бы подумать. Один из примеров – карты России, составленные отечественными славянофилами. Тогда же были установлены границы Баренцева, Печорского, Карского, Восточно-Сибирского, Лаптевых, Чукотского морей. Впервые проливы Маточкин шар (Баренцево море), Карские ворота (Баренцево море), Югорский шар (Баренцево и Карское моря, между островом Вайгач и полуостровом Югорский), а также открытые и нанесенные на карту Североземельской экспедицией под руководством Г.А. Ушакова проливы Юнгштурм (Карское море, острова Северная Земля, между островами Пионер и Комсомолец; позднее, в 1952 г. постановлением Красноярского крайисполкома переименованный в пр. Юный), Красной Армии (острова Северная Земля, Карское море, между островами Комсомолец и Октябрьской революции) определялись, как самостоятельные единицы, при этом устанавливались и их границы.

На заседаниях, посвященных номенклатуре северных морей, возникла дискуссия по вопросу изменения названия «Северный Ледовитый океан» на «Северное Полярное море». С такой заменой категорически не согласился начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт, сообщивший свое мнение президенту Академии наук СССР, председателю Полярной комиссии А.П. Карпинскому. Но единодушное решение о невозможности сохранения названия «Северный Ледовитый океан», принятое АН СССР 1927 г., с чем согласились тогда такие

организации, как Гидрографическое управление УВМС, Гидрографическое управление ГУСМП, ВАИ, Географическое общество и Государственный Гидрологический институт, все же было зафиксировано в документе, подводящем итог работе по определению границ и номенклатуры северных морей, составленном Полярной комиссией – Согласованном проекте, направленном на рассмотрение Правительства. О.Ю. Шмидту было предложено направить свои замечания отдельно. К Согласованному проекту Полярная комиссия подготовила Карту разграничения северных морей СССР (1934) [16]. Здесь впервые были показаны границы морей, которые обозначаются на картах и сегодня. Однако, на этой карте (в отличие от современных) юго-восточная часть Баренцева моря занята Печорским морем, а то, что осталось от водного пространства, ограниченного северными границами арктических морей, носит название «Северное Полярное море».

Проект названий и границ морей был утвержден Президиумом Всесоюзной АН СССР в заседании от 10 июня 1934 г. и предоставлен в Совет Народных Комиссаров СССР на утверждение и ко всеобщему применению в географических, картографических и навигационных целях. Вскоре была выпущена в свет обзорная циркумполярная карта Арктики (на которой была показана и суша, до 55-й параллели), где были приведены все предложенные в проекте географические названия, включая и «Северное Полярное море» [17].

В марте 1935 г. прошло совещание в Главсевморпути, под руководством О.Ю. Шмидта, с участием представителей Академии наук, ВАИ, Большого Советского атласа мира и правительственных организаций - Народного комиссариата по военно-морским делам (Наркомвоенмора), Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдел), на котором Согласованный проект Полярной комиссии был одобрен, за исключением двух пунктов: 1) оставить старое название «Северный Ледовитый океан» 2) по вопросу о границах Чукотского моря снести с Американским Географическим обществом.

Постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1935 г.[18] проект был принят в основном, за исключением названия «Северное Полярное море», вместо которого было оставлено название «Северный Ледовитый океан», на котором настаивал О.Ю. Шмидт. Интересно отметить, что на карте, подготовленной и изданной позднее одним из основателей Полярной комиссии, известным гидрографом, исследователем Арктики Л.Л. Брейтфусом, эмигрировавшим из страны и жившим уже постоянно в Германии – «Physikalische Karte der Arctis» (М-б 1: 10 млн. London; Berlin, 1939) – даны и прежние, и вновь утвержденные названия: Nordpolar oder Nansen meer – для Северного Ледовитого океана и Nordenskiöld oder Laptev meer – для моря Лаптевых.

Эта публикация позволяет обратить внимание на ту заметную роль, которую сыграла Полярная комиссия Академии наук в установлении хорошо всем известных и привычных современных наименований северных морей [20].

Литература

1. Википедия. Северный ледовитый океан. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

2. van Schagen 1680 World & Continents - 5 maps . The International Antiquarian Mapsellers Association. Проверено 21 октября 2011. Архивировано из первоисточника 3 февраля 2012 .
3. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. — 2-е изд., стереотип. — М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2001. — С. 170.
4. Северный Ледовитый океан / Е. Г. Никифоров, А. О. Шпайхер // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969-1978.
5. Справочник по истории географических названий на побережье СССР // Министерство обороны Союза ССР. Главное управление навигации и океанографии. — Изд. второе, доп. и испр. — Б.м., 1985. С. 308
6. The Polar regions and their problems// Amer. Geogr. Soc. Special publ. № 7. Pl. 1.
7. Прот. ФМО АН СССР. № 6. 17 марта 1926 г. С. 42-43.
8. СПФ АРАН. Ф. 75. Полярная комиссия Академии наук. Оп. 1. Д. 129. Л. 4. О наименовании Северного Полярного моря.
9. Прот. ФМО АН СССР. № VIII. 14.04.1926. С. 55.
10. Арктика=Arctic / Сост. на 1-й Картфабрике ВКТ инженеры Н.И. Любавин и Я.Я. Гаккель. Под ред. проф. Р.Л. Самойловича и доц. Д.Д. Руднева. — Л., 1934.
11. Якутская АССР /Совет по изучению производительных сил АН СССР. — Л.: Изд-ние Всесоюз. картограф. треста ГГУ-НКТП СССР, 1934.
12. Прот. ФМО АН СССР. № XIX. 15.12.1926 г. С. 136.
13. Прот. ФМО АН СССР. № II. 18.01.1928 г. С. 8.
14. СПФ АРАН. Ф. 75. Полярная комиссия Академии наук. Оп. 1. Д. 197. Л. 53.
15. СПФ АРАН. Ф. 75. Полярная комиссия Академии наук. Оп. 1. № 327. 1934 г. - 48 л. Протоколы учреждения при ПК постоянной номенклатурной подкомиссии.
16. СПФ АРАН. Ф. 75. Полярная комиссия Академии наук. Оп. 1. Д. 311. Л. 1. Карта разграничения северных морей СССР. Согласованный проект. Ленинград, май 1934. В надзаг.: Полярная Комиссия Академии наук СССР. Подписано: зам. председателя Полярной Комиссии Н. Матусовский. Ученый секретарь Е. Суворов.
17. Арктика / Карту составили на 1-й картографической фабрике ВКТ инженеры И.И. Любавин и Я.Я. Гаккель под редакцией проф. Р.Л. Самойловича и доц. Д.Д. Руднева. — Л.: Издание ВАИ, 1934.
18. СПФ АРАН. Ф. 75. Полярная комиссия Академии наук. Оп. 1. Д. 361. Выписка из протокола № 10 заседания Президиума ЦИК СССР от 27.06.1935 г. О единых географических наименованиях частей Северного Ледовитого океана, прилегающих к побережью СССР.
19. Physikalische Karte der Arctis / [Von] Leonid Breitfuss. Gezeichnet von H.Neide. —London: Sifton, Praed & Co.; Berlin: D.Reimer, 1939.
20. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00699.

Кузинец И. М.

Состояние Российского флота накануне и в период Первой мировой войны

Как показывает история Российского флота, основу его успехов и неудач составляет деятельность питомцев нашего Морского корпуса Петра Великого. И в Первую мировую войну выпускники (всего >54 чел. на русских постах) Корпуса составляли основу командного состава Флота. В этой связи выяснение их вклада в развитие военно-теоретического наследия Ф.Ф. Ушакова в ходе этой войны военно-историческая оценка деятельности выпускников Морского корпуса по

возрождению Отечественного флота после Русско-японской войны, состояние флота накануне и в ходе Первой мировой войны, боевые действия Балтийского и Черноморского флотов, подвиги воспитанников Морского корпуса в Первой мировой войне – таковы основные проблемы, которые мы собираемся обсудить в ходе нашей конференции.

Причин возникновения первой в истории человечества мировой войны было множество. Остановимся лишь на одной из них.

Первая мировая война не была неизбежной. Реальностью ее сделали просчеты лидеров ВСЕХ основных европейских стран, которые нагнетали напряженность, провоцировали друг друга в надежде получить односторонние выгоды не столько путем войны. Сколько путем угрозы войной, а также некоего локального непродолжительного конфликта.

Что касается роли флотов в войне на море, то в начале XX века, основные положения, господствовавших в то время военно-морских теорий и доктрин сводились прежде всего к американо-английской теории «морской силы», разработанной А. Мэхеном и Ф. Коломбом и обосновавшей тезис о «господстве на море», под которым ее авторы понимали полное уничтожение неприятельского флота на морском ТВД. Решение этой задачи, по мнению идеологов «морской силы», отводилось линейным кораблям по средствам генерального сражения и блокады побережья противника. Теория завоевывания господства на море владела умами всех моряков мира, в т.ч. и русских. Расхождения были только во взглядах на средства завоевания этого господства – сверхмощные дредноуты или ПЛ ПЛ, которые к тому времени еще не показали своих возможностей. В этих условиях России предстояло выработать свою доктрину, планы ведения войны на море и в соответствии с ними разработать тактико-технические требования к новым кораблям. Кроме того, следовало наметить количество кораблей по классам и типам и сроки их строительства с учетом экономических возможностей страны, т.е. разработать научно обоснованную программу судостроения. В тоже время, усилившаяся после Русско-японской войны экономическая и финансовая зависимость от развитых капиталистических стран грозила России потерей политической самостоятельности. Правящим кругам России казалось, что военно-морское соперничество между Германией и Англией позволит ей «выступить "третьего радующегося", который может решать международные конфликты в своих интересах, жонглируя угрозой присоединения своего, пусть, небольшого флота к одной из конфликтующей сторон». В этой связи ставка делалась на создание относительно-мощного ВМФ, ядром которого должны были стать линейные корабли дредноутного типа. В результате Россия, для которой несмотря на то, что она была необъятной континентальной державой, не имевшей ни одной заморской территории, вместе со всеми втянулась в гонку морских вооружений, более того накануне Первой мировой войны она вышла на расходам на Военно-Морской Флот на второе место в Европе, уступив первенство лишь Англии.

Перед первой мировой войной Морское ведомство провело через ГДУ-е судостроительные программы общим финансирование более 800 млн. руб., а до этого в судостроение было уже вложено 700 млн. руб. И государственно это

оправдывалось, особенно после того, что после Русско-японской войны у России не осталось достаточно сил не только для активных наступательных действий на море, но и для обороны своих морских границ. А ведь моря для России всегда составляли, да и сегодня составляют, легкие, которыми она дышит. Флот всегда был нужен нашей стране совершенно в той же степени, что и армия, а воссоздание же его всегда (в том числе и ныне, в начале XXI века) является делом гораздо более длительным и трудным, чего не понимало ни Государственная Дума, отказывавшаяся отпускать кредиты (Гучков, в частности, доказывал, что «России флот не нужен»), ни военное ведомство... 24 мая (6 июля 1908г.) Петр Аркадьевич Столыпин выступил в Государственной Думе с речью посвященной проблеме морской обороны России: «Дело кораблестроения везде является национальным торжеством, национальным праздником... Это отдача морю счастья накопленных на суше народных сил, народной энергии. Везде могучие государства строили флоты у себя дома... Дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей, они у себя дома наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество». Эти вот простые соображения привели правительство к выводу, что России нужен флот... флот дееспособный, стоящий на уровне научных требований... «Если этого не будет, то будет только вред...» [1, с.113].

И все же, уже в 1906 году Указом Сенату Николай II потребовал скорейшее воссоздание боевого флота в ряду других Вооруженных сил Империи и содержание его в полной боевой готовности.

Исходя из этого, в 1907-1908 гг. был разработан план ведения возможной войны на Балтийском и Черном морях. Для этого, еще в 1906 г. Высочайшим рескриптом Императора Николая II на имя морского министра из состава Главного морского штаба был выделен в самостоятельную «стратегическую часть» – Морской Генеральный штаб, который отныне ведал:

- разработкой планов вооруженной борьбы на море и судостроительных программ;
- планировал строительство флота и его мобилизацию;
- ведал плановой подготовкой флота к войне;
- организовывал тайную (агентурную) морскую разведку в странах – вероятных противников России в будущей войне.

За ГМШ остались:

- комплектование и начальная подготовка личного состава в учебных отрядах;
- распорядительно-строевая, военно-медицинская, законодательная, уставная, судебная части.

Введено было новое Положение и об Адмиралтейств-совете, обязанности которого были расширены и включали:

- рассмотрение судостроительных программ, предложений о перевооружении кораблей;
- приобретение кораблей за границей;
- постройка доков, эллингов и других портовых сооружений;
- изменение учебных планов и программ в военно-морских учебных заведениях и учебных отрядов.

В этом же году Морской кадетский корпус был переименован в Морской корпус. Большое значение было придано морской, практической подготовке его выпускников, которые по окончании учебы производились в корабельные гардемарины и только после годичного плавания и сдачи экзаменов – в мичманы.

В 1907 г. было изменено и руководство флотом. Высочайшим Указом Морскому министру были присвоены права главного начальника Флота и Морского ведомства с передачей в его непосредственное ведение:

- управление боевыми силами, личным составом и строевой частью;
- ГМШ;
- МГШ.

В специальном докладе Правительству МГШ в марте 1907 г. сформулировал «Стратегические основания для плана войны на море», в котором Балтийскому флоту ставилась задача оборонять Финский залив и вместе с тем представлять собой «свободную Морскую силу» для поддержания интересов Империи во внешних водах, а Черноморскому флоту – не допускать неприятеля в Черное море при попытках проникнуть через проливную зону.

Малая и большая судостроительные программы строительства флота (в таблицу не включены два малых крейсера типа «Адмирал Невельской», которые первоначально планировались для Сибирской флотилии)

Николай II в апреле 1907 г. одобрил т.н. Малую судостроительную программу на 1908-1912 гг., по которой предлагалось строительство для БФ 4-х ЛК дредноутного типа и 3-х подводных лодок, а для ЧФ – 14 ЭМ и 3-х ПЛ.

По опыту Германии МГШ предлагал строить флот целыми эскадрами, в основу расчета состава которых были положены т.н. тактические единицы. т.е. соединения кораблей одного класса, которое «предназначено действовать в боевой обстановке, соединенного под управление одного лица». При этом количественный состав тактических единиц определялся исходя из свойств того оружия, которое являлось главным на кораблях данного класса. Леонид Георгиевич Гончаров (выпускник МК 1903 г.), уже в то время известный специалист в области тактики морского боя, подчеркивал, что «в одну тактическую единицу не следует соединять меньшее число судов, чем то, которое обеспечивает развитие максимального действия с них главного оружия...»

Исходя из финансово-экономического положения страны, в случае своей реализации Малая судостроительная программа обошлась бы стране в огромную сумму – 870 млн. руб., которую правительство не в силах было изыскать и

поэтому она была принята в усеченном виде строительства одной эскадры в составе:

- одной бригады ЛК для Балтийского моря и другой из 2-х ЛК додредноутного типа, строившихся на Балтийском и Адмиралтейском заводах и 2-х старых броненосцев;
- 2-х бригад крейсеров (из 4 кр.), построенных по старым проектам, и старых КР КР, участвовавших в Русско-японской войне;
- 4-х-9-ти дивизионов ЭМ из миноносцев, построенных на добровольные пожертвования.

Забегая вперед, скажем, что в таком составе эскадра БФ и вступила в Первую мировую войну.

Вопрос о строительстве кораблей для Черного моря после окончания Русско-японской войны не стоял так остро, как воссоздание почти полностью уничтоженного БФ. ЧФ, лишенный возможности выходы через проливы Босфор и Дарданеллы, сохранил все свои боевые корабли. Но даже предусмотренные Малой судостроительной программой корабли для ЧФ построены не были, т.к. отпущенные на них средства были израсходованы на достройку двух ЛК додредноутного типа. В результате по данной программе в Николаеве заложили лишь один (правда, первый в мире) подводный минзаг «Краб» (по проекту Налетова).

Организация казенных заводов Морского министерства в 1915-1916 гг.

Для сокращения сроков постройки кораблей морское министерство в 1910 г. предложило правительству привлечь к их строительству частные предприятия, обязав их «оборудовать верфь вполне солидно и сообразно новейшим требованиям техники».

В 1911 г. наступил решительный перелом в ходе разработки судостроительных программ и строительстве флота.

В марте 1911 г. морским министром был назначен выпускник Морского корпуса 1874 г., вице-адмирал, Иван Константинович Григорович.

Опытный моряк И. К. Григорович обладал широтой взглядов и недюжинным организаторским талантом. Хорошо понимая, что для воссоздания флота нужно не только согласие Государственной думы, но и содействие крупного частного капитала, новый министр «не стоял за ценой» и охотно шел навстречу требованиям монополий. Вместе с тем он прекрасно ладил и пользовался большим авторитетом у Николая II, став, таким образом, единственным министром, удержавшимся на своем посту от предвоенных лет до самого конца династии Романовых. С назначением И.К. Григоровича морским министром началась новая эра в создании флота, когда ведомство внимательно прислушивалось к указаниям и пожеланиям Государственной думы.

Благодаря энергичной деятельности И.К. Григоровича судостроительные программы с 1911 г. были ориентированы на непосредственную подготовку отечественного флота к войне: были ускорены работы по постройке эллингов

новых судостроительных мастерских и заводов в Николаеве, Ревеле, Санкт-Петербурге.

Активное участие в конкурсном проектировании русских линейных кораблей, легких крейсеров и эсминцев принимали иностранные фирмы. Но решение, принятое по инициативе Григоровича, строить флот «руками русских рабочих, из русских материалов на русской территории» заставило их отказаться от дальнейших притязаний строить корабли на своих верфях и довольствоваться оказанием технической помощи и поставкой материалов и оборудования, не производимых в России, по особому списку, утвержденному Совещанием по судостроению и Министерством торговли и промышленности.

В начале 1912 г. Морской министр представил в Правительство «Программу усиленного судостроения 1913-1917 гг.». Благодаря поддержке царя, Совет министров благосклонно отнесся к рассматриваемому вопросу и разрешил внести новую программу в Госдуму, которая в июне 1912 г. одобрила ее и 23 июня (6 июля) 1912 г. она была утверждена Николаем II. Позже ее назвали «Программой спешного усиления Балтийского флота». День утверждения этой программы сам царь назвал днем великих надежд для России и в рескрипте И.К. Григоровичу заявил: «Флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России». И далее: «как бы ни были важны все эти меры, они имеют значение подготовительной работы к осуществлению основной задачи, от которой зависят и наша внешняя безопасность и наше международное положение; эта задача – наряду с правительственной постановкой сухопутной обороны соорудить и флот, соответствующий по своей численности и боевым качествам потребностям России».

В 1912 г. также рассматривался и «Закон о Российском императорском флоте», который представлял собой программу судостроения, рассчитанную на 20-ть лет. Но из-за огромной стоимости проекта и ряда других причин данный проект так и не был принят.

Тем не менее, из данных законов четко следовало понимание того, что морская мощь является фундаментом внешней политики государства.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что после Русско-японской войны Россия была не в состоянии принять ни одну ни одну долгосрочную программу строительства флота, более того, судостроительные программы недостаточно учитывали будущую стратегию войны. Так, для БФ не было построено ни одного корабля береговой обороны, флот был снабжен заградителями из старых фрегатов. В составе ЧФ, которому, как впоследствии показала Первая мировая война, придется заниматься крейсерством у турецких берегов с целью воспрепятствовать переброске сил на Кавказский фронт, не оказалось крейсеров. Постройка же 1-ой дивизии дредноутов (с началом их строительства было положено начало в 1909 г. воссозданию Российского флота после поражения в Русско-японской войне) была начата для БФ. Вступление их (Севастополь, Полтава, Петропавловск, Гангут) в строй в 1914 г. (1-м был линкор «Гангут», заложенный последним в серии, но в связи в 200-летием со дня Гангутского сражения ускоренно достроенный раньше других) дало бы России полное

господство на черном море, а на Балтике, как затем показала война, они (дредноуты) не изменили создавшегося положения дел.

Сказывалось 1) не только тяжелое экономическое положение страны, 2) но и неопределенность внешнеполитического курса, 3) неподготовленность судостроительной базы к строительству новых кораблей.

Русско-японская война показала, что миноносный флот является грозным и мобильным оружием и может успешно применяться не только в оборонительных целях, но и в наступательных операциях. Это хорошо понимал генерал Макаров С.О., по праву считающийся основоположником тактики миноносного флота. Это хорошо усвоили его ученики и последователи: Н.О. Эссен, А.В. Колчак и другие, широко использовавшие минно-торпедное оружие в 1-ю мировую войну на Балтийском и Черных морях. Их единомышленниками были и другие выпускники Морского корпуса: Василий Михайлович Альтфатер, Александр Викторович Шталь, петрпавлович Киткин, которым в 1914 г. был изобретен минный защитник – устройство для защиты морских мин от тралов и параванов и другие.

Незадолго до начала 1-й мировой войны в России был построен самый быстроходный ЭМ того времени «Новик» (конструктор Г.Ф. Шлезингер). Проект был настолько удачным, что корабли этого типа участвовали в Великой Отечественной войне и оставались в составе ВМФ до 50-х гг. XX века. Основываясь на этом проекте, была построена целая серия ЭМ, все корабли которой были названы в честь побед Российского флота под руководством Ф.Ф. Ушакова (1790, 1799 гг.) и получили название Ушаковской серии. В ходе войны была предпринята попытка построить еще 12 ЭМ т.н. 2-й Ушаковской серии для Черного моря. Всего в течение 1913-1914 гг. на Балтике вступило в строй 17 (включая «Новик») и на Черном море – 14 ЭМ – «Новиков».

С началом 1-й мировой войны возникла проблема передового базирования сил фронта и обеспечения боевой деятельности ЭМ ЭМ, ПЛ ПЛ и других боевых кораблей, находившихся в шхерных районах и необорудованных для этого гаванях и портах Финляндии.

Оперативно решить эти проблемы оказалось возможно только путем использования судов коммерческого флота и переоборудованием устаревших боевых кораблей, ибо с постройкой специальных судов такого класса, хотя такая возможность и обсуждалась накануне войны, Морское министерство безнадежно опоздало.

Учитывая опыт Русско-японской войны, была проделана большая работа по повышению эффективности артиллерийской стрельбы кораблями. Морская артиллерия России к началу 1-й мировой войны признавалась лучшей в мире.

Войны выявила потребность в сторожевых кораблях и катерах, предназначенных для охраны водных районов (ОВР) в пунктах базирования сил флота, а также для несения дозорной, конвойной и посыльной службы. За счет мобилизации гражданских судов не удалось целиком решить данную проблему. В связи с этим Морское министерство в 1915-1916 гг. разместило заказы на постройку кораблей указанного типа на предприятиях промышленности для Балтийского флота и на заводах США – для Черного моря.

На 1 (14) января 1916г. в авиации БФ насчитывалось 47 самолетов различных типов, в основном, «летающая лодка» конструкции Д.П. Григоровича и один авиатранспорт «Орлица», переоборудованный из парохода «Императрица Александра», принимавший на борт 4 гидросамолета; в авиации ЧФ было 30 самолетов и 2 авиатранспорта, по др. сведениям 9, (там они назывались гидрокрейсерами). Ещё в 1911г. лейтенант В.В. Дыбовский впервые осуществил поиск ПЛ с аэроплана, заложив тем самым основы противолодочной обороны с воздуха.

13 (26) августа 1914г. – начало организации флотской разведки. В этот день береговой пост наблюдения и связи на Оденсхольм в Финском заливе по приказу начальника службы связи А.И. Непенина, выпускника Морского корпуса 1892г., начал прослушивание команд и донесений на немецком языке с севшего на мель германского крейсера «Магдебург».

8 (21) июня 1915г. было утверждено положение о Совете Государственной обороны, который подчинялся Императору, предназначался для объединения управления армией и флотом и согласования деятельности всех ведомств, связанных с работой на нужды обороны. Характерно, что уже в 1908г. А.В. Кочак прочитал в Николаевской морской академии курс лекций, посвященный совместным действиям армии и флота. Его по праву можно считать родоначальником теории подготовки, организации и проведения совместных операций армии и флота. Именно Кочак уже в ходе 1-й мировой войны провел достаточно удачную операцию по высадке морского десанта в тылу врага, а также операцию по поддержке сухопутных частей артиллерийским огнем...

25 января (7 февраля) 1916г. утверждено Положение о Морском штабе Ставки Верховного главнокомандующего (МШС). Создан для более эффективного управления действующими силами флота. Начальником МШС стал начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А.И. Русин. МШС был упразднен в 1917г.

Была изменена боевая подготовка экипажей. Корабли переводились на круглогодичную вахту (до этого экипажи всех кораблей, а не только подводных лодок, зимовали на берегу). Были разработаны новые уставы, расширившие права и инициативу командиров кораблей и соединений, избавив их от чрезмерной опеки штабов. Совершенствовалась тактика. Так, летом 1913г. в районе Либавы (Лиепайи) ПЛ «Акула» под командованием С.Н. Власьева совершила впервые в мире 5-ти торпедный залп веером. Та же ПЛ 8 (21) сентября 1914г. в Финском заливе у о. Готска-Сканде совершила 1-ю в Истории Российского подводного флота торпедную атаку по германскому миноносцу. Первую атаку по германской эскадре в составе 3-х броненосных крейсеров в сопровождении эсминцев 21 мая (3 июня) 1915г. совершила ПЛ «Окунь» под командованием старшего лейтенанта В.А. Меркушева, что привело к срыву операции германской эскадры.

В целом, следует отметить, что на начало войны немецкий Флот превосходил русский по количеству кораблей и вооружению. Силы были не равны, но, как было сказано выше, в этой ситуации был найден выход – применены новые способы борьбы:

- подготовлены минно-артиллерийские позиции;
- морские проливы закрывались минными полями, а с берега их прикрывали артиллерийские батареи.

В этой области Россия по великолепным кадрам и неопределимому боевому опыту борьбы под Порт-Артуром не имела равных. А русские мины по признанию германских офицеров были самыми лучшими. Недаром союзники по Антанте – англичане запросили у нас 1000 мин.

В результате всех усилий в т.ч. питомцев Морского корпуса, русский флот, как утверждают историки, к Первой мировой войне оказался подготовлен лучше русской армии. И, как показала война, лучше германского и турецкого флотов.

В итоге, Балтийский флот поставленные ему более чем скромные задачи выполнил успешно. Черноморский флот успешно работал, показав более высокие боевые качества, но не использовал все возможности. Баланс боевых потерь на море в эту войну, как на Балтийском, так и на Черном море, был в пользу России: ее флот потерял линкор, крейсер, 9 эсминцев и ПЛ, в то время как противостоящие ему немецкий и турецкий флоты – 7 крейсеров, 34 эсминца и 9 ПЛ. Только русские подводные лодки совершили 78 походов и потопили 2 немецких крейсера и 16 транспортов.

В то же время война показала, что сосредоточение руководства морскими силами Ставкой, за тысячу верст от театров военных действий флотов, сдерживание активности, в 1-ю очередь, Балтийского флота, не лучшим образом сказывалось на действиях флота. Так, всю войну в нашем распоряжении был германский морской шифр, благодаря которому все намерения неприятеля были нам заранее известны. Но не было флотоводца в Ставке ВГК, о морской стратегии там также не имели понятий, отсюда все распоряжения отсюда были не наступательного характера, а боязнь потерять корабли. А ведь наши четыре «Гангута» обеспечивали нам подавляющее превосходство над германским Флотом. Имея эскадренный ход до 24 узлов (скорость выше контрактной) и вооруженные более дальнобойными орудиями, чем немцы, они могли бы с отличным успехом сразиться и с частями флота Открытого моря, выходящими в Балтийское море и имевшими эскадренную скорость не выше 18 узлов. Опыт управления флотом с берега в 1854г. и в 1904г., оба раза приведшего флот к гибели, пропал совершенно.

Плодами же нашей разведки всю войну пользовался британский флот. Все английские операции на море – результаты русской разведки. В то время, как англо-французы, получив еще в начале весны 1915г., благодаря чешским патриотам, контроль над специальным кабелем, соединявшим австро-венгерскую главную квартиру с германской, не сообщали нам тексты перехваченных переговоров неприятеля, жизненных между тем для русского фронта и России...

Литература

1. Московенко М.В. Государство российское и флот. СПб., 2006.

Военно-технический прогресс России в годы Первой мировой войны

I. Кризис отечественной армии 1914-1915 гг. был связан с недостатком на полях сражений военного оборудования и боеприпасов. И он длился до тех пор, по утверждению британского историка Нормана Стоуна, пока русские не оказались способными обеспечить себя сами[1].

II. В годы Первой мировой войны страна совершила, и здесь авторы поддерживают мнение исследователя подполковника запаса Р. Илющенко, гигантский военно-промышленный рывок, сравнимый, пожалуй, с периодом 1941-1943 годов.

III. Вот лишь некоторые цифры, которые, на наш взгляд, подтверждают сказанное.

Так, валовой объем продукции российской экономики вырос в сравнении с довоенным 1913-м годом на 121,5%, производственный потенциал России с 1914 до начала 1917 года, по подсчетам известного советского экономиста и статистика Станислава Струмилина, увеличился на 40%. Только производство машинного оборудования всех типов возросло за указанный период более чем в два раза, а химической промышленности – вдвое[2].

IV. Но особенно ярко отечественный выше рост проявился в военной промышленности.

Отметим рост производства важнейших предметов боевого снабжения армии[3]:

Вид продукции	Произведено в 1914 г.	Произведено в 1916 г.
Винтовки	134 тыс.	1 302 тыс.
Пулеметы	1 184	11 072
76 мм орудий	285	7 272
Минометы и бомбометы	3 458 (в 1915 г.)	13 196
Винтовочные патроны	341 млн.	1 481 млн.
Снаряды разных калибров	780 тыс.	22 242 тыс.

Укажем к сказанному, что за время войны, по данным Р. Илющенко, было построено около трех тысяч новых заводов, занятых в военном производстве, которые постоянно расширялись и модернизировались[4].

Считаем, что приведенная цифра о трех тысячах вновь построенных предприятиях, занятых в военном производстве, сильно преувеличена. Наше мнение на сей счет вызвано тем обстоятельством, что автор не приводит источник данной информации в своей статье и не подкрепляет свое утверждение какими-либо расчетами или другими данными. Нам представляется более справедливым утверждение Коваленко Д.А. о том, что из учтенных в России 4 561 предприятия с 2 434 тыс. рабочих исключительно на войну работало около 3 000 предприятий с 1 636 тыс. рабочих[5].

Возможно, Р. Илющенко, зная указанные выше цифры, в своей статье произвольно их интерпретировал, что, безусловно, совершенно недопустимо в историческом исследовании. Думается, что цифра мобилизованных на нужды

обороны предприятий и так весьма значительна и впечатляет любого непредвзятого читателя.

V. Среди наиболее ярких примеров военно-промышленного прогресса анализируемых лет является создание и внедрение в боевую практику ряда новейших для того времени образцов военной техники, которые именно в годы той войны достаточно активно использовались Вооруженными силами противоборствующих сторон. Это относится, в первую очередь к авиационной технике, и бронетехнике, к подводным лодкам и др. видам автоматической и моторизованной мобильной военной техники.

Так, с началом войны, были приняты экстренные меры по форсированному наращиванию производства боевых самолетов, промышленное производство которых началось в России лишь в 1910 году. В 1914 г. в стране производилось 70-80 штук боевых самолетов в год. А уже в 1919 году русская авиация начинает подразделяться на разведывательную, бомбардировочную и истребительную и 70% всех сбитых во время военных действий в годы войны неприятельских самолетов были на ее боевом счету [6].

В январе 1915 г. отечественная авиация получила на вооружение современный отечественный истребитель РБВЗ-16, а в августе 1917 г. в воздух был поднят первый торпедоносец, не имевший аналогов в мире.

Русская промышленность освоила в годы войны выпуск бронированных автомобилей. Уже в 1914 г. появился первый отечественный 3-тонный бронированный автомобиль конструкции талантливого путиловского инженера Ф.Ф. Лендера, вооруженный 76-мм пушкой и пулеметами [7]. Отметим и бронирование 16 заказанных и приобретенных Россией в 1915 году французских автомобилей «Рено» по проекту штабс-капитана Мгеброва [8].

VI. По утверждению виднейшего британского политика Уинстона Черчилля «ни к кому судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань в виду. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна» [9]. Союзники России вторит и ее противники, немецкий генерал Людендорф: «Только русская революция спасла нас от гибели» [10].

VII. Важнейшими органами российского государства, которые руководили развитием военно-промышленного потенциала в годы войны были:

1) Особое совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (коротко: Особое совещание по обороне) – ставшее центральным звеном в системе экстраординарных органов военно-экономической мобилизации в стране.

2) Военно-промышленные комитеты, возникшие в годы войны и как общественные организации, объединившие в своих рядах видных деятелей российской промышленности, бывших одновременно руководителями местных представительных, в том числе партийных, организаций и как, прежде всего, территориальные структуры, ставшие важным элементом связи частной промышленности с властными органами управления.

VIII. Комплексному анализу деятельности военно-промышленных комитетов посвящена недавно вышедшая книга «Мобилизация экономики и частный бизнес России в годы Первой мировой войны» [11].

Из работ, посвященных деятельности Особого совещания по обороне назовем труд исследователя А.Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы Первой мировой войны» [12].

Литература

1. Слова Н. Стоуна цит. По источнику: Илющенко Р. Отвергнутая победа. – «Военно-промышленный курьер», 2014, № 28 С. 11.
2. Там же. С. 11.
3. Составлено по данным, приведенным в: Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 292, 299, 326, 355, 437, 561.
4. Илющенко Р. Отвергнутая победа. – «Военно-промышленный курьер», 2014, № 28, с. 11.
5. Коваленко Д.А. Мобилизация и работа промышленности на оборону Советской Республики (1917-1920 гг.). М., 1968. С. 27.
6. Независимое военное обозрение, 1998, № 3; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 8, Оп. 1, Д. 86, Л. 80.
7. Без тайн и секретов. Очерк 60-летней истории танкового бюро Кировского завода Санкт-Петербурга. Под ред. Н.С. Попова. СПб, 1995.
8. Барятинский М. Переодетые в сталь. Генерал Брусилев был одним из первых, кто оценил возможности бронированных разведывательных машин. – «Военно-промышленный курьер», 2014, № 34, с. 11.
9. Слова У. Черчилля цит. По источнику: Илющенко Р. В годы Первой мировой война совершила гигантский промышленный рывок. – «Военно-промышленный курьер», 2014, № 23, С. 11.
10. Там же. С. 11.
11. Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес России в годы Первой мировой войны. – М.: РГТУ, 2013.
12. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1973.

Мальшиев Л. А.

Морская лейб-гвардия в Первой мировой войне

В начале XX века Россия стремилась не отставать от других морских держав. Она заказывала современные боевые корабли для своего флота за рубежом и показывала корабли, построенные на своих верфях. Лучшие из этих кораблей передавались Морскому Гвардейскому экипажу, который занимал по старшинству в императорской лейб-гвардии России третье место после Преображенского и Семеновского полков.

В Первой мировой (Великой) войне 1914-1917 гг. Морскому гвардейскому экипажу, традиционно пришлось (как и в течение всех предыдущих двухсот лет истории России) решать многоплановые задачи: воевать на море и на суше, выполняя по-прежнему охраняющие функции императорской лейб-гвардии. Однако до сих пор об этом крайне редко упоминалось в военной литературе и публицистике [1, 2, 3]. Напомним ниже, как это было 100 лет назад.

К началу Великой войны, к середине июля 1914 г., в Гвардейском экипаже по списку состояло: адмиралов и генералов - 7; штаб и обер-офицеров: строевых - 52, различных корпусов - 17, врачей - 9, по адмиралтейству - 12, нижних чинов - около 2000.

Боевые корабли Гвардейского экипажа в эти годы постоянно находились в море. Так крейсер Гвардейского экипажа «Олег» каждое лето обычно входил в состав отряда Морского корпуса, а осенью отправлялся в заграничные плавания. Эскадренные миноносцы Экипажа «Войсковой» и «Украина» несли поочередно охрану во время плаваний императорской семьи или стояли в готовности на рейде в районе морских царских резиденций.

Во время войны 1914-1917 гг. крейсер «Олег» и эскадренные миноносцы «Войсковой» и «Украина» совместно с Балтийским флотом защищали от неприятельского флота Кронштадт и Санкт-Петербург, а также обеспечивали защиту с моря флангов нашей армии на юге и севере Финского залива. Они несли охранную и дозорную службу, занимались постановкой мин в своих и неприятельских водах участвовали в обороне Рижского залива и Моодзунда [2].

Все императорские яхты Экипажа, кроме «Александрии» 2-ой, были поставлены на береговое отопление, а офицеры и команды отправлены в казармы. 18 июля 1914 г. в Экипаже был получен приказ о мобилизации. Не желая распределять офицеров и матросов с императорских яхт на корабли флота, было решено сформировать по опыту предыдущих войн два отдельных батальона, которые будут воевать на сухопутном фронте вместе с императорской гвардией. Первый батальон был составлен из 1 роты «Ея Величества» и 2 роты, а второй батальон - из 3 и 4 рот Гвардейского экипажа. Из армейского интендантства было получено для офицеров и матросов защитное обмундирование [2].

В августе 1914 г. оба батальона прошли курс полевых маневров и учебных стрельб и в конце месяца были готовы к походу. Для отличия от других сухопутных частей у гвардейских моряков на левом рукаве выше локтя были вышиты якоря. Командиром 1-го батальона Экипажа был назначен капитан 1 ранга А.С. Полушкин, 2-го - капитан 1 ранга, князь С.А. Ширинский-Шахматов.

В конце августа 2 батальон Экипажа выступил в поход и 1-го сентября 1914 г. прибыл в Ковно по железной дороге. Как только батальон был высажен из вагонов, его тут же распределили по речным пароходам и моряки получили приказание: собрать на реке Неман баржи, спустить их вниз по течению и затопить у местечка Ильгово. После этого 2-ой батальон обеспечивал на пароходах охрану сообщений по Неману до немецкой границы у Шмаленникен. Кроме того, у Ковенской крепости моряками были поставлены фугасные заграждения, а вниз по течению реки пускались мины, на которых подорвалось несколько немецких судов.

Несколько ранее, 7 сентября 1914 г., 1 батальон Экипажа был погружен на поезда и через три дня прибыл в Новогеоргиевскую крепость на реке Висле. Там моряками Экипажа был вооружен принадлежавший крепости пароход

«Наревский минер». На него поставили четыре 47 мм. пушки и четыре пулемета, а борта и рубка парохода были защищены стальными щитами.

Вскоре в крепости Новогиоргиевск для действий на Висле были вооружены Экипажем ещё два парохода. Первый, реквизированный у немцев «Фюрстенберг» и переименованный в «Вислянин», под командованием лейтенанта Хвощинского. Второй до вооружения был небольшим пассажирским пароходом «Плотчанин», командиром которого назначили мичмана Керн. Дополнительно на Вислу из Петрограда были доставлены два моторных катера. На одном было установлено две 37 мм. пушки, второй предназначался для связи. На всех пароходах и катерах Экипажа были подняты Андреевские флаги [3].

В первых числах декабря 1914 г. к 1 батальону были присоединены некоторые части из крепости Вышогруда и образован Отдельный Вышогрудский отряд, под командой командира этого батальона капитана 1 ранга Полушкина.

В состав Отдельного Вышогрудского отряда вошли: 1 батальон Гвардейского экипажа; 3 батальон пограничного полка; 8 сотня 1 пограничного полка; 2 батарея 79 артиллерийской бригады; 6 крепостная гаубичная батарея; 6 легкая и 11 конная ополченская батарея; 3 эскадрон 6 гусарского Клястицкого полка. Интересно, что командиром этого разношерстного отряда был назначен корабельный офицер, который до этого момента и вскоре после него командовал лишь боевыми кораблями Экипажа (эскадренный миноносец «Украина», яхта «Александрия» и крейсер «Олег»).

Многоплановая задача этого Отдельного отряда состояла в сторожевом охранении правого берега Вислы, препятствии переправам немцев через реку и в поддержке наших армий в этом районе. Эту боевую задачу 1 батальон Экипажа с частью выполнял с ноября 1914 г. по март 1915 г. [3].

7 ноября Отдельный Вышогрудский отряд посетил Великий князь Кирилл Владимирович, причисленный к Гвардейскому экипажу. Ранее, 27 октября 1914 г., он был назначен Начальником морских батальонов в Действующей армии, а позже, 16 марта 1915 г., был назначен командиром Гвардейского экипажа.

Зимой 1914-1915 гг. 2 батальон Экипажа постоянно передавали из подчинения то в Вышогрудскую крепость, то в армейский корпус и обратно.

Наконец 7-го марта 1915 г. 1 батальон был вызван в Одессу, для принятия участия в предполагаемом десанте русских войск у пролива Босфор в Турции. Вскоре 13 марта 1 и 2 батальоны Экипажа собрались вместе в Варшаве, а 18 марта оба батальона были погружены в поезда и отправлены в Одессу для подготовки к десанту в Турцию.

Идея высадки десанта у Босфора родилась после того как Министру иностранных дел России Сазонову удалось заручиться согласием Союзного командования в том, что в случае победы союзников, Константинополь и проливы будут по мирному договору, предоставлены России. Поэтому Ставка начала приготвление к операции высадки десанта в Турцию и в связи с этим на Черном море была образована специальная Транспортная флотилия из 60 пароходов под командованием контр-адмирала А.А.Хоменко. В районах Одессы и Севастополя начали сосредотачиваться войска для этого

десанта. Предполагалось, что Гвардейский экипаж первым высадится на турецких берегах и займет плацдарм для дальнейшей высадки основных сил десанта (7-ой армии под командованием генерал-адъютанта Щербачева).

По прибытии в Одессу оба батальона Экипажа были сведены в один, который назвали «Отдельный батальон Гвардейского экипажа». Для отличия от других частей на левом рукаве моряков выше локтя были вышиты якоря. В командованием этим Отдельным батальоном Экипажа вступил капитан 1 ранга А.С.Полушкин, а командир бывшего 2-го батальона Экипажа – капитан 1 ранга, князь С.А.Ширинский-Шахматов, был назначен командиром отряда в Транспортную флотилию к контр-адмиралу А.А.Хоменко. При подготовке этого Отдельного батальона к десанту, Из Петрограда в Одессу специально доставили боевое знамя и оркестр Гвардейского экипажа. 14 апреля 1915 г. в Одессу прибыл Император Николай II. Он произвел смотр Отдельного батальона Экипажа и вручил отличившимся в боях нижним чинам 20 Георгиевских крестов. Обращаясь к личному составу батальона, Император сказал[1]:

«Я счастлив, что могу напутствовать Гвардейский Экипаж перед выступлением во второй для него поход... Во время последней турецкой войны Гвардейский экипаж занимал Константинополь. Уверен, что Господь Бог приведет вас и ныне вступить в Царьград, во главе наших победоносных войск».

Командование Черноморского флота внесло в Ставку верховного командования предложение о проведении десантной операции в районе Босфора с целью быстрейшего захвата Константинополя. Морской отдел Ставки в лице адмирала Русина поддержал предложение командования Черноморского флота. Но Ставка Верховного командования поставила условие: войска высаживать только в ближайший оборудованный порт Болгарии, а таким оказался Бургас, находящийся на значительном расстоянии от Босфора. Кроме того, необходимо было еще получить согласие «пронемецки настроенных» болгарских властей.

17 июля 1915 г. Отдельный батальон Гвардейского Экипажа в количестве 28 офицеров и 1460 нижних чинов прибыл в Севастополь в распоряжение командующего Черноморским флотом адмирала А. Эбергарда и приступил к подготовке десантной операции. Для осмотра и выбора возможного места высадки десанта на Анатолийское побережье Турции в районе Самсуна был откомандирован на миноносец лейтенант Хвоцинский, который обошел на этом корабле все побережье до Батума, а затем вернулся в Севастополь.

25 июля в Севастополь прибыл Великий князь Кирилл Владимирович и на следующий день выполнил поручение Императора Николая II. Он передал Гвардейскому экипажу крест из медных грошей, пожертвованных на свечи солдатами войск при прохождении их через Одессу в Севастополь ещё в 1854 г., для водружения его над храмом Святой Софии в Константинополе. Отдельный батальон принял этот крест на торжественной церемонии во дворе Белостоцких казарм в Севастополе, где он был построен с Георгиевским знаменем и оркестром, и обещал выполнить это важное поручение Императора.

31 июля в Херсонесской бухте у Севастополя была произведена посадка батальона на транспорты «Иерусалим», «Афон», «Саратов». Отряд транспортов

под конвоем крейсеров «Кагул», «Память Меркурия», отряда эскадренных миноносцев, в сопровождении двух вспомогательных крейсеров и посыльного судна «Алмаз» с гидропланами вышел к месту высадки десанта, совершил условный переход морем. Перед подходом конвоя к району высадки была произведена авиационная разведка. В 7 часов утра 1 августа отряд подошел к устью реки Кача и высадился на крутой высокий берег «захватив неприятельские укрепленные высоты». За высадкой десанта наблюдал Великий князь Кирилл Владимирович, который ночевал с 31 июля на 1 августа на транспорте «Саратов» и выходил на нем в море. С начала августа до конца ноября 1915 г. были проведены и другие тренировки по повышению боевого мастерства Отдельного батальона Гвардейского Экипажа [3].

Подготовка к десантной операции продолжалась. К участию в десанте планировались: в первом броске десанта Гвардейский Экипаж; 2 полка 16 корпуса; 3 Туркестанская стрелковая бригада; Кавказская кавалерийская дивизия; Отдельная Донская Казачья бригада; авиационный дивизион.

Доставку десанта к месту высадки планировалось произвести Транспортной флотилией, насчитывающей около 60 транспортов, под прикрытием всех сил Черноморского флота. Однако достигнуть договоренности о предоставлении порта Бургас не удалось. Болгарские власти за эту «услугу» России потребовали, чтобы она оказала давление на Сербию отдать Болгарии принадлежащую ей часть Македонии. Сербия категорически отказала выполнить просьбу России. Узнав об этом, Николай II, якобы, с горечью сказал: «Я же из-за них начал войну» [2].

В ноябре 1915 г. командование русской армии от высадки десанта в Константинополь отказалось. Отдельный батальон Гвардейского экипажа был погружен на транспорты и доставлен в Николаев, откуда 12 декабря прибыл в Подволочиск. Позже он был причислен к 3 лейб-гвардии Стрелковому полку, входившему в состав 2 Гвардейского корпуса, который совместно с 1 Гвардейским корпусом был объединен в Гвардейский отряд под командованием генерал-адъютанта Безобразова.

Позже батальон Гвардейского экипажа был вместе с Гвардейским отрядом переведен с юга на север, поставлен в феврале 1916 г. в резерв и простоял около города Рыжицы, Псковской губернии в имени Адамове до конца мая 1916 г., после чего вместе с Гвардией прибыл в Ковельский район.

Летом 1916 г. Ставка планировала наступление русских армий на немецкие позиции по всему Северо-Западному фронту. В Ковельском районе батальон Экипажа находился все время на передовых позициях в окопах под огнем противника и понес незначительные потери – были убиты и ранены 15 человек.

Общее наступление армий было назначено на 15 июля. После 4 часовой артподготовки Гвардия перешла в наступление. Батальон Экипажа находился в первой линии окопов напротив деревни Щюрино, в промежутках между лейб-гвардии Павловским полком слева и лейб-гвардии 3 Стрелковым полком – справа. Батальону Экипажа была поставлена боевая задача – выбить немцев из д. Щюрино и отбросить противника за г. Стоход. Около 10 часов утра наступление начал 3-й Стрелковый полк и занял несколько линий немецких окопов справа от

Щюрино. Немцы, сгруппировав свои резервы, контратаковали стрелков и их атака захлебнулась. Тогда лейтенант Гвардейского экипажа Хвоцинский со своей 2 ротой моряков атаковал немцев во фланг в штыки, чего они никак не ожидали и стали отступать, неся потери. Стрелки присоединились к атаке моряков и при поддержке гвардейской артиллерии захватили восемь рядов немецких окопов. Немцы начали отступление, следовавшее по всему фронту. Пройдя немецкие окопы, батальон Экипажа к вечеру занял новые позиции и окопался в них. Эта победа далась нелегко, потери Отдельного батальона Гвардейского экипажа составили: 50 человек убитыми и 120 ранеными. Трофеями были захвачены две батареи артиллерии, несколько пулеметов, оружие, снаряжение и около 160 человек пленных. Опрос пленных установил, что перед Экипажем был один из Ганноверских полков [1].

Лейтенант Хвоцинский был награжден орденом Св. Георгия 4 степени за решительное предупреждение контратаки противника, которое позволило другим частям русской армии разбить противника и отбросить его на 10 верст. Около 70 человек моряков-гвардейцев были награждены Георгиевскими крестами, в том числе ефрейтор А.И.Поляков и матрос А.В.Шинкаренко.

За эти дни боев, известных в истории как «бои за Стоход» или как «Ковельская операция», русская Гвардия потеряла около 32 000 человек убитыми, не считая раненых. Гвардия понесла невосполнимые потери, но, погибая, не отступила. Простояв несколько дней в районе Стохода, Гвардейские корпуса были заменены стрелковыми частями и выведены в тыл для пополнения и отдыха. В конце августа 1916 г. Гвардейские части были возвращены на фронт. Гвардейская стрелковая дивизия, с приданным ей Отдельным батальоном Гвардейского экипажа и гаубичной артиллерией, получила участок дер. Шельвова – Квадратный лес. В боях за Квадратный лес, которые продолжались 3, 7, 19 и 21 сентября 1916 г., особенно отличились пулеметные команды Отдельного батальона Экипажа. Около 30 Георгиевских крестов и медалей были наградами за мужество и стойкость моряков в этих тяжелых и кровопролитных боях [1].

В начале 1917 г. Отдельному батальону Гвардейского экипажа было приказано срочно вернуться сначала в Одессу, а затем сразу же поездом в Петроград. 15 февраля Отдельный батальон прибыл на ст. Александровка под Царским селом и отправлен на охрану царской семьи. Затем этот батальон Гвардейского экипажа был разделен на три отряда.

Первый отряд (в составе 1 роты «Ея Величества» и 3 роты) был размещен в Александровском дворце, в котором проживала семья императора. Там же находился командир батальона капитан 1 ранга С.В. Мясоедов-Иванов и большинство офицеров.

Второй отряд под командованием старшего лейтенанта В.В. Хвоцинского состоял из 2 роты и пулеметной команды. На него возлагалась оборона главных подступов со стороны Петрограда (участок дороги от Пулково до Царского села).

Третий отряд под командованием старшего лейтенанта В.А. Кузьминского состоял из 4 роты, подрывной команды, минеров, телеграфистов мотористов и других корабельных специалистов был размещен в 3 километрах от ст.

Александровка в селе Редьково-Кузьмино. В дни февральской революции матросы 2 и 3 отрядов интенсивно делились информацией о событиях, происходящих в Петрограде.

1 марта 1917 г. оба отряда покинули расположение у Царского Села и прибыли в свои столичные казармы, пройдя строем через Нарвские ворота (как в 1814 году после войны с Наполеоном). 2 марта 1917 г. в казармах Экипажа состоялись выборы нового командира. Им стал по общему голосованию нижних чинов капитан 1 ранга Лялин Михаил Михайлович.

В историю боевой деятельности Гвардейского экипажа в период Первой мировой войны входит не только участие его Отдельного батальона на сухопутном фронте, но и переход крейсера «Варяг» от Владивостока до Романова-на-Мурмане (ныне Мурманска). Морское министерство России обратилось к Японии о продаже новых миноносцев, но получило отказ. При этом японцы предложили продать несколько бывших русских кораблей, потопленных в Русско-Японскую войну 1904-1905 гг. и восстановленных Японией. Таким образом, в начале 1916 г. были выкуплены обратно русские линейные корабли «Полтава» (переименованный в «Чесму»), «Пересвет» и крейсер «Варяг».

Крейсер «Варяг», после затопления в 1904 г. в Чемульпо, был поднят японцами, отремонтирован и служил в японском флоте с 1907 по 1916 гг. под именем крейсера «Soya» для морской практики кадетского отряда моряков. В 1917 г. японцы планировали сдать его из-за ветхости на слом.

Крейсер был зачислен в состав кораблей Гвардейского экипажа в самом начале 1916 г. В январе-феврале из Гвардейского экипажа была выделена значительная часть офицеров и 300 нижних чинов для подготовки и перевода крейсера «Варяг» с Тихого океана во флотилию Северного Ледовитого океана для охраны военных перевозок. В марте того же года эшелон с новым экипажем крейсера, собранным из специалистов крейсера «Олег», миноносцев «Войсковой» и «Украина», а также 100 матросов, призванных из запаса, был отправлен во Владивосток. В начале марта капитан 1 ранга Гвардейского экипажа К.И. фон Ден 2-ой, назначенный командиром крейсера «Варяг», и 5 офицеров Экипажа убыли из Петрограда для приемки корабля от японцев и прибыли во Владивосток только 21 марта.

На рассвете 25 марта 1916 г. на горизонте показались линкоры «Чесма», «Пересвет» и крейсер «Варяг» в сопровождении японского крейсера «Ибуки». Выкупленные корабли встали на якорь в бухте Золотой Рог. 26 марта они были спешно переданы русским командам и японцы на крейсере «Ибуки» тотчас убыли из Владивостока. 27 марта 1916 г. на «Варяге» были подняты Андреевский флаг, гюйс и Георгиевский вымпел - знак принадлежности к Гвардейскому экипажу.

30 марта во Владивосток прибыл второй эшелон команды крейсера, отобранный на фронте из Отдельного батальона Гвардейского экипажа, в количестве 300 человек нижних чинов, 5-ти офицеров и священника.

При тщательном осмотре корабля было установлено, что крейсер нуждается в существенном ремонте для приведения в боевой вид. Эти необходимые работы продолжались в течение последующих 3-х месяцев. Из Сибирского Флотского

Экипажа (расквартированного во Владивостоке) было отобрано 70 матросов нужных специальностей, и они тоже были зачислены в Гвардейский экипаж на крейсер «Варяг». После ремонта в мая крейсеру успешно прошел в море ходовые испытания и провел артиллерийские стрельбы.

18 июня 1916 г. Отряд Судов Особого Назначения в составе линейного корабля «Чесма» и крейсера «Варяг» под командованием контр-адмирала А.И.Бестужева-Рюмина убыл из Владивостока в дальний поход. Этот Отряд проследовал с 18 июня до конца августа по маршруту: Гон-Конг-Сингапур-Коломбо (о. Цейлон)-Аден. Далее из Адена, пройдя Красным морем и Суэцким каналом, корабли Отряда прибыли 7 сентября в Порт-Саид. Из Порт-Саида «Чесма» была направлена в греческие Солоники на смену крейсеру «Аскольду», а «Варяг» продолжил переход на Северный Ледовитый океан один. Весь остаток маршрута, до самого Романова-на-Мурмане, «Варяг» шел «по боевому» - команда все время стояла у орудий, а крейсер находился в полной боевой готовности. 16 октября крейсер прибыл в Глазго, где был специально подготовлен для плавания в холодных полярных широтах и льдах. 7 ноября «Варяг» вышел из Глазго и прибыл 17 ноября 1916 г. в порт Романов-на-Мурмане. Однако стоянка в порту оказалась однообразной. Многие офицеры получили отпуска после 5-ти месячного похода, а командир «Варяга» - капитан 1 ранга фон Ден 2-ой убыл в Петроград для доклада о состоянии крейсера после длительного перехода в 15 864 мили. Корабль нуждался в капитальном ремонте, и было принято решение отправить «Варяг» в Англию, поскольку такого сложного ремонта на севере России сделать было нельзя. На боевую вахту по охране Северных морей заступил пришедший 12 января 1917 г. в Романов-на-Мурмане линейный корабль «Чесма» [2].

24 февраля «Варяг» вышел на ремонт в Англию и прибыл 6 марта в порт Ливерпуля. В Англии среди матросов «Варяга» начались брожения, вызванные разными противоречивыми слухами о революции в России. Наконец, пришло распоряжение Главного Морского Штаба из Петрограда о возвращении всех матросов, призванных из запаса, в Россию и об отправке остальных, а также части офицеров в Америку для комплектования купленных там яхт. Позже ввиду отсутствия финансирования на ремонт крейсера, англичанами было принято решение об освобождении «Варяга» от русской команды. 28 августа 1917 г. около 30-ти оставшихся матросов команды крейсера во главе с подпоручиком по адмиралтейству Истоминым были отправлены на Родину. К середине декабря 1917 г. оставшиеся 10 матросов охраны «Варяга» были списаны на берег и заменены одним английским кондуктором и пятью английскими матросами. Крейсер «Варяг» после окончания войны был отбуксирован в Шотландию и затем продан на слом. В конце 1917 - начале 1918 г. в Экипаже шла демобилизация моряков призыва 1907-1910 гг.

Февральская революция 1917 г. и последующий за ней развал в России, прекратили дальнейшую деятельность Гвардейского Экипажа. Император Николай II подписал добровольное отречение от власти, поэтому отпала и необходимость в такой морской лейб-гвардии России, обязанности которой

исполнял Морской Гвардейский экипаж более 200 лет. Наконец, Приказом № 105 от 03 марта 1918 г. Командующего Балтийским флотом Экипаж был упразднен «за ненадобностью»[2].

Литература

1. Таубе Г.Н. Описание действий Гвардейского экипажа на суше и на море в войну 1914–17 гг. Изд. Журнала «Морские записки» Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Нью Йорк. 194. - с. 195-228.
2. Малышев Л.А. Морской Гвардейский экипаж. 300 лет. История и современность. Изд. МСТ, СПб. 2011. - 334 с.
3. Малышев Л.А. Гвардейский экипаж в войне 1914-1917 годов. Изд. Militari Крым, Специальный выпуск к 100-летию Первой мировой (Великой) войны № 5, Симферополь, 2014. - с. 3- 13.

Никифоров А. Л.

Первая Мировая война в судьбе русской императорской гвардии.

На протяжении двух столетий судьба императорской гвардии России была самым тесным образом связана с российской монархией. Созданная железной волей Петра I “Великого” в самом начале XVIII века, гвардия стала одним из символов могучей Российской империи, являясь надёжной опорой государственности. Поэтому вполне закономерно, что в трагический период крушения империи вместе с ней ушла в прошлое и славная императорская гвардия России.

Русская императорская гвардия имела славную историю и значительные привилегии по сравнению с армейскими частями русской армии. Её строевая выучка, блеск парадных мундиров производили неизгладимое впечатление на всех гостей царской династии.

Великий князь Константин Константинович вспоминал: «...В июле 1914 года, незадолго до начала “Великой войны”, в честь визита в Россию французского президента Раймона Пуанкаре на Марсовом поле был дан большой парад частей столичной гвардии. Парад окончился атакой кавалерии. Эта атака была гвоздем всего парада. В конце Марсова поля выстроилась вся бывшая на параде конница, то есть две дивизии. Тогда, по команде великого князя Николая Николаевича, вся масса конницы ринулась в карьер в направлении гостевого шатра, где за парадом наблюдали император Николай II и французский президент. Картина была поистине величественная, и даже жуткая. По приказу великого князя Николая Николаевича вся скакавшая масса конницы в один миг остановилась перед царской свитой и гостями. Офицеры опустили оружие, отдавая честь, а трубачи заиграли Гвардейский поход...».[1]

Действительно, выучка гвардейской кавалерии завораживала. Для войн начала XIX века – это была бы великолепная подготовка. А вот что делать, если эту массу конницы встретит не плац Марсового поля, а овраги с колючей проволокой, за которыми будут их ждать хладнокровные пулеметчики, царские полководцы особо не задумывались.

К сожалению, в рамках текущей военной подготовки столичных гвардейских частей большинство командиров уделяло недостаточное внимание повышению уровня знаний гвардейских офицеров, проведению тактических занятий, совершенствованию навыков владения оружием, налаживанию взаимодействия между родами войск в полевых условиях, организации марш-бросков и военных маневров.

Вместо этого, для многих царских генералов главным критерием выучки гвардейских частей была безупречная стройность марширующих колонн на парадах, бравый вид офицеров и солдат, а вопросы современной военной тактики были “тёмным лесом” для большинства гвардейских военачальников.

Закономерно, что и полевые занятия столичной гвардии под Красным Селом в начале XX века превратились в формальность, где многое делалось по старинке: кавалерия бросалась, не смущаясь обозначенным огнем, на пехотные цепи и на стреляющие батареи. Для отражения этих атак в духе времён сражений при Прейсиш-Эйлау и Бородино пехотные резервы выходили, держа ногу, в сомкнутом строю на линию цепей к производили залпы, дружный треск которых напоминал раскусывание ореха. Конные ординарцы носились вдоль фронта, как зачарованные против воображаемых пуль и осколков. Нечего и говорить, что батареи картинно выезжали на гребни горок, лихо снимались с передков на виду у неприятеля и становились на открытых позициях. [2]

Великий Князь Николай Николаевич на подобных летних маневрах 1913 года, подводя итоги маневров, высказал характерную глубокомысленную фразу, характеризующую уровень военно-стратегического мышления высшего царского генералитета: «...Подводя итоги, я могу прибавить, что маневр разыгрался отлично: пехота наступала, кавалерия скакала, артиллерия стреляла. Благодарю вас, господа!...». [3]

Как-то не везло царской армии в начале XX века на талантливых военачальников. С универсальной формулой оценки уровня своей боеспособности – “пехота наступала, кавалерия скакала, артиллерия стреляла”, русская армия вступила в Первую мировую войну, имея противниками хорошо подготовленные германскую и австро-венгерскую армии.

Объявление войны со стороны Германии и её союзников застало столичную гвардию в Красном Селе, где она под командованием генерала Владимира Михайловича Безобразова готовилась к летним манёврам. Великий князь Николай Николаевич, назначенный Главнокомандующим российской императорской армией, приказал Гвардейскому корпусу сосредоточиться на западной границе.

7 августа 1914 года гвардейский корпус, приданный 2-й армии генерала Самсонова, сосредоточился в Царстве Польском, в районе крепости Ново-Георгиевск. 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии вместе с войсками 1-й армии генерала Ренненкампа уже находились в Восточной Пруссии. 3-я гвардейская пехотная дивизия, находившаяся в Варшаве, тоже сражалась в Восточной Пруссии, а в октябре 1914 года вернулась в Варшаву.

На протяжении I-й Мировой войны российская гвардия часто использовалась по частям. Отдельные бригады или дивизии поддерживали части армии, в которую они входили. Таким образом, командующий императорской гвардией генерал Безобразов командовал далеко не всеми своими войсками.

Например, 16 августа 1914 года 1-я гвардейская пехотная дивизия была спешно отправлена по железной дороге в г. Люблин для усиления 4-й армии генерала Эверта. Двумя днями позже весь гвардейский корпус выдвинулся в том же направлении, поскольку противник угрожал городу. В ходе тяжёлых боёв, в которых 1-я бригада 2-й гвардейской дивизии понесла особенно тяжёлые потери, царские войска одержали победу, а отдельная гвардейская кавалерийская бригада генерала Маннергейма преследовала отступавшего противника. Гвардейская стрелковая бригада также понесла большие потери у Опатова, будучи приданной 9-й армии. Наконец, 1 октября 1914 года гвардейский корпус был выведен в резерв армии, подчинённый непосредственно Главнокомандующему. [4]

10 октября гвардейский корпус вновь участвовал в боях на Юго-западном фронте в районе крепости Ивангород, расположенной в Царстве Польском. Пока у Варшавы и Ивангорода продолжались кровопролитные сражения с 9-й германской и 1-й австро-венгерской армиями, русские контратаковали силами своей 9-й армии. 12 октября российский гвардейский корпус прорвал австрийский фронт, заставив противника отступать. К концу октября 1914 года австро-германские войска были отброшены к нашей западной границе, а входившая в состав Российской империи часть территории Польши была полностью освобождена.

Наши потери в первые месяцы войны оказались очень большими, особенно в гвардейских частях. Так, например, после яростной атаки 11 ноября лейб-гвардии Гренадерский полк сократился до размеров батальона. Офицеры менее пострадавших гвардейских кавалерийских полков добровольно переходили служить в пехоту. Вдобавок начались трудности со снабжением, особенно в артиллерии. [5]

6 декабря 1914 года гвардейский корпус был вновь выведен в резерв, а 17-18 декабря император Николай II посетил 1-ю и 2-ю гвардейские дивизии, а также провёл смотр Атаманского и Сводного казачьего полков. Отличившимся в боях офицерам и солдатам были вручены георгиевские кресты, а командир гвардии генерал Безобразов был причислен к императорской свите и награждён золотым георгиевским оружием.

30 декабря 1914 года весь гвардейский корпус в составе двух кавалерийских дивизий и 3-й пехотной дивизии соединился у Радома, и только Казачий Его Величества полк нёс службу при Ставке Главнокомандующего. В конце января 1915 года гвардия была собрана у Варшавы, а затем в составе 12-й армии генерала Плеве заняла позиции у реки Нарев в Царстве Польском. Наступление началось 7 февраля, но из-за плохого руководства оно не достигло успеха, а генерал Плеве упорно продолжал бросать в бой свои полки, в том числе, и гвардию. При незначительном продвижении вперёд это наступление стоило русской гвардии 10000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а потери в

наступавших армейских частях составили 35000 человек. Затем фронт временно стабилизировался и в середине июня 1915 года гвардия была отведена в тыл. [6]

Тем временем, 12 июня 1915 года начался второй этап мощного германо-австрийского наступления на Восточном фронте, главной целью которого было окружение и уничтожение русской армии в Польше. Упорная оборона царских войск у Красностава замедлила германское наступление ценой огромных потерь в российской армии. 7 июля под палящим солнцем императорская гвардия вновь вступила в сражение с 9-й германской армией под Варшавой и выполнила боевую задачу, но из-за ошибок штаба юго-западного фронта этот успех был сведён к нулю и вскоре Варшава была сдана.

“Великое отступление” русской армии летом 1915 года продолжалось по всему фронту, но противник не добился своей главной цели – обескровленная царская армия не была уничтожена – и осенью 1915 года линия фронта стабилизировалась. 9 августа 1915 года Великий князь Николай Николаевич указом императора был смещён с поста Главнокомандующего и был назначен наместником на Кавказ, а также командующим Кавказским фронтом. Руководство Ставкой и действующей армией взял на себя император Николай II.

На протяжении 1915 года нехватка вооружения и боеприпасов в русской армии стала катастрофической и артиллерийская поддержка войск в ходе боёв практически отсутствовала. Гвардейский артиллерист подполковник Альфатер вспоминал: «...перед моими глазами, как в калейдоскопе проходят печальные сцены сражения. Ночной отход, артиллерия быстро вступает в дело, но выпускает всего несколько снарядов. И всё одни и те же раздражённые вопросы, обращённые к батарее: “Сколько снарядов осталось?”. И всегда одни и те же ответы: 100, 80, а иногда и меньше. К вечеру дым окутывает наши тылы: командиры поджигают деревни, стога, зерно, выжигают поля. В армии царит чувство беспомощности, неспособности остановить неприятеля, неотвратимой гибели. Ночью снова отступление, отблески огня, а вдоль дороги толпятся беженцы – дети в колясках, старики с небогатыми пожитками...». [7]

В июле 1915 года генерал Безобразов за неподчинение приказам генерала Леша был отстранён от командования гвардейским корпусом и заменён генералом Олоховым. К ноябрю 1915 года восточный фронт стабилизировался, отступление русской армии закончилось, армия выстояла, но врагу были отданы Польша, часть Белоруссии, почти вся Литва и Курляндия. Гвардейские полки были обескровлены напряжёнными боями, а гвардейские кавалеристы всё чаще служили в пешем строю, в окопах.

Главнокомандующий русской армией император Николай II пришел к выводу о необходимости реорганизовать гвардию, и в начале октября 1915 года он посвятил в свои планы генерала Безобразова. Гвардия должна была состоять из двух пехотных и одного кавалерийских корпусов. Утверждённый императором план 8 октября 1915 года был реализован генералом Безобразовым, вновь назначенным командующим войсками гвардии. Однако реорганизация проходила медленно при тяжелейшем положении с укомплектованием личным составом,

особенно в 3-й гвардейской дивизии, понесшей большие потери в компанию 1914 года. [8]

В середине февраля 1916 года гвардия была выдвинута на Северо-Западный фронт, к Режице, для усиления обороны Петрограда на случай немецкого наступления на столицу, но так и осталась в резерве. В мае гвардейские корпуса были переведены на Западный фронт. Трагические дни 1915 года были уже позади.

На соседнем Юго-Западном фронте с 19 мая 1916 года началось наступление русской армии – знаменитый “Брусиловский прорыв”. Для поддержки наступавших войск перешёл к активным действиям и Западный фронт. С 27 мая гвардия вступила в упорное сражение под Ковелем. 15 июля 1916 года в 13 часов после сильной артиллерийской подготовки гвардейские части, прорвавшись через болота, атаковали укрепления врага у белорусского городка Стоход.

1-й гвардейский пехотный корпус встретил сильное сопротивление германцев у деревни Раймецо. 2-й гвардейский корпус продвигался более успешно, и гвардейские стрелки смогли даже захватить вражеский штаб. Гвардейский экипаж, оставленный в резерве, по собственной инициативе старался оказать помощь обоим корпусам, пытавшимся соединиться, охватив врага в кольцо окружения. В последующие дни атаки русской гвардии были направлены на овладение Витонежем. Германские войска упорно контратаковали. В результате пятидневных боёв гвардия захватила пленными более 8000 немецких солдат, около 300 офицеров, 2 генералов, а также 50 пушек и 70 пулемётов. После перегруппировки царская гвардия продолжила наступление в 17 часов 26 июля 1916 года. Два дня прошли в безуспешных атаках. Гвардейские генералы, особенно Великий князь Павел Александрович, допустили тактические ошибки, и гвардейские части были вынуждены окопаться. За период с 15 по 28 июля гвардия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 30000 человек. [9]

15 августа 1916 года гвардейские корпуса были преобразованы в “Особую армию”. Во главе её генерал Ромейко-Гурко сменил генерала Безобразова. Гвардейское командование несколько раз предпринимало попытки возобновить наступление в направлении г. Ковеля, но они провалились. Эти бои из-за обилия жертв получили название “Ковельская мясорубка”, в ходе которой гвардия атаковала не менее 17 раз. К середине ноября 1916 года бои затихли, гвардия оставалась на позициях у Стохода, готовясь перейти в наступление весной 1917 года.

В июне 1917 года гвардейские корпуса приняли участие в так называемом “наступлении Керенского”, но это была уже не императорская гвардия. Смертный приговор русской армии и императорской гвардии был вынесен 1 марта 1917 года, когда после отречения императора Николая II решением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вышел знаменитый “Приказ № 1”, отменявший воинскую дисциплину и звания.

Немедленно последовал развал армии, охвативший даже находящиеся на фронте гвардейские части. Настроения в гвардейских частях были различными: в

1-м гвардейском стрелковом полку был убит командир полка, в Семёновском полку офицеры и солдаты братались, в Преображенском серьёзных инцидентов не было, в 4-м гвардейском стрелковом полку были изгнаны офицеры остзейского происхождения. В гвардейской кавалерии, где потери были ниже и состав полков оставался более однородным революционная пропаганда успеха не имела. Казачьи гвардейские части в полном порядке и со штандартами вернулись домой, на Дон.

“Лебединой песней”, остатков бывшей императорской гвардии стали июльские бои 1917 года в Прикарпатье, под Мшанами и Тарнополем, где особенно отличились старейшие гвардейские полки – Преображенский и Семёновский.

20 мая 1918 года в обстановке нараставшей Гражданской войны эти славные полки решением немногих уцелевших офицеров были официально расформированы, а большинство гвардейских офицеров влились в состав формировавшейся Белой армии. История императорской гвардии России закончилась.

Литература

1. Цит. по: Дрейер В.Н. На закате империи./ В.Н. Дрейер. – СПб., 2011. С.289.
2. См.: Безобразов В.М. Погибшая гвардия. Записки командира./ В.М. Безобразов. – СПб., 2008. С.199.
3. Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии. Т.4./А.А. Керсновский. – М., 1994. С. 212.
4. См.: Керсновский А.А. Указ. Соч. С. 221.
5. Волков С.В. Русский офицерский корпус./ С.В. Волков. – М., 2003. С. 280.
6. См.: Безобразов В.М. Погибшая гвардия. Записки командира./ В.М. Безобразов. – СПб., 2008. С.201.
7. Цит. по: Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая Мировая война в жизнеописаниях русских военачальников./ Р.М. Португальский, П.Д. Алексеев, В.А. Рунов. – М., 1994. С.238.
8. См.: Керсновский А.А. Указ. соч. С. 225.
9. См.: Волков С.В. Указ. соч. С. 291.

Радушинская А.И., Радушинский Д.А.

Исторические параллели борьбы России за Украину в ходе Первой мировой войны и сегодня

Ровно век прошел с начала Первой мировой войны – политического и экономического конфликта, отзвуки которого до сих пор эхом отзываются в боях под Луганском и Донецком. Актуальным является понимание исторических параллелей Первой мировой войны и нынешних политических событий в свете генезисе борьбы за независимость Украины. Ход и последствия войны вековой давности дают возможность понять скрытые пружины современных процессов.

Сто лет назад в Европе доминирующей формой политической организации было не национальное государство, а империя. Три королевских дома –

российские Романовы, германские Гогенцоллерны и австрийские Габсбурги – разделяли между собой самую большую власть. А над глобально раскинувшейся Британской империей вообще не заходило солнце. Сейчас это трудно представить, но во всем мире было только 60 суверенных государств. Словосочетание «право наций на самоопределение» было из лексикона бунтовщиков и экстремистов, оно никак не было принципом международных отношений.

Убийство сербским националистом кронпринца Франца-Фердинанда, заведомо невыполнимый ультиматум Сербии от Австро-Венгрии, по сути превращающий Сербию в протекторат Вены. Уверенные в себе австрийцы, чувствующие поддержку Германии, не менее уверенные в себе русские, бросающиеся помочь братьям-славянам сербам... Ну не только конечно в порыве славянского братства, но и не желающие утратить контроль на Балканах.... Не прошло и недели, а в войну оказались втянуты Германия, Россия, Франция и Великобритания.

Патриотический пиар был развернут так, что в первые дни войны во всех воюющих государствах царил огромный патриотический подъем. Все целевые аудитории каждой страны – участницы конфликта от элиты до люмпенов – были убеждены, что война будет лихой, стремительной и дерзкой, и конечно же победной. Отправляясь на фронт летом, солдаты обещали своим родным вернуться с победой не позднее Рождества.

А вышло... долго, трудно и изматывающе - война длилась более четырех лет, она унесла жизни около десяти миллионов солдат, а в результате боевых действий погибло около 7 миллионов мирных жителей.

Выжившие из числа храбрых лихих лощеных офицеров и генералов превратилась в мудрых людей, прошедших через ад, постигших изнанку жизни. Человечество ужаснулось тому, что узнало о себе. Женевский протокол, запрещающий применение химического и бактериологического оружия стал попыткой задраить люк в эту страшную часть жизни [1].

Но не только это – след Первой мировой войны, она совершила огромный переворот в жизни общества. Она повлияла на все – начиная с таких фундаментальных перемен, как эмансипация женщин, их иная роль в экономике и политике и.... такой деталью повседневной жизни, как наручные часы – впервые они появились у солдат в траншеях первой мировой.

Сегодняшние трагические события на Украине уходят корнями именно в первую мировую. Схематично США и расколовшийся европейский альянс борется с Россией за Украину, которая вышла из распавшейся влиятельной империи. Россия ведет переговоры о реализации мирного соглашения с Европой, в то время как пророссийские войска образуют собственное правительство на востоке Украины. Россия же отрицает оказание какой-либо поддержки бойцам.

Сценарий современных событий имеет вековые реминисценции - в 1917 году Центральная Рада потребовала власть над Украинской народной республикой. За свою независимость и автономию она сначала боролась против временного правительства России, а затем и против сменивших его большевиков.

Тогда в семнадцатом для обеих сторон конфликта, Центральных держав и Антанты геополитическое решение Украины имело стратегическое значение. Антанта первой признала украинское правительство. Даже Соединенные Штаты Америки открыли консульский отдел в Киеве. Антанта надеялась, что Киев вступит в коалицию, но украинцы настаивали на нейтралитете.

Еще большим влиянием на Украине располагали Германия и Австро-Венгрия. Это их генералы хотели перенести войска с Восточного фронта для финального наступления на Западный фронт и были готовы заключить с каждой отдельной страной сепаратный мир. Кроме того, на дипломатов оказывали давление социал-демократы, представляющие в парламенте большинство. К тому же, на грани выживания была Вена.

Большевикам тоже был срочно нужен мир, в декабре 1917 года они потребовали проведения переговоров, которые вскоре состоялись в Брест-Литовске под руководством Центральных держав.

Большой неожиданностью стал приезд на переговоры украинской делегации, которая потребовала права обсуждения автономного мира с их страной. Украина, «хлебная корзина» Европы, пообещала странам «Центрального блока» поставки зерна, но продолжала настаивать на нейтральном статусе. Спустя несколько недель трудных переговоров, все договаривающиеся страны признали Украину 9 февраля 1918 года в «хлебном мире», первом соглашении о перемирии в ходе войны [2].

Россия также обязалась признать украинское правительство. Большевики, в целом, признали Украинскую народную республику еще 17 декабря 1917 года в манифесте, который, однако, содержал ультиматум и лист претензий по отношению к украинскому правительству, напоминая ультиматум Австро-Венгрии Сербии. Когда же украинцы среди которых преобладали социалисты, отказались выполнять требования ультиматума, Советская Россия объявила Украине войну. Враги России поддерживали Украину, по причине ее роли «житницы». Но причиной была не только потребность в продовольствии и недовольство тактикой затягивания большевиками переговорного процесса о перемирии. Лев Троцкий, руководивший советской делегацией, описывал собственную стратегию следующим образом – «Ни войны, ни мира».

Позднее немцы выгнали большевиков, и сами оккупировали Украину, где сразу сменилась власть, и правительство с которым подписывалось мирное соглашение.

Во главе республики встал генерал Павел Скоропадский – консервативный, монархически настроенный руководитель–марионетка. Оккупацию быстро сменила военная диктатура, что привело к восстаниям по всей стране. Был убит немецкий военачальник в Киеве, и одержана победа в ноябре 1918 года.

Независимое украинское государство пережило еще один год, прежде чем раствориться в огне советско-польской войны 1920 года. Генерал Павел Скоропадский бежал в Германию [3].

Год с небольшим просуществовала тогда независимая Украина. Но этот короткий период, по-видимому, в корне изменил самосознание малороссиян, как их официально называли в России.

Сегодня, когда Украина вовсе не «житница» России, а зависимая от поставок газа по «родственно-соседским» ценам экономика, соотношения в этом конфликте иные. Более чем два десятка лет официально независимая Украина по факту все равно зависела от России. Теперь Украина хочет «сменить старшего брата», и не жалеет в этом стремлении к условно сытому будущему ни своих ни чужих жизней. В этом контексте переосмысление уроков Первой мировой войны представляется особенно актуальным.

Литература

1. Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств URL: <http://www.memo.ru/prawo/hum/zhen1925.htm> (дата обращения 07.11.14).
2. Звонарев К.К. Русская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. — Репринтное издание IV управления Штаба РККА. Киев: ИД «Княгиня Ольга», 2005.
3. Mark von Hagen. Sueddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/Der vergessene Frieden> (дата обращения 07.11.14).

Федулов С. В.

Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Италии в области морских вооружений накануне Первой мировой войны

Военно-техническое сотрудничество Российской Империи и Италии в начале XX века в области военно-морской техники и вооружения велось по многим направлениям. Одно из них, морские вооружения. Именно Италия играла ведущую роль на мировом рынке морского вооружения в области создания самодвижущихся мин (торпед – прим. автора). Ключевое место при этом занимала фирма «Уайтхед и К^о» в городе Фиуме. В начале 1912 года специалисты Главного управления кораблестроения и снабжения (ГУК) вели переговоры с представителями фирмы «Уайтхед и К^о» по вопросу подписания договора о предоставлении российским заводам права изготовления самодвижущихся мин Уайтхеда нового образца. Сложность обсуждаемого вопроса заключалась в том, что новое вооружение окончательных испытаний, на то время, ещё не прошло. 4 апреля 1912 года представитель итальянской фирмы инженер П.И. Балинский представил в Отдел общих дел (ООД) ГУК окончательно сформулированные условия для заключения договора[1].

А именно: 1. Морское министерство Российской Империи обязуется заказать фирме «Уайтхед и К^о» 250 самодвижущихся мин по цене 845 фунтов стерлингов за одну мину со всеми необходимыми принадлежностями в упаковке и сдаче на вокзал или загрузке на пароход в Фиуме. Только после того, как итальянская фирма представит на испытание комиссии командированной Морским министерством самодвижущуюся мину удовлетворяющую требованиям, не позднее 1 августа 1912 года.

2. Изготовление самодвижущихся мин нового образца в России должно осуществляться только на казённых заводах и на частном заводе общества «Лесснер» с уплатой фирме «Уайтхед» по 60 фунтов стерлингов за каждую произведённую на российских предприятиях мину. Данные мины могли строиться только для российского правительства. После постройки в России 750 самодвижущихся мин, выплата премии фирме прекращается[2].

25 января 1912 года товарищ (помощник – *прим. автора*) Морского министра контр-адмирал И.Г. Бубнов направил Министру торговли и промышленности С.И. Тимашову доклад. В нём отмечалось, что в октябре 1911 года Морское министерство с разрешения Совета Министров представило в Государственную думу законопроект об ассигновании кредитов на изготовление самодвижущихся мин для вооружения строящихся 7 линкоров, 10 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок. Нужные для перечисленных судов мины предполагалось построить по последнему, принятому в Российском Императорском флоте, образцу 1910 года [3].

Однако в декабре 1911 года завод фирмы «Уайтхед и К^о» сообщил Морскому министерству России, что ими была разработана и проходила окончательные испытания самодвижущаяся мина нового типа, значительно превышавшая по дальности и скорости хода мину образца 1910 года. При этом сохранялись её прежние размеры, благодаря чему не менялись размеры и конструкция существующих минных аппаратов. Вместе с тем, контр-адмирал И.Г. Бубнов сообщал: «Преимущества новой мины настолько велики, что не может быть сомнения в необходимости вооружения вновь строящихся судов этими минами. Морское министерство ведёт переговоры с фирмой «Уайтхед» об условиях предоставления права строить их в России. Переговоры ещё не закончены, но уже ясно, что непременным условием, кроме уплаты премии за каждую самодвижущуюся мину, построенную на российских заводах, фирма выдвигает требование единовременного заказа у неё 250 мин. Стоимость заказа по предлагаемой фирмой цене 875 фунтов стерлингов за одну мину составит около 2.070.000 рублей»[4].

Товарищ Морского министра контр-адмирал И.Г. Бубнов просил Министра торговли и промышленности С.И. Тимашова не отказывать в разрешении этого заграничного заказа. Так как для снабжения данным видом боеприпаса в установленном комплекте уже строящихся судов и предполагаемых к постройке для Балтийского флота, в соответствии с пятилетней судостроительной программой, требуется заготовить в этот же срок до 2.200 мин. Отечественные заводы такого количества боеприпаса для комплектации кораблей изготовить были не в состоянии[5].

Тем не менее, 28 января 1912 года Министр торговли и промышленности предложил товарищу Морского министра повременить с предложениями по данному вопросу до его рассмотрения и утверждения на Совещании по судостроению[6].

После положительного решения на Совещании по судостроению Морского министерства 5 февраля 1912 года вопроса о приобретении у фирмы «Уайтхед»

250 самодвижущихся мин и получении права на их изготовление отечественными заводами, началась классическая российская бюрократическая рутина. И только 14 апреля 1912 года с разрешения товарища Морского министра между Императорским Российским Морским министерством, в лице начальника ООД ГУК генерал-майора Сергеева и представителем фирмы «Уайтхед и К^о» инженером П.И. Балинским был заключён данный договор[7]. На основании которого фирма «Уайтхед» предоставляла право Морскому министерству изготавливать в России итальянские мины нового образца, имеющие горизонтальную машину системы Уайтхеда и аппарат для подогрева сжатого воздуха на следующих условиях[8]: Морское министерство обязалось предоставить заказ итальянской фирме на 250 самодвижущихся 45 см. (450 мм) мин нового образца. Мина должна соответствовать следующим требованиям:

- диаметр – 45 см. (450 мм);
- длина – 5,5 м.;
- давление воздуха в резервуаре – 150 атм.;
- вес заряда – 100 кг.;
- средняя скорость на 2.000 метров не ниже 43 узлов;
на 6.000 метров не ниже 28 узлов;
- горизонтальное отклонение на 2.000 метров не более ± 15 м.;
- на 6.000 метров не более ± 50 м.

Для подтверждения требуемых характеристик, фирма «Уайтхед» обязалась закончить проведение всех испытаний новой самодвижущейся мины до 1 августа 1912 года. И поставить Морскому министерству 250 мин, удовлетворяющих вышеуказанным техническим требованиям по цене 845 фунтов стерлингов за одну мину. Вместе с ними гарантировалась доставка без увеличения цены следующих принадлежностей:

- один ящик с инструментами для сборки № 1 на каждые 5 мин;
- один ящик с инструментами для приготовления к выстрелу № 2 на каждые 3 мины;
- один ящик с инструментами для прибора Обри на каждые 5 мин;
- один комплект запасных пружин на каждую мину;
- одно учебное зарядное отделение на каждые 2 мины.

Морское министерство, в соответствии с договором, получало право изготавливать мины данного образца, но только на казённых заводах и заводе общества «Лесснер» с уплатой фирме «Уайтхед» премии по 60 фунтов стерлингов за каждую построенную в России. И при условии, что эти мины будут производить только для Российского Императорского флота. Право постройки, обязательство выплаты премий, равно как и их размер распространялись без изменений на 53 см. (530 мм) мину той же системы. Уплата премий Морским министерством за производимый вид вооружения в России, должна была прекратиться после выпуска 750 мин.

Вместе с тем, фирма «Уайтхед» по условиям договора обязалась предоставить российской стороне один полный комплект рабочих чертежей одновременно с 2-мя первыми минами. Общий чертёж мины и рабочий чертёж

резервуара представлялся вместе с техническими условиями после заключения договора. Необходимо отметить, что в соответствии договором, во время постройки и испытания мин, заказанных фирме «Уайтхед» Морское министерство имело право командировать офицеров, инженеров и наблюдателей (аналог Контрольно-приёмного аппарата – *прим. автора*) на завод фирмы. Где они могли наблюдать за изготовлением самодвижущихся мин и изучить особенности их производства.

Однако вновь «заскрипела» бюрократическая машина. Так уже 16 апреля 1912 года Управляющий Департаментом военной и морской отчётности при Государственном контроле прислал Начальнику ГУК уведомление[9]. В данном документе отмечалось: «Договор с фирмой «Уайтхед» в Фиуме на изготовление мин нового образца, как вступающий в силу только после представления фирмой комиссии Морского министерства 1 августа 1912 года мины удовлетворяющей техническим требованиям – носит характер предварительного договора. Поэтому вопрос об оплате заказа будет рассматриваться только после приёмных испытаний»[10].

Окончание истории с заказом самодвижущейся мины (торпеды) у фирмы «Уайтхед» в качестве негативного примера привёл товарищ Морского министра А.Н. Крылов в своём докладе на заседании бюджетной комиссии и комиссии по государственной обороне Государственной думы. А именно, членами Государственной думы А.И. Звягинцевым и Федоровым был составлен и опубликован в открытой печати «Свод устных и письменных объяснений, данных представителями Морского министерства в соединённых заседаниях комиссии по государственной обороне и четвёртой бюджетной подкомиссии по вопросу о мерах к усовершенствованию судостроения и реорганизации ведомства». В этом документе сообщалось «Через каждые три года появляется новый вид торпеды, оставляющий далеко позади предыдущий образец.

Теперь на заводе Уайтхеда в Фиуме разработана торпеда, движущаяся подогретым воздухом вместо холодного. Эти торпеды развивают на 1.000 м. 38 – 40 узлов вместо прежних 32 – 34.

Морское министерство заказало 10 штук таких образцовых торпед и летом приступит к их валовой выделке на русских заводах. Здесь необходимо указать, что по выделке наши торпеды заводов Лесснера и Обуховского ни в чём не уступали и в смысле точности отделки даже превосходили торпеды завода Уайтхеда. Но инициатива усовершенствований и достижение лучших конечных результатов до сих пор оставались у завода Лесснера, к которому всегда и приходилось прибегать для получения образцов. Так и с подогреванием воздуха: хотя у нас опыты в этом направлении начались ещё в 1903 г., но к удовлетворительным результатам не привели, тогда, как у Уайтхеда таковых добились».

Фирма «Уайтхед», заключая контракт на изготовление 10 торпед, не оговаривала себе никакого особого вознаграждения и ничем не обуславливала их поставки. Когда же наши приёмщики прибыли за получением торпед, то им было заявлено, что ввиду того, что эти торпеды должны служить образцом для выделки

подобных же на русских заводах, фирма «Уайтхед» их отпустить, не согласна. Она считает контракт нарушенным и требует или единовременного вознаграждения в 10.000 фунтов стерлингов, или премию по 35 фунтов стерлингов с каждой изготовленной в России торпеды с их приспособлением для подогрева воздуха. Это обошлось Морскому министерству ровно в 10.000 фунтов стерлингов, т.е. почти в 100.000 рублей золотом [11].

Таким образом, рассматривая военно-техническое сотрудничество России в области военно-морского оружия с Италией в исследуемый период необходимо отметить, данные торпеды были поставлены на вооружение. Вместе с тем, руководство Российского Императорского флота стремилось получить в первую очередь передовые технологии производства новых, перспективных видов техники. Если это вызывало трудности, то приобретались её образцы для последующего освоения отечественными предприятиями. Однако сложившаяся система зарубежных заказов и мощная бюрократическая машина постоянно не только тормозили военно-техническое сотрудничество своей некомпетентностью, низким профессионализмом, рутинностью, но и приносили зачастую прямой вред политическому, экономическому и финансовому авторитету страны. Наиболее плодотворного сотрудничества с итальянской фирмой «Уайтхед» отечественный военно-промышленный комплекс достиг лишь в годы Советской власти.

Литература

1. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ) Ф. 401, Оп. 6, Д. 109, Л. 133
2. Там же, Л. 103
3. РГА ВМФ, Ф. 401, Оп. 6, Д. 109, Л. 149
4. Там же, Л. 150
5. Там же
6. Там же, Л. 151
7. Там же, Л. 173
8. Там же, Л. 173-174
9. Там же, Л. 227
10. Там же
11. Крылов А.Н. Мои воспоминания – Л.: Судостроение 1979. С.166-167

Федулов С. В., Лосик А. В.

Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Великобритании в годы Первой мировой войны

История взаимоотношений России и Англии всегда носила сложный и неоднозначный характер. Вместе с тем, необходимо отметить, что в годы первой мировой войны между Российской Империей и Великобританией активно велось, хотя и с большими трудностями военно-техническое сотрудничество в области морских вооружений, техники, приобретения топлива (угля).

Об этом свидетельствовала справка товарища Морского министра Начальнику Морского генерального штаба (МГШ) от 8 августа 1915 года[1]. В данном документе отмечалось, что от морского ведомства в Англию был командирован ряд должностных лиц со следующими задачами: 1. Морской агент

(атташе – *прим. автора*) (штатная категория «капитан 1 ранга»). На него возлагалось взаимодействие с английским Адмиралтейством по вопросам, касающимся непосредственно флота, его вооружения и снабжения. Ему подчинялись другие должностные лица, командированные в Англию и осуществляющие наблюдение за выполнением заказов, закупкой товаров и материалов. Будучи, таким образом, осведомлённым обо всех заказах и закупках он производил платежи за них из средств, переводимых для него по каждому заказу отдельно.

2. Подчинённый морскому агенту инженер-механик (штатная категория «капитан 1 ранга»). На него возлагалась задача организации заготовки угля для российского флота и расчёт за него.

3. В распоряжении инженера-механика состояли два штаб-офицера и три обер-офицера. Они осуществляли общие мероприятия по всем угольным операциям. Данные офицеры находились в тех районах Англии, в которых проходила сдача продукции.

4. Обер-офицер (штатная категория «лейтенант»). Был непосредственно подчинён морскому агенту для осуществления шифровальной телеграфной связи с МГШ.

5. Штаб-офицер инженер-механик (штатная категория «капитан 2 ранга»). Исполнял поручения морского агента при производстве закупок для Морского министерства, а так же на него возлагались обязанности:

- вести переговоры с английским Министерством амуниции;
- испрашивать у правительства Англии разрешения на размещение заказов английским фирмам и вывоз готовой продукции, материалов.

6. Штаб-офицер инженер-механик (штатная категория «капитан 2 ранга»). Старший наблюдающий за изготовлением всех заказов, как по качеству, так и по соответствию требованиям установленным условиями контрактов.

7. Два штаб-офицера и три обер-офицера наблюдающие. Осуществляли общие мероприятия контроля над ходом выполнения заказов на английских заводах.

8. Штаб-офицер инженер-механик (штатная категория «капитан 2 ранга»). Приёмщик на заводе фирмы «Виккерс» морских артиллерийских орудий для Морского министерства Российской Империи.

Вместе с тем, российское правительство организовало в Великобритании Англо-русский комитет в составе: Председатель – представитель Министерства торговли и промышленности и члены комитета: морской агент, инженер-механик осуществляющий закупку угля, военный агент. Изначально предполагалось, что этот комитет, централизовав все заказы, поступающие из России, сможет предотвратить повышение цен на английском рынке. Во взаимоотношениях с Английским правительством ожидалось, что комитет облегчит получение от правительства необходимых разрешений на выдачу заказов великобританским фирмам и согласия на вывоз готовой продукции. Однако, за первые 10 месяцев своей деятельности, комитет ощутимых положительных результатов не дал[2].

Детальный анализ деятельности Англо-русского комитета в Лондоне с предложением о его реорганизации и переименования в Русский правительственный комитет был сделан Министром финансов Российской империи в октябре 1915 года[3]. Министр финансов отметил главные причины неудачной деятельности комитета.

В первую очередь – его не организованность. Министр финансов обратил внимание на то, что члены комитета действовали не совместно, а самостоятельно. Случалось так, что в распоряжении некоторых из них были значительные валютные средства, тогда как в это же время, другой член комиссии упускал выгодный заказ из-за невозможности сделать взнос задатка. Деятельность комитета началась в сентябре 1914 года и его члены, собравшись на первое заседание, спланировали порядок выдачи заказов. Он сводился к тому, что все заказы должны были размещаться только членами комитета, исключительно по своим ведомствам и их валютным средствам. Данное решение было поддержано графом Бенкендорфом[4].

В это же время, английским правительством было создано центральное учреждение «Comission Internationale de Ravitaillement» («С.І.Р.»). Это было очень примечательное учреждение. Именно оно решало все вопросы размещения заказов союзнических правительств на приобретение военной техники и вооружения, производящихся в Англии. Таким образом, представители английского правительства не принимали участия в работе Англо-русского комитета, а его члены, каждый сам по себе, обращались в «С.І.Р.» для решения с английскими функционерами данного учреждения по соответствующим специальностям своих, узковедомственных вопросов. Причём, считали себя полномочными действовать от имени всего Англо-русского комитета.

В результате, деятельность комитета приняла совершенно иные формы, чем это имелось в виду при его учреждении. Это было вызвано ещё и тем, что при его создании не проводились соответствующие организационные мероприятия. Не было разработано «Положение об Англо-русском комитете», председатель комитета не назначался, а был избран его членами представитель Министерства торговли и промышленности действительный статский советник Рутковский. Совместная деятельность членов комитета, – по мнению Министра финансов, выразилась только в организации транспортировки товаров из портов Англии в Россию, которая была поручена фирме «Мартенс» и переписка с английскими властями о разрешении вывоза приобретённых и изготовленных товаров[5].

Вместе с тем, – отмечал Министр финансов, в Англии образовалось значительное количество частных обществ, присвоивших названия созвучные с Англо-русским комитетом и выдававших себя за уполномоченных правительства Российской империи. Комитет вёл активную борьбу с ними, эта борьба опять же отнимала силы и время.

В целях преобразования и реорганизации деятельности Англо-русского комитета, кроме переименования, Министр финансов России предложил назначить в состав данной организации по одному уполномоченному представителю от каждого заинтересованного в заграничных заказах ведомства. В

состав этой структуры, также рекомендовалось включить одного представителя Министерства финансов, которому поручалось бы ведение финансовых вопросов. Председателем Комитета предлагалось назначить представителя от Военного министерства, как основного и самого крупного заказчика[6].

Необходимо отметить, что в исследуемый период в Англии, помимо прочего, велась закупка следующих образцов морской техники: два неподвижных морских подъёмных крана грузоподъёмностью 13 тонн[7] у фирмы «Верити», пароходы, парусные суда, баржи, буксиры, моторные катера для Северной ледовой флотилии. А так же переоборудование рыболовецких траулеров в тральщики[8].

О ходе реализации заказа по тральщикам (траулерам), 15 мая 1916 года морской агент России докладывал следующее: «Контракт по тральщикам (траулерам) выполняется медленно. Первая партия – 5 траулеров (из Испании) отремонтированы и переделываются в тральщики. Окончание работ ожидается через три недели. Англичане предоставили для них пушки и тралы.

Вторая партия – 11 траулеров (из Аргентины) скоро придут в Англию. И 5 из них вышли из Южной Америки.

Третья партия – 4 траулера. Российские представители попросили Британское Адмиралтейство найти необходимые корабли данного класса в Англии или нейтральных странах, но довольно скоро получили ответ, что Адмиралтейство ничего для них сделать не может. Однако когда прибывший из России генерал Поречкин обратился с аналогичным предложением к торговому дому «Ганс Смит» проблем не возникло. Необходимые для России траулеры фирма приобрела опять же у Испании и Аргентины»[9].

Сложность военно-технического сотрудничества с Англией в области морского вооружения и техники, длинную волокиту, с которой приходилось сталкиваться не только Морскому и Военному министерствам России, но и Британскому Адмиралтейству показал в своём рапорте 22 мая 1916 года морской агент Российского Императорского флота капитан 1 ранга В. Сакс[10].

Он докладывал, что при объявлении войны Англия была подготовлена ещё хуже, чем Россия. Кроме того, ей пришлось небольшую сухопутную армию развернуть в десятки корпусов, чтобы оказать помощь своим союзникам на сухопутном театре военных действий. Лорд Китченер энергично создавал большую армию, требующую огромного количества снаряжения и боеприпасов. Параллельно и флот начал быстро достраивать свои корабли и требовал величайшего напряжения всей промышленности для его снабжения и скорейшего ввода в строй надводных и подводных судов. Данные факторы обусловили необходимость создания в Великобритании нового ведомства – Министерства снабжения. Его главой был назначен популярный и влиятельный в промышленных кругах Ллойд Джорж. Деятельность данного министерства была направлена на обеспечение всем необходимым в первую очередь армии и флота Англии и только при наличии излишков, выделять их союзникам[11].

Новое министерство сразу же стало осуществлять строжайший контроль всей английской промышленности и подчинило себе все заводы хоть как-то

приспособленные для производства продукции военного назначения. Все заказы, как поступившие до войны, так и после её начала выполнялись только с разрешения Ллойд Джоржа. Министерство снабжения Великобритании вело учёт всем контрактам и распределяло их в порядке срочности по категориям «А», «В» и «С» в зависимости от степени важности данного заказа, а так же принимая во внимание, от кого исходил заказ. К категории «А» относились все заказы, полученные от английского Военного министерства и Адмиралтейства, к категории «В» – заказы их контрагентов, к категории «С» – частные заказы[12].

Морской агент в Англии докладывал: «Нам с большим трудом удалось включить наши заказы в категорию «А», то есть стать по срочности в первый ряд заказов, но это ещё далеко не гарантирует нас от просрочек наших важнейших заказов. Объясняется это перегруженностью заводов заказами категории «А», поэтому российским наблюдателям на заводах приходится уже умолять, а не требовать двинуть наши важные просроченные заказы вперемешку с английскими, а не ставить их в хвост длинного списка британских заказов. Зачастую, становится бессильным даже английское Адмиралтейство, ходатайствовавшее по нашей просьбе о выполнении российских заказов»[13].

В аналогичном положении находились и заказы из других стран. Министерство снабжения твёрдо придерживалось принципа «Сперва всё для Англии, а только избыток – для союзников». Все просьбы союзных держав о размещении заказов, как в Великобритании, так и в нейтральных странах рассматривались в ранее упоминаемом учреждении «С.I.R.». Рассмотрев данные просьбы, «С.I.R.» разрешал размещать заказы в Англии только условно. С оговоркой, что контракт ни в коем случае не должен мешать исполнению заказов британского правительства. Такая оговорка превращала срок выполнения контракта в фикцию, так как в случае поступления на завод нового английского заказа, этот срок удлинялся и становился совершенно не предсказуемым. В случаях, когда союзные державы просили поместить заказ в нейтральных странах, представитель Министерства снабжения в «С.I.R.» изыскивал все средства для отказа. Делалось это для того, чтобы до предела заполнить производственные мощности и без того перегруженных заводов Великобритании. И только в случае невозможности этого сделать, скрепя сердце, давал разрешение поместить этот заказ вне Англии[14].

Капитан 1 ранга В. Сакс докладывал, что данных условиях возникают сложности в военно-техническом сотрудничестве, а в некоторых случаях, как например, при желании приобрести суда в Англии, можно всегда ожидать отказ. Вместе с тем, он с оптимизмом отмечал: «В настоящее время, когда британские армия и флот развёрнуты почти до желательного предела и их снабжение урегулировано, можно ожидать, что наши заказы будут выполнены более быстрыми темпами и не будет столь длительных отсрочек в их исполнении, как это было и наблюдается сейчас, несмотря на принимаемые нами самые энергичные меры»[15].

Со своей стороны, морской агент предлагал при размещении заказов в Великобритании оговаривать для России право вести переговоры с

соответствующими министерствами напрямую, минуя посредничество конторы «С.I.R.». Однако, это уже было летом 1916 года. Не претерпев особых жертв, разрушений и ужасов первой мировой войны, английская промышленность получила дополнительные возможности своего развития и обогащения.

Таким образом, рассматривая военно-техническое сотрудничество Российской Империи и Великобритании в годы первой мировой войны необходимо отметить, что, во-первых, являясь одним из самых экономически развитых государств, Англия к первой мировой войне была не подготовлена, что отразилось на сотрудничестве не только с Россией, но и другими союзными державами. Во-вторых, затягиванием сроков выполнения иностранных заказов, Великобритания наглядно продемонстрировала другим странам мира, в том числе и России приоритетность национальных интересов перед союзническим долгом. В-третьих, созданием Министерства снабжения и конторы «С.I.R.» английское правительство показало несовершенство российской системы внешних заказов в военное время.

Литература

1. РГА ВМФ, Ф. 401, Оп. 6, Д. 939, Л. 11
2. Там же, Л. 11-12
3. Там же, Л. 17
4. Там же, Л. 17
5. Там же, Л.17-18
6. Там же, Л. 18-19
7. Там же, Л. 79
8. Там же, Л. 52
9. Там же, Л. 52
10. Там же, Л. 63
11. Там же, Л. 64
12. Там же, Л. 64-65
13. Там же, Л. 65
14. Там же, Л. 65-66
15. Там же, Л. 67

И.В. Шугалей, М.А. Илюшин, А.М. Судариков.

Химическое оружие. От создания к уничтожению.

Использование сильнодействующих и ядовитых веществ в политических и военных целях имеет давнюю историю.

Первая попытка одержать военную победу с использованием ядовитых веществ была предпринята спартанцами во время войны с афинянами (431 - 404 до Р. Х.) при осаде городов Платеи и Белиума. Спартанцы пропитывали дерево смолой и серой и сжигали его у городских стен, чтобы удушить жителей и ворваться в город[1].

В средние века в многочисленных войнах также использовали ядовитые химические вещества

Их применяли путем разбрасывания наполненных такими веществами различных емкостей, подобно ручным гранатам.

Легенды приписывают применение химического оружия легендарному пресвитеру Иоанну в войнах с мусульманами. Сказания передают, что Престер Джон (около XI столетия) наполнял медные фигуры взрывчатыми и горючими веществами, дым вырывался изо рта и ноздрей этих фантомов, что обращало противника в бегство [1].

В 18-19 веках были накоплены достаточныенауные предпосылки для созания и массового применения химического оружия.

Впервые эффективное отравляющее вещество, открытую в 1782 г. К. В. Шееле синильную кислоту, прусская армия собиралась использовать против армии Наполеона. Генералов остановила неспособность промышленности того времени производить синильную кислоту в количествах, необходимых для ведения боевых действий.

Во время Крымской войны сэр Лион Плейфэр предложил военному министерству использовать для обстрела укреплений Севастополя снаряды, наполненные синильной кислотой.

Достаточно серьезным с точки зрения боевого использования химических веществ было предложение английского адмирала лорда Дэндональда во время Крымской кампании. (1855 г.)

Дэндональд предложил английскому правительству проект взятия Севастополя при помощи паров серы. В своей записке лорд Дэндональд писал:» При осмотре серных печей в июле 1811 г., я заметил, что дым, который выделяется во время грубого процесса плавки серы, сначала, вследствие теплоты, подымается кверху, но вскоре падает вниз, уничтожая всю растительность и являясь на большом пространстве губительным для всякого живого существа. Оказалось, что существует приказ, запрещающий людям спать в районе 3-х миль в окружности от печей во время плавки. Этот факт я решил применить для нужд армии и флота»[2]

Основные рекомендации для осуществления плпна лорд Дэндональд привел в меморандуме от 1855 г.

"Материалы, необходимые для изгнания русских из Севастополя: опыты показали, что из 5 частей каменного угля выделяется одна часть серы. Состав смесей из угля и серы для употребления в полевой службе, в которых весовое отношение играет очень важную роль, может быть указан проф. Фарадеем. Четырехсот или пятисот тонн серы и двух тысяч тонн угля будет достаточно»

Меморандум лорда Дэндональда, вместе с объяснительными записками, был передан английским правительством того времени специальному комитету. Комитет постановил, что затея лорда Дэндональда вполне осуществима, но «...ни один честный враг не должен воспользоваться таким способом».

Тем не менее, ограниченное применение химического оружия в Крымскую войну состоялось. В севастопольском дневнике вице-адмирала М. Ф. Рейнеке друга адмирала П. С. Нахимова 13 мая 1854 г. записано: «...Сегодня привезены (в Севастополь) из Одессы две вонючие бомбы, брошенные в город 11 апреля с английских и французских пароходов. Одну из них стали вскрывать в присутствии Корнилова, и нестерпимая вонь так сильно

обдала всех, что Корнилову сделалось дурно. Такая же бомба была вскрыта в Одессе, и канонир, вскрывавший ее, лишился чувств, получив сильную рвоту; два дня он был болен, и не знаю - выздоровел ли». [2]
8 конце 50-х г, XIX века Императору Александру Второму Главный артиллерийский комитет (ГАУ) предложил ввести в боекомплект бомбы, начиненные отравляющими веществами. Для однопудовых (196-мм) крепостных единорогов была изготовлена опытная серия бомб, снаряженных производным какодила. [3]

Какодил – соединение мышьяка, получаемое по реакции [4]

По этому поводу знаменитый в те годы генерал-адъютант А. А. Баранцов (1810-1882), герой нескольких войн, написал доклад царю, где категорически заявил, что применение артиллерийских снарядов с отравляющими веществами в настоящем и будущем полностью исключено [3].

Очевидно, именно мнение высших военачальников о низкой эффективности химического оружия создало предпосылки для созыва Гаагской конференции в 1899 г. Участвовавшие в конференции представители Германии, Италии, России и Япония договорились о неприменении удушающих и ядовитых газов в военных целях. Франция присоединилась к Гаагской декларации в том же году, Британия - чуть позже, в 1907 г. Однако в период подготовки к войне от идеи использования химического оружия не отказались.

В начале Первой мировой войны использовались химические вещества раздражающего, а не летального действия. Первыми их в августе 1914 года применили французы: это были 26-мм гранаты, наполненные слезоточивым газом (бромэтилацетатом). Но запасы этилбромацетата у союзников быстро подошли к концу, и французская администрация заменила его другим веществом — хлорацетоном [4]. В 1914 году немецкие войска открыли огонь снарядами, наполненными этим химическим веществом, в битве при Нев-Шапель против британцев, однако достигнутая концентрация газа была едва заметна.

Тем не менее осенью 1914 г. немецкий Институт Вильгельма начал разработку отравляющих газов для военного применения, а лауреат Нобелевской премии по химии (1918) Хабер и его лаборатория начали разрабатывать химическое оружие [6]. Хлор, которого в 1914 г. в Германии ежедневно производилось до 40 тонн Хабер предлагал хранить и транспортировать на линию фронта в жидкой форме, под давлением, в стальных цилиндрах. Цилиндры должны были доставляться на боевые позиции; при наличии попутного ветра хлор выпускался в сторону вражеских позиций.

Генералы с трудом представляли возможные последствия, однако Хабер хорошо понимал, какой эффект вызовет новое оружие и решил присутствовать при первом испытании. Местом первой атаки было выбрано местечко Langemarck под Ипром. На шестикилометровом участке располагались французские резервисты из Алжира и Канадский дивизион. Датой атаки назначили 22 апреля 1915г [4,5,6]. Для атаки 160 тонн жидкого хлора в 6000 цилиндрах были тайно размещены вдоль

германских позиций. Желто-зеленое облако накрыло французские позиции. Газ проникал во все щели укрытий. Те, кто пытался бежать, получали отравление еще быстрее, и умирали стремительно. В результате атаки погибло 5000 человек, ещё 15 000 человек были отравлены. Германцы в газовых масках заняли французские позиции, продвинувшись на 800 ярдов. Однако никаких великих стратегических целей с помощью химического оружия достичь не удалось, отступление союзников (главным образом, французов и ненадёжных колониальных войск) прекратилось, как только немцы исчерпали запасы хлора, а оперативно подтянутые резервы свели к нулю первоначально достигнутый немцами успех. Немецкое командование сочло хлор малоэффективным так как только 4% пораженных умирало.

После битвы на Ипре отравляющие газы были применены Германией ещё несколько раз: 24 апреля против 1-й канадской дивизии, 2 мая около «Фермы-мышеловки», 5 мая против британцев и 6 августа против защитников русской крепости Осовец. Сразу 90 человек погибло в окопах 5 мая; из 207 попавших в полевые госпитали 46 умерли в тот же день, а 12 — после продолжительных мучений. Против русской армии действие газов, однако, не оказалось достаточно эффективным: несмотря на серьёзные потери, русская армия отбросила немцев от Осовца [6]. Контратака русских войск была названа в европейской историографии как «атака мертвецов»: по словам многих историков и свидетелей тех сражений, русские солдаты одним только своим внешним видом (многие были изуродованы после обстрела химическими снарядами) повергли в шок и тотальную панику германских солдат [6].

Немцы предприняли газобаллонную атаку против русских войск 31 мая 1915 года в районе г. Болимово (западнее Варшавы). При этом было отравлено 9 тысяч человек, из которых на поле боя умерло 1,2 тыс, а общее число погибших достигло 3,5 тыс человек

Недостатки хлора были преодолены с изобретением и внедрением в армейский арсенал фосгена, который был синтезирован группой французских химиков под руководством Виктора Гриньяра и впервые использован Францией в 1915 году. Фосген было труднее обнаружить, чем хлор, что сделало его более эффективным оружием. Фосген использовался в чистом виде, но чаще в смеси с хлором для увеличения площади распространения более плотного фосгена. Союзники называли эту смесь «Белая звезда», так как снаряды с вышеозначенной смесью маркировались белой звездой [7].

Фосген, как боевой газ, превосходил хлор большей, по сравнению с последним, токсичностью. Потенциальным недостатком фосгена считалось то, что симптомы отравления иногда проявлялись лишь через 24 часа после вдыхания. Это давало возможность солдатам, отравленным фосгеном, продолжать некоторое время вести боевые действия. С другой стороны, на следующий день эти солдаты умирали или становились инвалидами. . В октябре 1915 года немцы с помощью фосгена осуществили химическую атаку против французских войск у г. Реймса. В результате этой атаки было отравлено около 5

тыс человек, из которых 800 погибло[7]. Эффективность химического оружия снижалась по мере совершенствования средств химзащиты.

Спустя некоторое время на вооружение приняли разнообразные варианты масок и повязок, которые перед применением следовало смачивать специальным составом, нейтрализующим фосген.

Позднее в русскую армию поступили противогазы Зеленина [8]. Химики противоборствующих сторон пытались усилить действие химического оружия, применяя вместе с фосгеном и дифосгеном дифенилхлорарсин[9]. Это вещество проникало через фильтры тогдашних противогазов и вызывало сильнейший кашель, заставляя солдат срывать маски. Впервые дифенилхлорарсин был применён опять-таки немцами 10 июля 1917 года.

В том же 17-ом году немцы поставили на фронт отравляющее вещество кожно-нарывного действия. В,В-дихлордиэтилсульфида, он же иприт, он же горчичный газ [9]. Первоначальный опыт применения был успешен. В течение 4 часов 12 июля 1917 года по позициям англо-французских войск было выпущено 50 тысяч мин, начинённых ипритом. Пострадало 2490 человек. Из них скончалось только 87 - при полном отсутствии защиты от отравляющего вещества кожно-нарывного действия[6].

С появлением в войсках защитных костюмов эффективность иприта упала ещё ниже. Рассматривая историю состязания химиков и создателей средств химзащиты, можно отметить, что сокрушительный эффект средств химического нападения достигался лишь при внезапном и массированном применении новинки. В состязании нападения и защиты «защитники» неизменно оказывались победителями. Защита от химического оружия достигается неизмеримо меньшими средствами, чем от артиллерии или авиации [6].

Британия выразила явное негодование тем, что Германия применила на Ипре отравляющие газы. Один из командующих британскими войсками лейтенант-генерал Фергюсон назвал поведение Германии трусостью. Вот его слова: «Однако если британцы хотят выиграть эту войну, они должны уничтожать врага, и если он действует нечестно, то отчего нам не воспользоваться его способом».[6]

Впервые англичане применили хлор в битве при Лоосе 25 сентября 1915 года, но эта попытка обернулась против самих англичан. Успех использования хлора зависит от благоприятного ветра, дующего в сторону врага, а в тот день ветер был переменчив.

Сложившаяся ситуация вынудила и Россию включиться в химическую гонку вооружений. Вопрос о производстве и применении химического оружия был впервые поставлен Особой распорядительной комиссией по артиллерийской части 4 марта 1915 г. Предложение были отклонены Верховным главнокомандующим по этическим соображениям. Однако, успешный опыт применения ОВ германскими войсками заставил пересмотреть эту точку зрения. 2 июня 1915 г. было отдано распоряжение о начале работ над созданием химических боеприпасов и снабжении ими войск [10]. При ГАУ была образована

специальная комиссия по заготовлению удушающих средств под председательством начальника Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства.

В феврале 1916 г. было организовано производство синильной кислоты в Томском университете. В 1915 г. была реализована программа развёртывания в России химического производства, координировавшаяся ген.-лейт., акад. В.Н. Ипатьевым. В августе 1915 г. был реализован выпуск промышленного хлора, в октябре началось производство фосгена.

К осени 1916 г. требования армии на химические 76-мм снаряды удовлетворялись полностью: армия получала ежемесячно 15000 снарядов, начиненных ядовитыми веществами. В начале 1917 г. были разработаны и готовились к применению в боевых условиях 107-мм пушечные и 152-мм гаубичные химические снаряды [11]. Весной 1917 г. в войска стали поступать химические боеприпасы для миномётов и ручные химические гранаты.

В широких масштабах химическое оружие было применено русской армией летом 1916 г. в ходе Брусилковского прорыва. Использовались 76-мм снаряды с отравляющими веществами удушающего (хлорпикрин) и ядовитого (фосген, венсинит) действия. Была показана их высокую эффективность при подавлении артиллерийских батарей противника [11].

Каковы же итоги применения химического оружия против хорошо снаряжённых и обученных войск? В американской армии, участвовавшей в боевых действиях под самый занавес Первой мировой войны, из 77752 газоотравленных умерло 1221, т. е. меньше 2 %. Между тем по американской же статистике от ран, нанесенных огнестрельным оружием, умерло около 24,8 % военнослужащих. С июня 1917 года в английской армии из 160970 человек, пораженных ипритом, умерло 4157, т. е. 2,6 %. Инвалидность от отравления была в 3-4 раза ниже, чем от ранений.

В первую мировую войну от химического оружия пострадало 1.3 миллиона человек

Статистика последних лет войны заставила авторов Британской истории Первой мировой войны прийти к разгромному для химиков выводу: «С помощью отравляющих веществ достигается лишь ограниченный эффект...» На основании столь оптимистичного заключения политики более чем ста стран со спокойной совестью ратифицировали в 1925 г. женеvский «Протокол о запрещении применения на войне ядовитых и бактериологических средств». Однако, работы по совершенствованию средств химического нападения интенсифицировались. В частности, американцы продолжили расширять и совершенствовать основанный в 1917 г. так называемый Эджвудский арсенал.

Предшественником Эджвудского арсенала был снаряжательный завод в ГенпаудерНеке (штат Мэриленд), на котором производилось наполнение химических мин, снарядов и гранат отравляющими веществами, поступающими из коммерческого сектора химической промышленности. В конце 1917 года правительство США приобрело территорию вблизи города Абердин (штат Мэриленд) под артиллерийский полигон. На южной части территории этого

полигона площадью 1400 гектаров и был размещен Эджвудский арсенал. К тому времени объем поставок фосгена и других газов коммерческими фирмами перестал удовлетворять растущие потребности американского экспедиционного корпуса генерала Джона Першинга, вступившего в боевые действия против Германии с территории Франции.

Строительство арсенала велось быстрыми темпами. Уже в июне 1918 года хлорпикринный завод в Эджвуде развил производство на полную мощность. А еще ранее был пущен фосгенный завод. Число военнoхимических заводов в арсенале непрерывно росло. Решения о строительстве новых заводов принимались, не обращая внимания на то, что начатые ранее стройки были далеки от завершения. Фосгенный и хлорпикринный заводы потребовали поставок хлора в таких количествах, которые не в состоянии были удовлетворить коммерческие фирмы. Поэтому в Эджвуде к августу 1918 года было создано собственное хлорное производство мощностью 100 тонн сжиженного хлора в сутки. В июне 1918 года дал первую продукцию ипритный завод.

Весной 1918 года в состав Эджвудского арсенала дополнительно были введены заводы по производству отравляющих веществ, ранее построенные в других штатах. Кроме того, по заказу самого арсенала, были построены военнoхимические заводы за пределами штата Мэриленд в местах, близких к источникам сырья.

На 1 октября 1918 года в Эджвудском арсенале трудились 233 офицера, 6948 нижних военных чинов и 3066 рабочих.

После окончания Первой мировой войны химическое оружие заняло прочное, и далеко не последнее место в арсеналах воевавших стран. Ему первому в XX столетии был присвоен статус оружия массового поражения. К началу Второй мировой войны мало кто из военных специалистов сомневался, что новая схватка ведущих держав не обойдется без широкомасштабного применения химического оружия. Но, к счастью, эти прогнозы так и не сбылись.

Литература

1. Джеймс П., Торп Н. Древние изобретения, Минск, Попурри, 2997 г
2. Горев Л., Война 1853-1856 и оборона Севастополя, М., 1955г.
3. Белецкая И.П., Новиков С.С.. Химическое оружие в России. Вестник Российской Академии наук, 1995, Т.65, Вып. 2, С.99-111
4. Отравляющие вещества. Под ред Г.А. Сокольского, М., Воениздат, 1990, 272 с.
5. Александров В.Н., Емельянов В.И. Отравляющие вещества. Военное издательство, М., 1990
6. Де Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918г., 2008, Вузовская книга, 296 с
7. Касатонова Е. А. Фосген, Иприт, люизит. Военно-промышленный курьер, Т. 35, 2008, С.251-262
8. Супотницкий М.В. От шлема Гипо к защите Зелинского. Как совершенствовались противогазы в годы первой мировой войны. Офицеры, 2011, Вып.1, С.50-55
9. Франке З. Химия отравляющих веществ. М., Химия, 1993, Т.1,2
10. Федоров Л.Н. Химическое оружие в России. История, экология, политика. М., Центр экологической политики России. 1994, 220с.
11. Барсуков Е.З. Русская артиллерия в Мировую войну. Т.1. Воениздат, 1938, С.389-391.

Эпоха Первой мировой войны в литературе и публицистике

*Антонова К. Н.
Дэвидсон Т.*

Поколение, потерянное для общества, но не для человечества.

Трагические события разных исторических эпох дают неизбежный импульс развитию литературы.

Великая французская революция стала отправной точкой для романтизма. Первая мировая война во многом способствовала развитию литературы модернизма и становлению литературы «потерянного поколения». Вторая мировая война дала импульс для переориентации литературы в направлении постмодернизма. Неоднократно события, разрушительные для общества, приводили к появлению поколения писателей, внесших свой неоспоримый вклад в литературное наследие человечества.

Первая мировая война привела к появлению писателей, представивших в своих произведениях настоящую летопись эпохи и портрет человека, прошедшего через пучину ужаса и горя на полях сражений и непонимания общества, отправившего его на смерть.

В романах о Первой мировой войне внимание сосредоточено главным образом на судьбе индивидуума, который был обречен на суровые лишения, страдания и гибель как физическую так и духовную, как на поле сражения, так и столкнувшись с враждебной изоляцией послевоенного общества. Этим обусловлена тональность подачи материала – от революционизирующего влияния войны до вызванного ею пессимизма и отчаяния.

Ощущение «потерянности» было пережито и осознано значительно шире, чем рамки военной темы. В трактовке В. М. Толмачёва «потерянность» в широком смысле — следствие разрыва и с системой ценностей, восходящих к «пуританизму», «традиции благопристойности», и с довоенным представлением о том, какими должны быть тематика и стилистика художественного произведения. Мучительное осмысление «заката Запада», собственного одиночества, равно как и проснувшаяся ностальгия по органической цельности мира, привели писателей пред- и военной эпохи к настойчивым поискам новой идеальности, которую они формулировали прежде всего в терминах художественного мастерства» [7;343]. По утверждению Мандлера [8;2], развитию этой идеи поствикторианцы посвящали свою деятельность, но она достигла своего апогея лишь после Первой мировой войны и во многом благодаря ей.

Хотя традиционно считается, что литература «потерянного поколения» сложилась в европейской и американской литературе в течение десятилетия после окончания Первой мировой войны, и ее начало датируется 1929 годом, когда были изданы три романа: «Смерть героя» Р.Олдингтона, «На Западном фронте без перемен» Э.М.Ремарка и «Прощай, оружие!» Э.Хемингуэя, литература английского модернизма не смогла бы состояться во всей полноте своего проявления, если бы не трагические события 1914 года.

Несмотря на то, что писателей-модернистов в большей степени волновали проблемы литературы и искусства, и многие из них занимали позицию неучастия, Первая мировая война оставила в их творчестве заметный отпечаток. Справедливо наблюдение Винтера [9;182], что прием потока сознания, зародившийся в предвоенную эпоху «из передового творческого духа предвоенных дней, получил широкое распространение и признание именно в изменившемся после катастрофы обществе».

Отношение писателей поствикторианцев к войне было неоднозначным. Один из апологетов модернизма философ Бертран Рассел, которому к началу войны исполнилось 42 года, писал, что война принесла ему омоложение, «вытряхнула все старые предрассудки и заставила думать по-новому о многих важных вещах»[5;168]. Однако, несмотря на явно позитивное отношение к элементу обновления, который принесла война, Рассела не могло не удивлять одобрение военных действий большинством представителей интеллигенции.

Писатели-модернисты либо выступили сторонниками войны, либо, подобно Т.С.Элиоту, на вопрос об отношении к войне отвечали: «Одно могу сказать точно – я не пацифист»[5;171].

В произведениях В.Вульф нет четкой картины времени, однако, дух эпохи и изменений, вызванных событиями внешней истории, передан с мастерской точностью, свидетельствующей о наблюдательности и равнодушии автора. В романе «По морю, прочь» [3] (1913) предчувствие войны присутствует в образах «безглазых, лысых хищников» новых военных кораблей и разговорах о необходимости новых военных аэропланов. В другом, более позднем романе «Комната Джейкоба», «по Уайтхоллу, проходят процессии со знаменами и пожилые люди с трудом слезают с лап отполированных львов», а те, кому выпало решать судьбу страны, «кажутся слишком красными, толстыми, бледными и худощавыми, чтобы, подобно мраморным головам, направлять ход истории», и вот уже «линейные корабли в Северном море лучами расходятся в стороны ... и по сигналу все пушки наведены на цель»[1]. В результате без произнесения слово «война» читателю становится очевидным, что герой – Джейкоб – погиб именно на фронте Первой мировой войны. В романе «Миссис Дэллоуэй»[2] (1921) война возникает в образе сошедшего с ума фронтовика Септимуса и его маленькой, измученной жены, подтверждая, что война «убила романтику», оставив лишь ностальгию.

Первая мировая война во многом определила жизнь и творчество еще одного модерниста – Дэвида Герберта Лоренса (1885-1930). Для него военные и первые послевоенные годы были тяжёлым временем. Лоренс не скрывал своей ненависти к войне, которую воспринимал как самое уродливое явление, порождённое больной цивилизацией. Весной 1912 он бежал в Европу с гражданкой Германии Фридой Уикли (урожденной фон Рихтхофен), женой ноттингемского профессора Э.Уикли. В 1913 вышел в свет первый сборник его стихотворений и роман *Сыновья и любовники* (*Sons and Lovers*). Тогда же он начал работать над романом под условным названием *Сестры* (*The Sisters*) – впоследствии тот распался на *Радугу* (*The Rainbow*, 1915) и *Влюбленных женщин*

(*Women in Love*, 1920). В 1914 был опубликован первый сборник рассказов Лоуренса *Прусский офицер* (*The Prussian Officer*). *Радугу* запретили сразу же после опубликования в 1915, объявив безнравственной книгой, способной оказать зловредное влияние на читателя, а для *Влюбленных женщин* Лоуренс вообще не смог найти издателя (за счет автора роман был напечатан в Нью-Йорке в 1920). Однако действительной причиной недовольства властей было осуждение писателем британской политики, его антивоенная позиция. После запрета «Радуги» он испытывал большие материальные затруднения. Так как жена писателя Фрида была немкой, супругов обвинили в шпионаже и подвергли высылке из Корнуолла, где они жили в 1916 - 1917 годы. В 1919 году Лоренс получил возможность выехать из Англии, он бывал там только наездами, поставив себя в положение добровольного изгнанника. Писатель жил в Европе, Австралии, Америке. Последние годы жизни он провёл в Италии.

Хотя многие считают лучшей частью наследия писателя его рассказы, все же именно романы – *Сыновья и любовники*, *Радуга*, *Влюбленные женщины* и *Любовник леди Чаттерли* – позволяют назвать Лоренса выдающимся писателем 20 в. Тень Первой мировой войны лежит на всех трех крупнейших произведениях писателя. Хотя в *Радуге* и *Влюбленных женщинах* Лоренс нигде прямо не говорит о войне, она постоянно напоминает о себе горечью тона и предчувствием неизбежного культурного оскудения Европы.

В послевоенный период Лоренс приходит к выводу, что мало пытаться спасти новое общественное самосознание – нужно менять само общественное устройство. Все граждане должны подчиниться воле одного человека – личности, подобной карлейлевским «героям», живому воплощению божественного начала, платоновскому королю-философу. Эта мысль высказывалась писателем в так называемых романах о «вождях» – *Флейте Аарона*, *Кенгуру* и *Пернатом змее*.

В своем последнем романе, *Любовник леди Чаттерли*, Лоренс выражает слабую надежду на то, что лишь немногие осчастливленные «близостью» мужчины и женщины могут укрыться от давления обстоятельств. Многострадальный роман Д. Г. Лоренса по многим аспектам вписывается в контекст литературы «потерянного поколения». Уже в первых строках романа выражены мысли и настроения тех, кто пережил катастрофу войны. «Век наш по сути своей трагичен, и поэтому мы отказываемся воспринимать его трагически. С миром произошла катастрофа, мы оказались среди руин, но сразу же начали строить новые жилища, лелеять новые надежды. Нам сейчас нелегко, путь в будущее полон препятствий, но мы преодолеем или обойдем их. Мы должны жить, невзирая на все обрушившиеся на нас трудности»[4]. Война разбила счастье Констанции Чаттерлей, сделала инвалидом её мужа Клиффорда, сломала судьбу егеря сэра Клиффорда, бывшего солдата Оливера Меллорса. Жизненная история этих трех человек, их взаимоотношения в атмосфере жизни послевоенной Англии, выливающиеся в установление новых принципов отношений между мужчиной и женщиной, становятся предметом художественного исследования в романе.

Роман Д. Г. Лоренса «Любовник леди Чаттерлей» обладает как типологически близкими свойствами прозе «потерянного поколения», так и значительным своеобразием. В качестве сходства можно отметить обращение к судьбе молодого человека, физически и духовно искалеченного войной, возраставшего в душе индивидуализм как своеобразную форму защиты от обманувшего их общества, стремящегося найти себя, кто в погоне за успехом (Клиффорд), кто в любви (Меллорс); интерес к теме самопознания, разочарование и эскапизм, трагическая тональность, бескомпромиссная критика устоев лицемерной цивилизации, а также лирическая напряжённость. В качестве своеобразных черт можно отметить то, что подлинной героиней романа стала Констанция Чаттерлей, которой и предстояло сделать выбор между настоящими ценностями и миражами, определить свое место в жизни. Основные акценты сделаны не на социальной стороне жизни, не на сюжетном действии, а перенесены в область категорий психологического и морально-этического характера, основной конфликт романа состоит в противостоянии холодного интеллекта, сознания рассудочного, боящегося чувств и подавляющего их, и чувственного сознания, свободно отдающегося страсти.

Таким образом, война, безусловно, способствовала смене литературного направления и оставила ощущение общей утраты и тоски. Ощущение общей дисгармонии современного мира, нестабильность положения в нем отдельной человеческой личности и ее отчуждение от общества – все это обусловило переход мировой или, по крайней мере, «западной» литературы в новое качество, объединяемое понятием «модернизм».

Литература

1. Вульф, В. Комната Джейкоба / В.Вульф. – СПб., 2004
2. Вульф, В. Миссис Дэллоуэй / В.Вульф. – СПб., 2004.
3. Вульф, В. По морю прочь / В.Вульф. – М., 2005.
4. Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерлей./ пер. с англ. В. Чухно. М., 2004.- С. 14
5. Рассел, Б. Автобиография/ Б.Рассел // Иностранная литература. – 2000. № 12. – С.168
6. Там же. – С. 171
7. Толмачев В. М. «Потерянное поколение» и творчество Э. Хемингуэя // Зарубежная литература XX века. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 343
8. Mandler, P. Introduction. The intelligentsia after the Victorians / P.Mandler, S.Pedersen// After the Victorians. Public, conscience and public duty in Modern Britain. Essays. – London, New York, 1994. – P.2
9. Winter, J.M. The Great War and the British People/ J.M.Winter. – Cambridge. 1986. – P.182

Бисько И. А.

Отражение событий Первой мировой войны в литературных произведениях современников

Предварительно заметим, что наша отечественная литература 1914-1918 гг. обнаруживает отклики на начало войны в поэтическом слове, отразив ее особые черты, обращая подчёркнутое внимание на состояние человека на войне. Примечательно, что первая мировая война нашла отражение в творчестве почти всех поэтов Серебряного века [3].

При этом следует признать, что в биографиях почти всех писателей начала XX века есть раздел, так или иначе касающийся их отношения к войне. Соответственно, имеют место подобные разделы и в истории литературных объединений этого периода. Обычно, речь идет о войне как политическом явлении, суть которого писателю или поэту следовало бы «понимать» или «не понимать». Что касается идейного разграничения литературных течений, то следует подчеркнуть, что оно заставляло историков литературы долгие годы утверждать, что, к примеру, акмеисты «воспевали войну» (хотя С. Городецкий, например, написал стихи о зверствах турок в Армении), а писатели демократического направления – нарастание общенародного протеста против войны (но это, вряд ли можно считать характерной чертой, например, военной прозы А. Куприна). В упрощённых оценках военных событий, можно усмотреть, прежде всего, недооценку сложности духовной жизни, специфику военного времени. Приходится признать, что 19 июля 1914 г. началась война с Германией, где отдыхали, жили и учились тысячи российских граждан (только в Берлине находились тогда свыше 50 тысяч русских). Более миллиона россиян, получив оружие, пошли на войну с этой страной. В первые дни войны для многих творческих людей главным стал вопрос об отношении к войне, о положении художника и его позиции к сути войны. Следует ли ему молчать, как полагала З. Гиппиус, или бить в набат, как утверждал Л. Андреев? Должен ли он успокаивать читателя или успокоиться самому, не проявляя активного вмешательства в происходящие события? Подобную нравственную позицию оценивал Д. Мережковский, подчёркивая, что уйти от войны — быть может, гораздо больший грех, чем вместе со всеми участвовать в ней. Анализ литературных источников начала войны обнаруживает, что позиция единства со своим народом, способствуя тем самым укреплению его духа и веры, избегая позиции стороннего наблюдателя, и никогда не поддерживать лозунг поражения своего правительства — таково гражданское кредо числа большинства литераторов. Это чувствуется в первых поэтических откликах и публицистических статьях. Первая мировая война в который раз в истории литературы вновь заострила проблему соотношения поэта и гражданина. Предпринятый анализ литературных источников начала войны (Л. Андреева, В. Брюсова, М. Волошина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, А. Чеботаревской и других) в сопоставлении с поэзией первых месяцев войны позволяет сделать вывод о том, что отечественная литература о войне, выполняло свой долг перед обществом, способствуя его готовности к активным действиям. Можно утверждать, что гражданская поэзия этого периода стала индикатором общественного настроения в воюющей стране. С позиций настоящего времени, следует признать в литературе военного времени социальный заказ и эстетическое его осуществление, принципиально важно увидеть в ней неразрешимое противостояние долга художника перед обществом и долга перед искусством глазами читателя эпохи мировой войны.

Имеющееся в специальной литературе исследования общественно-литературного отзвука, инициированными статьями З. Гиппиус «В наши

времена» и Л. Андреева «Пусть не молчат поэты», писательских ответов на анкеты «Литература и война» делает возможным уточнение особенностей к восприятия творчества этого периода. На примере публицистики и творчества В. Брюсова, М. Волошина, Ф. Сологуба, В. Маяковского и других, так, Иванов А.И. аргументирует неправомочность политизированных клише в оценке позиции того или иного писателя, когда отношение к «империалистической» войне корректировалось будущим отношением к революции. Этот критик уделяет особое внимание морально-политическим аспектам проблемы «Писатель и война» [2]. Когда в стране отсутствовало так необходимое во время катастрофы сплочение нации, когда различные течения в общественном сознании раскалывали и без того разобщенное, конфронтационное российское общество, творческая интеллигенция, тем самым, могла бы способствовать объединению народа, и, соответственно, содействовать мобилизации общественного настроения на победу в войне.

Отдельные "белые пятна" в истории искусств, биографиях деятелей культуры, в справочниках и словарях обнаруживают довольно устойчивое представление о том, что Первая мировая война не оставила заметного следа в русской литературе, музыке и живописи. Возможно, объяснением подобного отсутствия памяти к русскому искусству военных лет исследователям литературы следует заняться более углублённо. Тщательное изучение творческого и жизненного пути того или иного деятеля культуры в контексте военных и послевоенных лет послужило бы преодолению жесткой идеологической зависимости, характерной для исследований 1920–1980-х годов об искусстве периода Первой мировой войны. Подчеркнём, что особенности восприятия войны художественной интеллигенцией – эта проблема связана с выявлением гражданской позиции русских мастеров искусства по отношению к начавшейся войне в Европе. Резкие и бесспорные штампы "пацифист", "ура-патриот" др, которые с присваивались отдельным деятелям культуры можно считать устаревшими. Разрешением этой проблемы может быть публикация дневников, архивных документов, что позволит реально проследить подлинное отношение творческой интеллигенции к трагедии мирового масштаба.

Можно согласиться с мнением исследователей М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка о том, что начальный период после окончания войны (1918–1923) чаще печатались журнальные статьи, посвященные отдельным наблюдениям или эпизодам военного времени. Для построения обобщённой точки зрения потребовалось значительное время. Отметим, что первой книжной публикацией о боевых действиях русской армии стали обработанные дневниковые записки журналиста М. К. Лемке, в которых он подробно описал деятельность Ставки Верховного главнокомандующего. Появление литературно-документальных материалов в печати происходило «волнами». Так начальная волна публикационной активности имело место с 1924 г. (десятилетие Первой мировой) до начала 1930-х гг. Характерно, что за этот период были напечатаны 24 книги и статьи. В числе указанных публикаций следует назвать прежде всего объёмные и серьёзные мемуары таких участников событий Первой мировой, как А. А.

Брусилов, В. Н. Войтольский, В. А. Арамилев, Г. М. Чемоданов, А. А. Свечин и Д. П. Оськин и др. Справедливо утверждается их значительный вклад в общественную дискуссию, развернувшуюся дискуссию в советские годы о Первой мировой войне. Можно сделать вывод о том, что указанные авторы сумели обобщить полученный боевой опыт, отразить собственный взгляд на сложнейшие социальные процессы, завершившиеся торжеством социалистической революции, а также зачастую конкретизировать собственный путь, который привел их к ее признанию [1].

Естественно, взрыв войны не мог не отразиться в русской литературе. Русские писатели и поэты, так или иначе, откликнулись на это грандиозное событие. Многие из них приняли деятельное участие в боях, награждены боевыми наградами. На фронтах войны в качестве военных корреспондентов находились поэт Валерий Брюсов и писатель Алексей Николаевич Толстой. Настоящими фронтовиками Первой мировой были поэт Николай Гумилёв и писатель Александр Николаевич Степанов, что позволило им передать свои ощущения от войны в своих произведениях. Самое известное батальное стихотворение Н.Гумилева «Наступление» написано в первые недели пребывания в действующей армии. Были на фронте поэты Александр Блок и Сергей Есенин.

Оценивая в целом роль творческой интеллигенции в отражении событий Первой мировой войны, необходимо подчеркнуть, что часть деятелей культуры принимало непосредственное активное участие в этих событиях. Таков в целом анализ проблемы отражения событий первой мировой войны в литературных произведениях современников.

Литература

1. Великая война: сто лет / под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка.-М.;СПб, 2014.-С.206-236
2. Иванов А.И. Первая мировая война и русская литература 1914-1918 гг.: этические и эстетические аспекты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук.-М,2005//<http://cheloveknauka.com/pervaya-mirovaya-voyna-i-russkaya-literatura-1914-1918-gg-eticheskie-i-esteticheskie-aspekty#ixzz3FY5Iz94N>.Дата обращения 08.10.2014.
3. Первая мировая война в художественной литературе : рекомендательный список литературы / МКУК ЦГБС, ЦГБ им. М. А. Шолохова, методико-библиографический отдел ; [сост. И. А. Постнова ; ред. Е. Н. Рагузина ; отв. за вып. М. Г. Крайникова]. - Камышин, 2014. - 24 с.

Лебедев С. В.

Буденовка и Палехская миниатюра – маленькие культурные последствия Великой войны.

Первая мировая война оказала огромное воздействие на всю русскую культуру, как, впрочем, и на все культурное развитие всех участников мирового конфликта. При этом обычно влияние войны сводится в основном к рефлексиям участников боев, оставивших воспоминания. Поэзия Николая Гумилева, Сергея

Есенина, Александра Блока, Владимира Маяковского, Федора Соллогуба, в 1914-17 гг. стала заметным явлением в литературе. Строгая проза в силу многих исторических событий, последовавших с 1917 года, события «германской» войны оставила лишь как часть фона для описания революции и другой войны, Гражданской.

И все же от событий первой мировой остались многие, воспринимаемые как что-то извечное, элементы глубинной народной культуры. Речь идет о красноармейском шлеме и лаковой миниатюре Палеха. Напомним, как первая мировая война породила эти узнаваемые элементы русской советской культуры.

Буденовка (богатырка) – форменный головной убор в Красной армии в 1918-1940 гг. Создан по образу древнерусского шлема художниками В. М. Васнецовым, К. А. Коровиным и Б. М. Кустодиевым.

Образцы новой военной формы, включавшей новый головной убор, были разработаны в период Первой мировой войны, и пошиты концерном Н.А. Второва. Солдаты в шинелях с «разговорами», напоминающих стрелецкие кафтаны, и головных уборах смахивающих на древнерусский шлем, должны были быть похожими на русских витязей – богатырей (отсюда появилось само название «богатырка»). Шлем из ткани на Руси был известен издавна: в русском воинстве в ходу были не только кованые из железа, но и сделанные из войлока, так называемые куячные шлемы, или куяки. Виктор Васнецов часто использовал при создании своих патриотических плакатов во время Первой мировой войны образ русского витязя. Например, мы можем видеть подобный образ русского витязя-богатыря, сражающегося с трёхглавым «Змеем Горынычем» на плакате, созданном в 1914 году.

Однако в период войны с немцами новая форма еще не надевалась. Она предназначалась для войск русской армии, чтобы пройти на параде победы в Берлине. Однако трагические события 1917 года не только вырвали из рук русской армии неминуемую победу над Германией, но и вызвали в России гражданскую войну. Парадоксальным образом, большевистские вожди, никогда не замеченные в симпатиях к русской старине, вынуждены были использовать обмундирование нового образца в Красной армии. В условиях хозяйственной разрухи командование Красной армии вынуждено было использовать имевшиеся запасы обмундирования царской армии.

7 мая 1918 года был объявлен конкурс на разработку нового обмундирования для военнослужащих РККА, в котором приняли участие известные русские художники В.М. Васнецов, Б.М. Кустодиев и др.

В декабре 1918 года на основании представленных на конкурс работ Реввоенсовет (РВС) утвердил новый тип зимнего головного убора из мундирного сукна, внешне напоминавший традиционные защитные шлемы древнерусского воинства. Вначале они были известны под названием «богатырка». Первыми «богатырку» надели красноармейцы Иваново-Вознесенска. Впоследствии шлем стали называть по имени военачальников М.В. Фрунзе и С.М. Буденного – «фрунзевка» и «буденовка». Укоренилось последнее название, таким образом,

именно буденовка была утверждена как тип головного убора. В официальных документах буденовку часто называли «красноармейским шлемом».

Буденовка как главный головной убор Красной армии, просуществовал вплоть до июля 1940 года. Однако процесс замены обмундирования в многомиллионной армии затянулся, и окончательно буденовка исчезла только после полного замены формы в советской армии в начале 1943 года. По иронии судьбы, богатырку заменила форма с погонами, лампасами, ушанками, поразительно напоминающая форму царской армии.

За два десятилетия существования богатырка оказалась связана в памяти народа не только с братоубийственной гражданской войной, но и также победами над иноземными интервентами, над японцами при Хасане и Халхин-Голе, с возвращением восточнославянских земель в 1939-40 гг, с победой над финнами. Не случайно образ воина в буденовке стал весьма популярным в произведениях народного творчества, например, в русской лаковой миниатюре.

Сама же лаковая миниатюра, которую часто называют словом «Палех» по названию села, где она появилась, стала одним из символов России наряду с морозами, медведями, матрешками, балалайками и автоматом Калашникова. Ее рождение также связано с первой мировой войной. Создатель палехской миниатюры был иконописец Голиков Иван Иванович (27 декабря 1886 ст ст. (8 января 1887) — 30 марта 1937).

Иван Голиков родился в Москве в семье потомственного художника-иконописца, уроженца Палеха Ивана Михайловича Голикова. В роду Голиковых все мужчины были иконописцами на протяжении трех веков. Когда Ване Голикову было 7 лет, семья переехала в Палех. В десятилетнем возрасте он был отдан на обучение иконописному делу в известную в Палехе мастерскую Н. М. Сафонова. В 1900 году, обучившись приёмам иконного письма, Иван Голиков отправился в Петербург, а затем в Москву для работы в иконописных мастерских. Иван проучился только одну зиму в церковно-приходской школе, но был весьма начитанным человеком. Отец скончался, когда Ивану исполнилось 14 лет и он остался старшим в семье, в которой, помимо матери, были еще его братья Николай, Михаил, Василий, Владимир, сестра Надежда. Но Голиков не боялся труда — с артелью иконописцев он разъезжал по городам, селам и монастырям. Голиков занимался реставрацией древних фресок, росписью церквей. Его специализацией было доличное письмо, то есть, художник писал на иконах одежды. Голиков был умелым художником, много и хорошо работавшим и неплохо зарабатывавшим. При этом он был веселым парнем, на деревенские вечеринки он часто приходил с балалайкой.

Голиков расписывал храмы в Казани и церковь Святоозерского монастыря, работал в Новодевичьем монастыре, Грановитой палате, в московских и петербургских храмах. Работая в Петербурге, он некоторое время посещал в качестве вольного слушателя рисовальные классы училища барона Штиглица.

Однако по достижению 21 года, Голиков был призван в армию на действительную службу. Как единственный кормилец в семье и вольный слушатель художественного училища Голиков мог на законном основании

избегнуть призыва, но как честный человек, православный верующий, гражданин и патриот Иван Голиков не стал уклоняться от выполнения воинского долга. Иван Голиков проходил воинскую службу в 1907—1911 годах.

Демобилизовавшись, Голиков в 1911—14 годах работал в мастерской Н. М. Сафонова в Палехе, и расписывал церковь в Казани. 26 мая 1914 года в палехской Крестовоздвиженской церкви состоялось бракосочетание Ивана Голикова с Анастасией Васильевной Колесовой, ставшей верной спутницей жизни художника. До конца дней своих она оставалась глубоко верующей.

Когда грянула Первая мировая война, Голиков вновь надел военную форму и отправился на фронт. В 1914—17 годах Голиков сражался в составе 27 Сибирского полка, и был контужен. На войне Голиков испытал не только военные тяготы и гибель товарищей. В какой-то разрушенной немецкой усадьбе в Восточной Пруссии он нашел книгу о Рафаэле с прекрасно выполненными иллюстрациями (немецкое издание «Классики искусств»). Невиданные ранее творения великого итальянца потрясли Ивана и дали новый импульс его творчеству. Это был, по словам палешанина, «чистый и светлый родник». Книга помогала ему переносить тяготы окопной жизни, он не расставался с ней и в мирное время.

После первой мировой войны и Октябрьской революции художник не захотел принимать участие в братоубийстве Гражданской войны ни на чьей стороне. При этом как-то надо было жить и стараться не дисквалифицироваться как художник. Голиков работал театральным художником в Шуе, Кинешме, Иваново-Вознесенске и Костроме, создавал декорации к спектаклям «Лес», «Гроза», «Снегурочка», «Борис Годунов», «Русская свадьба» и «Лекарь поневоле». Да, это была не иконопись, но, по крайней мере, Голиков не рисовал пропагандистские плакаты.

Тем времени в самом Палехе также произошли изменения в жизни местных иконописцев. В 1918 художники создают Палехскую художественную декоративную артель, которая занималась росписью по дереву. Но пока сами художники еще не могли определить, в каком стиле работать им новых условиях. Требовался авторитетный художник с качествами лидера, который бы смог создать основы нового искусства, опирающегося на национальные художественные традиции. Таким художником и стал Иван Голиков.

В 1921 году он создал свою первую миниатюру на шкатулке из папье-маше: «Охота на медведя». Вскоре, работая в мастерской художника А. А. Глазунова, Иван Голиков создал целый ряд росписей на папье-маше, наметив основные черты нового искусства, и став его отцом-основателем. Тогда же палешане впервые познакомились с новым материалом папье-маше, являвшемся на протяжении века основой для лаковой миниатюры Федоскина. Бывшие иконописцы быстро освоили новый материал, перенесли на него традиционную для древнерусской иконы технологию темперной живописи и условную стилистику изображения.

Голиковым была изобретена своя техника наложения красок, во многом отличающаяся от применяемой и принятой всеми художниками.

Голиков смог органично синтезировать особенности трёх иконописных школ — Палехской, Строгановской и Ярославской. Поскольку после победы советской власти ремесло иконописца стало запретным, практически невозможным стало изучение исполнительского мастерства древней иконописи и, кроме того, грозило гибелью и самим произведениям иконописного искусства, то чтобы сохранить древнерусские традиции художники-иконописцы синтезировали древнюю технику письма и предметное творчество. Это и дало развитие новому искусству лаковой миниатюрной живописи в таких иконописных центрах, как Палех, Мстера и Холуй.

Необычный опыт и своеобразная исполнительская манера Ивана Голикова заинтересовал искусствоведов, среди которых был историк и популяризатор русского народного искусства А. В. Бакушинский, (кстати, дальний родственник художника), оказавший помощь художнику в организации артели из бывших иконописцев.

В 1923 работы были представлены на художественно-промышленной выставке в Москве и удостоены диплома 2 степени. В этом же 1923 году по инициативе А. В. Бакушинского в Палехе предпринимается ряд опытов росписи деревянных шкатулок и тарелок на темы русских песен и сказок в духе иконописных традиций. Инициативу А. В. Бакушинского горячо поддержал и пропагандировал писатель А. М. Горький. Поддержка знаменитого писателя, с мнением которого считались большевистские вожди, сыграла огромную роль в том, что в период страшных гонений на все русское, лаковая миниатюра в Палехе не была уничтожена на корню. Горький также помог в открытии в Палехе художественного училища. К впервые созданной мастерской, где занимались уже не иконописью, а миниатюрой, примкнули старейшие палехские мастера, помимо самого Ивана Голикова, бывшие иконописцы: Александр Котухин, Иван Вакуров, Иван Баканов, Иван Маркичев.

4-5 декабря 1924 года ими была создана «Артель древней живописи», костяк которой составили бывшие иконописцы. Всего на момент создания в артели было 7 человек. Голиков стал бесспорным и непререкаемым главой этого объединения художников, хотя формальным председателем артели был художник А. И. Зубков.

В том же 1924 году работы палехских мастеров — самого И. И. Голикова, И. М. Баканова, И. В. Маркичева и А. В. Котухина были показаны на XIV Международной художественной выставке в Венеции, вызвав сенсацию. В следующем, 1925 году «Артель древней живописи» получила Гран-при на Всемирной выставке декоративных искусств в Париже. Всего артель получила 6 золотых медалей. После Парижа были успехи в Милане, Вене и Берлине.

В 1925 году Голиков познакомился с писателем Ефимов Вихревым. Они стали друзьями на всю жизнь. Вихрев сыграл важную роль в популяризации нового палехского искусства. Быстро появившиеся в печати, рассказы и книги Вихрева о Палехской Артели художников, очаровавших своим искусством его самого и привозимых с собой друзей-писателей, то Палех мог бы и не состояться.

В 1926 году вышла в свет книга А. В. Бакушинского «Палехские лаки», сделавшая искусство палешан известным всей стране. Книга Е. Вихрева «Палех», вышедшая в 1930 году, закрепила всероссийскую славу Палеха. В 1932 году в Москве состоялась выставка «Искусство Палеха», в которой участвовали и художники артели вместе с Голиковым. Выставку посетили многие влиятельные советские деятели, включая писателя Горького.

Сам Голиков в начале 30-х продолжал активно творить. Работал он на самых различных материалах: на дереве, холсте, бумаге, стекле, металле, рогоже, фарфоре, кости. Но больше всего, конечно, на папье-маше.

Иван Голиков расписал множество лакированных изделий — от крупных ларцов, до миниатюрных бисерниц. Советская эпоха сказалась, в частности, над его миниатюрами на сюжет поэмы А. Блока «Двенадцать». Работал Голиков, вспоминая свой опыт времен Гражданской войны, над декорациями для Ленинградского Этнографического театра. За 13 лет работы им было создано более тысячи произведений самых разных жанров.

Все его работы являют собой образец тончайшего письма, превосходных композиционных решений, и необычного подхода к былинным и литературным сюжетам. Многие из них он брал непосредственно из самой жизни; Голиков говорил: «Выхожу на улицу, наблюдаю за природой вечера, прежде чем начать писать картину, сначала переживу, весь уйду в тот мир, который нужно изображать ...». По воспоминаниям сына, также замечательного палехского художника Николая Ивановича Голикова, отец «Зимой частенько в бурю и метель выходил на улицу, слушал музыку вихрей». Работая над сюжетами из «Сказки о царе Салтане» или над иллюстрациями «Слова о полку Игореве», Голиков просил, что бы для творческого вдохновения в то время, когда он рисовал, ему читали отрывки из этих произведений, хотя он и так знал их наизусть. Его жена, обладавшая приятным голосом и знавшая множество народных песен, часто пела ему в период создания очередного шедевра. Не отсюда ли музыкальность и лиричность произведений Голикова?

Тематика произведений Ивана Голика обширна: история, фольклор, литература, сельские мотивы, современная, революционная, битвы, тройки, орнаментальные мотивы («Адам в Раю», «Бесы», «Битва», «Борис Годунов», «Гулянье в лесу», «Гармонист», «Гадание на Ивана Купалу», «Герб СССР», «Дядюшка Яков», «Жнитво», «Звери», «Игра в шашки», «Карусель», «Коромысловая башня», «Лоэнгрин», «Масленица», «Наполеон», «Орнаменты», «Пахота на волах», «Петухи», «Пожар», «Слово о полку Игореве», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Степан Разин», «Ромео и Джульетта», «Тройка красных коней», «Хоровод» и другие).

Вершиной его творчества считаются миниатюры, созданные в 1932—33 годах по предложению Горького для подарочного издания «Слова о полку Игореве», вышедшего в 1934 году в издательстве Academia. Ивану Голикову в 1935 году в ознаменование 10-летия артели художников было присвоено звание заслуженного деятеля искусств России. В родном Палехе в его честь была названа улица.

Слава ничуть не испортила Голикова. Он по-прежнему был скромен в быту. Впрочем, и богатства он не имел никакого, и порой его семья просто голодала. Помимо периодических посещений Москвы, в основном ради встреч с Горьким, и к сестре Надежде, Голиков практически все время проводил в Палехе за работой. Единственный раз ему пришлось побывать месяц на лечении на курорте в Крыму в 1931 году.

Для его работ характерна смесь реальности со сказочной фантазией: на былинной красной тройке по заснеженному пейзажу у него может ехать не сказочный персонаж, а красноармеец в будёновке. Манеры отца переняли двое его сыновей, ставших палехскими мастерами лаковой живописи — Георгий Иванович (1920—1941) и Николай Иванович Голиковы (1924-2011). Художником стал также его внук Юрий Николаевич Голиков.

Художник скончался 31 марта 1937 году после тяжелой болезни. В центре Палеха Ивану Голикову установлен памятник. Именем художника также названа одна из улиц Палеха, а в 1968 году в Палехе открылся дом-музей Голикова.

Итак, головной убор, напоминающий древнерусский шлем, ставший, по иронии истории, символом вооруженной руки власти, отрекающейся от проклятого прошлого, и лаковая миниатюра, созданная безработными богомазами, ветеранами первой мировой – таковы неожиданные последствия Германской войны 1914 года в русской культуре XX столетия.

Литература

1. Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М., 1934.
2. Бакушинский А.В. Исследования и статьи. М., 1981.
3. Василенко В. Народное искусство, М., 1974.
4. Вихрев Е. Ф. Палешане. М., 1934.
5. Вихрев Е.Ф. Родники. М.: Советская Россия, 1984.
6. Жидков Г.В. Пушкин в искусстве Палеха. М. – Л.: Государственное издательство изобразительного Искусства, 1937.
7. Зиновьев Н.М. Искусство Палеха. Л.: Художник РСФСР, 1968.
8. Зиновьев Н.М. Стилистические традиции искусства Палеха. Л.: Художник РСФСР, 1981; Навозов А. Палехское чудо.1970.
9. Котов В.Т. Художник Иван Голиков. Ярославль, 1973.
10. Некрасова Н. М. Искусство Палеха. М., 1966.
11. Некрасова Н. М. Палехская миниатюра. М., 1978.
12. Некрасова Н. М. Искусство древней традиции. Палех. М., 1984.
13. Некрасова Н. М. Русская лаковая миниатюра. Холуй, Палех. Федоскино. Мстёра. М., 1994.
14. Пирогова Л. Лаковая миниатюра. М., 1990.
15. Порудоминский В. Откровение Ивана Голикова. М.: Советский художник, 1977.
16. Палех - село художников. М., 1992.
17. Хренов М.М., Коновалов И.Ф., Дементюк Н.В., Теровкин М.А. Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917 – 1990-е годы). М.: Воениздат, 1999.
18. <http://www.vmdaily.ru/news/2010/02/16/budenovka-lyubimij-golovnoj-ubor-krasnoarmejtsev-90200.html>; <http://www.dazzle.ru/spec/budenovka.shtml>
19. <http://www.isaac.spb.ru/digest/num9/zaks>;
20. <http://www.bibliotekar.ru/rusPaleh/4.htm>
21. http://palekh.narod.ru/win/golik_ii.htm

Образы войны: Первая мировая в поэзии Серебряного века.

Судьба отстригла вторую половину и выпустила при этом много крови.

А. Ахматова [о 10-х гг. XX в.].

*Как-то вся жизнь раздроблена на мелкие кусочки.
Склеить их сейчас без... натяжки – еще нельзя. Со
временем Гаррик [насынок] напишет “Войну и мир 1914-го
года” - вот тогда мы все и узнаем.*

*В. Ходасевич [в письме Г. Чулкову от 15 декабря
1914 г.].*

1. Современная Россия ищет свое место в геополитическом “пейзаже” XXI века, уточняет свою цивилизационную идентичность, ищет новую национальную (позитивную) мифологию... Взгляд в прошлое помогает высветить потаенные смыслы исторических событий, понять механику истории. Конечно же, 100-летие начала Первой мировой войны – объект пристального внимания историков, деятелей науки и культуры. Но объективное прочтение событий начала XX века может быть дополнено “субъективным” прочтением, литературными свидетельствами эпохи. Например, поэзия Серебряного века способна помочь современному человеку в постижении мироощущения, “духовного космоса” людей того времени, вовлеченных в войну. История поэзии – это часть национальной истории.

2. Серебряный век (при всей дискуссионности его хронологии и статуса) – это эпоха “русского духовно-культурного ренессанса”, когда “России было послано много даров” (Н. Бердяев); эпоха, “протянутая между двумя безвременьями” (Н. Богомоллов), соблазняющая “тоской по мировой культуре” (О. Мандельштам). Серебряный век – это небывалый взлет творческого духа, новаторства, взрыв художественной формы; пафос “жизнетворчества”, эстетизма, свободы, творческого своеволия, мессианства художника (“носителя Грааля”); это время трагических предчувствий “конца века”, прихода “железного века”, но и будущего Возрождения, новых философско-эстетических принципов. Поэты Серебряного века на своих “башнях” (и вне их) слышали “шум времени”, “музыку революции”, видели “отсветы новые на всем”. “Поэзия Серебряного века отразила в себе, в своих больших и малых магических зеркалах, сложный и неоднозначный процесс социально-политического, духовно-нравственного, эстетического и культурного развития России в период, отмеченный тремя революциями, мировой войной и особенно страшной для нас – войной внутренней, гражданской” [12, с. 522]. Утраченный в начале XX-го столетия Серебряный век “пропитал” своими интенциями мировую и русскую культуру XX-XXI в.в.

Рассмотрим кратко, как в “магических зеркалах” поэзии Серебряного века (в основном, модернизма) отразились трагические реалии Первой мировой войны.

3. Отметим, что поэты Серебряного века активно откликнулись на события войны. Особенно ура-патриотичными показали себя К. Бальмонт, Ф. Сологуб, С. Городецкий, В. Брюсов. В. Маяковский читал свое стихотворение “Война объявлена” уже 21 июля. И. Северянин восклицал: “Когда отчество в огне, / И нет воды - лей кровь как воду... / Благословение народу! / Благословение войне!” Даже А. Блок в разговоре с З. Гиппиус воскликнул: “Ведь война – это прежде всего весело” (как отмечено в ее очерке “Мой лунный друг”). А. Ахматова предсказывала в “Июле 1914”:

Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите голода, и труса, и мора
И затмения небесных светил.

З. Гиппиус (“Тише”, 1914 г.) призывала: “Поэты, не пишите слишком рано...”, “Нужно целомудрие молчанья / И, может быть, тихие молитвы”. Г. Иванов позднее несколько стыдился оптимизма своего “Памятника славы” (1915); когда критик ставил ему в пример “молчание” А. Блока в “Стихах о России”, Г. Иванов “огрызался”, что А. Блок “молча” именно “военные стихи” написал... Поэты участвовали в благотворительных концертах (например, “Поэты воинам” 28.03.1915 г. – Блок, Ахматова и др.) Уже через несколько месяцев вышла антология “Современная война в русской поэзии” (стихи из газет и журналов 1914 г.) В 1916-1917 гг. для поддержания идеи общего “имперского дома” выходили антологии армянской, латышской, финляндской литературы / поэзии (Брюсов, Горький, Блок, Бальмонт, Сологуб, Ходасевич, В. Иванов и др.).

4. В боевых действиях участвовали два поэта: Н. Гумилев (вольноопределяющимся в эскадроне Ее Величества в лейб-гвардии уланском полку), получивший два Георгиевских креста, и Б. Лившиц (в составе 148 пехотного Царицынского полка; награжден Георгиевским крестом; ранен, контужен). Г. Чулков уехал на фронт санитаром (1916 г.) В. Брюсов сразу же поехал корреспондентом в прифронтовую полосу (Варшава, Вильно); а ему было 40 лет. В. Ходасевич писал: “Если бы не, если бы не... Я бы пошел на фронт добровольцем...” (проблемы со здоровьем). А. Брюсов (брат поэта) пошел по повестке на фронт, попал в плен. Муни (С. Киссин) был призван чиновником санитарного ведомства, С. Городецкий был корреспондентом газеты “Русское слово” на Кавказе. А. Блок в июле 1916 г. призывается в армию и зачисляется табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Союза земств и городов (по словам Н. Гумилева, призывать Блока – это как “жарить соловьев”; он также признавался, что заслонил бы Блока, если бы тому грозила опасность). Л.Д. Менделеева-Блок служила санитаркой. Н. Бруни написал “Записки санитар-добровольца” (дек. 1914 г.), а Н. Гумилев – “Записки кавалериста” (корреспонденции с фронта для “Биржевых новостей” в раздел “Летопись войны”). О. Мандельштам не подлежал призыву, но в декабре 1914 года уехал в Варшаву, чтобы стать военным санитаром; это не получилось, но два года он

сотрудничал в Союзе Городов (вспомогательной военной организации либерального толка). Были и другие примеры – поэты делом подтверждали свой патриотизм. С. Киссин писал о “цене” этого служения: “Я устал, как устаем мы, как можем уставать мы, те самые мы, кои суть литераторы, репортеры, художники, корректора, газетчики...” [9, с.224].

5. Выскажем несколько замечаний по нашей теме:

- к сожалению, эта “Атлантида” военной поэзии начала XXв. подзатонула: после революции по идеологическим соображениям уничтожались дневники, мемуары, архивы, произведения, да и многое просто утеряно в огне войн и революций;
- “военная тема” Серебряного века широка, к ней можно отнести как ранние (довоенные) предвосхищения социальных/военных катаклизмов, так и более позднее (послевоенное) переосмысление войны;
- есть сложности “идентификации” военной темы: ее отзвуки можно обнаружить в лирике, в передаче мироощущения современников, без обращения поэта к военной конкретике; реалистический план произведения – не приоритетный, “скучный” для новаторов начала XX в.;
- есть и такая методологическая сложность в изучении текстов о войне: военные реалии осмысляются поэтами через обращение к общим вопросам жизни, времени, к судьбе России, судьбе художника. Главное для поэта – художественно-философское, метафорическое, символическое освоение военного материала, попытка создания философско-эстетических систем, способных ставить и разрешать фундаментальные вопросы Бытия, а не быта;
- отметим, что военная поэзия недавних “декадентов” бывает противоречивой, несколько невнятной, “неровной” – ведь им пришлось в короткий срок пройти путь от крайнего эстетства в творчестве и жизни, от божественного блеска, созерцательно-эстетического отношения к жизни, художественно-эстетического аристократизма – к скуке и жестокости будней, к социально-бытовой конкретике; ведь совсем недавно заявлялось: “Все мы бражники здесь, блудницы” (А. Ахматова), или: “Все яркоцветное мне мило, / Себе я веки золочу, / Чтоб было все не так, как было, / Чтоб было все, как я хочу” (Ф. Сологуб, конец 1913 г.);
- к сожалению, многим поэтам не удалось в более зрелые годы дополнить художественный опыт осмысления войны – их судьба была трагична. Например, из шести “настоящих” акмеистов (Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Нарбут, Зенкевич, Городецкий) трое погибли, одна прошла крестный путь. Блок тоже умер от “недостатка воздуха”... Эпоха была “холодной”: “И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл”(А. Ахматова). Она же писала: “Судьба отстригла вторую половину [10-х гг.] и выпустила при этом много крови” [11, с.25]. В. Нарбут говорил о судьбе современников: “Нам всем гореть огненными столпами. Но какой ветер развеет наш пепел?” [11, с.44]. Любопытно, что еще зимой 1913-1914 гг. на шуточном прошении Ахматовой и Мандельштама о роспуске “Цеха поэтов”

появилась такая резолюция С. Городецкого: “Всех повесить, а Ахматову заточить” [11,с.25]. М. Зенкевич обращается к погубленному В. Нарбуту: “Жизнь твоя загублена, как летопись, / Кровь твоя стекает по письму”, а ссыльный Мандельштам написал: “Не отрекаюсь – ни от живых, ни от мертвых” [11, с.45].

А теперь послушаем голоса поэтов Серебряного века, писавших о войне.

6. А.Ахматова в 1914 г. не пополнила лагерь официозных патриотов, но с болью отозвалась на трагическую весть. В своих военных стихах она впервые обратится к ключевой теме её поэзии – теме христианского самопожертвования ради спасения Отчизны. В «Июле 1914 г.» она пророчествует: «Сроки страшные близятся. Скоро/ Станет тесно от свежих могил./ Ждите глада, и труса, и мора, / И затмения небесных светил». В «Памяти 19 июля 1914 г.» (1916) она пишет:

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла бога
До первой битвы умертвить меня.

В стихотворении «Молитва» (1915) А.Ахматова говорит:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

О.Мандельштам отмечал, что «голос отречения» крепнет в ахматовской поэзии, и она (поэзия) может стать «одним из символов величия России».

7. Н.Гумилёв в сб. «Колчан» (1916) представляет несколько стихотворений о войне, одних из лучших в военной поэзии. Его стихи проникнуты глубоким романтическим/патриотическим/религиозным пафосом:

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великий,
Не могу, не могу умереть.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

(«Наступление»).

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.
Как могли мы... но ещё не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам...
(«Солнце духа»).

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
(«Война»)

И, наконец, «Пятистопные ямбы»:

И в рёве человеческой толпы,
В гуденьи проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди!
Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперёд! Могила так могила!»

8. О.Мандельштам через обращение к петербургскому мифу передаёт ощущение военного времени:

В Петрополе прозрачном мы умрём,
Где властвует над нами Прозерпина,
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьём
И каждый час нам – смертная година.
(«TRISTIA»)

В официально-православном ключе выдержано стихотворение «В белом раю лежит богатырь» (1914):

В белом раю лежит богатырь:
Пахарь войны, пожилой мужик.
В серых глазах мировая ширь:
Великорусский державный лик.
...
Разве Россия не белый рай?
И не весёлые наши сны:
Радуйся, ратник, не умирай.
Внуки и правнуки спасены!

9. В.Ходасевич в письме к Муни от 9 августа 1915 г. пишет: «Муничка,здесь нечем дышать... Муничка, м.б., даже все они любят эту самую Россию, но как

глупы они! Но какое уныние они сеют... уныние и неразбериха не грех, а подлость...»; «Когда война кончится, то есть когда мужик вывезет телегу на своей кляче, интеллигент скажет: ай да мы! Я всегда говорил, что 1) верю в мужика; 2) через 200-300 лет жизнь на земле будет прекрасной». [14, с. 395-397].

В стихотворении «Из мышиных стихов» (сент. 1914) под «маской» мыши говорится:

Ах, у вас война! Взметает порох
Яростный и смертоносный газ,
А в подпольных, потаённых норах
Горький трепет, богомольный шорох
И свеча, зажжённая за вас.

...

Я с последней мышью полевой
Вечно брат. Чужда для нас война...

...

Франция!...

Тот не мышь, кто не любил тебя.

10. М.Зенкевич («удивительный метафорист», по словам Б.Пастернака) так видит войну:

На выжженных жёлтым газом
Трупных равнинах смерти,
Где бронтозавры – танки
Ползут сквозь взрывы и смерти,
Огрызаясь лязгом стальных бойниц,
Высасывают из черепов лакомство мозга.

...

Крови! Крови!
Ещё! Ещё!

(«Порфибагр», 1918).

На дне окопов,
Роя себе могилы, копошиться
По месяцам...
Вычерпывая и вырывая в день
По вёдерному крови глотку
И по пуду свежего мяса...

...

... о, серые герои
Безликой пехоты...

...

Высокий и светлый, он не мог дожидаться
Конца всесветной красной страды
И в серой шинели в солдатские ряды.
Ушёл с эшелонами в шрапнельные дожди –
Туда, на фронт, зная, что наверное
Назад не вернуться...

(«Страда пехоты», 1918)

Значимы сами названия сборников М.Зенкевича: «Пашня танков» (1921) – стихи 1917-18 г.г.; «Со смертью на брудершафт» (стихи 1916-1924 г.г.); «Под мясной багрянницей» (стихи 1912-1918 г.г.); стихотворений: «Проводы солнца (памяти брата Сергея)» (1915), «Стакан шрапнели» (1918), «Страда пехоты» (1918) и др.

11. Б.Лившиц в своей 3-й книге «Болотная медуза» (1914-1918 г.г.) передаёт тревожное настроение войны, разрабатывая два петербургских мифа: о противоборстве: 1.стихии (Невы, болота, Медузы) и культуры (гранита); 2.Востока/Запада. В петербургских стихах он рисует картину бунта невской стихии, русской Азии.

В книге «Полутораглазый стрелец» поэт пишет: «Почему первое дыхание войны, сдувая румяна со щёк завсегдатая «Бродячей собаки», застаёт его уже распрощавшимся без сожаленья с абстрактной формой, с расшатанным синтаксисом, с зауемью, застаёт принявшим... как личный жребий,

Город всадников летящих,
Город ангелов трубящих...» [10, с. 542].

Б.Лившиц, «автор умных свидетельств об отошедшей эпохе» (М. Гаспаров), так рисует динамику эпохи в «Полутораглазом стрельце»:

«Запад, Запад! Таким ли ещё недавно рисовалось мне наступление скифа? Куда им двигаться, атавистическим азийским пластам, диллювиальным ритмам, если цель оказалась маревом, если Запад расколот надвое? Но, даже постигнув бессмысленность вчерашней цели и совсем по-иному соблазнённый военной грозой, мчался вперёд, на ходу перестраивая свою ярость, дикий гилейский воин, полутораглазый стрелец». [10, с. 546].

12. З.Гиппиус в стихотворении «Тише» (август 1914) призывает:

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа ещё в руке Господней,
Сегодня ещё дымятся раны,
Никакие слова не нужны сегодня.

...

Нужно целомудрие молчанья
И, может быть, тихие молитвы.

Поэтесса обращается к Богу:

О, прикоснись к дымнобагровой мгле
Не древнею грозой, а – Любовью.
Отец, Отец! Склонись к Твоей земле:
Она пропитана Сыновней кровью.
(«Адонай», 1914).

Все едины, всё едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жуёт, жуёт война...
(«Всё она», 1914)

Что мне делать со смертью – не знаю,
А вы, другие, - знаете? Знаете?

...

А я её всякую – ненавижу.

(«Неизвестная», 1915).

Итак, мы рассмотрели некоторые аспекты «военной темы» в поэзии Серебряного века. Несомненно, это национальное духовное достояние, этот неисчерпаемый космос тем, форм, образов, смыслов, символов, настроений всегда будет притягивать внимание как учёных, так и благодарных российских читателей, помогать в осмыслении вопросов жизни, войны, мира, в предотвращении будущих глобальных геополитических битв.

Литература

1. Асмус В.Ф. Философия и эстетика русского символизма. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
2. Ахматова А. Избранное. Стихотворения и поэмы. Спб., 1997.
3. Бердинских В. История русской поэзии. Модернизм и авангард. М.: Ломоносовъ, 2013.
4. Биккулова И.А. Феномен русской культуры Серебряного века. М.: Флинта, 2010.
5. Блок А.А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960-1963.
6. Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. В 2-х кн. Тб.: Мерани, 1991.
7. Гумилёв Н. Собр. соч. в 4 т. М.: Терра, 1991.
8. Зенкевич М.А. Сказочная эра. М., 1994.
9. Киссин С. Лёгкое время: Стихи и проза... М., 1989.
10. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: Сов. писатель, 1989.
11. Нарбут В. Стихотворения. М.: Современник, 1990.
12. Серебряный век: Петербургская поэзия конца XIX – нач. XX в. Лениздат, 1991.
13. Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Литература и власть... М., 1996.
14. Ходасевич В. Собр. соч. в 4 т. М., 1996-1997. Т. 4.
15. Ходасевич В. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1991.

Чевтаев А. А.

Героика в военной поэзии Н. Гумилева 1914 года

События Первой мировой войны занимают значительное место в жизни и творчестве Николая Гумилева. Как известно, уже в первые военные дни поэт вступил «охотником» (добровольцем) в действующую армию и, после обучения, в сентябре 1914 года был зачислен во 2-й эскадрон Лейб-гвардии Уланского Его Величества Государыни Императрицы полка, в составе которого принимал участие в боевых действиях с осени 1914 г. по 28-е марта 1916 г. Вплоть до марта 1918 г., когда Н. Гумилев окончательно возвращается в Петроград, биография поэта так или иначе связана с военными событиями [5, 379–381; 3, 123–127]. Обстоятельства военной службы и психологическое восприятие боевых действий изложено Н. Гумилевым в очерковом произведении «Записки кавалериста» (1915–1916), в котором раскрывается трансформация его отношения к Первой мировой войне.

Естественно, война становится одним из тематических центров поэзии Н. Гумилева 1914 – 1918 гг., позволяя выделить в его творчестве своеобразный

«военный цикл» стихотворений, который, по мнению Ю.В. Зобнина, являет собой «лирический дневник, духовный, идеологический поиск, создание поэтом своей концепции человека и истории, своей концепции личности» [3, 128]. Рецепция Первой мировой войны, прежде всего – в аспекте ее онтологического значения для человечества и тех историософских смыслов, которые вскрылись в результате вызванных ею цивилизационных потрясений, в поэтическом творчестве Н. Гумилева обнаруживает серьезную динамику, от восторженно-пафосного принятия боевых свершений в стихах 1914 года до констатации трагических противоречий между человеческим «я» и движением истории в стихотворениях 1915–1918 гг.

Как правило, гумилевская военная лирика 1914 года рассматривается в контексте всеобщего патриотического воодушевления, охватившего российское общество в первые месяцы военной кампании. Ощущение народного единения под сенью войны, изначально понимаемой в качестве события очистительного, поворотного для истории России и Европы, прежде всего воплотилось в отечественной поэзии. Как указывает И.Ф. Герасимова, «русской лирике начального периода Первой мировой войны не свойственны пораженческие настроения – напротив, разрушительной силе войны противопоставляется вера в грядущую победу, основанная на ратной славе Отечества» [1, 31]. Конечно, патриотический пафос определяет своеобразие и первых военных стихотворений Н. Гумилева, однако в них также обнаруживается попытка поэтического проникновения в глубины ценностного самоопределения человека в поворотной точке существования Мироздания.

Онтологический смысл стихотворений Н.Гумилева 1914 года, вызванных проживанием событий Первой мировой войны, реализуется в осмыслении героики как абсолютного мерила бытия человека в мире. Однако героическое здесь предстает не только как идейно-эмоциональная оценка изображаемой ситуации, но и как архитектурное условие конструирования поэтического универсума, определяющее и поведение лирических персонажей, и развертывание лирического сюжета, и ценностную актуализацию субъектного «я». Именно героическая модальность эстетического завершения текста как целостной структуры способствует художественной концептуализации авторской точки зрения в военной поэзии Н. Гумилева.

В предлагаемой статье мы рассмотрим героику как основу поэтического миромоделирования в гумилевских стихах 1914 года, посвященных ценностному проживанию начального периода Первой мировой войны. Обращение к структурно-семантической организации стихотворений «Новорожденному», «Наступление», «Война», «Смерть», «Священные плывут и тают ночи...» и «Солнце духа», созданных поэтом в период с июля 1914 года по январь 1915 г., показывает, что героизация отношений на оси «человек – мир» предстает здесь в качестве магистрального вектора онтологического преобразования универсума.

Согласно В.И. Тюпе, героическая модальность художественности «состоит в совмещении личности с ее ролевой границей (сверхличной функцией в миропорядке)» [7, 37]. Ценностная конвергенция микрокосма и макрокосма

определяется абсолютным принятием той бытийной позиции, которую занимает человек в Мироздании и в которой он находит единственный смысл своего существования. Соответственно, конфликтность масштабных свершений предстает лишь временным нарушением целостности универсума, и героический персонаж осознает себя как сверхиндивидуальное «я», своими поступками возвращающее миру его изначальную гармонию.

Именно таким осознанием сверхличной самоактуализации в историческом контексте войны отмечена презентация лирического субъекта в гумилевских стихах 1914 года. Индивидуальность «я» здесь практически нивелирована: лирический субъект мыслит себя носителем универсального мироощущения и поэтому предстает в качестве обобщенного «мы», причастного великим свершениям войны. Так, в стихотворении «Новорожденному» изначальная «отдельность» лирического героя, сознающего личную значимость войны («Вот голос, томительно звонок – / Зовет меня голос войны, – / Но я рад, что еще ребенок / Глотнул воздушной волны» [2, 49]), посредством постижения универсальности грядущих потрясений как индекса онтологического преобразования мира («Когда от народов – титанов, / Сразившихся, – дрогнула твердь, / И в грохоте барабанов, / И в трубном рычанье – смерть, – // Лишь он сохраняет семя / Грядущей мирной весны, / Ему обещает время / Осуществленные сны» [2, 49]) трансформируется в единое «мы» («Он будет любимцем Бога, / Он поймет свое торжество, / Он должен! Мы бились много / И страдали мы за него» [2, 49]). Индивидуальное бытие растворяется во всеобщем ради будущей гармонии существования, обретение которой символизирует новорожденный ребенок. Как видно, оппозиции «я – мы», «война – мир», «смерть – жизнь», «настоящее – будущее» утрачивают свою конфликтность, предстывая знаками исторического движения к сверхисторической целостности Мироздания.

Такое же размывание границ индивидуального и всеобщего обнаруживается в стихотворении «Наступление», в котором «мы» и «я» в сознании лирического субъекта нераздельны в свете единого стремления к Победе. Изображенная в 1-й строфе сцена победного продвижения армии («Та страна, что могла быть раем, / Стала логовищем огня, / Мы четвертый день наступаем, / Мы не ели четыре дня» [2, 52]) трансформируется в событие религиозно-экстатического служения, отменяющего смерть как бытийную границу: «Но не надо яства земного / В этот страшный и светлый час, / Оттого что Господне слово / Лучше хлеба питает нас» [2, 52]. Лирический герой, обретающий свою экзистенцию в ситуации боя, утверждает невозможность собственной гибели в силу причастности единому развитию мировых процессов, определяющих бытие каждого на данном этапе движения истории: «Я кричу, и мой голос дикий, / Это медь ударяет в медь, / Я, носитель мысли великой, / Не могу, не могу умереть. // Словно молоты громовые / Или воды гневных морей, / Золотое сердце России / Мерно бьется в груди моей» [2, 52]. Соответственно, телеологическим смыслом войны становится приближение Победы, получающей статус духовного преобразования Мироздания: «И так славно рядить Победу, / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага» [2, 52].

Нивелирование личного начала в военных стихах Н. Гумилева определяется не только и не столько патриотическим пафосом всеобщего единения в ситуации исторических свершений, сколько утверждением катарсического проживания бытийного поворота, меняющего сущность универсума. Лирическое «мы» здесь становится маркером включенности в события апокалиптического разлома истории, в результате которого произойдет воссоздание универсума на основе подлинной духовности.

Так, в стихотворении «Солнце духа» война предстает как эпохальный сдвиг в сторону истинного смысла существования: «Как могли мы прежде жить в покое / И не ждать ни радостей, ни бед, / Не мечтать об огнезарном бое, / О рокошущей трубе побед. // Как могли мы... но еще не поздно, / Солнце духа склонилось к нам, / Солнце духа благостно и грозно / Разлилось по нашим небесам» [2, 59]. Война упраздняет бесцельность мирной жизни в свете ожидаемого преображения универсума во всей его полноте, что реализуется в присущем героике «гордом самозабвении», при котором «героическая личность горда своей причастностью к сверхличному содержанию миропорядка и равнодушна к собственной самобытности» [7, 38]. Такое экстатическое самозабвение акцентировано отказом от индивидуальной воли: «Расцветает дух, как роза мая, / Как огонь, он разрывает тьму, / Тело, ничего не понимая, / Слепо повинуется ему» [2, 59]. Как точно указывает Вяч.Вс. Иванов, «тема этого четверостишия» в контексте стихотворения «Солнце духа» «развивается в <...> широком космическом и философском плане, без <...> приурочения к конкретному военному опыту» [4, 231]. Война здесь становится маркером духовной трансформации человечества, в котором отдельное «я» всего лишь эмпирически явленный знак восстановления единой мировой души, обретающей свою целостность в сверхисторическом опыте существования: «В дикой прелести степных раздолий, / В тихом таинстве лесной глуши / Ничего нет трудного для воли / И мучительного для души» [2, 59]. «Воля» и «душа» получают статус онтологической универсалии, определяющей миропорядок как таковой. Поэтому в финальной строфе ценностным итогом проживания эмпирических потрясений становится грядущее приобщение человечества к подлинной духовности: «Чувствую, что скоро осень будет, / Солнечные кончатся труды / И от древа духа снимут люди / Золотые, зрелые плоды» [2, 59].

Очевидно, что в военной поэзии Н. Гумилева героизация самополагания лирического субъекта в изображаемом мире укоренена в концепцию адамизма, являющуюся смысловым ядром акмеистической поэтики. Именно «новый Адам» как человек, возвращающий универсуму его изначальную, природную целостность, рождается в событиях мировой катастрофы. Такое возвращение к изначальному миропорядку в стихотворениях поэта акцентируется явной эпизацией развертываемой картины мира. В военной поэзии Н. Гумилева обнаруживается разветвленная система персонажей, вскрывающая эпическую всеохватность происходящего.

Так, в стихотворении «Война», эксплицирующем фольклорный принцип изображения боя, оживает каждая реалия военной действительности:

персонифицируется оружие («Как собака на цепи тяжелой, / Тявкает за лесом пулемет, / И жужжат шрапнели, словно пчелы, / Собирая ярко-красный мед» [2, 53]), воины уподобляются «жнецам», сельским «труженикам», появляются посланники Бога – «серафимы». По мысли Э. Русинко, контаминация природных и военных сцен приводит к усилению риторической направленности высказывания, снижая лиризм отношения к войне как личностной катастрофе человеческого «я» [9, 206–207]. Думается, что редукция лирического начала здесь обусловлена представлением войны как по-новому явленного земледельческого труда «нового Адама», в результате которого должен явиться подлинной целостный мир. Поэтому в финале стихотворения снимается оппозиция «победитель – побежденный»: «Но тому, о Господи, и силы / И победы царский час даруй, / Кто поверженному скажет: “Милый, / Вот, прими мой братский поцелуй!”» [2, 54]. Как считает Р. Эшельман, ценностное уравнивание противоборствующих сил здесь объясняется отсутствием зла как бытийного полюса в акмеистическом мировоззрении Н. Гумилева [9, 91]. Сверхисторическим итогом Мироздания мыслится обретение подлинной гармонии и обновления человеческого существования на основе единства всего сущего. Военное противостояние – это всего лишь временное отпадение человечества от божественной целостности мира, поэтому оно в сознании лирического субъекта принципиально преодолевается.

Такое преодоление ужасов войны в поэзии Н. Гумилева оказывается возможным за счет причастности каждого человека Божьей воле. Христианская символика, эксплицированная в стихотворениях «Новорожденному», «Наступление», «Война», «Смерть», акцентирует идеологему превозмогания смерти посредством веры. Мир иной мыслится фактом посюсторонней (военной) реальности, и преобразование универсума достигается пересечением границы, маркированной смертью, не отменяющей бытие, но наделяющей его абсолютной полнотой. Конечно, изображение смерти как неизбежного индекса войны, отмеченное явной реалистичностью (Ср.: И залитые кровью недели / Ослепительны и легки, / Надо мною рвутся шрапнели, / Птиц быстрее взлетают клинки» [2, 52]; «Есть так много жизней достойных, / Но одна лишь достойна смерть, / Лишь под пулями в рвах спокойных / Верись в знамя Господне, твердь» [2, 55]; «<...> И смерти я заглядываю в очи, / В зеленые, болотные огни. / Она везде - и в зареве пожара, / И в темноте, нежданна и близка, / То на коне венгерского гусара, / А то с ружьем тирольского стрелка» [2, 56]), продуцирует идеологему угрозы. Однако гибель лишается катастрофических коннотаций, что подчеркнуто на уровне строения лирического сюжета: во всех военных стихотворениях 1914 года изображение сцен смерти или ее угрожающего приближения оказывается начальной точкой сюжетного развертывания, а не итоговым событием. В итоге смерть утрачивает свою релевантность, представляя всего лишь точкой существования, соединяющей мир земной и мир горний, единые в своей бытийной абсолютности. Как указывает М.В. Смелова, смерть в поэтике военных стихов Н. Гумилева «становится воистину “блаженной”, так как это – смерть в Господе» [6, 97], а значит, она знаменует не исчезновение

человеческой души, а ее восхождение к подлинной духовности. Так, в стихотворении «Смерть» гибель изображается как обретение вечности в ее божественно-космическом смысле: «Свод небесный будет раздвинут / Пред душою, и душу ту / Белоснежные кони ринут / В ослепительную высоту. // Там Начальник в ярком доспехе, / В грозном шлеме звездных лучей, / И к старинной, бранной потехе / Огнекрылых зов трубачей» [2, 55].

Героика, предполагающая ценностное совпадение микрокосма и макрокосма в единой телеологической направленности проживания бытийных свершений, в гумилевской поэтике способствует наделению статусом подвига не столько батальные события, сколько обретение подлинного бессмертия. Именно эта идеологема продуцируется в стихотворении «Священные плывут и тают ночи...», единственном из военных стихов Н. Гумилева 1914 года, в котором акцентирована интимно-личностная рефлексия лирического героя. Включение в контекст событий войны женского начала, маркированного биографическими впечатлениями и реалиями жизни поэта (упоминание в качестве лирических персонажей пианистки Ирины Энери, балерины Тамары Карсавиной и Анны Ахматовой) становится индексом неизбывного равновесия бытия, в котором война и смерть преодолеваются чувством абсолютной любви, дарующей человеку бессмертие: «Так не умею думать я о смерти, / И все мне грезятся, как бы во сне, / Те женщины, которые бессмертье / Моей души доказывают мне» [2, 58]. Героическая модальность здесь реализуется не в мужественно-деятельном преобразовании бытия посредством войны и гибели, а, напротив, в интимном принятии Мироздания как любовного подвига, в котором внешний и внутренний аспекты существования «я» принципиально совпадают.

Итак, идеологическое своеобразие военной поэзии Н. Гумилева периода начала Первой мировой войны обусловлено героической модальностью художественности, реализуемой на уровне самополагания лирического субъекта в изображаемой действительности. Ценностное совмещение микрокосма и макрокосма, утверждаемое в стихотворениях 1914 года, способствует усилению онтологических смыслов постижения военных событий, воспринимаемых в качестве поворотной точки бытия. Героика здесь становится индексом предвосхищаемого поэтом грядущего обновления миропорядка. Соответственно, война осмысливается не столько в конкретно-историческом, сколько в сверхисторическом измерении. Подлинным подвигом в гумилевском поэтическом мире оказывается явленное в наиндивидуальной причастности военным свершениям преодоление смерти, результатом которого мыслится обретение духовной целостности универсума. Посредством героизации бытийного пути человека как носителя сверхличного начала редуцируется катастрофичность начавшейся войны и утверждается неизбежность итогового восстановления онтологического единства Мироздания. Таким образом, самоактуализация поэтического «я» Н. Гумилева в событийных координатах военного времени осознается им как восхождение к подлинному бессмертию человеческой души.

Литература

1. Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой Мировой войны в русской поэзии 1914 – 1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 63 с.
2. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914 – 1918). М.: Воскресенье, 2005. 464 с.
3. Зобнин Ю.В. Стихи Гумилева, посвященные Мировой войне 1914–1918 годов (военный цикл) // Николай Гумилёв. Исследования. Материалы. Библиография. СПб.: «Наука», 1994. С. 123–143.
4. Иванов Вяч.Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева) // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 220–245.
5. Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилева. СПб.: «Наука», 2010. 892 с.
6. Смелова М.В. Онтологические проблемы в творчестве Н.С. Гумилева. Тверь: Изд-во ТГУ, 2004. 126 с.
7. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь: Изд-во ТГУ, 2002. 80 с.
8. Eshelman R. Nikolaj Gumilev and Neoclassical Modernism: The Metaphysics of Style. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 1993. 160 p.
9. Rusinko E. The Theme of War in the Works of Gumilev // Slavic and East European Journal. 1977. Vol.21. № 2. P. 204–113.

Шевченко Н. В.

История создания марша «Прощание славянки» и его значение в Первой мировой войне

Марш «Прощание славянки», по свидетельству явного большинства исследователей и музыковедов, написан в 1912—1913 годах штаб-трубачом 7-го запасного кавалерийского полка, стоявшего в Тамбове, Василием Ивановичем Агапкиным (похоронен в 1964 году на Ваганьковском кладбище в Москве) под впечатлением от событий Первой Балканской войны (1912—1913). «Прощание славянки» называют русским маршем и «маршем тысячелетия», который по существу является национальным, символизирующим проводы на войну, военную службу или в дальнее путешествие. За рубежом этот марш является одной из самых узнаваемых музыкальных эмблем Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации [3].

По мнению известных музыкальных деятелей В. И. Тутунова и Н.И. Губина, Агапкин «написал марш с использованием образно-интонационного материала патриотических произведений Бетховена и Чайковского»[6].

Некоторые музыковеды считают, что Агапкин взял за основу старую, сохранившуюся в солдатской среде народную песню времен русско-японской войны 1904–1905 годов «Ах, зачем нас забрили в солдаты, угоняют на Дальний Восток?» и обработал её. Благодаря легко запоминающемуся напеву она быстро распространилась.

По распространенной легенде первому, кому Агапкин показал ноты своего произведения, был капельмейстер его полка Милов. Указав Агапкину на некоторые шероховатости и показав, как их лучше исправить, он посоветовал ему

отвезти ноты в Симферополь, где проживал известный в то время в музыкальных кругах Яков Иосифович Богорад, совмещавший службу капельмейстером в 51-м пехотном Литовском полку с весьма широкой нотной-издательской деятельностью. Богорад помог записать клавир и оркестровал марш, а также придумал название – „Прощание славянки“. Славянка – небольшая река в Крыму, которая полностью протекает по территории города Симферополя. Последний левый приток Салгира. В 30-х годах XIX века землю в окрестностях самого большого пруда, образуемого Славянкой, купил генерал Славич, большой патриот Крыма, Возможно, что имя свое Славянка как раз и взяла от фамилии генерала (по другим сведениям, река первоначально называлась Сливянка, а затем ее название было изменено на более благозвучное) [1].

На берегах реки Славянки были выстроены воинские казармы, которые с 1880 года занимал расквартированный в Симферополе 51-й Литовский пехотный полк. Прощаться и с городом, и с речкой Славянкой солдатам и офицерам полка приходилось, когда они покидали город во время учений, уезжали на фронт. Здесь постоянно звучала военная музыка – военный оркестр 51-го Литовского пехотного полка блистал не только на парадах, но и часто радовал горожан, играя в городском саду и у прудов. В 1911 году капельмейстером оркестра был Яков Исаакович Богорад – по возрасту примерно сверстник Агапкина (Яков Богорад – 1879 г. р., т. е. он на четыре года старше Агапкина). Возможно, Яков Богорад, человек очень эрудированный, начитанный и сведущий в истории своего полка, вспомнил и стихотворение писателя Патрикея Политковского, написанное почти за столетие до этого и опубликованное в начале сентября 1817 года в журнале «Сын Отечества» (часть 40, № 36). Называлось оно «Прощание славянки с любезным, отъезжающим на войну». Известно и то, что Политковский был дружен с бароном Федором Федоровичем Розеном, который с 1811 года являлся шефом 51-го Литовского пехотного полка, а впоследствии стал комендантом Севастополя [1].

События на Балканах в начале XX века некоторые историки называют преддверием Первой мировой войны. Новости с Балкан с октября 1912 будоражили и тревожили всю Россию. В одной из своих послевоенных автобиографий Василий Агапкин отмечал:

«Марш «Прощание славянки» был мною написан накануне Первой мировой войны под влиянием предшествующих событий на Балканах, когда Турция агрессивно напала на мирные Балканские государства...» [1,3].

Вскоре после этого в симферопольской типографии была напечатана первая сотня экземпляров нот. На обложке этого первого издания изображено: молодая женщина прощается с воином, вдали видны Балканские горы и отряд солдат. И надпись: „Прощание славянки“ – новейший марш к событиям на Балканах. Посвящается всем славянским женщинам. Сочинение Агапкина». Впервые публично новый марш был исполнен осенью 1912 года в Тамбове на строевом смотре 7-го запасного кавалерийского полка (сейчас это гимн г. Тамбова).

Интересным является вопрос о сходстве и, возможно, влиянии марша „Тоска по Родине“ неустановленного автора, получившего широкую известность

и неоднократно записанного на пластинки в первые десятилетия XX века. Оба марша имеют одинаковую форму строения – четырёхтактное вступление, главная тема, соло басов и трио. Оба марша в миноре – „Тоска по Родине“ в ля-миноре а „Прощание славянки“ – в до-миноре. Позднее оба марша были неоднократно переведены в другие тональности – „Тоска по Родине“ сейчас известна в до-миноре, а „Прощание славянки“ после редакции С. А. Чернецкого в 1945 году до сих пор исполняется и издается в ми-бемоль миноре. Их общий смысл, общий посыл – тоска, расставание, утрата близкого и родного, воспоминание, горечь, связывает и сближает эти марши и дает право на жизнь версии, что марш „Тоска по Родине“ послужил „вдохновением“ молодому музыканту Василию Агапкину. В. И. Тутунов обобщает четыре наиболее известных произведения русской военно-музыкальной культуры: вальсы „На сопках Маньчжурии“ и „Амурские волны“ И. А. Шатрова и М. А. Кюсса и марши „Тоска по Родине“ Д. М. Трифонова(?) и „Прощание славянки“ В. И. Агапкина. Он отмечает, что в интонационном строе этих двух вальсов есть много общего с этими маршами [6].

Марш был создан для военного оркестра, без слов. Все тексты появились позднее. Мелодия марша сочетает в себе живительную веру в будущую победу и осознание горечи неминуемых потерь от грядущих сражений. В названии марша отражено одно из тяжелейших испытаний, которые возлагают все войны на женщин, — провожать своих мужчин на войну и верить в их возвращение. Благодаря тому, что киевская фирма грамзаписи Экстрафон летом 1915 года выпустила грамофонную пластинку с записью этого марша, он очень быстро стал набирать известность в России. Под эту музыку уходили полки на фронты Первой мировой войны. Очень быстро мелодия марша получила и всемирную известность: её стали исполнять военные оркестры в Болгарии, Германии, Австрии, Норвегии, Румынии, Франции, Швеции, Югославии и в других странах. По воспоминаниям русских эмигрантов – участников Первой мировой войны, этот марш был известен в странах Антанты. Марш „Прощание славянки“ оставался популярным и после октябрьской революции 1917 года, особенно в белом лагере [3,4].

Существует легенда о том, что будто бы на параде 7 ноября 1941 года исполнялся марш «Прощание славянки». Но одни исследователи утверждают, что этого не было, т.к.: а) в архивах хранится точный список всех исполнявшихся тогда произведений, и марша там нет; б) марш «Прощание славянки» тогда был запрещен из-за своей популярности в годы революции в белогвардейской армии. Другие же, в т.ч. и сам Агапкин, и С. Буденный, напротив, заявляют, что марш этот на параде на Красной площади звучал и в 1941 г., и в 1945 г. [2, 3, 4].

Как бы то ни было, новую популярность марш «Прощание славянки» получил в 1957 году благодаря включению его в фильм режиссёра Михаила Калатозова «Летят журавли» с блестящей игрой артистов Татьяны Самойловой и Алексея Баталова. Изумительная мелодия заморозила зрителей в знаменитой сцене на школьном дворе – сборном пункте призывников перед отправкой на фронт. Проводы добровольцев. Напряжение последних секунд дома. Отчаяние. И в это мгновение оркестр грянул «Прощание славянки». Под звуки старого

военного марша по обеим сторонам улицы вместе с движущейся колонной добровольцев с криком, плачем, махая шапками, платками, бегут провожающие... Фильм был настолько точный, что покорила всех зрителей, целые поколения советских граждан, покорила он и зарубежье (в результате на Каннском кинофестивале 1958 г. фильм получил «Золотую пальмовую ветвь») [2]. После этого марш стали играть на всех парадах. На мелодию этого марша многие поэты (например, А. Федотов, В. Максимов, В. Лазарев) написали стихи.

Неравнодушными к нему оказались и за рубежом. В 1924 году появился вариант марша «Free Russia», исполнявшийся на финском языке певцом Отто Пикконеном; в 1937 году была написана польская солдатская песенка «Расшумелись плачущие березы» на слова некоего Р. Слезака, ставшая в 1943-м году песней польского Сопротивления «Расшумелись плакучие ивы»; есть вариант на иврите; в ГДР в 1986 году выпустили инструментальную версию под названием Slawianka в обработке Ганса-Юргена Роланда [2].

Известно так же, что с 1955 года под марш «Прощания славянки» с ж/д вокзала города Севастополя отправлялись все поезда. В наши дни под звуки марша отправляются в рейс: пассажирские теплоходы на Волге, фирменный поезд «Тамбов» (Тамбов—Москва), фирменный поезд «Россия» из Владивостока в Москву, фирменный поезд «Кама» из Перми в Москву и мн. мн. др.

8 мая 2014 года в преддверии празднования Дня победы в Москве на площади у Белорусского вокзала был открыт памятник «Прощание славянки». В ходе церемонии открытия памятника Владимир Якунин отметил: «Этот памятник – символ вечности и преданности». По мнению министра культуры Владимира Медынского, это «памятник тому, что объединяет всех нас: любви, чести, верности присяге».

Марш «Прощание славянки» в России всегда воспринимался на «ура», был любим всей страной, поэтому в 1990-е марш «Прощание славянки» и несколько вариантов текста рассматривались в Кремле в качестве нового Гимна России. Говорят, идею сделать произведение Агапкина главной российской мелодией высказал живший в США поэт Иосиф Бродский, а Мстислав Ростропович вызвался уговорить на это тогдашнего президента Бориса Ельцина. Вопрос обсуждался в Госдуме. Инициативные группы не смогли договориться по предлагаемым вариантам текста. Хотя ближе всех к идеалу представлялся текст слов Андрея Мингалева «Встань за Веру, Русская Земля!» Этот, самый полюбившийся соотечественникам вариант, широко известен в исполнении Кубанского казачьего хора, другая его аранжировка проходит в репертуаре у Жанны Бичевской [2].

Много песен мы в сердце сложили,
Воспевая родные края,
Беззаветно тебя мы любили,
Святорусская наша земля.
Высоко ты главу поднимала,
Словно солнце твой лик воссиял,

Но ты жертвою подлости стала,
Тех, кто предал тебя и продал.
Припев:
И снова в поход! Труба нас зовет!
Мы вновь встанем в строй
И все пойдем в священный бой.
Встань за Веру, Русская Земля!

Литература

1. Антонов В., Легкодух И. «Прощание славянки» – белые пятна в истории марша. vilavi.ru/pes/farewell/...
2. Ерошкина А. «Прощание славянки». Военное обозрение. 10 мая 2014 г. topwar.ru/...
3. История песни «Марш «Прощание славянки» Воскресенье, 19 Июня 2011 г. 21:46 + в цитатник
4. Марш «Прощание славянки» Раздел: Военные песни. Опубликовано: 5 февраля 2012.
5. Сетевой литературный журнал издание Фонда «Русское единство» Москва, № 61 - Ноябрь 1014 Камертон 14 мая 2012 — Сергей Смолянников (Украина), раздел «Журналистика» Материал из журнала № 31 - Май 2012
«Прощание славянки». 100 лет маршу всех славянских племён и народов
6. Тутунов В. И. «История военной музыки России». – М.: «Музыка», 2005. –С. 282, 283.

Сведения об авторах

Алексеев Т. В., доктор исторических наук, доцент, профессор Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского

Алексеева С. И., кандидат исторических наук, доцент Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова

Андреева А. В., директор Музейного комплекса СГМУ

Антонова К. Н., кандидат филологических наук, доцент Государственной полярной академии

Бисько И. А., доктор педагогических наук, профессор Государственной полярной академии

Борисевич С. П., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного социального университета (филиал в г. Анапе)

Бочков Е. А., доктор исторических наук, профессор Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва

Булиан С., ст. преподаватель Государственной полярной академии, Франция

Виноградов П. В., кандидат исторических наук, доцент Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-петербургского университета ГПС МЧС России

Волошинова И. В., кандидат исторических наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»

Глотов М. Б., доктор социологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Голубев А. А., доктор исторических наук, доцент Петрозаводского филиала ФГБОУ ВПО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Гончар-Быш Н. Н., студент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»

Гусева А. Ю., кандидат философских наук, доцент Российского государственного гидрометеорологического университета

Давыдов Р. А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологических проблем Севера Уральского отделения Российской Академии наук

Дианова Е. В., кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета

Дэвидсон Т., ассистент Государственной полярной академии, США

Желобов А. П., доктор философских наук, профессор Государственной полярной академии

Захарова Т. Н., кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского Отделения Российской Академии наук

Захарова М. А., кандидат исторических наук, доцент Балтийского государственного технического университета "Военмех"

Златина М. А., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Илюшин М.А., доктор химических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного технологического института

Кефели И. Ф., доктор философских наук, профессор Балтийского государственного технического университета "Военмех"

Кирсанов С.А., кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского института гуманитарного образования

Ковылин Д. А., доктор исторических наук, старший научный сотрудник Новотроицкого музейно-выставочного комплекса

Колясов О. А., студент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»

Кондорский Б. М., кандидат биологических наук, начальник отдела НПФ «Синбиас», Украина

Кононенко С. В., преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков

Корнилов С. В., доктор философских наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта

Коцюба И. Ю., ассистент Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

Красникова О. А., кандидат исторических наук, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук

Кузинец И.М., доктор исторических наук, профессор Морского Корпуса Петра Великого

Кузнецова О. Н., кандидат исторических наук, доцент Института истории СПбГУ

Куреньшев А. А., доктор исторических наук, профессор Академии гражданской защиты МЧС России

Лебедев С.В., доктор философских наук, доцент Высшей школы народных искусств

Левин В. И., кандидат исторических наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

Ледовских Е. А., младший научный сотрудник ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина

Лейберов А. И., кандидат исторических наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»

Литвиненко С. В., доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского университета профсоюзов

Лосик А. В., доктор исторических наук, профессор Балтийского государственного университета «Военмех»

Лу Юе, генеральный директор ООО Восток Интернешнл

Малышев Л.А., профессор, Военно-исторический клуб «Морской Гвардейский Экипаж» ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова

Махоткина Е. Л., кандидат географических наук, Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова

Минина М. В., кандидат технических наук, ученый секретарь Арктической общественной академии наук

Митько А. В., кандидат технических наук, председатель совета молодых ученых Севера Арктической общественной академии наук

Митько В. Б., доктор технических наук, профессор Арктической общественной академии наук

Михайлов А. А., доктор исторических наук, доцент Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

Морозова В. В., ст. преподаватель Российского государственного гидрометеорологического университета

Москвитина О. А., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГНУ «Психологический институт» РАО

Никифоров А. Л., кандидат исторических наук, доцент ЛГУ им. А. С. Пушкина

Портнягина Н. А., кандидат исторических наук, доцент Институт истории СПбГУ

Радущинская А. И., кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского Государственного Экономического Университета

Радущинский Д. А., кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского Государственного Университета Кино и телевидения

Рашитова О. А., кандидат исторических наук, Кингисеппский филиал АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Резвицкий И. И., доктор философских наук, профессор Государственной полярной академии

Романов К. В., доктор философских наук, доцент Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования

Рудник С. Н., кандидат исторических наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»

Ружников А. В., студентка Государственной полярной академии

Садовска Б., аспирантка Гданьского университета, Польша

Семёнова Л. Н., кандидат исторических наук, доцент ЛГУ им. А. С. Пушкина

Смирнова Н. В., студентка Государственной полярной академии

Спиридонова В. А., кандидат социологических наук, доцент Государственной полярной академии

Степанова К. А., студентка Государственной полярной академии

Судариков А. М., доктор исторических наук, профессор Государственной полярной академии

Терентьева А. В., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Федоренко Н. В., доцент Государственной полярной академии
Федорова К. А., студентка Национального минерально-сырьевого университета «Горный»
Федулов С. В., кандидат исторических наук, доцент Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского
Фортунатов В. В., доктор исторических наук, профессор Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I
Фролов П. М., студент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»
Хайруллин К. Ш., кандидат географических наук, Главная Геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова
Хлевов А. А., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Русской христианской гуманитарной академии
Чевтаев А. А., кандидат филологических наук, доцент Государственной полярной академии
Чирцова М. Г., младший научный сотрудник отдела социологии медицины и общественного здоровья ЦНИЛ СГМУ
Чурин Г. Ю., кандидат социологических наук, ст. преподаватель СПбГУ
Шайдуров В. Н., кандидат исторических наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный»
Шевченко Н. В., кандидат филологических наук, доцент Государственной полярной академии
Шугалей И. В., доктор химических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технический университет)
Щерба А. Н., доктор исторических наук, профессор Института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Научное издание

Первая мировая война и проблемы российского общества
Материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г.

Под общей редакцией профессора А.М. Сударикова
Редакторы: ст. преп. Веселова М. Н., проф. Желобов А.П., доц. Михайлов А. А.,
проф. Скаридов А. С. (ответственный редактор), доц. Спиридонова В.А., проф.
Судариков А.М., доц. Чевтаев А. А.
Технические редакторы: Степанова К. А., Яковлева О. В.
Оригинал-макет: Яковлевой О. В.
Государственная полярная академия
190103, г. Санкт–Петербург, Рижский пр., д.11